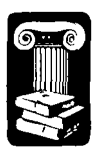
Русское историческое общество

В.К.Дмитриев

Критические исследования о потреблении алкоголя в России



Возвращенное наследие: памятники экономической мысли

Москва • «Русская панорама» • 2001

Возвращенное наследие: памятники экономической мысли

ИЗСЛѢДОВАНІЯ и РАБОТЫ
ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ и ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ЗНАНІЯМЪ,
издаваемыя подъ редакціей П. Б. СТРУВЕ.
Выпускъ I.

В. К. ДМИТРІЕВЪ.

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ПОТРЕБЛЕНІИ АЛКОГОЛЯ ВЪ РОССІИ.

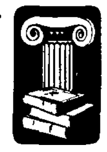
Съ предисловіемъ П. Б. СТРУВЕ и 4-мя діаграммами.

ИЗДАНІЕ
В. П. Рябушинскаго.

Москва, 1911 г.

Серия основана в 2001 г.

Возвращенное наследие: памятники экономической мысли



ББК 60.56(2)5, 65.051
Д53

Возвращенное наследие: памятники экономической мысли

Книга подготовлена к изданию преподавателями кафедры теории и практики государственного регулирования рыночной экономики РАГС при Президенте РФ (зав. кафедрой д. э. н., проф. В.И.Кушлин)

Руководитель проекта, составитель, автор предисловия –
д. э. н., проф. Г.Н.Сорвина

Научный комментарий, подготовка текста –
к. э. н., доц. В.А.Подмогильная; В.Д.Сорвин,
д. э. н., проф. С.Е.Хорзов; д. э. н., проф. В.И.Чалов

Библиография –
к. э. н., доц. Ю.П.Кожекин

В.К.Дмитриев

Д53 **Критические исследования о потреблении алкоголя в России.** / Под. ред. Г.Н.Сорвиной. – М.: SPSL, «Русская панорама», 2001. – 368 с., 4 рис., библ. – (Возвращенное наследие: памятники экономической мысли).

ISBN 5-93165-029-6

В книге русского экономиста с мировым именем В.К.Дмитриева (1868–1913), не переиздававшейся с 1911 г., дан глубокий социально-экономический анализ причин, сущности и последствий одного из трагических явлений российской жизни конца XIX – нач. XX в. – алкоголизма. Анализируется влияние на потребление алкоголя промышленных и аграрных кризисов, неурожаев, «мер по насаждению трезвости»; исследуются своеобразие формирования рынка в различных губерниях и многие другие аспекты народной жизни России в этот период. Рост алкоголизма автор связывает с «раскрестьяниванием» патриархальной деревни, ломкой вековых жизнениых устоев российского крестьянина под воздействием развития капитализма, индустриализации экоиомики, роста городских промышлениых центров.

Для экономистов, историков, социологов и всех интересующихся проблемами истории и экономики России.

ББК 60.56(2)5, 65.051

ISBN 5-93165-29-6

Содержание

Г.Н.Сорвина

В.К.ДМИТРИЕВ И ЕГО «КРИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ПОТРЕБЛЕНИИ АЛКОГОЛЯ В РОССИИ»

«Питейная» проблема стала привлекать внимание российской общественности с последней трети XIX века. Чтобы разобраться в ее сути, необходимо было выявить причины, установить факторы, определяющие динамику алкоголизма, для чего в конце XIX – начале XX столетий проводились научные исследования, публиковались аналитические статистические материалы как по стране в целом, так и по отдельным губерниям. Осуществлялись и практические шаги по борьбе с пьянством: создавались многочисленные общества трезвости, предпринимались правительственные меры, направленные на преодоление этого страшного народного недуга.

Комиссия по борьбе с алкоголизмом при Русском обществе охранения народного здравия провела в Петербурге на рождественские каникулы с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством. Своих представителей на съезд прислали министерства: военное, народного просвещения, финансов, морское, внутренних дел, торговли и промышленности; университеты: Петербургский, Киевский, Московский, Новороссийский; Политехнический институт в Петербурге; Императорское вольное экономическое общество; общества трезвости из различных российских городов и губерний и многие другие общественные организации.

Помимо пленарного заседания работали три секции: «Алкоголь и человеческий организм», «Алкоголизм и общество» и «Меры борьбы с алкоголизмом». Были представлены тезисы более 100 докладов, авторами которых являлись ученые и сотрудники министерств, общественные деятели и представители духовенства. С письмом к съезду обратился Л.Н.Толстой.

Работа форума нашла отражение на страницах более 40 газет и журналов, в том числе таких как «Биржевые ведомости», «Вечерний Петербург», «Вестник Европы», «Гигиена и санитария», «Голос Мос-

квы», «Голос Правды», «Голос промышленности», «Гражданин», «Исторический вестник», «Новое время», «Речь», «Техническое образование», «Утро России», «Церковный вестник».

«На съезде, — говорилось в журнале Технического общества, — представлены, – это смело можно утверждать, – чуть ли не все элементы населения огромной России от Балтики и Вислы до далекой Сибири, от профессора до крестьянина, от епископа и крайне правых приверженцев православной церкви и существующего строя до крайне левых сторонников социал-демократических учений»*.

Труды съезда были изданы в 1910 г. в трех томах (около 1600 стр.).

За год до Всероссийского съезда на страницах журнала «Критическое обозрение» (1908 г., вып. VIII) появилась статья «Алкоголизм как массовое явление в России (обзор литературно-статистических материалов)». Она принадлежала перу постоянного автора журнала талантливого экономиста Владимира Карповича Дмитриева, известного своими работами в области политической экономии, и представляла собой начало глубокого социально-экономического исследования сути алкоголизма и его причин. Вскоре исследование было закончено, но тяжелая болезнь и трудности с публикацией отложили его издание на несколько лет. Книга Дмитриева «Критические исследования о потреблении алкоголя в России» увидела свет лишь в 1911 г. Автор предисловия и издатель труда Дмитриева, известный ученый и общественный деятель П.Б.Струве дал ему исключительно высокую оценку, выразив убеждение, что «критические исследования о потреблении алкоголя в России получат значение руководящего труда по этому вопросу. Автор превосходно распоряжается своим материалом и обнаруживает в своем анализе... редкое дарование теоретика...»**.

Увы, прогноз Струве не оправдался. Книга Дмитриева об алкоголизме, как и другой его выдающийся труд «Экономические очерки», никогда в нашей стране не переиздавались, и анализ и выводы ученого остались неизвестными последующим поколениям россиян. В наше время само имя их автора вряд ли скажет много современному читателю, если он не является экономистом-профессионалом.

Между тем Дмитриев относится к той когорте ученых, чей талант и научные труды заслужили право считаться подлинным национальным достоянием России. Согласно справочнику «Кто есть кто в эконо-

* Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. - СПб., 1910. Т. 3. С. 1421.

** *Струве П.Б.* Предисловие редактора «Исследований и работ» // *Дмитриев В.К.* Критические исследования о потреблении алкоголя в России. - М, 1911. С. V. (См. с. 22 наст. издания).

мической науке»*, он относится к выдающимся экономистам «всех времен и народов». Своими открытиями он на десятилетия опередил отечественных и зарубежных ученых и в постановке, и в решении целого ряда сложнейших задач в области «чистой теории».

Что касается книги «Критические исследования о потреблении алкоголя в России», то работа эта - редкий, почти уникальный пример выхода «высокой теории» в реальную жизнь, точнее в самую гущу народной жизни, причем в такую проблему, которой и до нашего времени экономисты серьезно не занимаются, а если и занимаются, то, по меркам исследования Дмитриева, делают это крайне поверхностно.

Статистический и теоретический анализ перерос в работе Дмитриева в исследование алкоголизма не просто как трагедии личности, а как *трагического явления* народной жизни России на рубеже двух веков, явления *социального*, вызванного «раскрестьяниванием» патриархальной деревни, ломкой привычного образа жизни, вековых его устоев, совершенно не совместимых с условиями города, куда массами переселялись деревенские жители. Растущее число алкоголиков, нередко потомственных, вызывает у экономиста боль и тревогу за судьбу нации.

* * *

Владимир Карпович прожил недолгую жизнь. Он написал только *две* книги и серию статей. Но на основе его трудов сформировалось целое *направление* российской политической экономии - экономико-математическое. Дмитриев, по словам известного российского экономиста начала XX в. Н.Н.Шапошникова[1], был первым в России «представителем математической школы в политической экономии, и русская экономическая наука может гордиться таким её представителем...»**.

Тяжелая болезнь приковала Владимира Карповича к постели и письменному столу. По-видимому, он не был человеком слишком общительным. Потому сведения о его жизни крайне скудны.

Дмитриев родился 24 ноября 1868 г. в имении Рай, Смоленской губернии. Отец его был довольно известным в то время агрономом. Учился Владимир Карпович в Тульской классической гимназии, одно время - вместе с П.Б.Струве. (Судя по всему, гимназическая дружба сохранилась у них на многие годы - Струве рецензировал работы

---

* Who's Who in Economics. A Biographical Dictionary of Major Economists 1700-1986. 2-nd ed. Ed. by Mark Blaug. - Brighton: Wheatsheaf Books Ltd. 936 p.

** *Шапошников Н.Н.* Первый русский экономист-математик Владимир Карпович Дмитриев. - М., 1914. С. 6.

Дмитриева, был редактором и издателем его книги). Студентом Московского университета Дмитриев стал в 1888 г., намереваясь изучать медицину. Но столь характерная для многих его современников тяга к экономическим исследованиям не обошла стороной и этого, проявлявшего недюжинные способности, молодого человека. Он перешел на юридический факультет, где в то время преподавали политическую экономию. Судя по работам Владимира Карповича, образование он получил блестящее. Великолепное знание нескольких иностранных языков, владение математикой, какому может позавидовать и наш современник, умение использовать все виды статистического анализа – все это, помноженное на исключительную природную одаренность, позволило ему еще на студенческой скамье начать исследования в области экономической теории.

Трудно сказать по какой причине, но после окончания в 1896 г. университета Дмитриев принимает первое подвернувшееся ему место акцизного контролера и уезжает в местечко Воньковцы Подольской губернии. Возвращается через три года: он тяжело болен, туберкулез.

В первом десятилетии XX века Дмитриев публикует статьи и обзоры экономической литературы в журналах «Русское экономическое обозрение», «Критическое обозрение», «Русская мысль», и многим маститым профессорам «достается» в них за догматизм, нежелание увидеть и принять новые веяния в науке.

Последние годы Владимир Карпович жил в Петербурге. По некоторым сведениям, он преподавал в Политехническом институте.

Все это время ученый отчаянно нуждался и не имел средств для лечения туберкулеза, изо дня в день подтачивавшего его организм. Но он упорно работал, представляя на суд читателей сначала – один за другим три экономических очерка, объединенных в издании 1904 г. в одну книгу, затем – оригинальный, глубокий и совершенно неожиданный для представителя «чистой» экономической теории труд «Критические исследования о потреблении алкоголя в России» (1911).

30 сентября 1913 г. в возрасте сорока пяти лет в Гатчине, что под Петербургом, Владимир Карпович Дмитриев умер. «Удивительная полуотшельническая жизнь, полная глубокого трагизма и в то же время отмеченная печатью своеобразной красоты», — написал в некрологе П.Б.Струве*.

Год спустя в докладе на заседании Общества им. А.И.Чупрова, посвященном памяти Дмитриева, профессор Н.Н.Шапошников с горечью отмечал, что в лице Владимира Карповича «российская экономическая наука потеряла одного из самых талантливых и беско-

* *Струве П.Б.* В.К.Дмитриев // «Русская мысль», 1913, № 10. С. 165.

рыстных своих служителей», которому «в истории экономической теории обеспечено почетное место»*.

Как и многие экономисты того времени, Дмитриев стремился осмыслить ту революцию в науке, которая происходила в конце XIX в., и совместить *новейшие теории* – экономического равновесия, предельной полезности, субъективно-психологический анализ *с наследием классической школы*, взгляды которой (особенно Д.Рикардо) подвергались в то время суровой и резкой критике со стороны авторов новаций и их последователей.

Дмитриев предпринимает попытку, не отвергая классическое наследие, создать синтез ряда старых и новых идей и на этом фундаменте построить здание новой теоретической системы XX столетия.

Еще в 1898 г. в типографии Московского университета был напечатан первый научный труд Владимира Карповича «Экономические очерки. Выпуск первый. Теория ценности Рикардо. (Опыт точного анализа)». Этой работой он заявил о себе как первом российском экономисте-математике.

В 1902 г. Дмитриев публикует продолжение своего научного труда – «Экономические очерки. Выпуски второй и третий. Очерк второй. Теория конкуренции Ог. Курно. Очерк третий. Теория предельной полезности». В 1904 г. все три ранее изданных очерка были объединены в одну книгу – «Экономические очерки. (*Серия 1-я:* Опыт органического синтеза трудовой теории стоимости и теории предельной полезности)». Ученый предполагал подготовить еще одну серию из трех очерков: по теории ренты, промышленных кризисов и денежного обращения. К сожалению, эти труды, по всей видимости, написаны не были. Используя математические методы анализа теории ценности Д.Рикардо и так называемой «догмы Смита», Владимир Карпович сумел «снять» многие замечания критиков Рикардо, упрекавших его, в частности, в противоречивости отдельных позиций (например, трактовок цены и прибыли).

Существенный интерес представляют даже и в наше время высказанные Дмитриевым соображения по отдельным категориям экономической науки. Так, за рубежом обращают внимание на дмитриевскую теорию *цен производства,* на определение соотношения *«заработная плата – прибыль»,* а также на теорию *непроизводственных издержек при конкуренции между предпринимателями.* В последнем случае анализ Дмитриева представляет особый интерес, являя собой редкий пример макроэкономического исследования конкуренции и монополии, в ряде аспектов предвосхитившего современную теорию

---

* *Шапошников Н.Н.* Первый русский экономист-математик... С. 1.

«трансакционных издержек». Ученый одним из первых в мире стал исследовать и сопоставлять экономическую эффективность двух противоположных по своему характеру рыночных структур, изучать «неограниченную и несовершенную» конкуренцию.

Выводы Дмитриева – неограниченная конкуренция несет экономике *дополнительные расходы,* т. е. *общественные издержки от потерь производства, избытка запасов, недогрузки мощностей или чрезмерной рекламы.* Они лишь частично компенсируются потребительской прибылью от цен, меньших, чем монопольные. При господстве же монополии *народное хозяйство* в целом ничего не теряет: что берется сверх необходимых издержек у потребителей, то поступает в виде чрезмерно высокой прибыли в распоряжение монополиста. Напротив, вся сумма, переплачиваемая потребителем сверх необходимых издержек производства при господстве свободной конкуренции, пропадает для народного хозяйства бесследно, расходуясь на покрытие *непроизводительных издержек,* то есть таких, затрата которых не увеличивает общей суммы пользы или удовольствия.

Это подрывает, по мнению Дмитриева, классическое положение, что свободная конкуренция обеспечивает наибольшую продуктивность существующих средств производства. Роль товарных запасов (как считает ученый, с неизбежностью создаваемых каждым товаропроизводителем в условиях неограниченной конкуренции) он сравнивает с усиленным вооружением держав в мирное время. Накопление излишков товарных запасов есть результат борьбы конкурирующих производителей, каждый из которых в своих действиях руководствуется правильным хозяйственным расчетом. Получается, что *«невидимая рука»,* вопреки утверждениям многих экономистов, отнюдь не обеспечивает согласованности в действиях производителей товаров. Отсюда, делает вывод Дмитриев, накопление излишков товарных запасов приводит к неустойчивости уровня производства и в конечном итоге – перепроизводству. (В том, что «невидимая рука» создает гармонию в рыночной экономике, усомнился и английский экономист Дж. М. Кейнс[2], но много лет спустя).

Если ранние издания трудов Дмитриева не привлекли внимания ученых, то публикация первой серии «Экономических очерков» вызвала большой интерес, причем у тех специалистов, которые, что называется, «знали толк» и в экономической теории, и в математике. В 1904–05 гг. появились рецензии профессора А.А.Чупрова (известного специалиста в области статистики) и Н.Н.Шапошникова* (и в даль-

---

* *Ч[упров] А.А.* Дмитриев В.К. Экономические очерки // «Известия Санкт-Петербургского Политехнического института». Т. 1. Вып. 3-4. – СПб,

1*

нейшем проявлявшего большой интерес к исследованиям Владимира Карповича и очень высоко их ценившего).

«Этот труд – по единодушному отзыву профессора Санкт-Петербургского Политехнического института А.А.Чупрова, приват-доцента Московского университета Н.Н.Шапошникова и профессора Берлинского университета В.О.Борткевича[3] – свидетельствует о крупном теоретическом даровании автора. Собственные критически-конструктивные рассуждения В.О.Борткевича по теории ценности в его известной работе о Марксе в значительной мере опираются на построения Дмитриева», — писал П.Струве*.

Современники Владимира Карповича акцентировали внимание на четырех аспектах его «органической теории ценности», представлявших, по их мнению, новый взгляд на эту проблему. Во-первых, на доказательстве того, что издержки производства всегда зависят не только от условий производства, но и от условий спроса. Во-вторых, на выводе о затратности свободной конкуренции с точки зрения общественной (т.е. макроэкономики) и отсутствии искомой многими западными учеными «гармонии» свободного рынка, создаваемой «невидимой рукой» А.Смита. В-третьих, для экономистов российской школы очень значимым был тщательно обоснованный Дмитриевым вывод об отсутствии противоречий в теории Д.Рикардо и, в-четвертых, особенно вывод о том, что теории трудовой ценности и предельной полезности не исключают, а дополняют друг друга.

И все же одно из важнейших достижений Владимира Карповича оценено не было. Пожалуй, даже сам автор не мог в самом начале века предвидеть, какое практическое применение может найти предложенная им при математизации теории Рикардо система линейных уравнений. Для него это был всего лишь инструмент, необходимый «побочный» продукт исследования ценности. Лишь в 20-е годы экономисты стали понимать, что эта система представляет собой прообраз межотраслевого баланса. Основы такого баланса были разработаны много позже американским экономистом российского происхождения В.В.Леонтьевым[4]. Получившая название «затраты-выпуск», его модель принесла автору Нобелевскую премию (1973).

До Октябрьской революции 1917 г. и короткое время после нее В.К.Дмитриев часто упоминался в отечественной экономической литературе. Но затем труды ученого были надолго преданы забвению. Приверженность абстрактной теории ценности, математическому и

1905. С. 284–287; *Шапошников Н.Н.* Свободная конкуренция и цена товаров // «Русское экономическое обозрение», 1905, № 2. С. 76–90.

* *Струве П.* Предисловие редактора «Исследований и работ»... С. V.

субъективно-психологическому методу, критика ряда принципиальных позиций К.Маркса - все это в СССР было неприемлемо. Работы В.К.Дмитриева оказались за пределами официальной экономической науки. Ученый был объявлен буржуазным экономистом, последователем математической школы буржуазной экономической мысли.

Был небольшой период времени в конце 50-х - начале 60-х годов, когда к работам и имени В.К.Дмитриева проявили интерес советские экономисты-математики. Это связано с попыткой утвердить в нашей экономической теории и практике планирования народного хозяйства математические методы. В частности, не раз упоминал В.К.Дмитриева академик В.С.Немчинов, руководивший воссозданием экономико-математических исследований.

В начале 60-х годов появился ряд работ со ссылками на Дмитриева, правда, их авторы продолжали приписывать концепции ученого и «эклектичность», и «буржуазность», и «научную несостоятельность». Какого-либо специального серьезного исследования трудов ученого так и не было сделано. Экономисты ограничились ссылками на его книгу и установлением соотношения между коэффициентами полных затрат, исчисляемых по его методу и методу В.Леонтьева.

Упоминание В.С.Немчиновым имени В.К.Дмитриева рядом с популярнейшим в наше время американским экономистом российского происхождения В.Леонтьевым вызвало живой интерес на Западе. Начиная с первой статьи, опубликованной в 1961 г. А.Ноувом[5] и А.Цауберманом («Воскресший российский экономист из 1900 г.»*), появились исследования творчества русского ученого, наиболее основательное из них содержится во вступительной статье к английскому изданию «Экономических очерков». Усилиями А.Ноува, А.Цаубермана, Д.М.Нути[6] имя и творчество В.К.Дмитриева стали известны западному читателю**.

Ровно через семьдесят лет после издания «Экономических очерков» увидел свет английский перевод этой книги. В весьма детальном научном предисловии*** профессора Кембриджского университета Д.М.Нути дан обстоятельный анализ как основных теоретических

---

* *Nove A., Zauberman A.* A Resurrected Russian Economist of 1900 // Soviet Studies, 1961. Vol. XIII. №1.

** См. : *Treml U.G.* Input - Output Analysis and Soviet Planning // Mathematics and Computers in Soviet Economic Planning. - New Haven-London, 1967; *Larsen R.* Dmitriev's Smithian model // Scottish Journal of Political Economy. 1977; № 24(3); *Zauberman A.* New Remarks on Discovery in Soviet Economics // «Bulletin of the Oxford Institute of Economics and Statistics», 24 Nov. 1962. P. 437-445.

*** *Nuti D.M.* Introduction // *Dmitriev V.K.* Economic Essays on Value, Competition and Utility. - Cambridge, 1974.

позиций Дмитриева, так и их значимости для развития современной экономической науки, осмысления процессов, происходящих в экономике к концу XX столетия.

Как подчеркивал английский профессор, Дмитриев предвосхитил и очень точно сформулировал целый ряд положений и технических приемов, составляющих существенную часть современной экономической науки. Русский экономист в начале XX в. создал чрезвычайно оригинальный вариант теории конкуренции – очень своевременный вклад в область, в которой исследования зашли в тупик. И сама попытка «органического синтеза» теории ценности и предельной полезности, осуществленная Дмитриевым, служит очень важным напоминанием о значимости целого ряда аспектов теорий цен и распределения, игнорируемых современной наукой.

Как видим, «Экономические очерки» В.К.Дмитриева являют собой замечательный пример: оказывается, обратившись к трудам великих предшественников, к вопросам, ими поднятым, но не раскрытым, к решениям, по мнению многих, спорным и даже противоречивым, можно внести ценный вклад в науку. Более того, найти подходы и решения, намного опережающие свое время.

Дав своему исследованию подзаголовок «Опыт органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности», Владимир Карпович тем самым как бы приглашал читателей к дискуссии по сложнейшим и актуальнейшим теоретическим вопросам.

Книга «Критические исследования о потреблении алкоголя в России» с неменьшим основанием могла бы получить такой же подзаголовок, ибо методология исследования здесь так же – совершенно оригинальная, и это так же – опыт научного исследования, причем теоретического. Правда, здесь рассматриваются проблемы совсем из другой области, но не менее актуальной, решая которые трудно найти однозначные ответы. Однако, убеждает своим исследованием Дмитриев, их необходимо искать.

Попробуем прежде всего проставить некоторые акценты этой книги, наиболее значимые и актуальные для современного осмысления проблемы алкоголизма и его динамики в России.

Во-первых, Дмитриев подвергает обстоятельному критическому анализу имеющиеся статистические данные, а также существовавшие в то время (а нередко бытующие и сейчас) трактовки причин и факторов, влияющих на динамику потребления спиртного.

Во-вторых, выявляет те экономические и социальные процессы, происходившие в России второй половины XIX – начала XX в., которые действительно (по его убеждению) оказали и оказывают определяющее влияние на динамику потребления алкоголя.

В-третьих (и этот момент для науки того времени совершенно новый), выясняет механизм («посредствующие звенья»), при помощи которого экономические, социальные, политические факторы оказывают непосредственное или опосредованное, немедленное или отдаленное влияние на потребление алкоголя.

Изучая динамику потребления спиртного, основная масса исследователей приходила к выводу, что на неё, как и на динамику потребления любого другого товара, влияют два основных фактора: урожаи (от которых в самой значительной степени зависел уровень благосостояния огромного большинства россиян) и цены на спиртное. Многие авторы связывали ее также с ограничительными мерами правительства.

Владимир Карпович обосновал совсем иной взгляд на проблему. Опираясь на многократно проверенные факты и статистику, он один за другим опроверг устоявшиеся представления. Прежде всего, доказал, что не существует непосредственной зависимости между ценой алкоголя и спросом на него [с. 165]*. Далее – опроверг почти общераспространенное среди российских экономистов мнение о прямой связи динамики потребления спиртного с урожаями, от которых зависело благосостояние (а значит, и спрос) населения.

Анализ Дмитриева свидетельствует о независимости движения потребления алкоголя от состояния урожая. «Общераспространенное положение о тесной зависимости между высотой потребления (алкоголя) и высотой урожая не подтверждается» [с. 184]. И особый интерес представляет вывод Дмитриева о том, что – при известных условиях недород может оказать такое же влияние, как и урожай [с. 177].

Наконец, ученый провел почти уникальное, тщательное исследование воздействия различных ограничительных мер правительства на динамику потребления алкоголя, акцентировав внимание на очень интересной (даже в чисто научном аспекте) проблеме – о влиянии *ожиданий* населения тех или иных мер правительства.

Даже на существенное повышение акциза (например, в 1870 г. на 20%) потребление почти не отреагировало [с. 159]. К таким же выводам приходит Дмитриев, анализируя влияние касавшихся только торговли «ограничительных правил» 1874 г. и касающегося «условий потребления» закона 14 мая 1885 г., а также последующего введения казенной торговли спиртным. Анализируя правила, ограничивающие число «питейных заведений», Дмитриев делает аналогичный вывод – ограничительные правила, если и оказывают влияние на динамику потребления алкоголя, то «в самой ничтожной степени».

---

* Здесь и далее, в квадратных скобках указаны ссылки на страницы настоящего издания.

И здесь, быть может, первым среди экономистов Владимир Карпович анализирует влияние *ожидания населения* на процессы, происходящие в экономике. Важен его, казалось бы, парадоксальный вывод – *реальное влияние закона 1885 г., ставящего целью существенно ограничить потребление спиртного, на самом деле было ничтожным.* Но само *ожидание* новых правил (еще до их обнародования и вступления в силу) имело значительные последствия.

Вот как это виделось Дмитриеву:

«...*В ожидании* (курсив В.К.Дмитриева. – *Ред.*) введения правил 14-го мая 1885 г., возвещавших полное упразднение традиционного кабака, немедленное сокращение числа заведений... и проч[ие] «радикальные меры», по-видимому, долженствовавшие в конец разрушить привычные для населения условия потребления спиртных напитков, – население не могло оставаться спокойным.

Молва еще больше разукрашивала и преувеличивала стеснительность нового порядка: ожидали, что с введением новых правил водка станет для населения «редким продуктом», добывание которого сопряжено с крайними затруднениями; естественно поэтому стремление населения хоть на первое время, пока успеют осмотреться и приладиться к новым тяжелым и, главное, непривычным условиям потребления, обеспечить себя заранее (при старом порядке и ценах) сделанным запасом» [с. 164].

Так создались основы для иллюзии, что непосредственно за принятием новых правил потребление спиртного сократилось. Однако же затем запасы иссякли, и все вернулось «на круги своя».

Дмитриев отмечает и такой весьма печальный и получивший впоследствии немалое продолжение аспект воздействия правил, подобных закону 1885 г. При наличии обстоятельств, делающих для населения водку менее доступной, население, *не сокращая потребления* алкоголя, обращается к напиткам домашнего приготовления. Кроме того, виноторговцы стали распространять суррогаты водки, одеколон, наконец, киндербальзам, гоффманские капли.

Итак, ни растущие цены, ни ограничительные мероприятия правительства, ни урожаи и недороды не влияют депрессивно на кривую спроса на спиртное. Дмитриев доказывает, что оно «почти нулевое», не приводящее к сокращению потребления алкоголя.

Проанализировав данные русской «алкогольной статистики», многочисленных бюджетных обследований, Дмитриев приходит к выводу о необходимости отказаться от «общепринятого взгляда на способ (механизм) воздействия экономических факторов на потребление» [с. 203]. По его мнению, известный и поддерживаемый всей экономической наукой закон спроса-предложения, ставящий потребление

в прямую зависимость от «покупательных средств» и в обратную – от цены товара, вряд ли уж так универсален, а что касается алкоголя (и других товаров не первой необходимости), то в отношении них он вообще не действует.

Алкоголь – не обычный товар, убеждает он. И законы его потребления кардинально отличны от общепринятых законов потребления, ибо в них вторгаются психологические мотивы, делающие поступки людей не подвластными логике экономической целесообразности. Необходимы поправки в общее решение вопроса о функциональной зависимости между ценою и спросом ввиду психологических особенностей той потребности в наркотизации, которую удовлетворяет алкоголь и ему подобные нервные яды, отмечает Дмитриев.

Какие же факторы, по мнению ученого, в действительности, оказывают влияние на динамику потребления спиртного?

Не уровень дохода потребителя, а *способ его расходования*, эластичность потребительского бюджета, позволяющая увеличивать долю расхода на спиртное за счет других его статей. Вывод о том, что основным моментом, определяющим уровень душевого потребления спиртных напитков, является не абсолютная высота народного дохода (и его отношение к цене спиртных напитков), а *способ его расходования*, в том числе доля расхода в бюджете народа на спиртные напитки, Дмитриев обосновал, опираясь на данные официальной статистики, работы российских авторов, сведения бюджетных обследований по различным губерниям России, критически их анализируя.

Несомненно, должны возникнуть *условия*, делающие ***возможным*** рост доли расхода на алкоголь в бюджете россиянина, с одной стороны, и, с другой стороны, ***формирующие потребность в наркотическом опьянении***. Эти условия Владимир Карпович охарактеризовал кратким и ёмким словом *«раскрестьянивание»*; разъяснил само понятие, выделил звенья, посредством которых процесс этот оказывает стимулирующее воздействие на потребление спиртного; установил, что ***определяющим*** в динамике этого потребления является относительное увеличение ***«привычных»*** потребителей алкоголя за счет ***«случайных»***, разовая доля которых «определяется обычаем или случаем».

Дмитриев видит причину «раскрестьянивания» в развитии капитализма, индустриализации экономики, росте городов, особенно – крупных промышленных центров. Проявления этого процесса – дифференциация крестьянства, огромное увеличение городского населения (за счет земледельческого), рост фабрично-заводского пролетариата. Именно их ученый считает посредствующими звеньями между происходящими «экономическими пертурбациями» и ростом в России алкоголизма.

Таким образом, «решающим моментом, определяющим у нас уровень потребления в стране алкоголя, является не «Господин Урожай», а – уж если употреблять образное выражение, – «Господин Капитал»: всякое торжество капитала, всякое распространение его власти на новые массы крестьян, вышедших – по своей ли воле, или в силу необходимости, – из-под «власти земли», отражается на уровне душевого потребления алкоголя повышением этого уровня, *как бы при этом ни складывались прочие обстоятельства...»* (курсив В.К.Дмитриева. – Ред.) [с. 28].

Главный вывод Дмитриева – рост алкоголизма, то есть числа «регулярных потребителей спиртного» – результат происходившей ломки вековых привычек, традиций, образа жизни русского крестьянина, лишившегося связи с землей, вовлекаемого процессом индустриализации в непривычную городскую среду, оглушенного грохотом фабричных машин, изнуренного многочасовым трудом на российских фабриках, не ведающих о технике безопасности.

Первое звено в этом механизме – *дифференциация деревни*. Исходная база в анализе – «главная масса русского крестьянства потребляет алкоголь в количестве значительно меньшем, чем тот minimum, при котором делается *психологически возможным регулярное* потребление» [с. 209]. Всякий момент, способствующий процессу «раскрестьянивания», приближения «хозяйств к крайним типам (многоземельным хозяйствам, работающим для рынка и приближающимся к типу капиталистических предприятий, и к малоземельным, в которых центр тяжести хозяйства лежит в сторонних заработках)» [с. 50] приводит к повышению расходов на личное потребление, в том числе на алкоголь, а значит, и к смене способа его потребления. Таким образом, «Господин капитал», проникая в деревню, содействует дифференциации крестьянства, ломает старые привычки, превращая в постоянных потребителей спиртного и многих остающихся в деревне, ведущих уже не натуральное, а товарное хозяйство.

Второе звено – «всякий момент, усиливающий рост городского и вообще индустриального населения за счет разлагающейся деревни (точнее, за счет земледельческого класса)» [с. 223].

По мнению Дмитриева, в конкретных условиях русской действительности процесс увеличения группы «привычных» потребителей за счет «спорадических», по существу, равнозначен «росту группы фабрично-заводского и городского (вообще капиталистического) пролетариата за счет крестьян-землевладельцев (и – частью – кустарей, фактически еще не утративших связь с землей)» [с. 24–25].

Душевое потребление алкоголя в городах, по данным Владимира Карповича, по крайней мере в 3–4 раза больше, чем в сельских мест-

ностях. Главную же причину он видит в том, что в городских условиях жизни водка перестает быть для потребителя редкостью и переходит в число обычных, ежедневных продуктов потребления, делаясь для многих даже более необходимым продуктом потребления, чем хлеб. Даже представители той части городского населения, чьи доходы формируются из случайных заработков, «находят возможным тратить на алкоголь,... потому что постепенно доходят до почти полного подавления всех человеческих потребностей, приносимых в жертву алкогольному голоду; в их бюджете расход на алкоголь является не только главной расходной статьей, но статьей, совершенно подавляющей расходы на удовлетворение всех прочих потребностей, вместе взятых, субъекты этой категории могут ходить зимой в одной рубахе, по нескольку дней не есть даже хлеба, но водку все же будут пить каждый день» [с. 211].

«Это преобладающее значение в бюджете расхода на алкоголь доведено низшим слоем «городской» культуры до абсурда, до патологического явления, но было бы ошибочно видеть в этом факте нечто исключительное: босяк, в бюджете которого расход на водку составляет 95% всего прихода, представляет собой *лишь последнюю ступень лестницы,* начало которой коренится уже в деревне, тронутой процессом дифференциации», — подчеркивает Дмитриев [с. 211].

На основании бюджетных исследований внутренним источником колебаний потребления спиртных напитков ученый называет перераспределение населения между группами с *различной структурой потребительского бюджета.* «Расход на спиртные напитки является в бюджете фабричного и заводского рабочего *одной из наиболее крупных статей... Рабочие тратят на водку не меньше 1/3 всего своего бюджета...*», поскольку бюджет горожанина весьма эластичен. Отсюда следует, что при наличии условий, располагающих к усиленному потреблению спиртных напитков, для рабочего «*вполне возможно и дальнейшее повышение расхода на алкоголь за счет уменьшения... остальной части бюджета*» [с. 219].

К побудительным мотивам роста потребления алкоголя Дмитриев относит *характер и условия наемного труда в капиталистической России.* Жесточайшая эксплуатация рабочих сделала алкоголь важнейшим способом поддержания их способности к труду.

Третье звено в механизме воздействия «экономических пертурбаций» на возрастание потребления в стране алкоголя, выделенное и особо отмеченное Дмитриевым, - возникновение нового обширного класса потребителей алкоголя. Сотни тысяч крестьянских женщин, вынужденные порвать с домом и идти в поисках работы в крупные центры найма, влияют на общее потребление спиртных напитков

совершенно так, как должно влиять *возникновение нового обширного класса потребителей алкоголя*... Случаи злоупотребления (алкоголем) крестьянскими женщинами-работницами чаще всего бывают вызваны давлением со стороны; причем мотивы спаивания женщин бывают различные: при найме – женщин и девушек поят для того, чтобы заставить согласиться на худшие условия; во время работы поят для того, чтобы вынудить от уставших работниц сверхурочную работу, чаще же всего, конечно, спаивание имеет безнравственные цели...» [с. 224].

Естественно, что в таких социально-экономических условиях «отдельные попытки насадить трезвость (путем образования обществ трезвости и пр.)» в России большого успеха не имели, равно как и различные ограничительные мероприятия правительства, «сухие законы», с неизбежностью приводящие «к нулевым результатам».

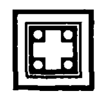
Итак, за внешними и, казалось бы, очевидными фактами Дмитриев увидел в «питейной проблеме» явление народной жизни России конца XIX – начала XX в., ставшее результатом тех многообразных процессов, которые сопровождали развитие в стране капитализма, индустриализацию экономики. И которые он охарактеризовал как «раскрестьянивание» патриархальной России.

Книга Дмитриева многопланова. Автор выясняет влияние на потребление алкоголя промышленных кризисов, неурожаев, аграрных кризисов; исследует своеобразие развития рынка в различных губерниях; методы монополизации, к которым прибегают «водочные короли», и многие другие аспекты экономического развития России почти за сорокалетний период. Перед читателем предстает широкое полотно народной жизни конца XIX – начала XX вв. в период быстрого развития капитализма и индустриализации.

Ученый не делает из своего критического анализа потребления алкоголя каких-либо социальных или политических выводов. Но всем своим исследованием он убеждает в *необходимости* осуществления крупных *социальных мер*, направленных на поддержку *трудящихся классов* в условиях развития капитализма, промышленности, крупных индустриальных центров в крестьянской стране, патриархальные устои которой с неизбежностью входили в конфликт с потребностями и условиями новой жизни.

В.К.Дмитриев

КРИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ПОТРЕБЛЕНИИ АЛКОГОЛЯ В РОССИИ



Введение

Часть 1. **Критический разбор данных русской алкогольной статистики**

Часть 2. **Потребление спиртных напитков в связи с некоторыми другими явлениями народной жизни**

ПРЕДИСЛОВИЕ
редактора «Исследований и работ»

С большим удовольствием серию работ, издаваемых под моей редакцией, я открываю произведением В.К.Дмитриева. Автор не нуждается в особой редакции: он отнюдь не новичок в экономической литературе. Ему принадлежит теоретическая работа, справедливо, хотя и не сразу, обратившая на себя внимание специалистов по теории политической экономии: «Экономические очерки. Опыт органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности». Этот труд – по единодушному отзыву профессора СПб. Политехнического Института А.А.Чупрова, приват-доцента Московского Университета Н.Н.Шапошникова и профессора Берлинского Университета В.О.Борткевича* – свидетельствует о крупном теоретическом даровании автора. Собственные критически-конструктивные рассуждения В.О.Борткевича по теории ценности в его известной работе о Марксе в значительной мере опираются на построения Дмитриева.

Предлагаемая работа относится к другой области. Она написана тоже уже несколько лет тому назад, и лишь неблагоприятные условия опубликования научных работ, существующие в России, в связи с продолжительной болезнью автора, задержали ее выход в свет. Мне думается, что какие бы возражения ни вызывали некоторые выводы автора, его критические исследования о потреблении алкоголя в России получат значение руководящего труда по этому вопросу. Автор превосходно распоряжается своим материалом и обнаруживает в своем анализе именно то редкое дарование теоретика, которое получило такое решительное признание со стороны названных выше компетентных ученых.

СПб. – Лесной. **_Петр Струве_**
Май, 1911 г.

---

* *А.А.Чупров.* Рецензия в «Известиях СПб. Политехнического Института» за 1905 г.; *L. v. Bortkievicz* статья «Wertechnung und Preisrechnung im Marxschen System» в «Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». Band XXV, Heft I.; *Н.Н.Шапошников.* Статья «Свободная конкуренция и цена товаров» в «Экономическом Обозрении» за 1905 г. Март-апрель (вся эта статья посвящена работе Дмитриева). – *Прим. П.Струве.*

Введение

Согласно общераспространенному взгляду, принимаемому и большинством ученых специалистов, основной причиной, определяющей уровень душевого потребления алкоголя в стране, является отношение между покупательными силами населения (народных доходов) и ценой спиртных напитков. А так как величина народного дохода зависит у нас, главным образом, от результатов урожая, и цена спиртных напитков – от высоты обложения алкоголя, то сторонники вышеприведенного взгляда утверждают, что основными моментами, определяющими в России динамику душевого потребления алкоголя (– изменение высоты этого потребления из года в год), являются, с одной стороны, колебания урожаев, с другой – последовательные повышения акциза. Кроме этих двух моментов большинством признается также влияние сокращения числа питейных заведений и понижения общего уровня народного благосостояния, – как более отдаленного следствия повторных неурожаев.

Именно действием последних двух моментов объясняется обыкновенно то систематическое падение среднего уровня потребления спиртных напитков (т. е. уровня, около которого совершаются временные и периодические колебания), какое наблюдалось в течение 80-х годов прошлого столетия.

Первую и главную задачу нашего исследования составляет опровержение вышеприведенного априорного утверждения, что спрос на алкоголь (а, следовательно, и его потребление), как и спрос на большинство прочих товаров, подчиняется тому упрощенному закону спроса-предложения, который был в свое время установлен классической политической экономией и который гласит, что спрос всегда стоит в прямом отношении к покупательным средствам потребителей и в обратном – к цене продукта*. Как было уже указано выше, если

* Доказательству несостоятельности общепринятого объяснения систематического понижения среднего уровня потребления алкоголя в России в течение 80-х гг. прошлого столетия посвящены главы VIII и частью II – теоретической части настоящей работы: повторять здесь приводимые в соответствующих главах аргументы мы считаем излишним, отсылая читателей к тексту книги.

бы предположение, что решающим моментом при установлении уровня душевого потребления алкоголя является отношение покупательных сил населения к цене спиртных напитков, действительно было верно, то в России, где еще и до настоящего времени высота народного дохода зависит главным образом от результатов урожая, колебания урожая и должны были бы являться основным моментом, определяющим колебания уровня потребления в стране алкоголя: в годы хороших урожаев мы должны были бы наблюдать рост потребления алкоголя, а в годы плохих урожаев - понижение. К этому должно было бы присоединяться еще падение потребления алкоголя после каждого повышения акциза.

Что же говорят в действительности цифры? После тщательного сопоставления данных о душевом потреблении спиртных напитков за почти 40-летний период с данными об изменении урожаев и цен на спиртные напитки (под влиянием повышений акциза) мы пришли (см. гл. I и III второй части) к выводу, что за весь рассматриваемый период не было ни одного случая повышения или понижения душевого потребления алкоголя, которое бы с уверенностью (или хотя бы с большой степенью вероятности) могло быть отнесено к следствиям колебаний урожаев или повышений обложения.

Но чем же в таком случае определялись те *периодические* колебания уровня душевого потребления алкоголя, которые наблюдались в России, начиная со второй половины 60-х годов прошлого столетия и кончая самыми последними годами? Ответ на этот вопрос и составляет вторую основную задачу настоящего исследования, логически вытекающую из первой (критической) и составляющую с ней неразрывное целое.

Сущность наших взглядов, развитых и обоснованных в предлагаемой работе, в немногих словах сводится к следующему.

Основным моментом, определяющим у нас уровень душевого потребления спиртных напитков, является не отношение покупательных сил населения к цене спиртных напитков и, вообще, не абсолютная высота народного дохода (расхода), а способ его расходования - среднее *строение* расходного *бюджета* народа, в частности, величина *доли (процента)*, расходуемой на спиртные напитки (а равно и на другие предметы непервой необходимости). Главной причиной, вызывающей увеличение этой *доли*, при господствующем у нас отношении массы населения к алкоголю, является увеличение относительной численности «привычных» потребителей алкоголя, за счет группы потребителей случайных, спорадических (разовая доза которых определяется или обычаем, или случаем). В конкретных условиях русской действительности этот процесс увеличения группы «привычных» (точ-

ное определение этого термина см. в тексте) потребителей за счет «спорадических» равнозначных росту группы фабрично-заводского и городского (вообще капиталистического) пролетариата за счет крестьян-землевладельцев (и – частью – кустарей, фактически еще не утративших связь с землей).

Паспортная статистика указывает, что всякое усиление оттока[1] населения из деревень сопровождается повышением потребления в стране алкоголя, а падение волны оттока или стационарное его состояние – застоем потребления или даже его падением.

При этом, что особенно важно отметить, результат получается совершенно одинаковый, как в том случае, когда усиление оттока населения из деревень в городские и индустриальные центры сопровождается повышением народного дохода, так и *в том случае, когда этот отток сопровождается* (и даже вызывается) *падением* платежных и *покупательных сил населения*.

Главными моментами, вызывающими усиленный отток населения из деревень в города и другие промышленные центры, являются: 1) оживление промышленности (капиталистической) и 2) земледельческие кризисы – в том числе, когда они поражают *уже расстроенное* крестьянское хозяйство. Наоборот, стационарное состояние промышленности останавливает абсолютный рост капиталистического пролетариата, благодаря чему *относительная* численность этой группы населения падает (так как естественный прирост населения не поглощается более капиталистической промышленностью); что же касается острых промышленных кризисов, то они вызывают даже обратный отток в деревни некоторой части рабочих, находивших для себя ранее – в период промышленного процветания – хорошо оплачиваемый заработок в различных отраслях торгово-промышленной деятельности (особенно усиленный возврат к земледельческому труду вызывает прекращение или внезапное резкое сокращение железнодорожного строительства, требующего большого числа неквалифицированных рабочих).

Таким образом, все главнейшие моменты, влияющие у нас на высоту потребления алкоголя, оказывают это влияние через изменение относительной численности группы привычно-регулярных потребителей (индустриально-городского типа): за весь рассмотренный нами период между изменениями относительной численности потребителей индустриально-городского типа, насколько об этом позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении прямые и косвенные данные, и изменениями среднего уровня душевого потребления алкоголя в стране наблюдался полный параллелизм.

Но почему же увеличение численности привычно-регулярных потребителей индустриально-городского типа за счет спорадических по-

требителей крестьянско-землевладельческого типа сопровождается у нас всякий раз увеличением общего (и среднедушевого) потребления в стране алкоголя?

Ведь при «спорадическом» потреблении *можно* выпить в год даже больше, чем при привычно-регулярном (за то же время)? Несомненно *можно*, но только не при том ничтожном количестве алкоголя, которое приходится у нас на долю «деревни», являющейся представительницей «спорадического» потребления. За вычетом из общего количества алкоголя, потребляемого в стране, того количества, которое потребляется городами и теми торгово-промышленными внегородскими центрами, которые в бытовом отношении (в частности, по отношению их населения к спиртным напиткам) не отличаются от городов, мы получим на долю всей массы крестьянства, еще не порвавшего связь с деревней, такую незначительную сумму, что на каждого реального потребителя (а к ним относится в действительности и значительная часть женщин, стариков и даже детей, не исключая и детей школьного возраста) должно прийтись количество алкоголя, *при котором привычно-регулярное потребление психологически* (или, пожалуй, даже физиологически) *невозможно*, так как количество это, распределенное во времени равномерно, дало бы разовую дозу столь малую, что введение ее в организм не могло бы вызвать никакого сколько-нибудь заметного нервно-психического эффекта, составляющего главную цель для преобладающей массы потребителей алкоголя (для получения исключительно вкусового эффекта пьют лишь немногие).

Из сказанного следует, что в конкретных условиях русской действительности всякий переход потребителей крестьянского земледельческого типа к привычно-регулярному потреблению (хотя бы и весьма умеренному), типичному для городского и внегородского капиталистического пролетариата (а равно и для крайних типов дифференцировавшейся деревни), неизбежно *должен* сопровождаться повышением их расхода на алкоголь, хотя бы доход их при этом не только ие увеличился, но даже уменьшился.

В действительности, при переходе крестьян-землевладельцев в состав капиталистического пролетариата, расход их на алкоголь возрастет еще больше, чем это требуется для достижения такого минимума, при котором является психологически возможным переход к привычно-регулярному потреблению.

Хотя данные, которыми мы располагаем для характеристики отношения к алкоголю отдельных групп населения, слишком скудны, чтобы на основании их можно было дать *цифры* (хотя бы приближенные) среднего душевого потребления алкоголя в каждой из групп, однако этих данных вполне достаточно, чтобы установить следующие, стоя-

щие вне всякого сомнения, общие положения: 1) что среднее душевое потребление алкоголя в группе промышленно-городского пролетариата в несколько раз выше среднего душевого потребления земледельческого крестьянства; 2) что при переходе крестьян-земледельцев в ряды промышленно-городского пролетариата расход их на алкоголь возрастает в большее число раз, чем возрастает при этом переходе общая сумма их дохода; 3) что в самой среде промышленного пролетариата % расхода на алкоголь изменяется по отдельным группам в обратном отношении к высоте их заработка*. Последние два обстоятельства объясняют нам, каким образом отток крестьян из деревень в промышленные центры и вообще разрыв их с землей может вызвать повышение потребления алкоголя в стране, одинаково как в том случае, если отток этот сопровождается повышением общей суммы народных заработков, так и в том случае, когда этот отток совпадает с моментом упадка общего народного дохода (и вообще благосостояния), как это наблюдается, например, в годы сильных неурожаев.

Бюджетные данные показывают, что уже в пределах деревни строение расходного бюджета по отдельным группам крестьян сильно варьирует в зависимости от степени связи этих групп с землей и с укладом жизни, типичным для земледельческой деревни. Так, сравнивая состав (средний) бюджета безземельной группы крестьян (деревенский пролетариат + деревенская торгово-промышленная буржуазия) с бюджетом групп, еще сохранивших крепкую связь с землей (но не обратившихся еще в мелких *капиталистических* производителей хлеба для рынка) и «деревенской культурой», мы найдем, во-первых, что представители первой группы в среднем расходуют на личные потребности гораздо больший %, чем представители второй группы, и, во-

---

* Прекрасным статистическим подтверждением этого положения служат результаты анкеты, проведенной среди бакинских рабочих. Об этой в высшей степени интересной и ценной работе не упомянуто в тексте настоящего исследования, так как она появилась в печати уже после набора соответствующей главы. См. «Труды первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством»[2], т. II, стр. 799–843 (доклад О.Каспарьянца[3]).

По указанной же причине не могли мы использовать для доказательства своих взглядов и интересных данных о потреблении алкоголя детьми школьного возраста, опубликованных в тех же «Трудах» съезда (доклад д-ра Коровина[4]: «Сельская школа и алкоголизм в Московской губернии», т. II, стр. 566 и дальше). Некоторым дополнением к приведенным нами в тексте данным анкеты среди петербургских рабочих, разработанной г. Прокоповичем[5], может служить специальная анкета об отношении петербургских рабочих к алкоголю, результаты которой кратко резюмированы в докладе г. Магидова[6] («Труды», т. II, стр. 844–850)...

вторых, что первые из общей суммы расхода на личные потребности расходуют, по сравнению со вторыми, гораздо больший % на предметы непервой необходимости, в особенности на такие продукты, которые, подобно алкоголю, чаю, сахару и пр., легко становятся предметами *привычной* потребности, удовлетворение которой делается столь же важным, как и удовлетворение потребностей в предметах «первой необходимости» в тесном смысле этого слова. Указанные черты, отличающие строение бюджета крестьянских дворов, не порвавших еще с деревней, но вышедших уже из-под неограниченной «власти земли» и вступивших в более или менее тесные сношения с капиталистической (городской) культурой, выступают с еще большей рельефностью в бюджетах крестьян, совершенно порвавших с деревней и усвоивших бытовые черты промышленного пролетариата: в их бюджетах, в противоположность тому, что мы видим в бюджетах крестьян-земледельцев, расход на личные потребности поглощает почти весь, а часто и весь расходный бюджет, причем на такие предметы привычного потребления, как алкоголь, чай, сахар и пр., расходуется до 40 и более процентов всего дохода (так, например, согласно данным анкеты в бакинском промышленном районе булочники расходуют только на один алкоголь 39,5% всего заработка, кондитерские рабочие больше 32% и т. п.).

В заключении резюмируем еще раз основную мысль настоящей работы. Решающим моментом, определяющим у нас уровень потребления в стране алкоголя, является не «Господин Урожай», а, уж если употреблять образное выражение, – «Господин Капитал»: всякое торжество капитала, всякое распространение его власти на новые массы крестьян, вышедших по своей ли воле, или в силу необходимости из-под «власти земли», отражается на уровне душевого потребления алкоголя повышением этого уровня, *как бы при этом ни складывались прочие обстоятельства,* – в том числе и результаты урожая; наоборот, всякая остановка в поступательном движении капитализма, а тем более попятное его движение, хотя бы лишь временное, под влиянием кризиса, вызывает застой в потреблении алкоголя или даже падение среднего уровня его потребления в стране.

Вот в немногих словах основной вывод предлагаемой работы. Как увидит читатель, и большинство второстепенных вопросов, затронутых в нашем исследовании, стоят в тесной внутренней связи с этим основным положением.

Критический разбор данных русской алкогольной статистики

В.К.Дмитриев. **Критические исследования о потреблении алкоголя в России**

Часть I

Глава 1.

Общий обзор источников алкогольной статистики

С начала 80-х годов прошлого столетия и до настоящего времени основным источником, откуда приходится черпать сведения об отношении населения России к спиртным напиткам, являются официальные отчеты главного управления неокладных сборов (прежде деп<артамента> неокл<адных> сб<оров>). Отрывочные данные о потреблении спиртных напитков разбросаны, кроме того, в трудах местных исследователей, занимающихся изучением крестьянских бюджетов. Но, не говоря уже о том, что подобные бюджетные исследования охватывают лишь ничтожную часть территории России, сам способ регистрации потребления алкоголя, при составлении бюджетов, делает этот источник совершенно непригодным для каких бы то ни было заключений *о среднем уровне* потребления алкоголя в районе, к которому отиосится (бюджетное) исследование. Бюджетные данные могли бы служить для заключения о размере этой «средней» только в том случае, если бы исследование велось *сплошь*, или было приурочено к дворам *типичным* не с общехозяйственной точки зрения (как это имеет место в действительности при производстве бюджетных исследований), а *с точки зрения отношения* членов двора *к спиртным напиткам*. К сожалению, *подобного* исследования мы до сих пор не имеем. Даже такие бюджетные исследования, которые по большому числу обследованных типичных хозяйств приближаются к массовому исследованию, дают среднюю цифру душевого потребления несообразно низкую для данного района. Так, например, бюджетное исследование Воронежской губернии, охватившее 236 хозяйств (около 2000 человек), определяет среднее душевое потребление в 0,19 ведра[1] в 40°. Между тем действительное среднее душевое потребление крестьянского населения несомненно было в Воронежской губернии значительно выше (не говоря уже о 80-х годах, к которым относится исследование, но даже и в 90-х), как в этом легко убедиться из рассмотрения данных об общем количестве потреблявшегося в Воронежской губернии вина (в связи с данными о составе населения и о распределении потребления между городским и сельским населением *при казенной продаже*[2]). Мы не можем, правда, определить с точностью, на

сколько именно уклоняется среднее потребление на основании бюджетных данных от действительного среднего (для одного крестьянского населения), но можем утверждать с уверенностью, что разница составит ни в коем случае *не меньше* 100% (так как при среднем потреблении по губернии в 0,55 ведра в 40° – среднее потребление *одних крестьян* было ни в коем случае *не ниже* 0,50 ведра в 40°)*.

Думаем, что одной из существенных причин разногласия является устранение при бюджетных исследованиях таких пертурбационных моментов, с общехозяйственной точки зрения, как свадьбы и т. п. экстренные случаи усиленного потребления. Между тем в общей сумме расхода вина в губернии эти экстренные (с точки зрения *единичного* хозяйства, но постоянные с точки зрения *массового*, демографического исследования) статьи составляют весьма значительный % (что доказывается, между прочим, ощутимым понижением душевого потребления вместе с уменьшением в данном районе числа свадеб).

---

* Ошибочность цифр душевого потребления, даваемых для крестьянского населения земскими бюджетными исследованиями по Воронежской и др. губерниям (Херсонской, Вологодской и проч.), доказывается не только сопоставлением упомянутых данных со сведениями за монопольное время, но и сравнением их с другими данными *местных* же бюджетных исследований на основании *индивидуальных* сведений, приуроченных к одному, типическому для данной местности, двору. Так, в упомянутом исследовании Щербины[3] наряду с массовыми бюджетными данными приводится бюджет крестьянина Задонского уезда (за 1886 г.), восстановленный на основании детальных записей, ведшихся им аккуратно изо дня в день в течение всего года. По этим данным среднее душевое потребление семьи определяется уже не в 0,19 ведра, а в 0,64 ведра. Аналогичные данные находим в записке 18 земских деятелей, поданной в Московский Губернский сельскохозяйственный комитет; в этой записке также приводится детальный бюджет крестьянской (подмосковной) типичной семьи, воспроизведенный на основании тщательно веденной расходной книжки крестьянина, в которую он заносил изо дня в день все самые мелкие расходы в течение сельскохозяйственного 1900–1901 года; на основании этого бюджета цифра среднего душевого годичного потребления для типичной крестьянской семьи определяется в 0,64 ведра (что, как увидим ниже, весьма близко соответствует цифрам г. Распопова[4], полученным, хотя и иными, но безусловно точными приемами; см. ниже). Наконец, несообразность результатов большинства массовых бюджетных исследований, давших цифру душевого потребления в 2–2½ раза ниже даваемой непосредственным учетом *общего* потребления в уезде, доказывается сравнением с такой в высшей степени точной работой, как «Опыт сан<итарно>-экон<омического> исслед<ования> вымирающих деревень» А.Шингарева[5]: для этих «вымирающих» деревень г. Шингарев получил душевое потребление водки около 0,18 ведра, т. е. лишь немного меньше потребления *средне зажиточных* дворов по данным Щербины (для Воронежской губернии).

Не давая, таким образом, материала для заключения о *среднем* размере потребления алкоголя, некоторые бюджетные исследования заключают в себе ценный материал для изучения причин, вызывающих колебания этой «средней» *по отдельным* хозяйственным *группам* населения. Особенно пригодными для этой цели являются бюджетные данные по Воронежской губернии, сведенные и обработанные г. Щербиною в его «Крестьянских бюджетах» (СПб., 1900 г.). Материал для кое-каких, правда, весьма скудных и не точных, выводов дает еще бюджетное исследование К.Я.Воробьева «136 бюджетн<ых> моногр<афий> крестьян Вологодск<ого> у<езда>», (материалы для оценки земель Вологодской губ<ернии>, 1907 г.). Прочие бюджетные исследования (не исключая и тщательно выполненных работ В.Ф.Арнольда) в большинстве случаев не представляют вовсе никакого интереса с точки зрения уяснения законов массового потребления спиртных напитков (если, конечно, не придавать значения доказательству того общеизвестного факта, *что при прочих равных условиях* – потребление алкоголя растет *параллельно* возрастанию покупательных сил населения).

Мы, наконец, вовсе не останавливаемся на различных данных о потреблении алкоголя, носящих случайный характер, в особенности, когда способы получения этих данных недоступны проверке.

Равным образом не упоминаем мы в числе материалов, имеющих хотя относительную научную ценность, и результатов анкеты, произведенной в недавнее время (1908 г.) по инициативе Императ<орского> Русского Технического Общества[6] в среде петербургских рабочих (разработано г. Прокоповичем, см. «Познание России», 1909 г., кн. 2). Если даже бюджетные исследования *земских* статистиков, основанные на результатах *систематического* опроса *всех* членов данного крестьянского общества *под контролем схода,* дали столь несообразные цифры душевого потребления алкоголя, то чего же можно было ждать от разработки *письменных* ответов тех рабочих, которые пожелали дать ответ на разосланные им вопросные бланки, причем число «пожелавших ответить» составляло всего 10% общего числа получивших вопросные бланки и лишь $^1/_4$% всех петербургских рабочих (при этом еще расход на алкоголь в большинстве случаев показан *слитно с* расходом на табак и игры). Уже один *случайный* состав рабочих, *ответивших* на вопрос, *лишает* выводы анкеты *типичности,* не говоря уж о прочих поводах для сомнений в достоверности и точности сообщенных цифр потребления алкоголя*. Единственные выводы, которые могут быть сде-

---

* Из таких прочих поводов следует прежде всего отметить произвольное исключение (при выводе средних величин) редакторами тех бюджетов, которые показывали преувеличенную *по их мнению* (!) цифру расхода на алкоголь;

ланы на основании данных, полученных столь грубыми приемами, сводятся: 1) к тому, что потребление алкоголя в среде *городских рабочих* выше потребления крестьян-земледельцев и вообще *среднего* потребления жителей сельских местностей (но для решения вопроса о высоте душевого потребления городских *рабочих* сравнительно с высотой потребления прочего *городского* населения – анкета уже не дает никаких надежных указаний); во-вторых, к тому, что потребление *одиноких* рабочих *значительно выше* потребления семейных (вообще имеющих в доме женщину-хозяйку); последнее обстоятельство важно иметь в виду при оценке влияния (на общее потребление алкоголя) *нового* оттока населения из деревни в индустриальные центры, так как рабочие выписывают семью из деревни или обзаводятся новой семьей в городе лишь после того, как успеют достаточно прочно осесть на новом месте, следовательно, значительно позже момента, когда нужда впервые выбросила их из родной деревни на «капиталистический рынок труда»[7].

Из прочих местных исследований, заключающих *самостоятельный* материал (т.е. не заимствованный из официальных изданий) относительно потребления населением спиртных напитков, следует отметить в высшей степени замечательное исследование г. Распопова, относящееся к Богородскому уезду Московской губернии*. Как по плану, так и по выполнению исследование г. Распопова представляет

кроме того средне-годичный расход на алкоголь выводился на основании сведений, относившихся *к одному* последнему *месяцу*, а так как анкета производилась ранней весной, то в расчет оказалось не принятым ни Рождественское, ни Пасхальное потребление (усиленное!)...

* Существует неофициальное исследование, касающееся потребления алкоголя в Тверской губернии: О.Крыжановский[8] «Винная операция в Тверской губ<ерни> в 1901 г.» (изд. 1903 г.). Работа эта исполнена очень тщательно и представляет несомненный интерес, но для *статистики потребления* она, к сожалению, не дает ничего сверх того, что заключается в обычных официальных отчетах по казенной продаже питей (согласно новейшей программе этих отчетов).

Из других новейших неофициальных работ, посвященных изучению (*самостоятельному*) потреблению спиртных напитков в России, упомянем еще работу д-ра Никольского[9] «О спиртных напитках среди наших инородцев[10]» (1901 г.). Правда, на основании тех материалов, какими пользовался доктор Никольский, немыслимо дать сколько-нибудь *точные цифры* потребления инородцами спиртных напитков домашнего приготовления (ускользающих, а частью и освобожденных от обложения), но сам факт широкого распространения среди инородцев этих напитков (из которых многие достигают весьма значительной крепости) указывает на то, что официальные цифры душевого потребления алкоголя (оплаченного акцизом) в губерниях с большим % инородческого населения отнюдь не могут служить истинными показателями сте-

4 Зак. 13

собой выдающееся явление в нашей литературе по статистике алкоголизма. К сожалению, пример г. Распопова не нашел себе подражателей, и это обстоятельство (отсутствие исследовании по тому же плану других районов России) в значительной степени уменьшает практическое значение указанного труда. Для С.-Петербурга некоторые статистические данные имеются в работе д-ра Н. И. Григорьева[11] (*докл<ад> вобщ<естве> охр<аны> нар<одного здравия 6-го декабря* 1898 года и отдельная книжка «Алкоголизм и преступления в г. С.-Петербурге», СПб., 1900 г.). Более или менее обстоятельные данные имеются и по некоторым другим крупным центрам, но все подобные исследования имеют весьма ограниченное значение.

За время до 80-х годов точных сведений о потреблении алкоголя в России не имеется: за этот период о потреблении приходится судить по *косвенным* признакам, каковы поступления питейных сборов[12], количество спирта, выпущенного из заводских подвалов, и проч. Материал, сюда относящийся, разбросан по различным официальным изданиям, выпускавшимся по разным поводам финансовым и другими ведомствами; все эти данные сведены г. Н.О.Осиповым[13] в его историческом очерке взимания питейных сборов в России (см. «Казенная продажа вина», СПб., 1900 г.); некоторые цифры пришлось г. Осипову черпать непосредственно из архивных данных. Интересную сводку данных за старое время (до 1888-го года) заключает в себе также книга г. Терского[14] («Питейные сборы и акцизная система»), на которую ссылается, между прочим, и г. Осипов. Первоисточники (впрочем, немногочисленные) за откупной период и раньше – указаны в статье г. Осипова, там же оценка этих источников и книги г. Терского. За время от введения акцизной системы[15] и до 1880-го года включительно главный материал для вывода потребления сведен в ежегодниках министерства финансов за соответствующие годы; некоторые общие выводы о душевом потреблении за это время см. в отчете Департамента неокладных сборов за 1887 год. Наконец, из сводных работ за 1-ю половину XIX века следует отметить обстоятельное исследование г. Корсакова[16] «Потребление вина в России в Великорусских губерниях»[17], относящееся к периоду 33-36-го гг. (см. «Материалы для статистики Российской Империи»[18], изд. 1841 г., отд. IV, статья 2-я, см. особенно

пени распространения алкоголизма в этих районах; впрочем, к этому вопросу нам еще придется вернуться ниже, при сопоставлении потребления алкоголя в наших Восточных окраинах с потреблением прочих районов Евр<опейской> России. Книга д-ра Никольского заключает в себе также много интересных данных об участии в потреблении *домашних* спиртных напитков женщин и детей.

табл. на стр. 26-28): труд этот *не упомянут* в перечне г. Осипова (страница 1-я вышеназванной его статьи). Из *полусамостоятельных* источников, дающих цифры *душевого* потребления (т.е. таких, которые цифру абсолютного потребления берут готовую из отчета Департамента неокладных сборов, но *душевое* потребление выводят *самостоятельно)*, следует отметить детально разработанные данные за 1886–1888 гг. в «Сборнике сведений по России», изд. Центрального статистического комитета[19] за 1890 г. (стр. 117), затем цифры душевого потребления за 1883-й год (по губерниям, без порайонных и общих средних) в «Сборнике сведений по России» за 1883-й год (стр. 250–253), также среднее душевое по Европейской России (50 губерний) в «Сборнике сведений» за 1882 год, (см. предисловие, стр. XXIV); данные за 1883 г., а также за 1886, 1887, 1888 отличаются от департаментских, так как Центральный статистич<еский> комитет принимает цифры населения более современные (Департамент неокладных сборов за первые годы издания «Отчета» пользовался обыкновенно при выводе душевого потребления устаревшими цифрами населения по сведениям медицинского деп<артамента>).

Перечисленными изданиями в сущности и ограничиваются источники, откуда черпают свои сведения о потреблении спиртных напитков в России все те многочисленные статьи, заметки, доклады и «трактаты» по алкоголизму, которые наводнили в последние годы наш книжный рынок. Тщетно было бы искать в этих исследованиях каких-нибудь *новых* фактических *данных о* размерах действительного потребления алкоголя в России; нет даже попыток *улучшить качественно*, путем внесения необходимых поправок (особенно в цифры *душевого* потребления), те официальные данные, на которых строят авторы исследований свои выводы и заключения*. Следует, впрочем, заметить, что некоторые русские исследователи предпочитают заимствовать данные о потреблении алкоголя в России не из русских, а из иностранных источников. Когда дело идет о сравнении высоты потребления в России с потреблением в других странах Европы, то подобный прием представляет то удобство, что оставляет вопрос об *однородности сравниваемых величин* (вопрос весьма сложный и трудный) на ответственности иностранного исследователя, у которого заимствуются данные. Против такого приема ничего нельзя возразить *по существу* в том случае, если иностранный источник дает для России цифру потребления вполне, или хотя приблизительно, совпадающую с данными на-

* *Единственным* исключением является в этом отношении вышедшая в половине прошлого 1909 года работа С.А.Первушина[20]: к его цифрам душевого потребления мы еще вернемся в своем месте.

4*

шей официальной статистики. К сожалению, этому требованию удовлетворяют весьма немногие иностранные источники. Так, напр., «Dictionnaire du Commerce»[21], на который часто делаются ссылки в русской литературе (и который действительно является источником, весьма хорошо осведомленным относительно различных сторон русской жизни) дает для России (по Империи) следующие цифры душевого потребления алкоголя (в одной водке): для 1885 г. - 28°[22], для 1895 г.* 21°. Согласно русским данным (см. «Казенная продажа вина», ст. Осипова), потребление по Империи было: 26° в 1885 г. и 21° в 1895 году; таким образом, французский источник сравнительно мало уклоняется от русских данных (надо при этом заметить, что вышеприведенная цифра по Империи за 1885 год, даваемая г. Осиповым, лишь приблизительная: точные данные о потреблении Азиатской Россией имеются лишь с 1892 года). Большинство других иностранных источников дают для России еще менее удовлетворительные цифры потребления; общей ошибкой, свойственной всем этим источникам, является неоднородность данных за время до и после 1892 года: как общее правило для годов до 1891 года включительно даются цифры потребления по одной Европейской России (иногда с Царством Польским[23], иногда без него), для 1892 и последующих годов - по всей Империи (т. е. включая и Азиатскую Россию); как мы видели, этой ошибки не избежал даже «Dict. d. com.»[24]. Такая ошибка равносильна уменьшению цифр за период с 1892 года, или увеличению цифр за период до 1892 года (смотря по тому, к какой территории мы будем относить цифры); и в том, и в другом случае одинаково нарушается правильное представление о динамике потребления. Кроме этой основной ошибки, некоторые из иностранных источников (цифры которых обращаются *в русской литературе),* давая по прочим государствам Европы цифры общего потребления алкоголя (т.е. во всех напитках), для России приводят цифру потребления алкоголя в одной водке: благодаря этому, получается совершенно неверное представление о месте, занимаемом Россией по высоте потребления алкоголя в ряду других государств Европы; см., напр<имер>, J.Rowntrie and Shervell, «The Temperance problem, and Social Reform»[25] (p. 77): приводя тщательно проверенные данные о потреблении алкоголя *во всех напитках* по главнейшим государствам Европы, авторы дают для России цифру 0,60 галлона, что

* Цифра для 1895 г. взята из «Bulletin russe de Stalistique financiére»[26] за 1896 г.; для 1885 г., очевидно, для *всей Империи* показана цифра потребления *по 50 губерниям Европейской России* (в 1885 г. потребление по 50 губ<ерниям> Европ<ейской> России равнялось 28,154° на душу; *точных* данных душ<евого> потребления *по Империи* до 1892-го года не имеется).

равняется 0,54 ведра в 40°, т.е. приблизительно душевому потреблению алкоголя в *одной водке*. Как на пример *обратной* ошибки, можно указать на сравнительные цифры душевого потребления в Англии и России, приводившиеся в одном из «внутренних обозрений» «Русской Мысли»[27] (1901 г., № 2) (на основании *английских* источников): здесь цифры душевого потребления в России (по крайней мере, до 1892 года*) являются переводом в английские меры**[28] данных исследования г. Минцлова[29] о потреблении алкоголя *во всех напитках,* напротив для Великобритании взята цифра потребления алкоголя *в одной водке* (1,03 галлона в 1899 году, между тем как потребление *во всех напитках* составляло в это время более 2 галлонов).

Чтобы покончить с данными иностранной статистики, обращающимися в русской литературе по алкоголизму, рассмотрим вкратце те данные о потреблении алкоголя в иностранных государствах, которыми пользовались русские исследователи для заключений о *сравнительном* развитии алкоголизма у нас (в период акцизной системы) и в главнейших государствах Западной Европы и Америки. Еще г. Рейнбот[30] в своих интересных статьях по алкоголизму («Р<усское> Богатство>»[31], 1884 г.) указывал, какие фантастические цифры циркулируют зачастую в русской литературе (Не исключая официальных изданий***) по вопросу о потреблении алкоголя в западно-европейских государствах, и для каких неверных заключений по отношению к России дают они почву. Г. Рейнбот попытался сравнить хоть отчасти эти данные; в своей работе он дает целый ряд цифр, из которых не все, впрочем, одинакового достоинства: так, для Англии он заимствует

* Дальше 1892-го года идет набор совершенно случайных цифр, с потреблением России не имеющих ничего общего:

		92 г.	– 93 г.	– 94 г.	– 95 г.	– 96 г.	– 97 г.	– 98 г.
Цифры «Русской Мысли»		– 0,53	– 0,52	– 0,53	– 0,53	– 0,51	– 0,56	– 0,56
Действительные	по Европ. России	– 0,55	– 0,54	– 0,58	– 0,58	– 0,55	– 0,55	– 0,56
	по Империи	– 0,50	– 0,50	– 0,53	– 0,53	– 0,51	– 0,50	– 0,50
по Минцл<ову> *во всех на<питках>*		– 0,58	– 0,60	– 0,65	– » –	– » –	– » –	– » –

(ведер в 40°)

** Галлоны 57-ми градусного алкоголя.

*** См., напр<имер>, труды комиссий и совещаний, созывавшихся для пересмотра правил о питейной торговле в 1875, 1881 и 1882 годах. Разбор данных о потреблении алкоголя в Западной Европе, заключающихся в этих «Трудах», см. у Терского, указ. соч. стр. 214.

В заключениях провинциальных комиссий, образованных в 1882-м году, можно найти, впрочем еще большие несообразности, чем те, о которых упоминает г. Терский.

цифру из *немецкого* источника, дающего цифру значительно выше действительной; для Франции и Северо-Американских С<оединенных> Штатов он также дает в своей *таблице* неверные сведения, но ниже (в тексте) сам же исправляет их согласно официальным данным; внося эти поправки и исправляя неточность, допущенную при перечислении литров в ведра, мы получим для 1882 года следующую таблицу душ<евого> потребления в ведрах абсолютного алкоголя:

Франция - 0,27 - «Statist, de la France»[32] (по другим источникам, на которые ссылается г. Рейнбот, - 0,31).

Австрия - 0,27 - «Oesterreichisch Stat. Handbuch herausgegeben von der Statist. Centralcommission»[33].

Северо-Американские С<оединенные> Штаты - 0,206 - цифры непосредственно полученные от Правит<ельства> Штатов г. Нольде[34] (в его статье «Питейное дело и акцизная система»). NB собственно в 1881 г.

Германия - 0,36 - Schoenberg «Hanbuch dr. n. Politischen Oekonomie»[35].

Англия - 0,42 - (у Рейнбота 0,44 вследствие неверного перевода литров (5,26) в ведра).

Россия - 0,31 - «Указатель правит, распоряжений» (1883 г., № 51).

Отбрасывая цифру для Англии, как ненадежную, мы получим таблицу, приблизительно верно представляющую место, занимаемое Россией относительно других государств; оговорку следует сделать относительно Германии: для начала 80-х годов (XIX века) немецкая статистика не располагает прямыми данными о количестве потребленного спирта; цифру потребления приходится выводить на основании размера выкурки (конечно, принимая также по внимание и привоз, и вывоз, и траты и пр.), общая сумма выкурки сама выводилась в то время *теоретически* (прямых сведений не собиралось) на основании фактической емкости квасильных чанов и теоретически вычисленного % выхода спирта из каждого ведра емкости. Официально принимавшийся в то время % (5%) был гораздо ниже действительного; по мнению специалистов, официальный % должен быть почти удвоен; сообразно этому и официальная цифра душевого потребления должна быть удвоена и во всяком случае увеличена не меньше, чем на 70–75%. Тогда таблица примет вид:

Германия не меньше	60° (60°–75°)
Англия	?
Австрия	27°
С<оединенные> Штаты	20°
Франция	27° (31°)
Россия	31°

К тому же времени (1-я половина 80-х годов XIX века) относятся данные другого обстоятельного исследования г. Андреева*.

Исследование г. Андреева дополняет таблицу Рейнбота, давая цифры душевого потребления для Бельгии, Голландии (впрочем, весьма сомнительные), Италии и Англии. Для Австрии, Соединенных Штатов и для Германии (принимая во внимание вышеуказанную поправку) цифры Андреева приблизительно сходятся с цифрами Рейнбота. Для Франции Андреев дает цифру выше официальной, но, быть может, все еще слишком низкую, если принимать во внимание действительный размер производства bouilleurs du cru**[36]. Нам, впрочем, кажется, в виду отсутствия сколько-нибудь надежных данных о количестве алкоголя, *действительно* производимого домашним винокурением, всего правильнее вовсе игнорировать этот спирт***, как это и делает, напр<имер>, г. Минцлов (о котором – ниже): при этом мы получим цифру, почти не отличающуюся от обычной официальной, *именно для* 1883 года (и вообще начала 80-х годов) около 30° (см. Минцлов, с. 13). Что касается Англии, то г. Андреев принимает для начала 80-х годов цифру около 18°; цифра эта совпадает с цифрой позднейшей работы г. Минцлова (для того же времени), но резко расходится (почти в $2\frac{1}{2}$ раза меньше) с другими цифрами, обращающимися в русской литературе (см., напр<имер>, цифру из «Dict. d. Com.»; цифру г. Рейнбота, заимствованную у Schonberg'а; данные д-ра Григорьева; К.Толстого[37]: «Алкоголизм»). Разница эта объясняется *игнорированием* – при выводе цифр последней категории – того обстоятельства, что английские источники обыкновенно выражают количества алкоголя в ведрах не абсолютного спирта, а *57-градусного*. Принимая во внимание эту особенность английской алкогольной системы, мы получим и для источников 2-й категории также цифру близкую к 20°, что вполне согласуется и с данными г. Андреева. Для Италии и Норвегии у г. Рейнбота не имеется вовсе цифр; что же касается

* В.Андреев «Обзор иностранных законодательств по взиманию налога со спирта». Спб., 1883 г.

** *Официально* эта сумма показывалась для 1885 г. в 69 045 гектолитров[38] (см. *P.Leroy Beaulieu* «Traité de la science des finance»[39], 5 ed., t. I, p. 684), для 1895 г. – 84.611 гектолитров (см. «Dict. d. com.», статья G.Hartmann'a, p. 128). По сравнению с общим производством – около 2-х миллионов гектолитров (2 165 000 в 1895 г.) – это количество совершенно ничтожно, так что, игнорируя его, получим почти ту же цифру душевого потребления, как и обычная официальная.

*** Подобно тому, как и русская алкогольная статистика игнорирует спиртные напитки домашнего приготовления, играющие еще до сих пор главную роль в потреблении большинства наших инородцев.

цифр, приводимых г. Андреевым, то они близко подходят к данным новейших, более точных, исследований: так для Италии имеем по Андрееву 7°, по новейшим исследованиям Минцлова - 10°, по данным «Dict. d. com.» - 8°; для Норвегии по Андрееву - 12°; по Минцлову и по «Diet. d. corn.» - 14°. Для Швеции позднейшие данные указывают цифру в 33-34°, что значительно меньше цифры (40°), приводимой г. Андреевым. Наконец, данные г. Андреева для Бельгии и Голландии должны быть признаны вовсе неудовлетворительными.

В конце концов, книга г. Андреева дает для России и для главных государств Западной Европы и Соединенных Штатов цифры, довольно верно выражающие место, занимаемое Россией по потреблению спиртных напитков (водки) среди других цивилизованных государств (следует только предварительно внести вышеуказанную поправку в цифру потребления для Германии и вовсе отбросить цифры для Бельгии, Голландии и Швеции). Дополняя данные г. Андреева и Рейнбота данными новейшей русской работы Минцлова и сопоставляя ее с цифрами тщательно составленной (под редакцией вполне компетентных лиц) таблицы в «Dict. d. com.», мы можем выразить взаимное положение различных государств по высоте душевого потребления алкоголя в 1-й половине 80-х годов прошлого века следующей приблизительной таблицей:

1) Германия потребляла согласно действ<ительным> выходам не меньше 60° (официально немного выше 30°).

2) Швейцария - около 40°;

3) Бельгия и Голландия 35-40° - (около 37°);

4) Швеция - 30-35° (около 33°);

5) Франция - около 30°, а присоединяя не зарегистрированные продукты домашнего винокурения, вероятно, не меньше 40° (вернее, около 45°);

6) Россия - около 30° (колеблется за первую половину 80-х годов от 28 до 33°);

7) Австрия в 1885 году (по данным «Dict. d. Com.») и в 1883 году (по данным Минцлова, Андреева и Рейнбота) - около 28° (вообще за 1881-85 гг. потребление претерпело здесь сильные колебания*: цифра 28° едва ли не уменьшена против действительной;

8) Англия - 20-25° (вернее - ближе к 20°);

9) Сев<еро>-Амер<иканские> Соед<иненные> Штаты - около 20° (18-20°);

---

* Так в 1882 г. .... 30°
в 1885 г. .... 54°
(Промежуточных цифр не имеется, по крайней мере - достоверных).

10) Норвегия - около 15° (точнее - 12-14°, не выше);

11) Италия - около 10° (точнее градусов 7-8, вряд ли больше).

Таким образом, если отказаться от учета утаиваемого спирта (так как таковой в сущности есть во всех странах в количестве, не поддающемся обыкновенно даже приблизительному учету), то установление градации государств по высоте потребления водки в 1-й половине 80-х годов (времени, с которого начинается в России точный учет потребления и к которому относятся у нас первые меры для урегулирования этого потребления) не встречает никаких серьезных препятствий (некоторые сомнения остаются относительно Австрии). Согласно этой градации, *Россия занимала середину между главными государствами Западной Европы и Сев.-Амер. Соед. Штатов:* шесть государств, именно: Германия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Швеция и Франция стояли в это время выше России, и пять других: Австрия (?), Англия, Сев.-Амер. Соед. Штаты, Норвегия и Италия - ниже; государства, потреблявшие на душу больше России, дают цифры потребления от 30 до 60° на одного жителя; государства, потреблявшие меньше России, дают цифры душевого потребления от 10 до 30°. Впрочем, для каких-нибудь прочных выводов о сравнительном злоупотреблении спиртными напитками в западно-европейский государствах и в России - все эти цифры представляют весьма шаткую почву. Так, в Италии алкоголь, потребляемый *в виде водки,* составляет лишь ничтожную часть в общем количестве алкоголя, потребляемого населением (в виноградн<ом> вине). Во Франции количество алкоголя, потребляемого в виноградном вине, приблизительно в 2 раза превосходит количество алкоголя, потребляемого в водке; то же следует сказать и относительно Швейцарии (напр<имер>, в 1894 г. в водке - 24°; в виноградном вине - 48°). В Англии ту же роль, как виноградное вино в Италии и Франции, играет пиво: количество алкоголя, потребляемого населением в пиве, почти в $2\frac{1}{2}$ раза выше количества алкоголя, потребляемого здесь в виде водки; то же и относительно Бельгии; в Германии количество алкоголя, потреблявшегося в пиве, составляло для половины 80-х годов около $\frac{1}{3}$ общего количества алкоголя, потреблявшегося населением во всех напитках (но уже к половине 90-х гг. количество алкоголя, потребляемого в водке и в пиве, сравнялось). В Норвегии общая сумма алкоголя, потреблявшегося населением в пиве и виноградном вине, постоянно превосходила количество алкоголя, потреблявшегося в водке*; в Австрии сумма

* В Северо-Америк<анских> Соед<иненных> Штатах обе суммы были приблизительно равны (в последнее же время первая превзошла вторую, причем главная роль принадлежит пиву высокой крепости).

3 Зак 13

алкоголя в виноградном вине и пиве – вместе составляла больше ½ алкоголя, потреблявшегося в одной водке; в Голландии – немного меньше половины. Таким образом, из всех стран, вошедших в нашу таблицу, только Швеция, да, пожалуй, еще Голландия могут действительно служить для сравнения с Россией; сравнение России с другими государствами не может дать верных результатов вследствие слишком неодинаковой роли, какую играет потребление *водки* в общей сумме спиртных напитков, потребляемых населением каждой страны. Свободными от этого недостатка являются данные *новейшего* времени, принимающие во внимание* *все* алкогольные напитки, потребляемые населением данной страны. Зато эти данные, несмотря на все старания исследователей, отличаются весьма грубым приближением**. Наиболее обстоятельная попытка такого учета в *русской* литературе принадлежит г. Минцлову: результаты своего исследования г. Минцлов сперва изложил в виде статьи в «Вестнике Финансов»[40], а затем сообщил в виде доклада в комиссии по вопросу об алкоголизме (напечатано в 1 вып. «Трудов»). Цифры для Англии, Франции, Бельгии и России г. Минцлов заимствовал из официальных источников, причем им приняты были все меры, чтобы сделать их *однородными* и *сравнимыми;* для остальных государств цифры заимствованы из доклада г. Дени на международном конгрессе по алкоголизму (в Базеле). Следует, впрочем, оговориться, что Минцловым сознательно не принят во внимание для Франции (и, вероятно, для Швейцарии) спирт, полученный домашним винокурением (в виду отсутствия надежных цифр для определения этого количества). Поэтому цифра душевого потребления, выведенная г. Минцловым для Франции и Швейцарии, должна быть несколько повышена (сам г. Минцлов упоминает только относительно французских bouilleurs de cru; но садовладельческое винокурение, якобы для домашних надобностей, весьма развито и в Швейцарии, и также, как и во Франции, не учитывается официальными источниками при выводе душевого потребления, равно как и выписываемые частными лицами помимо монополии «спиртные напитки высшего (?) качества» (ликеры, ром, кирш и пр.). Чтобы судить о количестве спирта, производимого «bouilleurs de cru» во Франции, довольно сказать, что число лиц, занимающихся домашним винокурением, в 1895 году было близко к миллиону (957 тысяч, в 1885 – 515 тыс., т. е. почти

---

* Или, по крайней мере, – пытающиеся принять во внимание (насколько подобная задача осуществима).

** Вследствие отсутствия точной регистрации для напитков, содержащих небольшой % алкоголя (пиво, виноградное вино, – особенно потребляемое *на месте* и т. п.).

удвоилось в 10-летие). Ввиду этого обстоятельства для Франции и Швейцарии следует признать более близкими к действительности цифры, приводимые в упомянутой выше книге «The Temperance Problem...», – именно около 135° для Франции и близко к 100° для Швейцарии (вместо 114°*) и 88°, приводимых г. Минцловым. Впрочем, эта поправка не изменяет порядка, в каком располагаются различные государства по высоте душевого потребления алкоголя во всех напитках; именно:

1-е место занимает			Франция:	около 1,35 вед<ер> абсол<ютного> алког<оля> на 1 душу.
2-е	«	«	Швейцария:	около 1,00.
3-е	«	«	Бельгия:	0,85.
4-е	«	«	Италия	очень близкие цифры; колеблются
5-е	«	«	Германия	от 74 до 78° по Минцлову и
6-е	«	«	Англия	от 73 до 75° по другим источникам.
7-е	«	«	Голландия:	0,52.
8-е	«	«	Сев.-Амер. Соед. Штаты:	0,42–0,48.
9-е	«	«	Швеция:	0,38–0,39.
10-е	«	«	Норвегия:	0,35**.
11-е	«	«	Россия:	0,21 (по Империи). 0,23 (для Евр<опейской > России).

Считаем не лишним указать здесь же, для сравнения, место, занимаемое различными государствами по потреблению *одной водки к моменту введения у нас казенной продажи* (водки).

Потребление абсолютного спирта в одной водке на 1 душу населения в среднем за десятилетие (по 1894 г.) по Минцлову равнялось:

В Дании .... 64°
« Бельгии .... 37°

---

* Согл<асно> отч<ета> сенатск<ой> комиссии потребл<ение> алкоголя *во всех напитках* во Франции *уже в 1885 г.* равнялось 1,05 ведра абсол<ютного> алког<оля> (12,96 литра).

** Г. Минцлов принимает для Норвегии цифру в 35°, между тем как цитированные выше английские авторы, цифры которых в других случаях вполне сходятся с данными Минцлова, принимают всего 19° (т. е. меньше, чем в России); эта последняя цифра, очевидно, основана на недоразумении, так как *в одной водке* в Норвегии потребляется около 15° (согласно офиц<иальным> источникам), между тем потребление *пива* в последнее время здесь развилось до такой степени, и пиво потребляется настолько *крепкое*, что количество абсолютного алкоголя, потребляемого в пиве, разве немного меньше количества, потребляемого в водке. Во всяком случае нет сомнения, что душевое потребление в Норвегии ко 2-й половине 90-х годов стояло выше, чем в России.

3*

В Австрии .... 36°
« Голландии .... 36°
« Германии .... 36°
« Франции .... 33°
« Швеции .... 28°
« Швейцарии .... 27°
« России .... 24° (24,4)
« Сев.-Амер. Соед. Штаты ..... 21°
« Великобритании .... 20°*
« Норвегии .... 14°
« Италии .... 6°

В таблице г. Минцлова дается для большинства государств сплошной ряд цифр за целое 10-летие, и притом приводится не только общая сумма алкоголя во всех напитках, но и порознь – в каждом из наиболее употребляемых напитков**.

Сравнивая данные г. Минцлова о потреблении алкоголя в новейшее время в одной водке с соответственными данными «Dict. d. Com.», находим вообще близкое совпадение цифр, говорящее в поль-

---

* Согласно «Dict. d. Com» – 36°, принимая же во внимание вышеуказанную поправку: 36 × 57/100 = 20,5°.

** Для 1-й половины 80-х годов потребл<ение> в одной водке составляло в градусах (с округл<ением>):

	По «Dict. d. Com» (в 1885 г.)	По Минцлову (1885 г.)	По Андрееву (1880–83 гг.)	По Рейнботу (к 1883 г.)	По Григорьеву (за 1880–84 гг.)
Франция	31	31	37	24	31
Англия	34	20	18	44	30
Германия	67	56	31	36	–
Италия	8	10	7	–	–
Швеция	34	33	40	–	33
Норвегия	14	14	12	–	14
Бельгия	34	37	44	–	–
Швейцария	41	40	–	–	37
Голландия	37	37	21	–	36
Австрия	28	(?)	28	27	–
Сев.-Амер. Соед. Штаты	20	19	18	27	–
Россия	28	28	–	31	32

О поправках в отдельных цифрах этой таблицы говорено выше.

зу точности приемов г. Минцлова, только для Англии французский источник впадает в обычную ошибку, сопоставляя английское потребление, выраженное в литрах 57° *спирта с* данными для прочих, стран, выраженными в литрах *абсолютного спирта* (d'alcool pur). Так, для 1885 г. - 4,22; для 1895 г. - 4,4 литра, что при переводе с 57° спирта на 100° дает высоту потребления от 19 до 20°, т.е. то же, что находим и в таблице г. Минцлова.

В наши задачи не входило дать самостоятельную разработку *сравнительной* алкогольной статистики: мы имели в виду лишь дать обзор тех статистических сведений о потреблении алкоголя в иностранных государствах, которые имелись *в нашей* (специальной и общей) литературе ко времени введения казенной продажи (т. е. к концу 90-х годов). О более свежих данных, появившихся у нас в сравнительно недавнее время, будет сказано в заключительной главе в связи с характеристикой нашего потребления за монопольный период.

Однако, мы считаем не бесполезным привести некоторые сопоставления вышеприведенных цифр с цифрами других иностранных источников, не переведенных еще в то время (а часто еще и теперь) на русский язык*. За рассматриваемый период (с половины 80-х до второй половины 90-х годов) наиболее разработанным источником сведений по сравнительной статистике потребления алкоголя бесспорно является: «Alcoholic Beverages. Production and Consumption in the various Countries of Europe and in the United States. 1885 to 1896. London, 1898»[41] - свод сведений, собираемых и публикуемых английским министерством торговли (также и для новейшего времени). Именно этими данными, главным образом, и пользуются большинство исследователей алкоголизма, как в Англии, так и в других странах. Эти же данные легли в основу и недавно вышедшей работы E.Struve: «Der Verbrauch alkoholischer Getränke in d. Haupt-Kulturländern»[42], Berlin, 1907. Самостоятельно разработанной является в ней лишь статистика германского потребления. Сравнивая цифры этой обстоятельной работы с вышеприведенными цифрами (по Минцлову и др.) за время 1885–95 гг., мы, вообще говоря, встречаем почти полное совпадение; некоторое исключение составляют цифры *общего* (во всех напитках) душевого потребления Италии, Бельгии, Англии и Норвегии: так, потребление Италии и Бельгии по Струве равияется приблизительно одному ведру безводного алкоголя, т.е. значительно выше принятой нами цифры (особенно для Италии); потребление Англии по Струве также несколько выше принятого нами (86°); напротив, потребление

* Вышеупомяиутое исследование J.Rowntrie and Shervell было в свое время цитировано «Русск<им> Богатством» (в начале 90-х годов).

Норвегии (во всех напитках) г. Струве определяет на 30–35% ниже цифры, принятой нами. Что касается потребления одной водки, то здесь получается еще более полное совпадение, не исключая и Норвегии; ощутительная разница получается лишь для Швейцарии: 22° против принятых нами 27°.

Из указанных уклонений остановимся на двух наиболее существенных, именно на слишком низкой цифре потребления одной водки, принимаемой г. Е.Струве, для Швейцарии (22°), и на слишком низкой цифре *общего* потребления, принимаемой им для Норвегии (21–22°). Слишком низкая цифра (потребления водки) для Швейцарии, надо думать, получена им вследствие недостаточно полного учета *привозных* водочных изделий (см. выше); возможно, что повлияло на понижение цифры и неточное определение производительности домашнего винокурения («bouilleurs de cru»). Что же касается низкой цифры общего потребления для Норвегии, то оно является несомненным результатом слишком низкой крепости пива, принятой для этой страны Е.Струве (принятая им крепость пива, около 4% алкоголя, почти равняется крепости русского пива, заведомо несравненно более слабого, чем высокоградусное норвежское пиво). Заметим еще, что как наши цифры общего потребления Франции, так и соответственные цифры Е.Струве не включают потребления сидра (45 литров = 2,25 литра безводного алкоголя на душу).

Глава 2.

Данные акцизного периода и некоторые данные из более раннего времени

Начнем с данных бюджетных исследований и вообще с источников второстепенной важности, чтобы, покончив с ними, перейти к критике и анализу *основного* материала. Как мы уже указывали, главное значение бюджетных данных о потреблении спиртных напитков (в частности, водки) заключается в возможности производить разнообразные и при том весьма детальные сопоставления между высотой потребления, с одной стороны, и различными экономическими признаками, характеризующими данную группу хозяйств - с другой. Так, взявши, напр<имер>, наиболее пригодные для нашей цели данные по Воронежской губ<ернии> и располагая хозяйства по размеру земельного обеспечения, получим следующие средние цифры душевого потребления для каждой группы хозяйств (цифры получены нами на основании граф: 462, 32 и 14 бюджетных таблиц. См. <Щербина Ф.А. «Крестьянские бюджеты» (1900 г.)>, стр. 3, 27, 43, 67, 83, 107, 123, 147, 163, 187).

Обеспечение землей (десятин удобной земли на 1 двор)	Душевое потребление спиртных напитков (водки) по расчету:				
	На наличную душу населения			На душу в рабочем возрасте	
	В ведрах в 40°	На сумму в рублях*	Относительная высота душ.потребления, если среднее=100	В ведрах в 40°	Если среднее принять за 100
Безземельные	0,250	1,95	133	1,291	167
Имеющие до 5 десятин	0,175	1,01	93	0,695	90
от 5 до 15 дес.	0,182	1,00	97	0,762	99
от 15 до 25 дес.	0,145	0,75	78	0,574	74
свыше 25 дес.	0,264	1,56	141	1,137	147
Среднее	0,1875	-	100	0,772	100

* Расход на *чай* по расчету на наличную душу по тем же группам хозяйств соответственно равнялся: для 1-й группы (безземельной) - 1,95 р.; для 2-й - 0,45; для 3-й - 0,40; для 4-й - 0,25 и для последней - 0,28 руб. (см. Щербина, стр. 292 и 308).

Мы вычислили потребление не только на наличную душу, но и на одну душу *мужского* населения *рабочего возраста*, так как в зависимости от обеспечения землей меняется и состав семей. Таким образом, душевое потребление водки, вообще расход на спиртные напитки, изменяется в зависимости от высоты земельного обеспечения приблизительно так же, как и вообще расходы на «личные потребности» (в противоположность «хозяйственным»), уменьшающиеся от малоземельных групп к многоземельным (см. стр. 124).

Расходы на личные потребности составляют % общего расхода:

Безземельные		62,8%
Имеющие	до 5 дес<ятин>	60,6%
«	от 5 до 15 дес<ятин>	54,8%
«	от 15 до 25 дес<ятин>	53,3%
«	свыше 25 дес<ятин>	52,9%

Некоторое уклонение от этого общего правила представляет 2-я группа (да и то лишь по отношению к водке, а не ко всем напиткам), что, впрочем, может быть объяснено разнородностью элементов, чисто внешним образом (по признаку количества земли, *юридически* принадлежащего данному двору) объединенных в этой группе: действительно, сюда вошли, с одной стороны, чисто промысловые хозяйства, для которых земля - лишний и во всяком случае несущественный придаток*, от которого обладатели ее не прочь отделаться при первом удобном случае; по смыслу своих отношений к земле, эта часть дворов правильнее должна бы быть отнесена к 1-й группе (которую тогда следовало бы обозначить: группа дворов безземельных и вообще таких, в хозяйственной *жизни которых земля не играет существенной* роли). Напротив, другая часть дворов, входящих во 2-ю группу, несмотря на ничтожность земельного обеспечения, прилагает все рабочие силы семьи к извлечению земледельческого дохода из своей, а если можно, и арендованной земли. Эти природные земледельцы, сильные по своему рабочему составу, но обделенные основным фактором производства - землей**, вечно находятся в состоянии острого кризи-

---

* Или непосильное бремя, с которым семья в силу ненормальности своего состава (ослабевшие семьи с ненормально повышенным отношением едоков к работникам) не может справиться (по крайней мере не может извлечь из приложения своих сил к наделу столько же дохода, сколько дает отчуждение этих сил на сторону).

** Сюда, главным образом, относятся семьи с дарственным наделом. Прекрасную характеристику обеих групп, соединяющихся в число «имеющих 5 десят<ин>», дает г. Харизоменов[1] (под названием 2-й и 3-й группы); см., Велецкий[2] «Земская статистика». ч. 1, стр. 309-я.

са, балансируя на границе, ниже которой идет масса безземельных пролетариев. Чтобы удержаться в этом трудном положении, хозяйства рассматриваемой категории напрягают все свои силы, жертвуя своим личным потреблением в пользу хозяйственных расходов, необходимых для удержания земельного хозяйства от падения.

Таким образом, сравнительно низкое потребление спиртных напитков в этой группе хозяйств не представляет исключения из общего положения, что потребление тем ниже, чем *интенсивнее земледельческий характер* данного хозяйства. Впрочем, это положение имеет силу лишь в тех границах, в которых земледельческий характер хозяйства есть синоним его натуральности: раз эксплуатация земли принимает характер *капиталистический*[3] – размер землевладения уже не стоит в обратном отношении с высотой расходов на спиртные напитки, как это видно из вышеприведенных данных для многоземельных (свыше 25 дес<ятин>) хозяйств, утративших характер натуральности*.

Сопоставляя данные о расходах на спиртные напитки на душу с величиной натуральной доли расходов (в % ко всему расходу), получаем: (Данные для вычисления <взяты из цитаты сочинения Щербины Ф.А.> см. стр. 308 и 304-я «Комбинационные таблицы»).

Натуральный расход		Расход на спиртные напитки на наличную душу	
0	20%	2,55	руб.
20	40%	1,63	«
40	50%	0,82	«
50	60%	0,96	«
свыше	60%	0,89	«

Если бы из 2-й группы г. Щербины выделить хотя бы только дарственников и присоединить их к 3-й группе, то и этого одного, наверное, было бы достаточно, чтобы восстановить во всей полноте обратную зависимость между размером земельного обеспечения и высотой душевого потребления вплоть до последней многоземельной группы.

* Необходимость производства для рынка в этой группе обуславливается уже самим размером пашни (неизбежные остатки хлеба за покрытием собственных продовольственных и хозяйственных потребностей); о сравнительных размерах применения наемного труда в этой группе дворов можно судить по следующему: в то время, как в низших группах (по земельн<ому> обеспечению) числа хозяйств с наемными батраками составляет от 1 до 8% к общему числу хозяйств данной группы (в 1-й группе около 1%; во 2-й около 3%; в 3-й около 5%; в 4-й около 8%), в последней, многоземельной, группе процент этот сразу повышается до 16%.

(Приведенные процентные отношения выведены на основании абсолютных цифр, даваемых г. Щербиною на стр. 232 цит. соч.).

Наконец, связь расходов на спиртные напитки с общим расходом на потребление по расчету *на 1 кету*[1] представляется следующим образом:

Потребление на 1 кету	Расход на спиртные напитки
От 1 до 10 руб.	0,37 руб.
« 10 до 20 «	0,65 «
« 20 до 30 «	1,12 «
« 30 до 40 «	1,23 «
свыше 40 «	1,85 «

Таким образом, увеличение расхода на алкоголь подчиняется общим законам, регулирующим расходы на наличное потребление. Эти расходы тем выше, чем больше данное хозяйство уклонилось от среднего натурально-земледельческого типа; ниже всего расход на личное потребление (а в том числе и на спиртные напитки) в хозяйствах со средним земельным обеспечением, *только достаточным* для ведения самостоятельного хозяйства; напротив, по мере приближения хозяйства к крайним типам (многоземельным хозяйствам, работающим для рынка и приближающимся к типу капиталистических предприятий, и к малоземельным, в которых центр тяжести хозяйства лежит в сторонних заработках)* – расход на личные потребности (и в том числе на такие предметы, как водка, вино, чай и пр.), как общее правило, повышается; отсюда следствие: всякая причина, вызывающая или ускоряющая образование в среде крестьянской массы *крайних* хозяйственных типов за счет среднего, – должна способствовать повышению в данном районе *среднего уровня* душевого потребления алкоголя. Этот вывод имеет, как мы увидим дальше, значение для объяснения некоторых, с первого взгляда непонятных, явлений в области массового потребления спиртных напитков. Откладывая полное объяснение этого явления до 2-й части, мы пока заметим только следующее: на основании тех же данных земско-статистических исследований оказывается, что состав семей находится в правильной зависимости от степени обеспечения семьи землей; для нас особенно важно отметить, что чем лучше обеспечена семья землей, тем выше % детей и стариков и вообще лиц нерабочего возраста. Отсюда понятно, что всякий момент, способствующий процессу «раскрестьянствования» в данной

[1] На одно крестьянское хозяйство, производящее товарную продукцию. – *(Примечание редактора)*.

* Данные о батраках см.: указ. соч. Щербины, стр. 232–235; о *неземледельческом* отходе из среды низшего слоя дифференцированной деревни см. ниже, во 2-й части соотв<етствующей> главы.

местности, тем самым повышает *% действительных потребителей алкоголя* в общей массе населения района и тем самым повышает цифру среднего душевого потребления алкоголя, хотя бы *реальное душевое** потребление осталось совершенно без изменения. Что касается того пути, посредством которого совершается изменение возрастного состава населения под влиянием понижения хозяйственного уровня массы, то те же источники дают нам вполне удовлетворительное объяснение: чем менее обеспечена данная группа землей, тем выше в этой группе смертность**, а так как из общего числа умерших наибольший % падает на детей до одного года, затем на стариков, далее опять на детей, но уже от 1 до 6 лет, то понятно, что следствием повышенной смертности является, помимо понижения среднего размера семьи, и уменьшение числа лиц обоего пола, приходящихся на 1 лицо рабочего возраста. Так, на одного полного рабочего приходится душ обоего пола:

Обеспечение семьи землей	Приходится на 1 рабочую душу об<оего> пола	% детей от 1 до 13 лет	Средний размер семьи
В семьях, имеющих:			
до 5 дес<ин> на двор	3,20 душ	36,55	5,05 чел.
от 5 до 15 дес. на двор	3,25 «	37,82	6,50 «
от 15 до 25 дес. на двор	3,30 «	38,51	8,91 «
свыше 25 дес.	3,38 «	39,42	12,63 «

«Чем больше земли, тем больше семья и тем больше в ней детей, и наоборот, а большим или меньшим количеством детей, в конце концов, обусловливается и большее или меньшее количество всего населения, причитающегося на каждого наличного работника» (указ. соч. Щербина, стр. 217).

Но, как мы видели выше (см. нашу 1-ю табл., составленную на основании бюджетных исследований г. Щербины), неодинаковый

* Т. е. по расчету на каждого реального потребителя.

** Сопоставляя смертность (число умерших на 10000 нас<еления>) и прирост (также на 10000 чел<овек>) по различным группам крестьянских дворов, получим:

Число десятин земли, приходящейся на двор	Умерло на 10000 чел<овек>	Прирост на 10000 чел<овек>
до 5 дес<ятин>	350 чел.	168 чел.
от 5 до 15 дес<ятин>	332 «	206 «
от 15 до 25 дес<ятин>	286 «	244 «
свыше 25 дес<ятин>	262 «	295 «

(Щербина указ. соч., стр. 218-219)

состав в группах с разным земельным обеспечением *лишь усиливает* различие средних норм потребления спиртных напитков в этих группах, но отнюдь не может быть принято за *основную* причину неодинаковой высоты среднего душевого потребления алкоголя (как это доказывают два последних столбца упомянутой таблицы).

Выяснение искомой основной причины различия в высоте душевого потребления спиртных напитков в различных группах, на которые распадается современная деревня в зависимости от различного отношения этих групп к земле, уже относится к предмету 2-й теоретической части нашего исследования. Теперь же, чтобы покончить с бюджетными исследованиями, остановимся еще на том minimum'e, который устанавливают эти исследования для сельских местностей, поставленных *в самые неблагоприятные экономические условия* и вынужденных сводить свой потребительный бюджет до такого низкого уровня, при котором уже начинается прямое «вымирание» населения этих местностей. Такие данные находим мы в бюджетном исследовании доктора А.Шингарева: «Опыт санитарно-экономического исследования вымирающих деревень», относящимся к южному земледельческому району (село Ново-Животинное и деревня Моховатка), напечатанном в приложении к № 38 и № 41 «Саратовской Земской Недели»[4] за 1901 г. По заключению д-ра Шингарева, потребление алкоголя в исследованных им «вымирающих деревнях» равняется 0,18–0,13 вед<ер> 40° водки. Эта цифра, вероятно, и может быть принята как граница, ниже которой у нас не опускается средняя, для целого населенного места, цифра душевого потребления, если только, конечно, не происходит замены *покупной водки* спиртными напитками *домашнего* приготовления. Без сомнения, к бюджетным же исследованиям относится и вопрос о среднем количестве водки, потребляемом, согласно обычаям, при праздновании свадеб. К сожалению, данные наши по этому вопросу недостаточны: из отдельных указаний можно с уверенностью заключить, что количество выпиваемой водки, по крайней мере, в Великорусских губерниях очень велико; даже наиболее бедный тянется за богатыми и считает чуть ли не позором выставить вина меньше, чем это установлено местным обычаем (сравни, напр<имер>, интересное исследование г. Весина[5]: «Великорусс в его песнях и обычаях»): свадебное угощение, стоящее 70 руб., считается убогим («Р<усская> М<ысль>» 1891 г., кн. X), гости остаются таким угощением недовольны. К этому надо прибавить, что водка выставляется согласно требованиям обычая не только во время самой свадьбы, но и в различные другие моменты, связанные с ней; у того же автора указываются следующие *обязательные* поводы выставления водки: «сватовство», «высватать – запить», «пропой», «сго-

вор», «княжий обед» и пр., все это требует огромных расходов, «ведущих даже к обеднению крестьян и являющихся одной из причин их задолженности». Хотя сами крестьяне начинаются тяготиться накладными для кармана церемониями, но не решаются отстать от них, «потому что так заведено изстари» (Шингарев, указ. соч., стр. 37). По другим источникам, расход на одну водку в Великорусских губерниях не меньше 100 руб. для двора средней зажиточности: во всяком случае, расход в 70 руб. на одну водку должен быть принят за величину скорее ниже, чем выше средней для Великорусских губерний; в губерниях, где распространено потребление *виноградного* вина (вследствие близости винодельческих районов) или *домашних* напитков (кумышки, хмельной бражки, домашнего пива), как это имеет место в некоторых Восточных губерниях, конечно, цифра расхода на водку во время свадеб понижается. Правильное представление о расходе водки во время свадеб имеет большое значение для определения цифры *обычного* потребления водки по каждому району (средняя цифра браков для каждого района имеется в общей статистике движения населения, публикуемой органами Мин<истерства> Вн<утренних> Дел: в Отч<ете> Медиц<инского> Деп<артамента> и в Сводн<ых> табл<ицах> Центр<ального> Стат<истического> Ком<итета>)*.

Перейдем, наконец, к книге г. Распопова, представляющей собой в некотором роде единственное по полноте и тщательности выполнения сплошное исследование по целому уезду. Г. Распопов на основа-

---

* Влиянием свадеб в значительной степени объясняется странное на первый взгляд явление увеличения (*основные* причины выяснены во 2-й части) или по крайней мере отсутствия заметного сокращения потребления водки в районах, сильно пострадавших от недорода (см., напр<имер>, указание в «Вест<нике> Евр<опы>»[6], 1901 г., ноябрь, на «сенсационный» факт увеличения потребления водки в селе, стоящем «на границе голодовки»): свадьбы играют усиленно вследствие дешевизны в голодные годы мяса (один из крупных расходов на свадьбах), – см., напр<имер>, «Русск<ое> бог<атство>» 1897 г., декабрь, стр. 204: экономия на свадьбе, благодаря дешевизне мяса, составляет до 20 рублей. Характерно, что в голодные годы совершаются по преимуществу такие свадьбы, каких в обыкновенное время не состоялось бы; см. прибавление к книге Майра[7], стр. 476 (общее движение браков на 1000 жителей), например, по числу браков 1892 г. равняется только 1888 г.; увелич. браков в 92 г. произошло, главн<ым> образом, за счет *вдовцов* (стр. 479): % браков холостых, напротив, резко падает; не следует ли объяснить подобные браки нуждой семей, откуда берутся невесты? Невольно напрашивается на сопоставление отмеченный В.Г.Короленко[8] («Голодный год», стр. 114) факт «дешевизны невест» в голодных местностях: девку отдают «лишь бы с хлебов долой», а в обычное время «за них берут «кладку»[9] рублей по 50, по 100».

нии опроса виноторговцев, поверяемого цифрами железнодорожной статистики относительно ввоза и вывоза спиртных напитков, дает точную и притом детальную картину потребления населением Богородского уезда различных напитков, содержащих алкоголь. Вот главнейшие данные исследования г. Распопова:

1) В откупное время в год потреблялось около 180 тыс. вед<ер> в 40°.

2) В 60-х годах по сведениям, собранным пом<ощником> надз<орного> Богородского уезда г. Дурново, около 198 тыс. ведер в 40°.

3) В эпоху исследования:

а) По показаниям виноторговцев (ведер):

	очищенного вина	водок	виноградного вина	пива	меда	всего
В 1895 г.	136,883	9,292	4,052	38,711	1,620	190,658
В 1896г.	155,986	10,888	4,742	45,841	1,873	219,330
в) Согласно данным жел<езно>дор<ожной> статистики:						
В 1895 г.	199,445		4,373	37,767	«	241,685*
В 1896 г.	197,376		3,879	33,830	«	235,085*

4) Если все количество напитков примем за 100, то сравнительная роль отдельных напитков выразится следующими цифрами:

очищенное вино 77,9
пиво 14,3
водка 5,5
виноградное вино 1,6
мед 0,7
всего 100,0

5) Душевое потребление для 1896 г. (на наличную душу в ведрах)

очищенного вина 0,82
пива 0,15
водочных изделий 0,06
виноградного вина 0,01
меда 0,07
всего 1,05

6) *Реальное душевое* потребление (всех нап<итков>) при 81,808 человек действительных потребителей (все мужчины рабочего возраста

* Таким образом цифры жел<езно>дор<ожной> статистики меньше колеблются из года в год. Сравнительно с показаниями торговцев цифры жел<езно>дор<ожной> статистики дают:

для 1895 года .... + 51 027 вед<ер>.
для 1896 года .... + 15 755 вед<ер>.

и $^1/_2$ женщин в рабочем возрасте) = 2,89 вед<ер> (очищ<енного> вина 2,25; пива 0,41 и т. д.).

7) Расход населения на креп<кие> нап<итки>:

a) в городах - 21 руб. 96 к. на душу наличн<ого> населения;

в) в селах - 6 руб. 02 к. на душу наличн<ого> населения;

c) всего по уезду - 7 руб. 56 к. на душу наличн<ого> населения;

d) тоже - 20 руб. 63 к. по расчету на 1 *реального* потребителя.

Расход (на душу) на другие продукты непервой необходимости:

e) на чай - 1 руб. 58 к.;

f) на сахар - 2 руб. 86 к.

На предметы необход<имого> потребления:

a) на хлеб - 10 руб. 23 к.;

b) мясн<ые> прод<укты> - 2 руб. 30 к.;

c) овощи и фрукты - 24 к.;

d) рыбу - 2 руб. 65 к.

и т. д.

В откупное время общая сумма, поступавшая в пользу казны, разложенная на число ревизских душ[10], составляла 9 руб. 86 к.; в 1896 году на 1 душу мужского пола приписного крест<ьянского> насел<ения> эта же сумма = 9 руб. 97 к., т. е. на 11 коп. больше (см. указ. соч. - для откупного времени стр. 72, для позднейшего стр. 73).

Сопоставляя данные об экономическом положении населения с данными о потреблении спиртных напитков по волостям, г. Распопов приходит к следующему выводу: «Вглядываясь в цифры, мы убеждаемся в том, что существует какое-то роковое совпадение между потреблением населением спиртных напитков и его экономическим благосостоянием». *«Без опасения можно сказать, что чем больше население затрачивает на пропой, то тем хуже его материальное положение и наоборот»* (стр. 95).

Перейдем теперь к характеристике официальных данных, рисующих потребление России в целом ее составе, или, где нет таких данных, хотя бы основной части Империи - Европейской России. Как мы уже упоминали, лишь с 1883 года начинают появляться отчеты Департамента неокладных сборов, дающие цифры потребления по Европейской России (и по отдельным ее губерниям) на основании прямого учета потребляемого в данном году алкоголя. До этого времени о потреблении приходится заключать по цифрам поступления питейных сборов - в частности, акциза со спирта*. Зная высоту обложения од-

* Пример (относящийся к самому началу акц<изной> системы) пом<ощника> надз<орного> Богородского уезда г. Дурново, на путевом журнале которого самим Управляющим Акц<изного> Сб<ора> Моск<ов-

ного градуса, не трудно определить количество градусов алкоголя, оплаченного акцизом в том или ином году. Можно ли однако принимать, что алкоголь, оплаченный акцизом *в течение рассматриваемого года* + выпущенный на внутренний рынок без оплаты акцизом, хотя бы приблизительно был равен количеству алкоголя, *потребленного* населением *за то же время?* На основании опыта более позднего времени, для которого мы имеем за каждый год как цифру действительного потребления, так и цифру поступления акциза со спирта (равно и цифру безакцизного отчисления), мы можем с уверенностью сказать, что для годов с неизменной высотой обложения - цифра потребления, выведенная вышеуказанным способом, почти не отличается от данных прямого учета потребления (учета спирта, выпущенного из складов и подвалов винокуренных[11] заводов в питейные заведения и непосредственно на руки потребителям): по крайней мере, разница между цифрой потребления, вычисленной на основании суммы акциза, и полученной непосредственным учетом, не превосходит (на сколько-нибудь значительную величину) количество спирта, списанного в течение данного года на усушку, утечку и прочие виды «неявки спирта»[12] при хранении и в пути (все эти потери, как известно, оплачиваются акцизом наравне со спиртом, выпущенным для потребления). За 80 и 90-е годы мы имеем прямые сведения о размере всех этих трат, но для более раннего периода (до 1880 г.) таких сведений не имеется, и мы можем заключить о величине неявок спирта за конец 60-х и 70-е годы лишь по аналогии с более поздним временем. Впрочем, это обстоятельство не может мешать составить верное представление об *относительной* высоте потребления алкоголя по отдельным годам, так как процентное отношение неявки к общей сумме спиртовых оборотов не могло обнаруживать за это время значительных колебаний: если вместе с усовершенствованием заводов трата при хранении должна была несколько убавиться, то зато одновременно возрастало передвижение спирта, благодаря постройке жел<езных> дорог; что же касается колебаний в путевых тратах в зависимости от колебаний заграничного экспорта, то на эти траты отчислен *особый %* без оплаты акцизом, не вошедший в те цифры, по которым мы судим о размерах внутреннего потребления. Таким образом, размер потребления, определяемый на основании суммы акциза для годов с неизменным обложением, может довольно близко соответствовать действительности, но в годы, пред-

---

ской> губ<ернии> была сделана пометка, что подобное собирание сведений о размере потребления по уездам весьма желательно, остался, к сожалению, без подражания даже для следующих пом<ощников> надз<ора> того же Богородского уезда (см. Распопов, стр. 52).

шествующие повышению акциза и следующие за ним, сумма акциза не может дать даже и приблизительного представления о размере потребления (каждого года); как общее правило, перед повышением акциза оплачивается акцизом больше спирта, чем выпускается на внутреннее потребление, в годы следующие – меньше. Ниже, при разборе данных Осипова (о душевом потреблении по Империи за 60–70-е годы), выведенных на основании суммы акциза, мы указываем приблизительный размер этих уклонений в период до 1880 г.; при повышении акциза в конце 1887 г. на $^1/_4$ коп. или на 2,8% было оплачено в самом конце декабря около 2-х млн. ведер спирта, предназначенного для будущего года; при повышении акциза с 1-го декабря 1892 г. на $^3/_4$ коп. или на 8%, в ноябре этого года было оплачено $8^1/_2$ млн. ведер сверх текущей потребности рынка. Более надежным материалом (чем сумма акциза) для заключений о потреблении за время, когда прямых сведений не собиралось являются данные о выпуске спирта на внутренний рынок из заводских подвалов. Правда, и этот способ получения цифр потребления не может считаться вполне надежным при всяких условиях, так как дальнейшая судьба спирта, выпущенного из заводских подвалов, не прослеживалась: спирт мог быть действительно весь потреблен в течение отчетного года, но мог и остаться на спиртовом рынке в форме *запасов*. Это обстоятельство оставалось бы без влияния на точность цифры потребления, если бы отношение запасов к спиртовому обороту оставалось приблизительно одинаковым из года в год; но при сильных колебаниях запасов цифра потребления, выведенная вышеуказанным способом, может сильно разойтись с действительной величиной. Для позднейшего времени (с 80-х годов) влияние колебания запасов на *оптовом* рынке устраняется, так как о размере потребления мы судим по количеству алкоголя, проданного из заводских подвалов и складов на руки потребителям и розничным торговцам*. Однако и здесь, хотя и в меньших границах, возможны ошибочные заключения о размере действительного потребления: всякое резкое изменение запасов розничных торговцев также дает почву для ошибочных заключений, хотя возможные ошибки заключены в этом случае в более тесные границы. Таким образом, в годы, когда есть серьезные основания предполагать образование *спекулятивных* запасов** на спир-

---

* Благодаря этому исключается как сумма неявкн при хранении в заводских подвалах, так и при передвижении с производительных рынков на потребительные.

** Т. е. запасов, превосходящих размер «нормальных» запасов, необходимых для поддержания непрерывного снабжения при обычных колебаниях спроса (потребления).

товом рынке, мы должны относиться к цифрам потребления, даваемым официальными источниками, с большой осторожностью (это особенно относится к периоду до 80-х годов). У нас нет, к сожалению, данных, чтобы *точно* определить величину необходимых поправок в официальных цифрах, и мы можем ограничиться только указаниями, в какую сторону должны уклоняться те или другие цифры официальных источников от действительной величины, и каковы вероятные границы этих уклонений. При всяком повышении акциза торговцы имеют побуждение в период, непосредственно предшествующий повышению обложения, увеличивать свои запасы; это расширение запасов выше обычной нормы, в свою очередь, должно отразиться в год (или годы), следующий за повышением обложения, понижением спроса со стороны оптовых и розничных торговцев, пока размер запасов (более дешевого спирта), накопившихся у них на руках, не придет к обычной норме (определяемой амплитудой колебаний спроса со стороны потребителей в течение года). Поэтому, раз нам приходится о потреблении судить *по спросу со стороны торговцев*, то выведенная нами цифра потребления в годы *перед* повышением обложения будет всегда выше действительной, а в годы, *следующие* за повышением, ниже действительной; и следовательно, *кажущееся сокращение* потребления под влиянием повышения акциза (т.е. разница между душевым потреблением года предшествовавшего и года, следующего за повышением обложения) как общее правило всегда будет *больше действительного*. Насколько именно – это есть quaestio facti[12a]; можно сказать только, что поправка должна быть вообще больше в том случае, когда на нашу ошибку влияют спекулятивные запасы и *оптовых*, и *розничных* торговцев (как это имело место в 60–70-х годах), чем в том, когда ошибка зависит *только* от изменений запасов *розничных* торговцев.

Думают обыкновенно, что величина эта совсем ничтожна: но это «оптический обман», *каждый* розничный торговец, правда, может увеличить свой запас на сравнительно ничтожную абсолютную величину, но *все* розничные торговцы (а их было около 200 тысяч) *вместе* могут накоплять в своих руках (под влиянием спекулятивных соображений) значительные запасы. На основании некоторых отдельных случаев видно, что *колебания* запасов розничных торговцев могут составлять больше 2% общего годичного потребления спирта. Что касается спекулятивной деятельности оптовых складов, то они в этом отношении следуют за выкуркой[13], как это видно на примере хотя бы 1884 г. (см. отчет Департамента неокладных сборов[14] 1887 г., стр. 53–57-я): в виду ожидавшегося в 1885 г. (с июля) повышения обложения заводы усилили выкурку (со спекулятивными целями) непропорцио-

нально спросу*, благодаря чему на производительных рынках вскоре скопились не находившие себе помещения запасы (к концу 1884 г. оптовые запасы повысились на 260 млн. градусов); одновременно такое же накопление запасов происходило и на потребительных рынках (т. е. на руках оптовых складчиков потребительных районов): в то время как потребление в 1884 г. сократилось на 172 млн. градусов, потребительные рынки сократили прием спирта всего на 35 млн., следовательно, значительная часть спроса имела спекулятивный характер с целью сделать запасы «дешевого» спирта**. В следующем за повышением акциза 1886-м г. наблюдается обратное явление: выкурка сокращается в большей степени, чем уменьшается спрос на спирт (производство уменьшилось на $272\frac{1}{2}$ млн. градусов в то время как спрос с потребительных рынков уменьшился на 341 млн. градусов, а экспорт увеличился на 308 млн. градусов), благодаря чему остаток спирта на производительных рынках в течение 1886 г. уменьшился на $237\frac{1}{2}$ млн. градусов *(общий* остаток по Европейской России уменьшился на несколько меньшую величину – на 164 млн. градусов, так как на потребительные рынки поступило больше 70 млн. градусов из русских азиатских владений).

Этот пример показывает нам размеры возможной ошибки при определении потребления в годы перед повышением ставки*** даже на основании выпуска из заводов, не говоря уже об определении потребления по сумме внесенного акциза. Этот же пример показывает, что накопление запасов начинается оптовыми торговцами задолго – в нашем примере за $1-1\frac{1}{2}$ года до повышения акциза и за $1\frac{1}{2}-2$ года до поступления в народное общение спирта, оплаченного повышенным акцизом. Наконец, пример спекулятивного расширения производства спирта в 1884 г. показывает, что при существовании на производительных рынках больших запасов потребительские рынки продолжают принимать спирт, несмотря на скопление на них излишков, не находящих сбыта: так, в 1886 г. потребление уменьшилось на 336 млн.

---

* Выкурка в 1884 и 1885 годах увеличилась против 1883-го года на 47 и $30\frac{1}{2}$ млн. градусов.

** Потребление в 1884 году уменьшилось на 172 млн. градусов, а экспорт – на 74 млн. градусов.

*** Аналогичное влияние на оплату спирта акцизом и на образование спекулятивных запасов в заводских подвалах и на руках оптовых торговцев оказывает даже всякий (часто ни на чем не основанный) слух о предстоящем повышении акциза: см., напр<имер>, отчет Деп<артамента> неокл<адных> сб<оров> за 1896 г., приложение, стр. 248-я. Разница лишь в том, что неосновательный слух не может иметь широкого распространения.

градусов, потребительские же рынки уменьшили прием спирта всего на 239 млн. градусов, и это – несмотря на скопление на потребительских рынках запасов от предыдущих лет: такое явление – результат *давления* со стороны производительных рынков, ищущих сбыта своим запасам (чтобы освободить капитал для производства)*. Это явление в большом масштабе указывает нам на то, что в меньшем масштабе (или, вернее, в менее заметной форме) происходит при дальнейшем переходе спирта от оптовых торговцев к розничным и от этих последних к потребителям. Подобно тому, как давление со стороны производителей заставляет оптовых торговцев расширять свои запасы дальше, чем это вызывается спросом и первоначальным спекулятивным расчетом (т. е. спекулятивным расчетом при производственных ценах *не ниже нормальных);* так и розничные торговцы под давлением *агрессивного* предложения со стороны оптовых торговцев (а также заводов, имеющих непосредственные сношения с розничными торговцами) расширяют свои запасы дальше обычной высоты и даже дальше спекулятивных расчетов, основанных на нормальных (т. е. выручающих обычный % оптовых торговцев) оптовых ценах**. Средством расширить сбыт как для производителей, так и для оптовых торговцев, служат: 1) понижение цены (иногда даже ниже стоимости продукта), 2) открытие кредита. Таким образом, толчок, данный перепроизводством, ведет последовательно: 1) к накоплению запасов у оптовых торговцев, 2) к накоплению запасов у розничных торговцев***, 3) в исключительных случаях розничные торговцы, в свою очередь (при необходимости реализовать свои запасы), путем понижения цены передвигают свои запасы в руки непосредственных потре-

---

* Даже в 90-х годах заводчики оказываются неспособными долгое время удерживать в своих руках сколько-нибудь значительные запасы спирта: в 70-е годы, когда условия промышленного кредита были еще затруднительнее, а сами заводские предприятия мельче и менее богаты оборотными средствами, заводчики еще меньше были способны обойтись для реализации сделанных со спекулятивной целью запасов без помощи посредников (о положении дела в указанную эпоху см. «Вестн<ик> фин<ансов>» за 1901 г. № 31, статья: «Винокурение при каз<енной> прод<аже> питей»).

** См. спиртовый кризис 1886-го года, вызванный спекулятивным расширением производства и запасов в ожидании повышения акциза с половины 1885-го года.

*** В тех случаях, когда владельцами (розничных) питейных заведений являются сами складчики или винокуренные заводчики, понятно, увеличение розничных запасов не требует принятия каких-нибудь специальных мер: в подобных условиях повышение розничных запасов может начаться одновременно с накоплением спекулятивных запасов в складах (и в заводских подвалах).

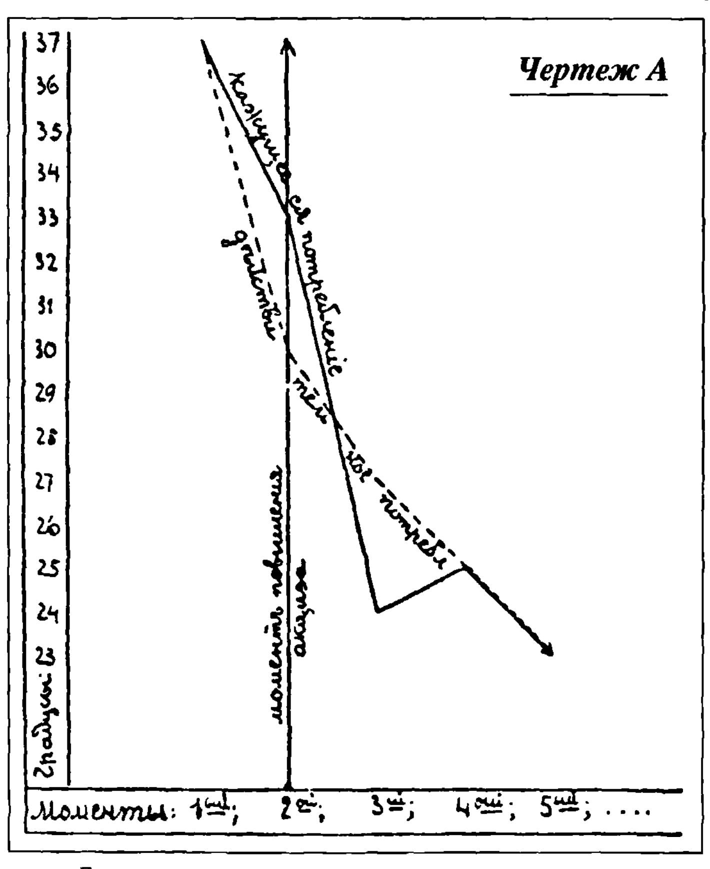
бителей, как это, напр<имер>, имело место перед введением казенной продажи питей, а, вероятно, также и перед введением в действие правила 14-го мая 1885 года[15]; но, понятно, это еще не равносильно увеличению *потребления*.

По времени раньше всего скапливаются спекулятивные запасы у производителей и почти одновременно – на потребительских рынках у оптовых торговцев, ведущих спекуляцию в больших размерах; только гораздо позднее, когда запасы на руках у оптовых торговцев перейдут размер, диктуемый хозяйственным расчетом, начинается усиленное стремление разместить чрезмерно возросшие запасы по розничным торговцам.

Что касается этих последних, то они лишь в незначительной степени являются *«активными»* спекулянтами (для этого им прежде всего не достает осведомленности относительно положения спиртового рынка и о различных мерах, могущих влиять на цену спирта), обыкновенно они узнают об изменениях в условиях производства, обложения и торговли спиртом лишь тогда, когда эти условия успеют отразиться на цене, по которой оптовые торговцы (и заводчики) предлагают им спирт, т. е., другими словами, розничные торговцы начинают увеличивать свои запасы тогда, когда заводчикам и оптовым торговцам оказывается не под силу удержать в руках непомерные запасы, которые они сделали в расчете на спекулятивную прибыль. Конечно, возможны и случаи сознательного приобретения розничными торговцами, в виду ожидаемого повышения цены, запасов спирта в расчете оказаться при повышении цен в более выгодном положении, чем их конкуренты. Но обыкновенно увеличение запасов розничных торговцев начинается лишь незадолго до момента повышения акциза и заканчивается несколько времени спустя после этого повышения: таким образом, при введении нового акциза с *половины года*, или *в конце года* – спекулятивные запасы розничных торговцев несколько поднимают кажущееся потребление *года введения* (нового акциза) и несколько понижают потребление (кажущееся) *следующего* года; при повышении же акциза с *начала* года – несколько повышают кажущееся потребление *предыдущего* года и понижают – потребление *года введения*. Таким образом, пертурбационное влияние розничных запасов ограничивается временем, ближайшим к моменту повышения акциза, в противоположность запасам *оптовых* торговцев, которые, как мы видели, начинают оказывать свое влияние на цифру кажущегося потребления уже за $1^1/_2$ или даже 2 года до повышения акциза. Указанное нами влияние запасов (как розничных, так и оптовых на кажущееся душевое потребление спиртных напитков объясняет нам тот, на первый взгляд странный, факт, что после повышения акциза сумма питейного

дохода достигает своего максимума на *второй* год (считая с момента поступления на рынок спирта, оплаченного повышенным акцизом), после чего доход снова падает до величины, немного превосходящей доход первого года.

Констатировав указанный факт, г. Терский (см. указ. соч. стр. 100–102) пытается объяснить его следующим рассуждением. Если предмет обложения достаточно распространен и повышения обложения про-' исходят с большими промежутками и на сравнительно незначительную величину, то «население, привыкшее к потреблению означенных предметов в определенном количестве, не успевает при повышении налога сообразовать общий размер требования на них с суммою тех средств, которые употреблялись с этой целью раньше, и, покупая по мелочам, незаметно для самого себя расходует больше и, таким образом, выходит, если можно так выразиться, из установившегося прежде



Для упрощения население принято стационарным

бюджета. Это, конечно, имеет своим последствием более или менее значительное замешательство в экономической жизни населения и расстройство и беспорядки в отдельных домохозяйствах, причем расход привычных предметов не только не сокращается, но иногда даже и увеличивается (?) Только по истечению достаточно долгого промежутка времени население осваивается, наконец, с изменившимися условиями, восстанавливает нарушенный порядок в хозяйстве, изменяет более или менее свои потребности сообразно с имеющимися у него средствами и сокращает означенный расход до размеров, соответствующих изменившимся потребностям».

Объяснение, даваемое г. Терским, до такой степени не согласно со всеми психологическими законами, что, нам кажется, не нуждается в подробном опровержении. Остается только найти действительное объяснение факта. Нетрудно видеть, что вся необъяснимая сторона явления устраняется, раз мы примем, что повышение, следующее за первоначальным сокращением потребления под влиянием повышения обложения, только кажущееся, являющееся следствием того спекулятивного расширения запасов, которое имеет обыкновенно место при повышении обложения. Нетрудно понять тот путь, которым накопление спекулятивных запасов в конечном счете приводит к указываемому г. Терским повышению потребления (под влиянием «замешательства»).

Схематический чертеж А показывает все моменты этого влияния.

При выводе окончательных цифр (наиболее вероятных) душевого потребления за время существования акцизной системы мы увидим, что во всех случаях, где имело место указанное г. Терским явление, оно вполне удовлетворительно может быть объяснено влиянием спекулятивных запасов (после повышения акциза в 1869 и 1873 годах мы вовсе не находим указанных г. Терским колебаний кривой потребления). Что касается, наконец, накопления дешевого спирта (перед повышением обложения) на руках у самих потребителей, то такое явление, главным образом, имеет место тогда, когда одновременно с повышением обложения (или вообще цены спирта) изменяются и сами условия торговли спиртом, благодаря чему часть розничных торговцев вынуждена бывает ликвидировать свои дела (сбывая за ничтожную цену свои запасы потребителям). Это имело место, например, при введении казенной продажи.

Почти наверное, то же (хотя в меньших относительно размерах) происходило и перед введением правил 14-го мая 1885 года.

Повышение акциза есть *одна из* причин накопления спекулятивных запасов, другой причиной может явиться колебание *производственной* цены под влиянием усовершенствования техники виноку-

рения и колебаний процента безакцизного отчисления*. Рассмотрим эти пункты несколько подробнее ввиду существования по этому вопросу даже в специальной литературе совершенно неправильных взглядов. Именно, в нашей литературе довольно распространен взгляд, что успехи техники в значительной степени парализовали влияние на окончательную, продажную, цену спирта последовательных повышений акцизных ставок за время существования акцизной системы. Так, например, Н.Ф.Анненский[16] говорит: «У нас... по отношению к большей части продуктов, обложенных акцизом (и таможенными сборами), рядом с повышением обложения шло (вне всякой от него зависимости) и известное удешевление производства, благодаря успехам техники или иным условиям. Вследствие этого обложение могло увеличиваться, не вызывая увеличения продажных цен». В том же смысле высказываются и многие другие исследования русской жизни (например, В.Бирюкович[17]). Указанное мнение имеет для нас в данном случае (по вопросу о спекулятивных запасах) тем большее значение, что, как известно, введение технических улучшений приурочивается обыкновенно именно к моментам, когда производство делается убыточным (вследствие ли падения цен или – что все равно по конечному влиянию на прибыльность предприятия – увеличения издержек производства): в винокуренной промышленности такими моментами резкого падения доходности производства (в широком смысле) являются моменты повышения обложения (главный элемент стоимости спирта).

Имело ли, однако, место подобное удешевление производства в области спиртовой промышленности?

Существует мнение, основанное на данных официального исследования о нашей фабрично-заводской промышленности, что удешевление производства спирта с начала 70-х годов до начала 90-х шло с поразительной быстротой: с 2 р. 60 к. за ведро спирта в начале 70-х до 1 р. в начале 90-х, так что продажная цена изменилась с начала 70-х годов к половине 90-х с 4 р. за ведро в 40° на 5 р. (в начале 70-х – 1 р. 40 к. стоимость производства, 2 р. 40 к. акциз; в 90-х годах – 1 р.

---

* *Принципиально* безакцизное отчисление (по крайней мере, в последнее время акц<изной> системы) ничем не отличалось от простого понижения обложения, но *фактически* (благодаря той *форме*, в какой производилось это понижение) оно тесно сливалось с «издержками производства», составляя неотделимый элемент этих последних (в противоположность акцизу, который, собственно, к производству никакого фактического отношения не имеет). При казенной продаже указанное значение «безакц<изных> отчислений» выступило еще определеннее.

стоимость и 4 р. акциз). Такое мнение следует считать основанным на недоразумении*: стоимость спирта в общем (если игнорировать временные незначительные колебания) мало изменилась за 30 лет акцизн<ой> системы. В начале 50-х годов при крепостном труде ведро полугара обходилось заводчику около 45 коп., что соответствует почти 40 к. (36 к.) за ведро в 40° (см. учет стоимости производства по заводским книгам имения Мятлевой в Симбирской г<убернии>, производство велось в крупных размерах; вино отправлялось в Петербург; см. «Вестн<ик> Евр<опы>», 1901 г., май, «Из далекого прошлого»**. В начале 60-х годов в бывших привилегированных губерниях вино продавалось по 25–30 коп. за ведро (см. «Труды Имп<ераторского> Вольн<ого> Экон<омического> Общ<ества>[18] за 1887 г., стр. 96). В конце 60-х годов и начале 70-х в московском районе в оптовой закупке вино приобреталось по 40 к. за ведро в 40° (см. Распопов указ. соч., стр. 51). Во второй половине 80-х годов производственная стоимость ведра без очистки составляла около 55–60 коп. за ведро в 40° (см. исследование относительно средней продажной цены вина и прибылей виноторговцев, произведенное Деп<артаментом> неокл<адных> сб<оров> в 1887 г.). Наконец, в половине 90-х годов при введении казенной продажи вина казна покупает спирт у заводчиков также по цене в среднем около 60 к. за ведро (без очистки) в 40°***. Ко всему этому следует прибавить, что наблюдавшееся в половине 80-х годов падение цены спирта на внутренних рынках России происходило независимо от удешевления производства, под влиянием падения цены на заграничных рынках (см. *Терский,* указ. соч., с. 197).

---

* Недоразумение основано на том, что производственная стоимость в официальном исследовании о фабрично-заводской промышленности, на которое опирается указанное утверждение, выведена чисто *теоретически*, именно принято, что стоимость производства изменялась (уменьшалась) *пропорционально* увеличению выходов из пуда припасов (вследствие технического прогресса).

** При этом надо иметь в виду, что издержки производства в Великорусских губерниях искусственно повышались благодаря невозможности работать в полную силу завода: вследствие ограниченности сбыта заводы в Великороссийских губерниях выкуривали в то время не более % того количества, которое могли бы вырабатывать, действуя в полную силу.

*** Принимая курс кредитного рубля для начала 60-х гг. в 91 к., а для начала 90-х гг. в 66 коп., получаем $30 \times 91/66 = 41$ коп., т. е. если бы в начале 60-х гг. курс был такой же, как в 90-х, то 1 ведро стоило бы около 40 к.; для начала 70-х гг. курс около 82 к.; переводя стоимость вина начала 70-х годов к курсу 90-х, имеем цифру около 49 к. и во всяком случае не выше 50 к. (Курс кредитного рубля см. «Свод товарных цен»[19]. - СПб., 1897).

6 Зак. 13

Таким образом, ни о каком удешевлении производства в течение 2-й половины XIX века не может быть и речи.

Возможность продавать спирт по дешевой цене в старое время с несовершенной техникой объясняется тем, что благодаря низким нормам заводчики могли пускать в перекур[20] низкого качества продукты*. С повышением норм это сделалось уже невозможным. В том же направлении, как повышение норм, действовало и повышение акциза: при высоких нормах и высоком акцизе заводчику было выгодно покупать очень дорогой продукт, лишь бы получить высокий % безакцизного перекура: «...назначение высоких норм делало почти невозможным перекурку в спирт материалов плохого качества, дающих малые выходы, почему они не могли более иметь сбыта на винокуренные заводы и оставались в хозяйствах, для винокурения же требовалась покупка лучших припасов, так как это давало заводчику большие выгоды, если не как сельскому хозяину, то как предпринимателю-промышленнику (там же, стр. 166)». «Все благосостояние заводчика зависит от того, получит ли он полный перекур или нет, так как даже небольшая недостача перекура до полного размера, при высоком акцизе, составляет уже значительную потерю... При таком положении дела могут существовать только заводы, которые... несмотря на все возможные при винокурении случайности, могут быть уверенными в получении не только нормы, но и полностью всей суммы перекура... Чтобы иметь означенную уверенность, необходимы или очень совершенная постановка производства, или же припасы, особенно богатые содержанием крахмала и потому дающие выходы, значительно превышающие норму вместе с полным безакцизным перекуром** (указ. соч., стр. 168–169)».

Кроме стоимости производства (в тесном смысле) и акциза, на продажную цену (как мы упоминали) влияет и величина безакцизного перекура. В 70-х годах (в начале) безакцизный перекур составлял около 11% выкурки***; в 90-х годах всего 3%; но следует заметить, что

---

* До с<ельско>-хоз<яйственных> отбросов включительно.

** Известны случаи, когда, напр<имер>, винокуренные заводчики Прибалтийских <губерний>, вследствие малого % содержания крахмала в местном картофеле, предпочитали выписывать кукурузу из Бессарабии: таким образом, стремление получить большее безакцизное отчисление заставляло их предпочитать дешевому местному продукту более дорогой и притом привозной (даже на месте кукуруза является более дорогим винокуренным припасом).

*** Общее количество перекура в это время также было около этой величины (см. Миропольский): за время 1870–71÷1874–75 общая выкурка – 157 млн. ведер; перекур 19 млн. ведер, что дает 12%.

в 70-х годах (в начале) безакцизный перекур лишь в незначительной степени мог влиять на цену: бо́льшая часть его составляла рентообразный доход владельцев наиболее совершенных заводов. В 80-х годах безакцизным перекуром пользуются *в полном размере* почти все заводчики* (см. отчет Деп<артамента> неокл<адных> сб<оров> 1887 г., стр. 144), так что с этого времени колебания в размере безакцизного отчисления должны отражаться на цене; но колебания эти крайне ничтожны: так за время с 1888 по 1894 г. включительно обложение градуса выпущенного в обращение спирта должно быть увеличено или уменьшено (±) против номинального (акциз) на:

в 1888 г.	— 16%**
1889 г.	+ 0,56%
1890 г.	+ 1,00%
1891 г.	+ 1,80%
1892 г.	+ 1,60%
1893 г.	+ 1,30%
1894 г.	+ 1,40%

Так что заводчикам (а, следовательно, и потребителям) приходилось в цене ведра 40° уплачивать налог (кроме патентного сбора): в 1888 г. - 3 руб. 70 коп.; в 1889 г. - 3 руб. 72 коп; в 1890 г. - 3 руб. 74 коп.; в 1891 г. - 3 руб. 77 коп. и т. д.

Чтобы покончить со всеми моментами, могущими так или иначе искажать наше представление о действительном потреблении алкоголя населением, следует упомянуть об обмерах при отпусках из оптовых мест продажи. Действительно, предположим, что из заводских подвалов и складов отпускается водка, значащаяся по документу в 40°, а на самом деле имеющая всего 38° крепости; после некоторого времени такой практики в подвале должен получиться излишек против количества, значащегося по книгам; если бы в подвале не было трат, то и этот излишек был бы зарегистрирован при подведении итогов по графе отпуска на местное потребление; тогда недомер не мог бы иметь значения для правильности учета потребления, но так как в подвале одновременно с отпуском спирта происходит убыль его от естественных причин, то в результате в подвале окажется - по официальным книгам и документам - меньшая, чем в действительности, утечка и усушка, и на то же количество градусов больший (чем в действительности) расход спирта на местное потребление. Понятно, что

* Так что безакцизное отчисление теряет свое значение меры для поощрения техники винокурения, «являясь простым понижением размера акциза». (отчет Д<епартамента> Н<еокладных> Сб<оров>, 1887 г., стр. 144).

** Приведенные цифры получены следующим образом: из безакцизного отчисления (безакцизного перекура) вычитается трата спирта (кроме льготной на заграничн<ый> эксп<орт>); остаток делится на потребление, умножается *на 100 и принимается с обратным* знаком.

дальнейшее разведение водки розничными торговцами и обманы на емкости, практикуемые ими (о «неуловимых» приемах такого разведения см. у г. Распопова), уже не могут отражаться на официальных цифрах потребления. Понятно также, что все сказанное об обмерах на крепости (на числе отпущенных градусов) относится и к обмерам на объеме, практикуемым оптовыми торговцами (главным образом, при отпуске в запечатанной посуде, см. у г. Распопова*).

Таким образом, главным из пертурбационных моментов, влияющих на точность наших данных о потреблении алкоголя по отдельным годам рассматриваемого нами периода, является повышение обложения (действие прочих сравнительно с ним ничтожно и, что особенно важно, мало колеблется из года в год); игнорирование этого момента при анализе динамики душевого потребления (с целью установить основные законосообразности, действующие в сфере массового потребления алкоголя) может повести ко многим неправильным выводам и заключениям (как мы это и видели уже выше на примере г. Терского). Особенно большие отклонения от действительного движения потребления могут получиться за время до 1880 года, когда о количестве потребленного в каждом году спирта нам приходится судить на основании данных о выпуске из заводских подвалов; гораздо уже границы возможных ошибок за время после 1880 года, когда о размере потребления мы судим на основании спроса со стороны розничных торговцев. Однако и здесь встречаются случаи колебаний, совершенно необъяснимых, если не принимать во внимание возможного действия спекулятивных запасов (розничных торговцев и, отчасти, непосредственных потребителей). Ниже при выводе окончательной таблицы движения душевого потребления за время акцизной системы мы постараемся, насколько возможно, учесть влияние этого пертурбационного момента. Теперь же перейдем к выводу тех первообразных данных, на основании которых определяется душевое потребление каждого года. Этими первообразными величинами являются: 1) цифры абсолютного потребления, 2) цифры населения за соответствующие годы. Что касается первых, то о них мы уже говорили в общих чертах: до

---

* Об обмере в оптовых складах под хорошим надзором см. у Распопова (указ. соч. стр. 64–66); о неправильностях в складах, часто лишенных фактического надзора, см. отчет по Архангельской губ<ернии> (Приложение к отчету за 1895 г., стр. 30-я. «Зырянские склады вовсе не ревизуются во время весенней и осенней распутицы... чем складчики и пользуются, отпуская преимущественно для тундр низкопробное вино...»); о том, что делалось (до монополии) в Сибири (напр<имер>, на золотых приисках) и вообще за пределами Европ<ейской> России, мы уж и не говорим.

1880 года об абсолютном потреблении мы судим на основании данных о количестве спирта, выпущенного для внутреннего потребления* из заводских подвалов («выпущено из заводских подвалов с оплатою акцизом» – «выпущено в счет безакцизного перекура»: выпуски безакцизного спирта для технических надобностей и для заграничного экспорта сюда *не включены):*

Таблица А

Выпущено на внутренний рынок (по 50 губ<ерниям> Европейской России) в тысячах ведер безводного спирта[21]:

1868 г.	23,273
1869 г.	24,260
1870 г.	25,459
1871 г.	26,498
1872 г.	27,292
1873 г.	26,245
1874 г.	26,326
1875 г.	25,736
1876 г.	24,338
1877 г.	24,104
1878 г.	27,008
1879 г.	29,705

Чтобы от этих данных перейти к приблизительной цифре действительного потребления, нам остается скинуть известный % на трату спирта (при хранении и в пути): без этого наши цифры душевого потребления до 1880 года оказались бы совершенно несоизмеримыми с данными за время с 1880 года. Так как величина траты ceteris paribus[22] (т.е. принимая условия хранения и транспортировки

* Из общего количества спирта, первоначально выпущенного из завода для внутреннего потребления и, следовательно, оплаченного акцизом, некоторая часть может впоследствии получить другое назначение: напр<имер>, приобретший спирт торговец может пожелать вывезти его за границу (в таком случае акциз, уплаченный за спирт, подлежит возврату) или употребить на техническое производство; такие случаи, конечно, возможны, но все же составляли редкое исключение, так что предполагая, что весь спирт, выпущенный с оплатой акцизом, предназначался для потребления внутри страны, мы делаем ошибку, не могущую существенно влиять на точность нашего конечного вывода (цифры душевого потребления), тем более, что этого рода данными мы пользуемся лишь за 60–70-е годы, когда заграничный экспорт и расход спирта на технические надобности не играл в общих спиртовых оборотах сколько-нибудь существенной роли.

неизменными) пропорциональна размерам оборотов спирта, которые в широких размерах могут колебаться из года в год независимо от изменения потребления, то правильнее будет, за неимением прямых данных об общем спиртовом обороте, принять величину ежегодной траты, пропорциональной выкурке соответственного года (выкурка составляет основной элемент в общей сумме спиртовых оборотов). Что касается величины процента (к выкурке), который должен быть отчислен каждый год на различного рода «неявки» при хранении и передвижении, то не имея прямых указаний, мы можем определить ее лишь по аналогии с более поздним временем: ошибка, которую мы делаем при этом, во всяком случае настолько незначительна (так как даже вся «неявка» не превосходит 3% оборота), что не может сколько-нибудь чувствительно отразиться на окончательных цифрах душевого потребления. Руководствуясь указанными соображениями, мы должны будем цифры предыдущей таблицы А несколько уменьшить; в окончательном виде абсолютное потребление 50 губ<ерниями> Европейской России выразится следующими цифрами:

Таблица $А_1$

	Тысяч ведер безводн<ого> спирта
1868 г.	22,103
1869 г.	22,910
1870 г.	24,064
1871 г.	25,238
1872 г.	25,807
1873 г.	24,760
1874 г.	24,931
1875 г.	24,341
1876 г.	23,078
1877 г.	22,934
1878 г.	25,748
1879 г.	28,085

Что касается вопроса о контрабандно-водворяемом спирте (а также о той части спирта, снесенного в неявку, которая в действительности также обратилась на потребление) и о спирте, полученном на тайных заводах[23], то мы оставляем его вовсе без внимания, во-первых, потому что и за более позднее время, для которого имеются точные официальные данные о потреблении, эта статья «прихода» не принималась во внимание, во-вторых, в виду отсутствия не только точных данных о количестве корчемного спирта, поступившего разными путями во внутреннее обращение, но даже сколько-нибудь надежных косвенных

указаний на колебания этого количества за различные годы (число дел по соответственным нарушениям, возбужденных за разные периоды времени, могут столько же зависеть от общего числа нарушений, действительно имевших место, как и от энергии акцизного надзора, корчемной стражи и полиции). Правда, существует очень распространенное мнение (основанное на априорных соображениях), что число нарушений должно расти вместе с повышением акциза, так как вместе с повышением акциза растет предпринимательская прибыль нарушителей, а, следовательно, и та доля прибыли, которую они могут отчислить на покрытие риска, но при этом упускают из вида, что ceteris paribus вместе с ростом акциза растет и сам риск (вероятность обнаружения) незаконного производства, утайки и сбыта: действительно, рвение чинов акцизного надзора, а тем более корчемной стражи и полиции*[24], а равно и вероятность доносов со стороны частных лиц стоит в прямой зависимости от высоты открывательской премии, на которую они могут рассчитывать, высота же премии стоит в прямом отношении с высотою обложения; отсюда получается известная компенсация: одновременно растет и риск, и страховой %, который могут отчислять нарушители на покрытие риска, а так как при этом общая организация надзора с течением времени все больше совершенствовалась, а численность все возрастала, то остается весьма мало шансов в пользу вышеупомянутого предложения о последовательном возрастании суммы корчемного спирта за время действия акцизной системы (на этом взгляде особенно настаивал, как известно, «Вестник Европы»: см. статьи его финансового обозревателя за 70, 80 и 90-е годы за подписью «О»).

Чтобы сделать наши цифры абсолютного потребления за 60–70-е годы формально однородными с данными за 80–90-е годы, следовало бы исключить из общей суммы спирта, поступавшего на внутренний рынок до 1880 года ту долю, которая шла для приготовления водочных изделий; мы, однако, не делаем этого по следующим соображениям: до конца 70-х годов водочные изделия не несли особого дополнительного налога, почему водочные изделия, приготовлявшиеся на заводах, по цене своей мало чем отличались от средней продажной цены простой водки**, вследствие этого выделять до 1879 г.

---

* Штатные чины акцизного надзора, кроме специальных «табачных» и «сахарных», за открытие большинства нарушений премии не получают (исключая тайное винокурение).

** Так что до 1879 г. продаваемые водочные изделия с точки зрения потребителей не составляли особой категории напитков по сравнению с наливками и настойками домашнего приготовления.

продажные водочные изделия из общей массы потребленной населением водки едва ли представляются какие-нибудь логические основания: во всяком случае, не больше оснований, чем для выделения водочных наливок и настоек домашнего приготовления.

Впрочем ошибка, какую мы делаем, оставляя без внимания расход спирта (до 1879 г.) на водочные изделия, может обусловить разницу между цифрами душевого потребления до и после 1880 года не более, как на один процент (около 0,003 ведра)*, между тем как, иапример, игнорируя траты спирта в пути и при хранении, мы делаем ошибку, составляющую больше 5% к потребленному количеству.

Кроме определения абсолютной цифры потребления на основаиии данных о выпусках спирта из заводских подвалов на внутренний рынок (как с оплатой акциза, так и безакцизного перекура), можно пользоваться, как мы об этом уже упоминали, еще другим, более грубым приемом, именно: количество оплаченного спирта, пошедшего в данном году на внутреннее потребление, можно выводить теоретически путем деления общей суммы акциза со спирта, поступившего в данном году, на сумму акциза, взимавшегося в то время с одного ведра или с одного градуса спирта; прибавляя к полученному таким образом количеству оплаченного спирта количество безакцизного перекура, выпущенного в данном году, мы получаем приближенную цифру потребления. Таким именно приемом получены данные о душевом потреблении, имеющиеся в нашей литературе для периода 1863-79 гг. (см. отчет Деп<артамента> неокл<адных> сб<оров> за 1887 г., также Терский указ. соч., стр. 125).

Впрочем до недавнего времени не существовало даже и таких грубо-приблизительных данных о душевом потреблении за *отдельные* годы указанного периода: официальный обзор ограничивался выводом *средних* за ***произвольно*** выбранные периоды; так дается среднее душевое потребление по Империи без Царства Польского за 4-летие с 1863 по 1866 год, затем за 6-летие с 1868 по 1873 год и с 1874 по 1879 год. Как увидим ниже, благодаря такой группировке годов совершенно теряется истинное представление о динамике душевого потребления за конец 60-х и 70-е годы; кроме того, цифры рассматриваемого обзора грешат еще тем, что при выводе абсолютной цифры потребления не

---

* Нам лично кажется, что было бы более правильным цифры потребления за 80-е и 90-е годы увеличить на сумму спирта, пошедшего на производство водочных изделий (за вычетом количества спирта, соответствующего вывезенным за границу изделиям). Отч<еты> Деп<артамента> неокл<адных> сб<оров> поступают иначе в виду невозможности правильно распределить потребление водочных изделий между отдельными районами.

была принята во внимание потеря спирта от утечки, усушки и пр.* (которая тоже оплачивается акцизом), что составляет (как показывают данные за следующий период) не менее 5% потребления (около 3% общего оборота). К сказанному следует еще прибавить, что территория Империи, к которой приурочены цифры душевого потребления за 1863-66 гг., 1868-73 и 1874-79 гг., не одинакова: с 1870 г. акцизная система охватила Туркестанский край, а с 1874 г. Закавказье; как то, так и другое обстоятельство должны были понизить душевое потребление по Империи, независимо от каких бы то ни было перемен в потреблении населения первоначальной территории (так как душевое потребление Туркестана и Закавказья было несравненно ниже душевого потребления Европейской России и Сибири, к которым относятся данные за 1863-66 гг.). Вот как представлялось движение душевого потребления за время до 1883 года (когда появляются первые точные сведения о душевом потреблении) согласно официальным данным:

1863-66 гг. -	37°	по Империи без Царства Польского
1868-73 гг. -	36°	
1874-79 гг. -	34°	
1880-82 гг. -	33°	по Европейской России без Царства Польского
1883 г. -	33°	

Вследствие неудачно выбранных периодов, на которые разбит промежуток времени с введения акцизной системы и до 1880 года, можно составить себе совершенно превратное представление о динамике душевого потребления за первое 20-летие существования акцизной системы, можно подумать, что мы имеем дело с медленным, последовательным понижением уровня душевого потребления под влиянием постепенного повышения акциза. Такое заключение и делалось большинством русских исследователей алкоголизма - между тем в действительности душевое потребление за рассматриваемый период колебалось волнообразно, причем вершина волны в начале 70-х годов была не выше, чем в конце**.

Пробел в наших сведениях о душевом потреблении за время до 1883 года был, наконец, пополнен покойным Н.О.Осиновым в его статьях: «Исторический очерк взимания питейных сборов в России» в сборнике «Казенная продажа вина» (1900 г.).

---

* То же следует заметить и относительно цифр душевого потребления за 1867 год, о чем более подробно дальше.

** В 1870 году душевое потребление по Европейской России без Царства Польского (как мы увидим в дальнейшем) составляло 36,5°, а в 1879 г. - 37° (всего на 1° меньше душевого потребления 1872 года, являющегося кульминационным пунктом за все 60-е и 70-е годы).

Осипов впервые приводит сплошной ряд данных о душевом потреблении за все время существования акцизной системы. Цифры, приводимые им, несмотря на многие недостатки, о чем ниже, дают впервые довольно верную картину динамики душевого потребления в России (следует оговориться лишь относительно цифры за 1883 г., вероятно являющейся результатом опечатки: напечатано – 0,75; должно быть – 0,78), способную рассеять многие укоренившиеся предрассудки (например, о непосредственном действии на душевое потребление поднятия акциза, урожаев, сокращения питейных заведений: рассмотрение всех этих вопросов составит вторую часть нашей работы). К числу недостатков цифр Осипова следует отнести: 1) неоднородность данных за различные периоды (в этом отношении к цифрам Осипова применимо все сказанное выше относительно данных, приводимых в отчете Деп<артамента> неокл<адных> сбор<ов> за <18>87 год); 2) игнорирование потерь спирта от усушки, утечки, огня и пр. К этому присоединяется: 3) неточность цифр населения, которыми пользовался Осипов для вывода душевого потребления. По объяснению самого Осипова, для Европейской России (50 губ<ерний>) он брал цифры г. Покровского[25] (из книги «Влияние урожаев и хлебных цен...» под редакцией проф<ессоров> Чупрова[26] и Постникова[27], т. II). Как мы увидим ниже, эти цифры считать удовлетворительными нельзя, к сожалению. Можно сказать то же о цифре населения Азиатской России: за время с 1883 по 1892 год Осипов принимает население Азиатской России в 10 млн., с 1893 г. – в 16 млн. Такое «приближение» является уж чересчур грубым и не может не отразиться на конечных выводах (т.е. на цифрах душевого потребления). Конечно, для областей Азиатской России мы не имеем таких надежных данных, как для Европейской России, но все же границы возможной ошибки несомненно значительно сузились бы, если бы Осипов принял во внимание имеющиеся в литературе цифры населения Азиатской России за 1867, 1870 и 1885 гг. (с 1892 г. имеются уже данные в ежегодных отчетах Деп<артамента> неокл<адных> сбор<ов> – согласно цифрам Медицинского Департамента), а цифры для промежуточных годов определил интерполяцией[28]. Как известно, цифры населения Империи, принимавшиеся Центральным Статист<ическим> Комит<етом> до переписи 1897 года, почти вполне совпали с результатами переписи (в противоположность цифрам населения по одной Европейской России, которые оказались гораздо выше, полученных переписью 1897 года). Насколько принятые Осиповым цифры населения Азиатской России отступают от общепринятых, видно из следующего: по данным Центр<ального> Статист<ического> Комитета, уже в 1867 году население Азиатской

России доходило до 10½ млн. человек, в 1870 году эта цифра возрастает уже до 11½ млн., к концу 1885-го – до 17 млн. (16,9 млн.), наконец, еще через 11 лет перепись 1897 года дала цифру в 23 млн.*. Во всяком случае, произвольная грань, проводимая Осиповым между 1892 и 1893 годом (в 1893 году цифра населения Азиатской России вдруг поднимается на 5 млн. сравнительно с предыдущим годом), не может не отразиться на относительной высоте душевого потребления за 1892 и 93 годы: если для 1892 года принять цифру населения Азиатской России около 15 млн. (уменьшив цифру 1893 года на сумму годичного прироста), то душевое потребление для этого года получилось бы почти на 5 % ниже цифры Осипова.

Мы не знаем, откуда брал Осипов цифры населения Азиатской России за время до 1885 года (на это нет указания в его примечании), но несомненно, что и для этого периода времени имели место скачки вроде только что упомянутого (в 1893 г.). Определяя цифру населения по Империи путем деления цифр 6-го столбца таблицы Осипова на соответственные цифры 7-го (т. е. общую сумму сборов на сумму, приходящуюся на одну душу населения), мы встречаемся с такими несообразностями, как население в 84,1 млн. для 1875 года и в 88,3 млн. – для 1876 г. (заметим, что сумма акциза и за 1875, и за 1876 г. равно взяты по Империи с Царством Польским)**, что соответствует годовому приросту в 4,2 млн. (5%). Понятно, что соответственно таким цифрам населения и для душевого потребления получаются цифры, значительно уклоняющиеся от действительной величины. Уклонения эти переходят уже всякие границы допустимого, когда к ошибкам в

---

* Если принять для периода 1885–96 гг. средний годнчный прнрост, соответствующий вышепрнведенным цифрам населения за 1870 и 1885 гг. (около 3,3%), то получим общую сумму прироста около 6 млн. (6,1 млн.); прнбавляя эту цифру к дате Центрального Статист<ического> Ком<итета> за 1885 г., получнм к концу 1896 г. 17 + 6 = 23 млн. (точнее 16,9 + 6,1 = 23,0 млн.), т. е. цифру вполне согласную с результатами непосредственного учета. Для промежуточного временн с 1867 по 1870 год средний годичный прирост также приблизительно равен 3,3%. Этот расчет показывает, что цифры Центр<ального> Ст<атистнческого> Ком<нтета> для конца 60-х н 70-х годов не так уже далеки от истины; во всяком случае, если они и должны быть уменьшены (соответственно более интенсивному переселению в период с 1885 по 96 гг.), то на велнчину не более ½ миллнона (следует принять во внимание, что если со 2-й половины 80-х годов усилнлось переселение в Снбирь, то зато в 70-х годах имело место расшнрение территории азнатских владений).

** Да н, наконец, еслн бы население Царства Польского было включено только с 1876 года, то разница между населеннем 1875 и 76 гг. была бы не 4,2 млн., а гораздо больше.

5*

цифрах населения присоединяются ошибки в цифрах абсолютного потребления, как это имеет место в годы повышения акциза. Мы видели выше, что даже количество спирта, выпущенного из заводов для внутреннего потребления, не может в такие моменты служить вполне надежным показателем *действительного* потребления (благодаря возможности образования на внутреннем рынке запасов оплаченного спирта), – тем более грубую ошибку делаем мы, заключая о потреблении в годы, непосредственно предшествующие и следующие за повышением акцизной ставки, по сумме акциза, поступившего в эти годы. Чтобы судить о величине ошибки, делаемой нами при таком выводе цифры потребления, за 1870 и 1874 гг. (следовавшие за повышениями акциза в 1869 и 1873 годах), мы приводим здесь параллельные данные о количествах спирта, *оплаченного акцизом и действительно выпущенного с оплатой акцизом* за 1869–70 и 1873–74 гг. и смежные с ними:

	Выпущено спирта, оплаченного акцизом	Оплачено акцизом	
1868 г.	22 072 млн. ведер	22 680 млн. ведер	т. е. почти на 900 тыс. вед. *больше,* чем выпущено
1869 г.	22 386 млн. ведер	22 660 млн. ведер	

С 1870 года начинает поступать в обращение спирт, оплаченный повышенным акцизом.

	Выпущено спирта, оплаченного акцизом	Оплачено акцизом	
1870 г.	23 672 млн. ведер	23 000 млн. ведер	т. е. почти на 900 тыс. вед. *меньше,* чем выпущено
1871 г.	24 485 млн. ведер	24 217 млн. ведер	

В 1874 году, следовавшем за повышением акциза в 1873 г., количество спирта, оплаченного акцизом, сократилось на 5%, между тем как количество спирта, действительно выпущенного в этом году с оплатой акцизом, сократилось по сравнению с 1873 годом всего на 2%*, что составляет около ½ млн. ведер; а так как количество безакцизного перекура возросло в 1874 г. по сравнению с 1873 г. почти на такую же величину, то общее количество спирта, выпущенного на внутренний рынок в 1874 году, осталось по Империи почти без

---

* Абсолютное количество спирта, оплаченного в 1874 году акцизом, на 1 200 т<ыс> ведер меньше количества, выпущенного в том же году с оплатой акцизом. При этом надо еще заметить, что первая цифра относится к Европейской России + Сибирь + Туркестан[29] + Закавказье, тогда как вторая только к Европейской Россин + Снбнрь (впрочем проистекающая отсюда разннца в цифрах *общего* потребления незначительна).

перемены; для Европейской России оно даже увеличилось, как увидим ниже.

После этого не удивительно, что цифры *душевого* потребления, выведенные г. Осиповым на основании теоретически полученной (по сумме акциза) цифры абсолютного потребления, делают в 1870 и 74 году резкие скачки, совершенно не оправдываемые данными о действительном выпуске спирта на внутренний рынок. Если к этому прибавить еще скачок в 1876 году, вызванный вышеупомянутой несогласованностью цифр населения, положенных Осиповым в основу расчета *душевого* потребления за смежные 1875 и 1876 гг. (84 и 88 млн. человек: см. выше, стр. 75), то окажется, что таблица Осипова до 1880 года может служить для изучения динамики душевого потребления лишь в самых общих чертах; верно отмечая волнообразное движение душевого потребления за вторую половину 60-х и 70-е гг., она оказывается вовсе непригодной для каких-нибудь заключений о колебаниях душевого потребления *из года в год*, без чего, понятно, невозможны никакие выводы относительно влияния на душевое потребление внезапных изменений в цене алкоголя (под влиянием повышения акциза), урожаев и других подобных им факторов. Что касается данных, приводимых Осиповым для более позднего времени, то значение их умаляется существованием для этого периода точных данных по Европейской России, гораздо более притом пригодных для всякого рода сопоставлений, чем, все-таки весьма приближенные, данные по Империи. Впрочем, с 1892 года и для всей Империи уже имеются точные цифры душевого потребления. Относительно цифры Осипова для 1883 года мы уже говорили: вместо 0,75 ведра должно быть 0,78. Ниже мы приводим цифры душевого потребления Осипова рядом с выведенными нами цифрами для 50 губерний Европейской России; при сравнении тех и других следует иметь в виду, что данные Осипова, как относящиеся ко всей Империи, должны оказаться несколько ниже наших. Так как данные о поступлении акциза являются, как мы достаточно уже показали, совершенно ненадежным материалом для вывода цифры потребления (абсолютного) по отдельным годам, то мы в состоянии представить сплошной ряд цифр за весь период до 1880 г. лишь для тех районов России, для которых имеются за это время данные о выпуске спирта из заводов на внутренний рынок: такие данные имеются за весь, рассматриваемый нами в настоящую минуту, период (с конца 60 и до 80-х годов) лишь для губерний Европейской России (без Царства Польского) и для Сибири (Западной и Восточной); для прочих окраин (и то не для всех) имеются данные лишь со второй половины 70-х годов (так, для Туркестана с 1876-го года, для Амурской и Приморской областей с 1878-го), а для губерний

Царства Польского за один только 1879 г.*. Такие проблемы в первоначальном материале заставляют нас отказаться от мысли дать сплошной ряд цифр потребления по Империи; для нас представляется выбор – дать таблицу потребления по одной Европейской России (везде, где в дальнейшем мы будем употреблять выражение «Европейская Россия» без всякой оговорки, мы будем иметь в виду Европейскую Россию без Ц<арства> П<ольского>) или по Европейской России + Сибирь; последний ряд цифровых данных ничего не мог бы дать нам нового, по сравнению с первым, для уяснения вопросов о взаимной связи, существующей между массовым потреблением алкоголя и прочими сторонами народной жизни; действительно, так как в то время никаких почти статистических данных по Сибири не со-

---

* Вот как изменялось количество спирта (ведер абс<олютного> алк<оголя>), выпущенного для внутреннего потребления, по тем из окраин Российской Империи, для которых имеются данные этого рода:

	Восточная Сибирь	Западная Сибирь	Итого по Сибири	Туркестанский край	Амурская и Приморская области
1868 г.	465,8	467,9	933,7	—	—
1869 г.	520,9	543,7	1 064,6	—	—
1870 г.	516,9	550,8	1 067,7	—	—
1871 г.	554,3	548,4	1 102,7	—	—
1872 г.	571,7	632,2	1 203,9	—	—
1873 г.	611,1	651,1	1 262,2	—	—
1874 г.	529,1	549,7	1 078,8	—	—
1875 г.	518,8	490,2	1 009,0	—	—
1876 г.	476,9	507,0	983,9	27,1	—
1877 г.	534,8	516,8	1 051,6	38,4	—
1878 г.	577,1	582,7	1 159,8	47,3	4,1
1879 г.	589,1	653,3	1 242,4	54,1	6,1

Для 1879-го года может быть выведена общая сумма по Империи:

1) по губерниям Европейской России было выпущено для внутреннего потребления	29 704,602	вед.	абс.	алк.
2) по Восточной Сибири	589,152	«	«	«
3) по Западной Сибири	653,334	«	«	«
4) по Туркестанскому краю	54,111	«	«	«
5) по Амурской и Приморской обл.	6,153	«	«	«
6) по Привислянскому краю[30]	2 166,340	«	«	«
Итого по Империи	33 173,692	ведер абсолютного алкоголя		

Считая население Империи в 1879-м году равным 96,5 млн. чел., получим среднее душевое потребление к началу 80-х годов в 34,37°, сравнивая эту цифру с цифрами Осипова (указ. соч.) в 0,86 ведра в 40° (что дает в переводе на абсолютный спирт – 34,4°), получаем разницу в 0,03° или меньше 0,09%.

биралось*, то нам все равно пришлось бы сопоставлять наши данные о потреблении алкоголя по Европейской России вместе с *Сибирью с* данными о других сторонах народной жизни, приуроченными к *одной* Европейской России; понятно, что выводы, основанные на таком сопоставлении данных, относящихся к различным территориям, оказались бы – ceteris paribus – менее надежными, чем выводы, полученные путем анализа однородных статистических материалов (относящихся к одной Европейской России). Кроме того, цифры душевого потребления по Европейской России с Сибирью за время до 1880-го года все равно не имели бы для себя продолжения в Отч<ете> Деп<артамента> неок<ладных> сб<оров> за 80-е и начало 90-х годов (подобные данные появляются в Отч<ете> Деп<артамента> лишь с 1892-го года).

В дополнение к данным о выпуске спирта из заводских подвалов приведем сведения о выкурке и экспорте спирта за соответствующие годы, эти данные также могут служить материалом для заключений (хотя лишь весьма приблизительных) о количестве спирта, оставшегося для внутреннего потребления:

а) Выкурка (по Империи) в периоды:

1862/63 гг.	25001,567	вед. абс. алк.	1870/71 гг.	28009,157	вед. абс. алк.
1863/64 гг.	27430,998	«	1871/72 гг.	32944,606	«
1864/65 гг.	22405,572	«	1872/73 гг.	33005,067	«
1865/66 гг.	20400,621	«	1873/74 гг.	31434,201	«
(Включая Царство Польское)			1874/75 гг.	31460,359	«
1866/67 гг.	31550,482	«	1875/76 гг.	27625,511	«
1867/68 гг.	25728,789	«	1876/77 гг.	26421,249	«
1868/69 гг.	30572,967	«	1877/78 гг.	27822,010	«
1869/70 гг.	31310,696	«	1878/79 гг.	35693,831	«

б) Вывоз за границу: до начала 70-х гг. вывоз не превосходил ½ млн. ведер (см. «Отчет Департамента неокладных сборов 1887 г.», стр. 145). Дальше экспорт изменялся следующим образом:

в 1873 г.	1219,218	вед. абс. алк.	1877 г.	2103,681	вед. абс. алк.
1874 г.	2303,843	«	1878 г.	1390,107	«
1875 г.	1 742,226	«	1879 г.	2298,652	«
1876 г.	1 614,797	«			

---

* Даже статистика урожаев – точнее сбора хлебов – начинает включать данные по Сибири лишь со 2-й половины 90-х годов (см. *Лохтин*[31] «Состояние сельского хозяйства в России», 1901 г., стр. 260), еще беднее наши сведения о других сторонах экономической жизни Сибири за те годы.

Для времени с 1880 года мы имеем уже прямые данные о размерах потребления, по крайней мере, в пределах Европейской России. За 1880, 1881 и 1882 гг. цифры отличаются еще некоторою шаткостью (впрочем сомнения не идут так далеко, чтобы могли заметно отразиться на окончательных цифрах душевого потребления): так, если мы вычислим цифры потребления за 1880, 1881 и 1882 гг. на основании цифр среднесложного потребления за периоды 1880–1882; 1881–1883; 1882–1884 гг., приводимых в Отчете Деп<артамента> неокл<адных> сб<оров> за 1883,1884 и 1885 гг., то получим для Европейской России без Царства Польского цифры, расходящиеся с полученными тем же путем данными по Европейской России с Царством Польским и по одному Царству Польскому. Где именно допущена была ошибка, решать не беремся: известно, что и за более позднее время цифры ежегодных Отчетов (об *абсолютном* потреблении) подвергались впоследствии, в позднейших изданиях Департамента, исправлению. В более округленном виде (в миллионах ведер) цифры потребления за 1880–1882 годы даются в книге г. Терского: определяя *душевое* потребление по этим данным и по полученным указанным выше способом, получаем в результате цифры вполне тождественные при округлении до 1/2 градуса, – точность вполне достаточная для многих сопоставлений и выводов.

Для времени с 1888 года, кроме ежегодных «Отчетов», мы имеем ретроспективный обзор в «Отчете Главн<ого> Упр<авления>» за 1895 год (повторенный в Отчете за 1896 г.), дающий цифры абсолютного потребления по Европейской России в ведрах 40° вина. Сравнивая эти «исправленные» данные с данными ежегодных Отчетов, мы увидим, что большинство сходится весьма близко; исключение составляют цифры за 1888 и 1889 год: здесь разница по одной Европейской России достигает 464 тыс. вед. абсолютного спирта (1888 году). Такая значительная разница делает цифру 1888 года (а равно и 1889 г.) по Отчету 1895–1896 года непригодной *для сопоставления* с цифрами потребления за 1887 и предшествующие годы по *ежегодным* отчетам (соответствующих годов). Поэтому, хотя цифры ретроспективной таблицы (в Отчетах 1895 и 1896 г.) по способу своего получения должны бы гарантировать большую *абсолютную* точность (т. е. независимо от сравнения с данными за другие годы), но для изображения *общей динамики* потребления за 2-ю половину 80-х годов цифры соответствующих ежегодных отчетов являются более надежным материалом – ввиду своей несомненно большой *однородности*. Впрочем, что касается, в частности, цифр потребления за 1888–1889 гг.*, приводимых

---

* Как увндим (в дальнейшем во 2-й части), принятие для 1888 года той или другой цифры потребления (согласно Отч<ета> 1888 года, или согласно

в Отчетах за 1895–1896 гг., то они плохо согласуются не только с данными об оборотах спирта за предшествующие годы, но и с данными о *прочих* (кроме потребления) оборотах спирта *за те же годы.*

Так как вопрос этот не имеет существенного значения для наших теоретических выводов, то мы не станем здесь входить по этому поводу в дальнейшие подробности. Заметим, что к 1890 году разница между цифрами обоих источников уже не превосходит естественной *случайной* погрешности, почему мы и сочли возможным с 1890 года заменить цифры Ежегодных Отчетов – более «проверенными» данными из Отчета за 1895 год.

Таблица А**

1880 г.	25644,720	(26,73 млн.)
1881 г.	25234,573	(26,30 млн.)
1882 г.	25021,409	(26,15 млн.)
1883 г.	25825,650	
1884 г.	24420,013	
1885 г.	23009,088	
1886 г.	22000,357	
1887 г.	22684,843	
1888 г.	22830,485	(23294,303)
1889 г.	22541,773	(22162,667)
1890 г.	21395,310	
1891 г.	19796,157	
1892 г.	19969,145	
1893 г.	19945,025	
1894 г.	21678,146	ведер абсолютного алкоголя

(Для 1880,1881 и 1882 гг. в скобках показаны округленные цифры из книги г. Терского***; для 1888 и 1889 гг. в скобках – данные согласно Отчету 1895 и 1896 гг.).

Отч<ета> 1895–96 гг.) не оказывает никакого влияния на наши основные выводы, так как то незначительное понижение цифры душевого потребления в 1888 году (сравн<ительно> с 1887), какое соответствует абсолютному потреблению согласно Отчету за 1888 год, – при анализе зависнмости между душевым потреблением и урожаями – все равно нами в расчет не прннималось, что же касается исследования вопроса о влиянии иа потребление повышеиий акциза, то отсутствие понижения потребления (абсол<ютного>) в 1888 году (согласно Отч<ета> 1895–96 гг. было даже некоторое повышение) является только еще новым подтверждением нашего вывода (см. ч. 2-я, гл. 1-я).

** Начало табл<ицы>: – 1868–1879 гг. см. выше, стр. 70.

*** Для г<уберний> Велнкорусскнх + бывш<их> привилегированных[32] + Прибалтнйских; см. *Терский* указ. соч., стр. 126-я.

Чтобы отсюда перейти к выводу душевого потребления, нам надо установить хотя бы приблизительные данные о населении Европейской России за время с 1868 по 1894 год. Однако прежде чем перейти к выполнению этой задачи, считаем нужным сказать хотя бы несколько слов о тех цифрах населения, какие положены в основу наших *официальных* данных о душевом потреблении. До 1880-го года, как известно, в официальных источниках не имеется еще систематических данных о душевом потреблении (хотя бы только по одной Европейской России), такие сведения начинают появляться лишь с 80-х годов (в ежегодных Отчетах Деп<артамента> неокл<адных> сборов). Какими же сведениями о населении пользовался Департамент неокладных сборов при выводе этих данных?

Уже a priori, ввиду крайней неудовлетворенности состояния нашей статистики населения вплоть до переписи 1897-го года, можно ожидать, что сведения, какими располагало финансовое ведомство для вывода душевого потребления, оставляли желать весьма многого. И действительно, если с 80-х годов цифры общего потребления, даваемые Отчетами Департамента неокладных сборов, являются достаточно точными (с теми оговорками, какие сделаны выше относительно влияния запасов розничных торговцев), то нельзя сказать того же относительно цифр *населения,* принимаемых этими отчетами при выводе душевого потребления. Вплоть до 1888 г. Отчеты не располагали цифрами населения *за тот год,* для которого выводилось душевое потребление (так, цифра населения за 1883-й год дается лишь в Отчете за 1886-й год, цифра населения за 1885-й год – лишь в Отчете за 1887-й год); поэтому, понятно, и цифры *душевого* потребления, принимаемые Отчетом Департамента неокладных сборов до 1888-го года, являются очень приблизительными (так как даже более точные данные Центрального Статистического Комитета также лишь приблизительны – до всеобщей переписи 1897 года).

Основанием для вычисления душевого потребления за позднейшее время (т.е. с 1888-го года) служили для Департамента неокладных сборов данные о населении Медицинского Департамента (см. соответственные указания в тексте Отчетов Департамента неокладных сборов).

Данные эти также уступают в точности данным Центрального Статистического Комитета (или вычисленным цифрам – на основании цифры прироста, даваемой Центральным Статистическим Комитетом), так как Медицинский Департамент основывает свои цифры на годовых отчетах Врачебных Отделений отдельных губерний; Врачебные же Отделения пользуются для своих отчетов обыкновенно *предварительными,* еще не проверенными, данными местных (губерн-

ских) Статистических Комитетов (см. журнал* Медицинского Департамента за 1898 г., кн. II, стр. 120, *примечание редакции).*

Для 1888-го года Департамент неокладных сборов принимает цифру населения 50-ти губерний Европейской России в 85463 тыс. чел., для 1889 г. – 88 151 тыс.; для 1890 г. – 91124 тыс.; для 1891 г., – согласно цифре общего потребления и цифре душевого потребления, принятой Деп<артаментом> неокл<адных> сб<оров>, – цифра населения определится около 88,7 млн. чел., для 1892-го г. – 90990 тыс. чел.; для 1893-го г. – 92215 тыс. человек и т.д. Таким образом, получится ряд:

1888	год	85463	тыс.	чел.
1889	«	88151	«	«
1890	«	91124	«	«
1891	«	88700	«	«
1892	«	90990	«	«
1893	«	92215	«	«

Что касается цифр за позднейшее время, то после переписи 1897 года Деп<артамент> неокл<адных> сб<оров> постарался согласовать цифру 1896 года с результатом переписи (хотя и не вполне, по крайней мере для отдельных районов), сообразно с этим изменены в этих Отчетах и цифры по трехлетней сложности 1893–1894–1895 гг., так что для согласования с этими исправленными цифрами цифры Отчетов за 1893 и 1894 гг. должны быть понижены. Это вносит еще больше несогласия в ряде цифр населения, принятых Деп<артаментом> неокл<адных> сб<оров> при выведении душевого потребления за период 1888–1894 гг. При этом важна не столько абсолютная неверность цифр, как их *несогласованность* друг с другом. Благодаря этой несогласованности является необходимым вновь вывести душевое потребление за все 80-е и 90-е годы, положив в основу ряд цифр населения: 1) согласованных друг с другом; 2) более или менее соответствующих результатам переписи 1897 года, как наиболее верным данным о населении. Как известно, полученная переписью общая цифра населения *по Империи* почти вполне сошлась с прежними данными, выводившимися на основании сведений о естественном движении населения. Иное следует сказать относительно населения *Европейской* России. Здесь пертурбационным моментом явилось принявшее в последние 6–7 лет перед переписью огромные размеры переселенческое движение из Европейской России в Сибирь, на Кавказ и вообще на окраины. Движение это существовало уже в 80-е годы,

* «Вестник Обществ<а> гигиены, судебн<ой> и практ<ической> Медицины»[33].

хотя в несравненно меньших размерах, и при том в значительной степени парализовалось иммиграцией (в среднем за 1886–1890 гг. по 80 тыс. чел. в год – из Австрии, Германии, Бельгии и проч.). Поэтому, если к цифре населения за 1885 г. (она наиболее надежная, так как получена не вычислением, а непосредственно полицейско-административным путем), даваемой Центр<альным> Ст<атистическим> Комитетом, прибавить естественный прирост за 1886–1896 гг., то мы получим цифру, превосходящую цифру, полученную при переписи 1897 года, больше, чем на один миллион человек. Эта цифра и выразит механический отток из 50 губерний Европейской России за период 1886–1896 гг. Если бы цифра населения 1885 года не вызывала сомнений в своей правильности, и если бы переселенческий поток имел хотя приблизительно одинаковую силу для отдельных годов этого периода, то для получения приблизительных цифр населения за *каждый* год периода 1886–1896 гг. стоило бы общую сумму механического оттока за это время разделить на одиннадцать, и полученный средний годовой механический отток вычитать последовательно из цифры за каждый год этого периода, полученной из предыдущей путем прибавления естественного прироста. Но такой прием, к сожалению, не применим в данном случае, так как механическая убыль населения имела место далеко не в одинаковой степени в 1-ю и 2-ю половину рассматриваемого периода (рубежом является 1891 год, сам относящийся уже ко 2-й половине). Кроме того, существует мнение, что цифра Центр<ального> Стат<истического> Комитета для 1885 года значительно (больше чем на 1 млн.) меньше действительной. Такая значительная погрешность, конечно, не могла бы не отразиться на цифре душевого потребления как 1885 года, так и последующих годов (так как если цифра 1885 года будет увеличена, соответственно должна быть увеличена и цифра механического оттока за время 1886–1896 гг., а следовательно изменится и взаимное отношение цифр населения смежных годов, что, в свою очередь, даст иное представление о динамике душевого потребления). Мнение о неправильности цифры населения 1885 года, принимаемой Центр<альным> Стат<истическим> Комитетом, было подробно мотивировано г. В.Михайловским[34] в его статье: «Факты и цифры русской действительности». Оснований для такого мнения два. Первое сводится к сравнению цифр Центр<ального> Стат<истического> Комитета с данными земских исследований (см. таблицу на стр 104 названной статьи). Вряд ли, однако, возможно основывать какие-нибудь выводы на результатах сопоставления данных переписей, производившихся *не одновременно*, а с разницей во времени от 1 до 2-х лет; уже это одно может повести к значительным ошибкам. Главное же основание, по которому сравнение земских

данных с данными Центр<ального> Стат<истического> комитета не может служить основанием для заключения о верности цифры населения 1885 года, заключается в отсутствии в данных Центр<ального> Стат<истического> Комитета цифры *одного крестьянского населения,* почему для сравнения с земскими данными г. Михайловскому пришлось *вычислять* цифру собственно крестьянского населения* посредством умножения цифры общего по уезду населения, даваемой Центр<альным> Стат<истическим> Комитетом для 1885 г. (а также для 1883-го), на коэффициент, показывающий отношение крестьянского населения ко всему населению, причем коэффициент этот г. Михайловский берет из «Свода материалов об экономическом положении сельского населения Европейской России» (изд<ание> Канц<елярии> Комит<ета> Мин<истров>, 1894 г.), где коэффициент этот вычислен *на основании данных* об общем и одном крестьянском населении на *1-е января 1892 года.* Когда после этого узнаешь из статьи того же автора, что отток *крестьянского* населения из губерний коренной России за 1886–1896 гг. равняется почти 4 млн. (см. указ. соч., стр. 110), то становится ясно, что вычисленная таким образом цифра крестьянского населения является совершенно непригодной для каких бы то ни было заключений**.

Второе основание, по которому г. Михайловский считает цифру 1885 г. (по Центр<альному> Стат<истическому> Комитету) ниже действительной, сводится к тому, что цифра механического оттока, *вычисленная* на основании: 1) цифры населения за 1885 год, 2) данных о естественном приросте за 1886-1896 гг. и 3) цифры населения, полученной при переписи 1897 года, – меньше (более чем на 1 млн.) цифры, получаемой *непосредственным* суммированием различных элементов, из которых складывалась (по его, г. Михайловского, предположению) общая сумма механического оттока. Конечно, сам г. Михайловский сознается, что даваемые им цифры лишь приблизительные, хотя он со своей стороны старался воспользоваться всем имею-

* Отчего г. Михайловский не взял для сравнения те уезды, по которым земская статистика определяла *общую* сумму населения? Например, по некоторым уездам губерний Черниговской, Таврической, Херсонской (см. Фортунатов[35] «Сельско-хозяйственная статистика», стр. 97).

** % крестьянского населения должен был особенно измениться (понизиться) в губерниях центра, где имел место наиболее сильный отток крестьянского населения на окраины. Отсюда понятно, отчего *особенно большая «ошибка»* найдена г. Михайловским именно для *средней* России (и *не оказалась в степных* губерниях) и при том тем бóльшая, чем бóльший промежуток прошел от времени получения общей цифры населения и моментом определения % крестьянского населения (ошибка для 1883 г. больше, чем для 1885 и 1887 г.).

щимся (неполным и разрозненным) материалом. Но могущая быть неточность собственно в цифрах и не имеет в данном вопросе существенного значения. Основная ошибка автора заключается в том, что он *не одинаково* полно и подробно исчисляет *оба* противоположных течения: *отток* и *приток* населения. Тщательно подсчитывая число переселенцев, ссыльных, передвинутых на окраины войск, эмигрировавших русских подданных и пр., г. Михайловский лишь вскользь упоминает об обратных течениях. Так, говоря об обратных переселенцах, г. Михайловский определяет их согласно «официальным сведениям» в 9% общего числа, но считает возможным не принимать их во внимание, так как это количество вполне покрывается «незарегистрированными» переселенцами, не вошедшими в цифру, приводимую им в общем подсчете оттока. Нельзя не заметить, что % обратных, принимаемый г. Михайловским, слишком низок: так, например, в 1896 году число обратных даже согласно официальным сведениям равнялось почти 14% переселившихся (на 200 тыс. переселившихся около 28 тыс. обратных), в 1895 г. – 10% с лишком (см. А.Кауфман[36] «Сибирские переселенцы». СПб., 1901 г., стр. 89), а 1895–1896 годы вовсе не являлись особо неблагоприятными, напротив, имущественная обеспеченность переселенцев 1895–1896 годов была несомненно выше обеспеченности лиц, составлявших главную массу переселенцев в 1891–1892 годах (см., например, отчет переселенческого чиновника г. Дурова за 1892 г.). Исчисляя, далее, приблизительную цифру ссылки из Европейской России, г. Михайловский ничего не говорит об обратном течении, которое складывается: 1) из ссыльных, отбывших срок, подошедших под манифест и проч.; 2) из лиц, самовольно уходящих из мест ссылки и тянущих из Восточной Сибири в Западную, а из Западной в Европейскую Россию – конечную цель их стремлений; каково число лиц, самовольно оставивших место ссылки и находящихся «неизвестно где», явствует из того, что по официальным данным безвестноотсутствующие составляли до 50% всех ссыльных. Затем, принимая ссылку на Сахалин равной всему механическому притоку населения, автор почему-то относит этот приток целиком на счет Европейской России (коренные 50 губерний). Ввиду таких приемов автора является сомнительной и даваемая им цифра «передвижения войск на окраины»: не подсчитано ли и здесь только общее число войск, отправленных на окраины (без вычета обратного передвижения), а также не вошли ли в состав «вновь сформированных» на окраинах частей войск часть военных сил, уже находившихся в этих районах (в составе других воинских частей)? Но это все ошибки еще несущественные: главная ошибка г. Михайловского – игнорирование иммиграции. Г. Михайловский для определения эмиграции из пределов

России пользуется данными Таможенного Департамента о числе лиц, проследовавших через границу в ту или другую сторону. Чтобы получить цифру эмигрирующих, г. Михайловский вычитает из числа лиц – русских подданных, выехавших из пределов России за 11-летие, число лиц, русских же подданных, возвратившихся в Россию за то же время; получается известный перевес выехавших над возвратившимися, и эта разница может служить приблизительным показателем *русской* эмиграции (точнее: *русских подданных*). Из этой эмиграции, по мнению г. Михайловского, четверть должна быть отнесена на счет Царства Польского, причем автор ссылается на данные Американской статистики; на самом деле данные о числе русских подданных, переселившихся в С<еверо>-Американские Соединенные Штаты, говорят, что четвертая часть общего числа переселившихся составляют *одни поляки*, но, как известно, большое количество переселенцев давали (за рассматриваемый период) также литовцы (из Сувалкской[37] губ<ернии> – особенно с 1889 года) и евреи из всех почти губерний Царства Польского. Таким образом, действительное участие Царства Польского в русской эмиграции вероятно выразится не менее как 50% общего числа, за исключением 1890–1892 гг., когда эмиграция из русских губерний (евреи, меннониты[38], литовцы) резко поднимается над обычным уровнем.

Из общей суммы эмиграции, выведенной г. Михайловским (234 тыс.), на долю собственно русских губерний относится вряд ли более 100–120 тыс. человек (главным образом эмигрировали евреи в период 1890–1891 гг.). Что же находим мы у г. Михайловского относительно *иммиграции?* Ровно ничего, кроме беглой фразы на стр. 110; при подсчете общей суммы механического оттока цифра иммиграции даже не фигурирует.

Говоря о перевесе числа лиц, выехавших из пределов России, над числом возвратившихся и вообще въехавших, г. Михайловский даже и не упоминает, что такой перевес получится лишь в том случае, если мы возьмем для сравнения цифры *одних русских подданных;* если же взять общую цифру въехавших и выехавших, то *перевес останется на стороне въехавших,* т. е., основываясь на тех же материалах, какими пользуется автор, мы должны прийти к выводу, что в общем балансе *иммиграция перевешивала эмиграцию.* Беря данные за период 1886–1896 гг., на которых основывает свои выводы г. Михайловский, мы получим значительный перевес въехавших над выехавшими; этот перевес должен быть увеличен для русских губерний ввиду того обстоятельства, что в эмиграции русские губернии участвовали лишь в незначительной (сравнительно с Царством Польским) степени; иностранная же иммиграция со 2-й половины 80-х годов, напротив, направ-

лялась главным образом в южные и восточные окраины Европейской России, где имелся еще земельный простор, а с половины 80-х годов, кроме того, (на юге) пышно расцвела металлургическая промышленность. При этом большая часть металлургических предприятий юга основана иностранцами и обслуживается иностранными мастерами, а в значительной степени и иностранными рабочими. Что касается колонистов-земледельцев, ищущих свободных и сравнительно дешевых (а также по возможности еще не выпаханных) земель, то понятно, они не могли осесть (кроме единичных случаев) в губерниях Царства Польского при господствующей там земельной тесноте: главную притягательную силу для них имели наши южные и (в более ранний период) восточные черноземные степи (см. Исаев[39] «Заметки о немецких колониях в России»). Кроме собственно южных губерний немецкая колонизация пустила сильные корни в Юго-Западном крае: например, в Волынской губ<ернии> в 1894 г. насчитывалось более 200 тыс. немцев-колонистов.

Подводя итог всему вышесказанному, мы должны признать, что подсчет г. Михайловского в значительной своей части (приблизительно на величину, отличающую его от теоретически выведенного механического оттока) является гадательным, основанным на произвольных допущениях, а в некоторых случаях и на приемах прямо неверных, как, например, игнорирование *иммиграции,* игнорирование обратного движения ссыльных, неправильное отнесение ссылки на о. Сахалин (куда ссылалось значительное число с Кавказа, а также из Царства Польского и Финляндии* целиком на счет 50-ти губерний Европейской России. Опыт г. Михайловского показал одно, что *мы не имеем достаточно* точных и обоснованных *данных для непосредственного подсчета механического притока и оттока населения* Европейской России за какой-нибудь период времени**; *единственным*

---

* В 1890 году на долю Кавказа, Царства Польского и Финляндии приходилось около 15% населения Сахалина (кроме местных аборигенов, конечно, см. А.Чехов[40] «О<стров> Сахалин», гл. XV). Сюда же следует прибавить и лиц, ссылаемых (хунхузы из Приморской области) и переводимых на Сахалин из Сибири.

** Попытку вычисления населения за ряд лет, предшествующих переписи 1897 года, на основании детальных – якобы исчерпывающих – данных о механическом оттоке населения (из 50-ти губерний Европейской России) сделал недавно г-н Череванин («Эволюция земледелия», Познание России, 1909, кн. 2, стр. 165), но результаты этой попытки являются самым ярким доказательством несостоятельности подобного приема: какими бы грубыми ошибками ни отличалась перепись 1885 года, все же результаты ее должны давать более прочную основу для научных выводов, чем подобные вычис-

способом получить вероятную цифру механического движения населения является сравнение результатов *непосредственного* исчисления населения *за два* момента, разделенных более или менее значительным промежутком времени; но цифра, полученная *таким путем,* понятно, не может уже служить *сама* для поверки цифры населения.

Таким образом, цифра переписи 1885 года (вместе с данными о естественном движении населения) является единственной реальной точкой опоры при исчислении населения за время до переписи 1897 года; заменить эту цифру другой, *более надежной,* мы не можем; поэтому нам остается поневоле удовлетвориться при установлении цифр населения за время до 1897 г. той степенью точности, какой удовлетворяет цифра 1885 года, полученная путем полицейского подсчета (впрочем, по мере удаления от исходной точки и приближения к 1897 году погрешность будет все более сглаживаться); наибольшее, что мы можем сделать, это – несколько повысить цифру переписи 1885 года – на величину, не превосходящую возможной *случайной* погрешности: требованию этому еще удовлетворяет цифра г. Покровского («Влияние урожаев...»[41] т. II), но отнюдь не цифра г. Михайловского, превосходящая цифру Центр<ального> Стат<истического> Комитета больше, чем на миллион человек.

Итак, взявши за основание цифру населения за 1885 год, попробуем вывести приближенные (наиболее вероятные) цифры населения за последующие годы (до переписи 1897 года). Из сравнения цифры населения за 1885 и 1896 год оказывается, что механический отток за 1886-1896 гг. выразился цифрой около миллиона человек. Следует ли распределить его *поровну* между одиннадцатью годами рассматриваемого периода? Отрицательный ответ не может возбудить сомнения: сила механического оттока *резко* изменяется в течение рассматриваемого промежутка; главной причиной этого является рост крестьянских переселений под влиянием земельной тесноты и экономического потрясения, перенесенного народным хозяйством в 1891 году. Движение это, как сказано выше, существовало уже в 80-х годах, хотя в несравненно меньших размерах и при том в значительной степени парализовалось иммиграцией.

В 90-х годах дело изменяется: вместо перевеса приехавших в Империю над выехавшими начинает наблюдаться перевес выехавших, причем усилившийся отток русских подданных в значительной степе-

---

ления, основанные на случайных и неполных цифрах оттока и совершенно игнорирующие наличность (механического) притока населения (для 1885 г. Череванин получил цифру на 1,3 млн. человек *меньше* цифры, полученной полицейской переписью).

ни падает и на *русские губернии,* что явствует из сравнения цифр общей эмиграции с цифрами польской эмиграции (включая и польскую Литву). Возрастание эмиграции из русских губерний с 1890 года обусловливалось усиленным выселением евреев Юго-Зап<адного> края в Бразилию и Аргентину под влиянием закона, воспрещающего евреям жить в 50-верстной полосе от границы; с середины 1891-го года начинается массовое выселение евреев из Москвы (см. статью Беркенгейма[42], «Русская мысль», 1894 г.. Кн. X). Одновременно с этим отток в Сибирь и на другие окраины резко возрастает с 90-х годов: согласно официальным данным о переселении в Сибирь с 1885 года по 1890 переселилось лишь около 1/7 общего количества переселенцев за 11 лет (1886–96 гг.); таким образом, на период 1891–96 гг. приходится около 6/7 общего количества; на этот же период 1891–96 гг. приходится и главная масса переселений, направлявшихся морем (в Уссурийский край). Прямых данных о ежегодном переселении на Кавказ мы не имеем; но несомненно, что и это переселение получило также особенное развитие с 1890 года (так как это переселение вызвано, в общем, теми же причинами, что и Сибирское). Официальные данные о числе переселенцев обнимают далеко не всю массу переселенцев, так официальная цифра переселения в Сибирь первоначально относилась лишь к переселенцам, шедшим на Тюмень; переселенцы, шедшие другими путями, в регистрацию не попадали. Нет сомнения, что число этих, не попавших в официальную регистрацию, переселенцев особенно возросло в период наиболее усиленного переселенческого движения. Особенно велико должно было быть число таких переселенцев в период 1891 и 1892 годов, когда переселение из центральных губерний приняло характер массового беспорядочного бегства; брели на авось, куда-нибудь и как-нибудь, без заранее составленного плана, шли потому, что у себя на местах все равно было немыслимо оставаться; при этом следует иметь в виду, что переселение часто *маскировалось* под формой «отхода на заработки»; да оно в значительной степени и было так: массы крестьян центрального района, не находя средств к существованию у себя дома, устремлялись в поисках работы в южные степи, на железнодорожные работы (начинавшего строиться Сибирского пути), наконец, из некоторых восточных губерний отход в Сибирь на заработки был и раньше обычным явлением (причем некоторая часть уходивших так и не возвращалась домой); не находя работы в наших южных степях, рабочие устремлялись дальше – на Кавказ и даже в Средне-Азиатские владения. Значительная часть этих крестьян, нахлынувших на Кавказ, в Сибирь и Средне-Азиатские области в поисках работы, так и оседали в этих местах (так как «дома» все равно не оставалось ничего, что бы при-

вязывало их: известно, какая масса беднейших крестьян вовсе лишилась земли - юридически или фактически - именно в это время), частью привлекаемые большим простором и надеждою «устроиться» лучше, чем дома, частью вследствие неимения средств на обратную дорогу и окончательного обнищания (таким было все равно, где ни оставаться, так как надежда восстановить свою хозяйственную самостоятельность все равно была потеряна). Последняя категория, как показали цифры, была особенно велика (см., напр<имер>, данные о переселении на Кавказ из Курской губ<ернии> и из Острогожского у<езда> Воронежской губ<ернии>*.

Именно беспорядочность и неорганизованность переселенческого течения в период 1891-92 гг. заставляет предполагать, что очень значительный процент переселенцев, бредших на авось, без заранее определенного маршрута, должен был ускользать от регистрации переселенческой администрации, существовавшей лишь в главных пунктах (да и силы этой администрации - в виду *резкого* усиления переселенческого движения в 1891 году сравнительно с предыдущими годами - на первое время должны были оказаться не в соответствии с увеличившимся движением). С начала функционирования Сибирской ж<елезной> дороги регистрация стала полнее, так как существование железнодорожного пути направило переселенческое движение в одно русло. Поэтому официальная цифра переселенцев для годов, непосредственно предшествовавших переписи, ближе к действительной цифре, чем официальные цифры, относящиеся к 1891 и 1892 году: вряд ли общее число переселившихся в Сибирь и другие места Азиатской России (из 12-ти тысяч человек, переселившихся в Средне-Азиатские владения, на голодные годы приходится не меньше 10-ти тысяч) в эти годы значительно уступало числу переселенцев, зарегистрированных в 1895-96 гг. Если к этому прибавить резко усилившуюся в *те же* 1891-1892 годы эмиграцию (во 2-ю половину 80-х годов эмиграция из Российской Империи не превосходила в среднем 35 тысяч в

---

* О резком изменении характера переселения с 1891 года см. кн<игу> проф<ессора> Исаева: «Переселения и русское народное хозяйство» (см. также отчет чиновника по переселенческим делам г. Дурова за 1892 г.); характерным показателем изменения имущественного положения (крестьян) переселенцев до и после 1891 года служит число семей, везших свой скарб и детей на ручных тачках за неимением средств на приобретение лошади: до 1891 года такие случаи были редкими исключениями, в 1892 году через Тюмень прошло (т. е. было зарегистрировано, действительное число несомненно было выше) таких семей свыше 600; из опрошенных об имущественном положении 41 600 семей - 60% оказалось в состоянии полной нищеты (менее 10 р. на семью).

год; такова же приблизительно цифра эмиграции и для 1895-96 годов; между тем как в 1891-м году общее количество эмигрантов равнялось по данным той же иностранной статистики больше, чем 100 тыс. человек; в 1892-м году - немногим меньше), то общий отток населения в 1891-92 гг. во всяком случае был скорее больше, чем меньше, соответственного оттока 1895-96 годов; что касается периода 1893-94 годов, то этот промежуток характеризуется некоторым понижением (по сравнению со смежными 2-летиями) как переселенческого движения на русские окраины, так и эмиграционного движения.

Ко всему сказанному следует прибавить, что как в 80-х, так и в 90-х годах, кроме переселения на окраины и эмиграции, на механическую убыль населения Европейской России влияли и другие моменты, каковы ссылка, передвижение войск на окраины и проч. Таким образом, период 1886-96 гг. естественно распадается на две части: 5-летие 1886-90 гг., характеризуемое усиленной иммиграцией и сравнительно слабым переселенческим движением, и 6-летие 1891-96 гг., характеризуемое интенсивным оттоком населения (в несколько раз превосходящим отток предыдущего периода) и понижением (в среднем за все 6-летие) иммиграции. Ввиду такого резкого различия между 1-й и 2-й половинами периода постараемся прежде всего выяснить приблизительную цифру населения к концу 90-го года, стоящего на рубеже обоих периодов. Как мы уже указывали по поводу попытки г. Михайловского, мы не имеем достаточно полных и точных данных для *прямого подсчета* баланса притока и оттока населения за какой бы то ни было период; нам остается и здесь выбрать косвенный путь: *основным* элементом, колебаниями которого определялась величина *общего* механического оттока из губерний коренной России за различные периоды, является переселение крестьян; предполагая (условно), что переменные *элементы* механического оттока, *не поддающиеся точному* статистическому учету, *колеблются* из года в год *пропорционально* колебаниям *зарегистрированной доли* оттока, и, распределив согласно этому принципу общую сумму оттока за время 1886-96 гг. (полученную теоретически вычитанием из цифры населения за 1885 г. + естественный прирост за 1886-96 гг. - цифры населения, полученной переписью 97-го года) между периодами 1886-90 и 1891-96 гг. (с различной интенсивностью оттока), мы получим (путем прибавления к цифре населения 1885 года естественного прироста за 1886-90 гг. и вычитанием механического оттока за то же время, вычисленного вышеуказанным приближенным способом) для конца 1890 года цифру, весьма близкую к цифре, даваемой Центр<альным> Статис<тическим> Комитетом («Урожай 1892 г.»[43], приложение). Ввиду такой близости мы сочли возможным оставить цифру Центр<ального> Ст<а-

тистического> Ком<итета> *без всяких поправок,* тем более, что она, как нельзя больше, согласуется и с другими, имеющимися в официальной литературе данными, относящимися к началу 90-х годов: так, согласно «Своду сведений» изд<ания> Комитета Министров 1894 года население России к 1-му января 1892 года (иначе к концу 91-го года) = 89 153 тыс. чел., что вполне согласуется с имеющимися у нас сведениями об естественном приросте за 1891-й год и с получаемой вышеуказанным методом приближенной цифрой механического оттока за 1891-й год (естественный прирост 1200 тысяч и механический отток около 200 тысяч); несколько больше разница между цифрой Центр<ального> Стат<истического> Ком<итета> за 1890-й год и цифрой, даваемой для того же года в изд<ании> Деп<артамента> Торговли и Мануфактур «Свод данных об экономическом положении губерний и областей», но так как Деп<артамент> Торг<овли> и Ман<уфактур> не располагал при этом какими-нибудь новыми *первоисточниками,* помимо тех, какие приняты во внимание Центр<альным> Стат<истическим> Ком<итетом>, то без сомнения предпочтение должно быть отдано цифре, приводимой в «Урожае 1892 года» (цифра Деп<артамента> Торг<овли> и Ман<уфактур> почти на 300 тыс. больше): если эта цифра и уклоняется от действительности, то вряд ли больше, чем на 50 тысяч (вместо 88 153 – около 88100–88200 тыс.), ошибка, которая не может существенно отразиться на цифре *душевого потребления.* Если мы теперь применим тот же прием, каким воспользовались для распределения общей суммы механического оттока между периодами 1886–90 и 1891–96 гг., к определению оттока *каждого из годов* промежутка с 1885 по 1896 год, и на основании полученных таким образом цифр механического оттока, а также данных об ежегодном естественном приросте (по сведениям Центр<ального> Стат<истического> Ком<итета>), вычислим цифры населения для всего периода с 1885 по 1896 год, то получим сплошной ряд цифр, весьма близко выражающих действительное движение населения. Чтобы составить себе представление о размерах возможной погрешности этого ряда, рассмотрим все элементы, входящие в вычисление. Об отправном и конечном пункте, т. е. о цифрах населения по переписи 1897 года и по подсчету 1885 года, мы уже говорили: сейчас прибавим только, что при окончательном выводе цифры населения к концу 1896 года нами принят во внимание, как естественный прирост за январь 1897 года (с 1-го по 28-е января, т. е. по день переписи), так и вероятный механический отток за то же время (по аналогии с 1896-м годом). Что касается промежуточных цифр за годы 1886, 1887 и т. д. до 1895 года включительно, то каждая из них получена из предыдущей путем прибавления цифры естест-

венного прироста (по данным Центр<ального> Ст<атистического> Ком<итета>) и вычитания цифры механического оттока населения за тот год, население которого определяется (цифра населения везде приурочена к концу года, т. е. к 31-му декабря). Из этих двух цифр первая отличается той степенью точности, какой вообще приходится довольствоваться в области сведений, относящихся сплошь ко всему населению: здесь всегда найдутся пробелы, найдутся и ошибки, но в силу закона больших чисел большинство этих ошибок не могут оказать влияния на общий итог; во всяком случае ко второй половине 80-х годов регистрация движения населения не представляет уже таких огромных пробелов, требующих для своего заполнения применения интерполяции, как это имеет место, например, в 60-х и 70-х годах (сравни указания д-ра Экка[44]). Насколько в общем близки к истине данные нашей статистики движения населения за 80-е и 90-е годы, видно из того, уже упоминавшегося нами, факта, что цифра населения *по Империи* (на которую не влияли переселения на окраины) оказалась ко времени переписи 1897 года по данным Медиц<инского> Деп<артамента>, определявшего ее теоретически, последовательным прибавлением цифр естественного прироста, почти вполне совпадающей с результатами прямого подсчета (см. журнал Медиц<инского> Деп<артамента> за 1898 г. февраль, стр. 40 официального отдела). Таким образом, точность наших промежуточных цифр главным образом зависит от точности учета механического оттока. Прием, употребленный нами для определения общего механического оттока за каждый год, заключался в том, что мы общую сумму механической убыли населения, действительно обнаруженную переписью 1897-го года, распределили между отдельными годами периода 1886-96 гг. *пропорционально* тем элементами оттока, для которых имеются более или менее точные цифры за все это время. Такой прием имеет своим основанием *условное* предположение, что переменные элементы механического оттока, не поддающиеся точному статистическому учету, изменяются из года в год *в той же пропорции*, как и элементы, для учета которых имеются более или менее точные данные (например, что число переселенцев, идущих боковыми путями мимо регистрационных пунктов, изменяется из года в год приблизительно в той же пропорции, как число переселенцев, прошедших через регистрационные пункты и т. п.). Допущение это весьма близко к действительности; собственно «условным» является только предположение *о строгой* (математической) пропорциональности: о том, что обе части оттока (т.е. поддающаяся и неподдающаяся статистическому учету) изменяются *в одном направлении* и *приблизительно* с одинаковой силой, об этом, полагаем, никто не будет спорить (так как причины, вызываю-

щие механический отток в той и другой его форме - одни и те же). Сказанным уже достаточно намечаются границы погрешностей наших промежуточных цифр. Чтобы еще больше сузить эти границы, мы приняли следующую меру: прежде, чем распределять общую сумму механического оттока согласно указанному принципу, мы вычли из нее по возможности все элементы, обусловленные *не общеэкономическими* причинами, а специальными поводами, носившими более или менее *случайный* характер (такова - вышеупомянутая эмиграция евреев в 1890, 91 и 92 годах, также эмиграция меннонитов, эмиграция в Бразилию из русских губерний с литовским населением, вызванная в значительной мере *искусственно,* усилиями южно-американских колониальных агентов, старавшихся в польской и русской Литве[45] пополнить ущерб, понесенный эмиграцией в Южную Америку под влиянием почти полного прекращения в 1890-м году эмиграции из Италии, дававшей раньше до 30 тыс. эмигрантов в год); подобные *случайные* элементы оттока распределялись по соответствующим годам уже *после* окончательного *распределения остальной суммы* общего механического оттока (приходящейся на счет общеэкономических причин). Благодаря такому приему, величина возможной ошибки была еще более ограничена (о некоторых других второстепенных поправках, внесенных в окончательные цифры населения, мы не упоминаем).

В заключение еще одно замечание: *детали* наших цифр получены, вообще говоря, *не произвольно:* цифры механического движения населения везде даны в *округленном* виде (ввиду невозможности дать вполне точную цифру, детализирование цифр было бы основано на *произволе,* чего мы избегали везде, предпочитая даже «чисто механические принципы», так как, не увеличивая точности, они все-таки гарантируют от *предвзятых* «исправлений»), почему детали цифр населения определялись цифрами «естественного» движения населения, а для 1890 года, как мы уже указали, цифра населения детализирована согласно данным Ц<ентрального> Ст<атистического> Ком<итета> («Урожай», 1892 г.), вполне соответствующим нашим теоретическим соображениям. Вот ряд цифр, полученных путем указанных приемов и находящихся в согласии как с цифрой населения Центр<ального> Ст<атистического> Ком<итета> за 1885 год, так и с данными переписи 1897-го года*.

---

* Для определения *конечной* цифры нашего ряда мы воспользовались данными переписи 1897-го года, относящимися к *постоянному* населению. Эти цифры, как известно, оказались для 50 губерний Европ<ейской> России на 800 тыс. выше цифры наличного населения (причем во временном отсутствии показано около 1½ млн. чел.). Редакторы переписи 1897 года (см. «Об-

(Таблица В)

1885 г.	– 81725	тыс.ч<еловек>	
1886 «	– 83024	«	«
1887 «	– 84317	«	«
1888 «	– 85814	«	«
1889 «	– 87060	«	«

щий свод по Империи»[46], I, СПб., 1905, стр. V), основываясь на данных по Империи (по Империи также оказалось превышение *постоянного* населения и превышение временно отсутствующих над временно пребывающими) объясняют такое резкое несоответствие ошибками, допущенными при учете *постоянного* населения. Но с таким заключением вряд ли можно согласиться. Нам думается, что с гораздо большим основанием можно отнести помянутое несоответствие на счет недостаточно полного учета *наличного* населения в момент переписи. В пользу такого объяснения говорит факт огромного, для зимних месяцев прямо небывалого, механического передвижения населения, какое наблюдалось зимой 1896–97 гг. Вся эта масса людей, оставивших свои постоянные места жительства в поисках заработка и не имевших еще ни возможности, ни времени где-нибудь прочно осесть, уже на основании априорных соображений должна была в некоторой своей – более или менее значительной – части ускользнуть от регистрации (для лиц же стоявших близко к производству переписи на местах, неизбежность пропусков при учете «текучего» населения, находившегося в момент переписи *в движении*, – стоит вне всякого сомнения). Самая цифра населения «временно отсутствовавшего», полученная переписью для 50 губерний Европ<ейской> России, показывает, что из числа лиц, находившихся к моменту переписи вне мест своего постоянного жительства, уловлены переписью далеко не все: *слишком уж большое* несоответствие между числом отсутствовавших на месте *приписки*, насколько об этом можно судить по данным паспортной статистики (применяя самые скромные нормы расчета, дающие *минимальную* цифру вероятно отсутствующих), и числом временно отсутствующих по определению переписи; как бы значителен ни был % лиц, для которых место постоянного жительства и место приписки *не совпадают*, все же на долю находившихся вне места своего постоянного жительства к концу января 1897 г. должно было приходиться значительно больше $1^1/_2$ млн. человек (ниже мы еще не раз будем иметь случай касаться массового передвижения народных масс в зиму 1896–97 гг.).

Но если даже допустить, что объяснение редакторов переписи правильно, т. е. что цифра *постоянного* населения определена была *выше* действительности, то и тогда *для наших целей* эта цифра все же является более подходящей, чем столь же в сущности сомнительная цифра наличного населения. Действительно, для вычисления (теоретического) действительного населения за ряд предыдущих лет, считая от 1897 г., нам нужна за этот исходный год цифра населения, возможно близкая к *обычному* населению, т. е. к цифре населения, какая *определилась* бы при отсутствии случайных и пертурбационных влияний, свойственных исключительно *данному* году. Цифра *наличного* населе-

1890 г. – 88153* тыс. человек (88455 – по данным Департамента Торговли и Мануфактур)
1891 « – 89220 « « (89153 – по «Своду» издания Канц<еля-лярии> Ком<итета> Мин<истров>)
1892 « – 89440 « «
1893 « – 90600 « «
1894 « – 91800 « «
1895 « – 92910 « «

ния, определенная среди зимы 1896–97 гг., понятно, ни в каком случае не могла удовлетворять этим требованиям: принявши *эту цифру* за исходный пункт для вычисления цифр населения за предыдущие годы, мы тем самым и на все эти цифры распространили бы влияние тех пертурбационных моментов, которые в действительности имели место *лишь в зиму* 1896–97 гг. Помимо этого соображения, цифра *постоянного* населения, полученная переписью 1897 года, является более *однородной* (по *фактическим* приемам ее получения) с цифрами полицейской переписи 1885 года, принятой нами за начальную дату.

Цифра *наличного* населения по переписи 1897 года имеет известное преимущество перед цифрой постоянного населения лишь при определении душ<евого> потребления для годов, смежных с моментом переписи: действительно, если согласиться с редакторами переписи, т. е. допустить, что наличное население было определено приблизительно верно, то, принимая вместо этой цифры – цифру постоянного населения – на 800 тыс. большую, чем первая, мы тем самым несколько *понижаем* цифру душ<евого> потребления за 1897-й – а равно и за 1896 год. Однако возможность такой ошибки (если предположить, что объяснения редакторов переписи оказались бы верны), как увидим ниже, не может иметь никакого влияния на степень доказательности тех теоретических выводов, которые мы основываем на цифрах душ<евого> потребления за указанные годы (принятые цифры наличного населения вместо постоянного только еще резче выдвинуло бы то влияние неурожая 1897 года, которое является подтверждением наших общих теоретических воззрений на влияние урожаев на высоту потребления алкоголя). Таким образом, для вычисления населения *за предыдущие годы* цифра *постоянного* населения (по переписи 1897 г.) предпочтительнее вследствие большей свободы ее от влияния *исключительных* условий 1897 г.[47]; ошибка же, допускаемая нами (если согласиться с вышеупомянутым взглядом Ц<ентрального> С<татистического> К<омитета>) при пользовании этой цифрой (т. е. цифрой постоянного населения) для определения душ<евого> потребления за 1897 и 1896 гг., – незначительная и сама по себе, не может иметь никакого значения для наших *общих теоретических* выводов.

* Цифра 88153 – вполне согласуется с цифрой населения, показанной Ц<ентральным> С<татистическим> Ком<итетом> в «Урожае» 1892 года: от истины цифра эта уклоняется во всяком случае меньше, чем на 50 тыс. ч<еловек> – ошибка вполне допустимая.

8 Зак. 13

1896 г. – 941 305 тыс. ч<еловек>
1897« по 28 янв. – 85 тыс. ч<еловек>
ко времени переписи 94215*

Мы были бы рады заменить этот ряд более точным, полученным на основании более тщательного и компетентного исследования всех имеющихся материалов, но, к сожалению, для периода 1885–1896 гг., мы не имеем ни одного исследования в роде работы д-ра Экка для предыдущего периода. А между тем, согласованные и не расходящиеся резко с результатами переписи, цифры населения за *сплошной ряд* лет (хотя бы с 1885 года) прямо необходимы для каждого исследования в области народного хозяйства или финансов. При этом важно установить ряд цифр, который бы сделался *общепринятым;* для этого нужно, чтобы он исходил из достаточно компетентного источника, напр<имер>, от Центр<ального> Стат<истического> Ком<итета> или статистического совещания при Мин<истерстве> Фин<ансов>, и чтобы эти цифры клались в основу всех официальных исследований, относящихся к прежним годам. Пока же этого нет, каждому приходится волей-неволей *самому* устанавливать более или менее вероятный ряд цифр. Из таких попыток частных исследований – установить таблицу населения России за более или менее длинный ряд лет – следует на первом месте поставить опыт известного нашего статистика В.И.Покровского (в книге «Влияние урожаев и хлебных цен и т.д.»[48], т. II). Сравнивая цифры г. Покровского с нашими, находим, что до 1890 года наши цифры весьма близко подходят к цифрам г. Покровского; начиная с 1891 года, наши цифры отстают все более и более от цифр г. Покровского – в зависимости от усиленного механического оттока населения; в 1893–94 гг. этот отток несколько замедляется: в соответствии с этим и наши цифры за эти годы меньше отстают от данных таблицы г. Покровского; ряд г. Покровского обрывается на 1894 г.; если же к цифре населения, принятой им для конца 1894 г., прибавить естественный прирост за 1895–96 гг. (около 2757 тыс.), то получим для конца 1896 г. цифру в 95 900 тыс. чел., – на 1770 тыс. больше цифры, согласной с результатами переписи 1897 года; если даже принять механический отток за 1895 и 1896 гг.

---

* Мы принуждены были пользоваться еще *предварительными* цифрами переписи; но отличие их от окончательных (по крайней мере по Евр<опейской> России в целом) настолько ничтожно, что мы не сочли нужным переделывать свои вычисления, основанные на предварит<ельной> цифре населения Евр<опейской> России к 28 янв<аря> 1897 года (разница исчисляется сотыми долями процента).

по 400 тыс. чел. в год (что несомненно выше действительной убыли), то и тогда остается разница около 1 миллиона. Таким образом, цифры таблицы г-на Покровского, начиная с 1891 года, должны быть признаны уже непригодными для каких бы то ни было статистических вычислений: и чем дальше от 1890 года, тем крупнее будет ошибка при пользовании этими цифрами*. Из других имеющихся сплошных рядов цифр наиболее близко подходит к результатам переписи 1897 года ряд Д.И.Рихтера[49] в словаре Брокгауза и Эфрона; однако и здесь замечается немало несообразностей: механический отток за 1895 и 1896 гг. принят почему-то равным нулю (по-видимому, принят даже некоторый механический приток). Это совершенно не согласуется с огромной цифрой выселившихся в Сибирь в 1895 и 1896 гг.: в этом отношении 1895 и 1896 гг. превзошли не только предыдущее 2-летие (когда замечалась некоторая приостановка переселения в Сибирь), но, пожалуй, даже 2-летие 1891–92 годов. Во всяком случае механическая убыль в 1891 и 1892 гг. должна быть принята (согласно известным фактам) больше, чем в 1893 году, когда наблюдалось резкое падение переселенческой волны и заграничной эмиграции, между тем г. Рихтер принимает механическую убыль 1892 г. всего около 60-ти тысяч, а в 1893 году около 200 тыс., в 1894 году 250 тыс. (и наряду с этим для 1891 г. меньше 200 тыс.). Таким образом, согласно таблице Рихтера, выходит, что периодом *наиболее интенсивного оттока* населения были 1893–94 годы; значительно ниже отток в период 1891–92 гг., и наконец, в 2-летие 1895–96 гг. отток сменяется *притоком:* вся картина совершенно *обратная* тому, что нам известно относительно 2-х главных изменяющихся элементов механического оттока: переселения на русские окраины и эмиграция. Наконец, в период 1886–90 гг. принят механический отток приблизительно по 100 тыс. в год. Между тем переселение в это время было еще незначительно (по сравнению с периодом 1895–96 гг., для которых г. Рихтер принимает механический приток), а эмиграция с избытком покрывалась иммиграцией (около 80-ти тысяч в год). Во всяком случае, принимать для второй половины 80-х годов (оживление промышленности, железнодорожное строительство, небывалые урожаи) цифру ежегодного механического оттока, почти равную оттоку в период 1891–1892 гг. (maximum оттока), значит сознательно игнорировать имеющиеся фактические

* Позднее г. Покровский вычислил для известной работы М.Кашкарова[50]: «Финансовые итоги (1892–1901 г.)» – таблицу населения 50-ти губ<ерний> Европ<ейской> России, *формально* согласованную с цифрами переписей 1885 и 1897 года (*постоянного населения*); однако промежуточные цифры (за 1886–1896 гг.) по-прежнему вызывают сильные сомнения...

8*

указания. Из таблиц населения Европейской России, предложенных в позднейшее время, отметим еще попытку г. Лохтина, посвятившего этому вопросу целую главу в своем исследовании («Состояние сельского хозяйства в России сравнит<ельно> с друг<ими> странами», гл. IV., стр. 125–130). Приемы, которыми пользуется г. Лохтин, крайне элементарны: он берет без малейшей критики первую попавшуюся ему цифру населения для начала 80-х годов (и как раз попадает на самую неудачную), а для конца 1896 года цифру переписи 1897 года (игнорируя то обстоятельство, что перепись производилась в конце января 1897 года), вычитает первую цифру из второй, делит разность на число лет, и годичный прирост определен; остается прибавить последовательно этот прирост к отправной дате за 1883 год, и таблица населения готова. Сам г. Лохтин очень доволен своей таблицей, но, думаем, что вряд ли кто, кроме него, решится ею пользоваться для серьезных исследований.

Для времени с 1867 по 1885 годы мы имеем тщательно выполненную работу д-ра Экка, могущую служить образцом выполнения подобного рода работ (см. д-р Экк «Опыт обработки статистических данных о смертности в России»). Д-р Экк принимает во внимание как естественный прирост населения, так и механическое передвижение; цифры его требуют только согласования с окончательной цифрой переписи (полицейской) 1885 года. Произведя соответственные поправки, мы получим ряд цифр населения за 1867–1884 гг., сходящийся с полученным нами выше рядом для 1885–1896 гг.

Относительно цифр Центр<ального> Стат<истического> Комитета до 1885 г. следует заметить, что мы не сочли возможным воспользоваться цифрой Центр<ального> Стат<истического> Комитета за 1883 год* (цифра эта *вычислена,* причем указана по каждому уезду возможная ошибка в ту или другую сторону; см. «Сборник Сведений по России» за 1883 г.), так как цифра эта является по самому способу получения *несоизмеримой* с результатами непосредственного подсчета 1885 года; огромное несоответствие цифры 1885 года по сравнению с естественным приростом с 1883 года прямо указывает на ошибочность цифры 1883 года; близко к истинной цифре в 1883 году стоит цифра г. Покровского (79 138 тыс. чел.); мы, со своей стороны, нашли необходимым еще увеличить ее, правда на незначительную величину, в соответствии с естественным приростом и несомненным усилением механического оттока (по сравнению с притоком), начиная

---

* Сведения о населении, публиковавшиеся Центр<альным> Стат<истическим> Комитетом для более раннего времени, приняты во внимание самим д-ром Экком.

с 1879 года. По тем же соображениям несколько увеличены и цифры населения за 1880–1882 гг. по сравнению с цифрами г-на Покровского (наша цифра населения к концу периода вполне согласована с цифрою населения, принятой Отчетом Деп<артамента> неокл<адных> сб<оров> для 1882 г.,* см. Отчеты Деп<артамен-та> неокл<адных> сб<оров> 1884 и 1885 гг.).

Таким образом, получаем ряд (в тыс. чел.):

(Табл. В')

1867 г.	63380	(согласно д-ру Экку)
1868 г.	64027	
1869 г.	64836	
1870 г.	65850	
1871 г.	66743	
1872 г.	67405	
1873 г.	68539	
1874 г.	69721	
1875 г.	70966	
1876 г.	72149	
1877 г.	73310	
1878 г.	74048	
1879 г.	75248	
1880 г.	76290	(на 200 тыс. больше цифры г. Покровского)
1881 г.	77410	
1882 г.	78260	
1883 г.	79260	(по Ц<ентральному> С<татистическому> К<омитету> – 78561; по Покровскому – 79138; по Рихтеру – 79225; по Лохтину – 78590; по Отч<ету> Деп<артамента> Неокл<адных> Сборов за 1886 г. – 78591).
1884 г.	80599	

Прибавляя этот ряд к установленным уже выше данным за 1885–1896 гг., получаем достаточно точную таблицу движения населения по 50-ти губерниям Европейской России за время с 1867 по 1896 год включительно (таблицы В' + В).

Цифры среднего душевого потребления, соответствующие данным соединенной таблицы населения (В' + В) и приведенным выше (см. таблицы А и $А_1$) цифрам абсолютного потребления алкоголя, представлены в нижеследующей таблице (1).

* С губернией Ставропольской и обл<астей> Терской[51] и Кубанской[52] – 80550 (без этих областей в 50 губерниях – 78260).

(ТАБЛИЦА № 1)

Душевое потребление по 50-ти г<уберниям> Европейской России (в градусах)

Акциз* с 1° спирта	Годы		
5 коп.	1868	34,5	(36,8)**
	1869	35,3	(38,0)
6 коп.	1870	36,5	(36,8)
	1871	37,8	(37,6)
	1872	38,3	(37,2)
	1873	36,1	(36,8)
7 коп.	1874	35,8	(34,4)
	1875	34,3	(34,0)
	1876	32,0	(30,4)
	1877	31,3	(29,6)
	1878	34,8	(32,4)
	1879	37,3	(34,4)
	1880	33,615	(32,0)
	1881	32,599	(31,2)
8 коп.	1882	31,972	(30,8)
	1883	32,581	(31,2)
	1884	30,297	(28,0)
	1885	28,154	(26,0)
9 коп.	1886	26,490	(24,8)
	1887	26,904	(25,2)
$9^1/_4$ коп.	1888	26,604	(24,8)
	1889	25,892	(24,4)
	1890	24,270	(22,8)
	1891	22,188	(20,0)
	1892	22,326	(20,0)
10 коп.	1893	22,014	(20,0)
	1894	23,614	(21,2)

Представляя динамику душевого потребления графически, мы получим кривую (ломаную), обозначенную на диаграмме № 1 сплош-

* *Прим<ечание>*: Акциз отнесен не к тем годам, когда он вводился, а к тем, когда в обращение начинал поступать (в заметных количествах) спирт, оплаченный этим (новым) акцизом (деление на периоды принято согласно Терскому).

** *Прим<ечание>*: Цифры в скобках – душевое потребление *по Империи* согласно Н.О.Осипову (см. «Каз<енная> прод<ажа> вина», стр. 77-я); цифра 1883 года исправлена нами: у Осипова – 0,75 вед. в 40°-30°. абс<олютного> алк<оголя>. С 1892 года по Империи имеются уже *точные* цифры душ<евого> потребления:

в 1892 г. – 20,2
« 1893 « – 19,9
« 1894 « – 21,1

и т. д. (дальнейшие цифры приведены в своем месте ниже). Говоря о цифрах Н.Осипова, нельзя не отметить, что в недавно вышедшем исследовании С.Первушина «Влияние урожаев <в связи с другими экономическими факторами> на потребление сп<иртных> нап<итков> в России» (1909 г.) эти цифры, – относящиеся ко *всей Империи*, – объявляются почему-то (и весьма категорически: на стр. 138 и 140–141) цифрами душ<евого> потребления *в 50 губ<ерниях> Европ<ейской> России* (и приписываются не Осипову, а Главн<ому> Управлению).

ной линией (на той же диаграмме представлено изменение сбора хлебов за соответствующие годы, сопоставление это, как и самая «кривая душевого потребления алкоголя», понадобятся нам во 2-й части); пунктиром обозначены те исправления, какие должны быть сделаны в этой кривой (для моментов, непосредственно предшествующих и следующих за повышениями акциза) согласно тем замечаниям, какие были сделаны (и подробно обоснованы) нами выше относительно влияния на *кажущуюся* цифру потребления колебаний запасов на розничном, а до 1880 года и оптовом (спиртовом) рынке.

Цифры, соответствующие этой пунктирной кривой, конечно, могут иметь *лишь приблизительное значение,* но *степень приближения их* во всяком случае будет *больше, чем* первообразных *данных* (цифр *кажущегося* потребления) *таблицы № 1.*

Не касаясь деталей, ограничимся лишь следующими замечаниями относительно цифр, положенных в основу этой пунктирной линии.

Повышение душ<евого> потребления в 1872 г. (по сравнению с 1871 г.), несомненно, является результатом спекулятивного расширения запасов ввиду предстоявшего в следующем году повышения акциза: *действительное* душ<евое> потребление в 1872 г. вряд ли было выше душ<евого> потребления 1871 года, скорее надо предположить обратное (в пользу такого предположения, как это будет видно в дальнейшем из анализа основных факторов, управлявших в это время размерами потребления, можно привести весьма веские соображения); что касается реакции под влиянием сокращения запасов до нормы (т. е. до размера обычных «переходящих» запасов), то в данном случае она началась, вероятно, уже *в самый год повышения акциза,* т. е. уже в 1873 году (акциз был повышен с 15 июня 1873 г.): в этом сказалось влияние новых правил, нормирующих розничную торговлю (эти новые ограничительные правила были введены в 1873 г. в С.-Петербурге, а в 1874 г. распространены на ряд других местностей); в ожидании предстоящих стеснений розничные торговцы естественно (как это наблюдалось и во всех прочих аналогичных случаях) сократили свой спрос (вследствие желания ликвидировать или, по крайней мере, по возможности уменьшить свои запасы); таким образом, если в 1-ю половину 1873 года спрос со стороны розничных торговцев стоял выше потребления, вследствие приобретения ими дешевого спирта *на запас,* то зато во 2-ю половину года, наоборот, потребление стояло выше спроса со стороны розничных торговцев, так как на потребление обращалась и часть образованных на розничном рынке к концу 1-й половины года запасов; благодаря этому обстоятельству влияние спекулятивных запасов *розничных* торговцев на цифру потребления 1873 года сводилось почти к нулю. Что касается спекулятивных запасов, ос-

тавшихся еще на руках *оптовых* торговцев к концу 1873 г. *(весь излишне* произведенный *со спекулятивными целями* в период 1872-73 гг. спирт естественно не мог быть реализован так быстро) и той (небольшой) части спекулятивных запасов розничных торговцев, которая оставалась почему-нибудь нереализованной к концу 1873 года (потому ли, что обладатели этих запасов не успели или не находили нужным этого делать в ожидании введения новых правил о розничной торговле), то реализация их должна была вызвать некоторое понижение цифры кажущегося потребления 1874 г., хотя и не в таком размере, как можно было бы ожидать на основании повышения производства в 1872–73 гг. в ожидании введения с половины 1873 года нового акциза*.

Пунктирная кривая (ломаная) показывает те поправки, какие должны быть сделаны в нашей кривой «кажущегося» душевого потребления (сплошная кривая) для согласования ее с ходом *действительного* душ<евого> потребления за время с 1871 по 1875 год.

Чтобы покончить с 70-ми годами, заметим, что до 1870 года, вследствие неудовлетворительности контроля (автоматического) выкуриваемого спирта, часть этого спирта ускользала от регистрации; количество ускользавшего от регистрации спирта доходило в это время до 5% общего количества (судя по сумме акциза); см. Ежегодн<ик> М<инистерства> Ф<инансов>[53] вып. XI, стр. 13. Впрочем, для наших выводов указанное обстоятельство не имеет сколько-нибудь существенного значения.

В течение 80-х и 90-х годов повышение акциза имело место в 1881,1885,1887 и 1892 годах. Во всех этих случаях на цифру кажущегося душ<евого> потребления могли оказать влияние (как это выяснено выше) лишь спекулятивные запасы *розничных* торговцев; влия-

---

* Считаем не лишним напомнить, как изменялась выкурка за 1-ю половину 70-х гг.:

1870/71 - 28,0 м<лн> в<едер>
1871/72 - 32,9 м<лн> в<едер>
1872/73 - 33,0 м<лн> в<едер>
1873/74 - 31,4 м<лн> в<едер>

Резкое повышение выкурки с 1872 года указывает на *спекулятивный* характер этого оживления спиртовой промышленности ввиду ожидавшегося повышения обложения (по интенсивности внутреннего спроса 1870 и 1871 годы не уступали 1872-му, скорее даже превосходили его; экспорт же в это время не играл вовсе заметной роли); на это же указывает и падение выкурки непосредственно за повышением акциза. К этому надо еще прибавить, что 1871 и 1872 гг. стояли по сбору хлебов крайне низко, так что причиной резкого повышения выкурки в 1872 году отнюдь не могло быть изобилие продуктов, из которых производилось винокурение.

ние это вряд ли могло отразиться на цифрах потребления предшествующих - 1880, 1884, 1886 и 1891 годов (еще менее вероятно, чтобы это влияние распространялось на последующие - 1883, 1887, 1889 и 1894 годы); по всей вероятности, оно не шло далее смежных: 1881-1882, 1885-1886, 1887-1888 и 1892-1893 годов, несколько повышая цифру кажущегося душевого потребления 1881,1885,1887 и 1892 годов и несколько понижая цифры - 1882, 1886, 1888 и 1893 годов, так что *действительное* душевое потребление представится за эти моменты приблизительно так, как обозначено на диаграмме пунктиром.

В частности, относительно 1885 года следует заметить, что, судя по повышению выкурки и оптовых запасов перед повышением акциза в 1885 году (см. выше), следовало бы было ждать соответственного увеличения запасов и на руках *розничных* торговцев, но влияние указанного момента в значительной степени парализовалось предстоявшим (с 1886 года) введением новых правил о раздробительной торговле питиями: в ожидании предстоящего сокращения числа питейных заведений и полного упразднения господствующего их типа - розничные торговцы (по крайней мере, значительная их часть) естественно воздерживались от образования запасов, рассчитанных на отдаленное будущее, так как в этом будущем они не могли быть уверены. Правда, незначительность спекулятивных запасов розничных торговцев уравновешивалась в 1885 году образованием запасов среди населения (на руках у *непосредственных* потребителей), как об этом будет сказано во 2-й части при рассмотрении влияния на действительное потребление повышения акц<изных> ставок; но влияние *этого* момента (и ему подобных) на потребление при построении нашей пунктирной кривой во внимание не принималось - в видах большей определенности и, главное, единства этой кривой: теперь эта пунктирная кривая *на всем своем протяжении* выражает* изменения *спроса со стороны непосредственных потребителей*, все равно, покупают ли они для немедленного потребления или на запас. Благодаря возможности приобретения вина непосредственными потребителями *на запас*, изменения *спроса* этих *потребителей* не во всех случаях равновелики изменениям *действительного потребления*, но влияние *этого* момента удобнее рассмотреть *отдельно*, когда по ходу исследования в учете его (этого момента) встретится надобность.

Что касается повышения акциза с 1-го января 1888 года, то оно было весьма незначительно - всего 1/4 коп<ейки> на градус или 10 копеек на ведро в 40° - и при том в значительной степени компенси-

---

* В необозначенных на диаграмме частях пунктирная кривая *совпадает* со сплошной.

ровалось удешевлением производства вследствие понижения хлебных цен, вызванного исключительным урожаем 1887 года и прекрасными видами на урожай след<ующего> года; благодаря этому, перед повышением обложения в 1888 году не было ни *спекулятивного* расширения выкурки, ни образования значительных (оптовых) запасов, рассчитанных на отдаленный сбыт (в течение 1887 года запасы увеличились всего на 125 млн. град<усов>, т.е. не возвратились даже к размерам, бывшим до спиртового кризиса 1886 года, сократившего запасы на 164 млн. гр<адусов>), вся «спекуляция» (ввиду предстоявшего повышения акциза) в 1887 г. ограничилась оплатой в декабре этого года около 2-х млн. ведер вина (в 40°), предназначенного для потребления будущего года. Оплата эта, конечно, должна была заставить заводчиков и складчиков стремиться к усиленному размещению своих (оплаченных) запасов между розничными торговцами; но так как оплата была произведена *в самом конце* 1887 года, то влияние этого момента могло отразиться (сколько-нибудь заметным образом) на запасах розничных торговцев не раньше начала *следующего* года (1888), так что на «кажущееся» потребление 1887–1888 годов повышение акциза в конце 1887 г. и вызванная этим повышением спекуляция не могли оказать никакого заметного влияния*.

Повышение акциза с 1-го декабря 1892 г. не вызвало повышения выкурки в 1892 году (в 1890 г. выкурка равнялась 75,9 млн. ведер, в 1891 г. – 71,1 млн. ведер, в 1892 г. – 66,9 млн. ведер, в 1893 г. – 69,1 млн. ведер), но это легко объясняется неурожаем 1891-1892 гг., обусловившим сильное вздорожание припасов (для винокурения); что касается запасов по заводам и оптовым складам, то они к концу 1892 года поднялись почти на 2 млн. вед.: с 15,3 млн. ведер – на 1-е января 1892 г. до 17,2 млн. ведер – на 1-е января 1893 г.; при этом особенно важно отметить увеличение *оплаченных* акцизом запасов: в течение ноября 1892 г. было оплачено в *счет будущего* потребления около 9 млн. ведер (на сумму около 34 млн. руб.). Эти 34 млн. руб., внесенные за спирт, не назначенный к *немедленному* потреблению**,

---

* Собственно говоря, для правильного сравнения с *предыдущими* годами цифра потребления 1887 года должны быть *несколько понижена* (против официальной), так как, благодаря повышению акциза в Пруссии, в этом году значительно сократилось у нас потребление *контрабандного* спирта (ускользавшего от учета), и – на соответственную величину – поднялся спрос на оплаченный акцизом (и следовательно, подлежащий учету) спирт «внутреннего производства».

** Девять млн. ведер (в 40°) были оплачены «вперед» собственно в *ноябре* м-це, в течение же *всего* 1892 года было оплачено – в счет следующего года – значительно меньшее количество, именно – всего 3$^{3}/_{4}$ млн. вед<ер> (на

являлись для заводчиков и оптовых складчиков мертвым капиталом, и чтобы освободить его (для дальнейших оборотов), они естественно должны были стремиться передвинуть эти запасы дальше (ближе к непосредственному потребителю) – в руки розничных торговцев, а если можно, и самих потребителей (хотя бы и *не для немедленного потребления),* а так как запасы были оплачены еще в ноябре (повышение акциза вступило в силу с 1-го декабря) 1892 года, то процесс передвижения их к потребителю к концу 1892 года должен был значительно подвинуться вперед, так что к 1-му января 1983 года запасы розничных торговцев должны были значительно подняться над обычным нормальным уровнем: отчасти этим обстоятельством объясняется странный на первый взгляд факт повышения душ<евого> потребления в 1892 году и, пожалуй, еще более странное падение душ<евого> потребления в следующем 1893 году. Если принять во внимание вышеуказанный усиленный выпуск в конце 1892 года на розничный рынок спирта, *не предназначенного для немедленного потребления,* то ход *действительного* потребления (по расчету на душу) представится приблизительно так, как обозначено на диаграмму № 1 пунктиром.

Ввиду сравнительно ничтожной роли, какую играют пиво и виноградное вино в средне-русском потреблении спиртных напитков, выведенный нами в конце предыдущей главы ряд цифр дает достаточно точное представление о всех колебаниях, какие имели место в области массового потребления спиртных напитков за время существования у нас акцизной системы. К сожалению, мы должны отказаться от попытки установить такие же сплошные ряды цифр *для отдельных районов (а тем более для отдельных губерний)* России. За время до 80-х годов мы можем очертить движение душевого потребления по отдельным районам лишь в самых общих чертах.

За время с 1880 года мы, правда, уже имеем в Отчетах Деп<артамента> неокл<адных> сб<оров> порайонные цифры душевого потребления, но цифры эти, равно как и порайонные данные в вышеупомянутых изданиях Центр<ального> Ст<атистического> Комитета, не могут быть признаны достаточно надежными; сравнивая цифры Отчетов за соответствующие годы с данными ретроспективной таблицы в Отчете Гл<авного> Упр<авления> неокл<адных> сб<оров> и казенной продажи питей за 1895-й год, мы найдем целый ряд несоответствий, доходящих по некоторым районам до весьма значительной величины; так, например, по Средне-Черноземному району душевое потребление показано:

сумму около 45 млн. руб.); объясняется это пониженным – против обычного размера – взносом акциза в *декабре* м-це.

7*

	в «Ежегодном Отчете»:	в ретроспективной таблице (Отчет за 1895 г.):
1886 г.	24°	25°
1887 г.	25°	26°
1888 г.	23°	23°
1889 г.	22°	24°
1890 г.	21°	22°
1891 г.	18°	21°
1892 г.	18°	21°
1893 г.	17°	20°
1894 г.	21°	21°

Однако и исправленные (сравнительно с Отчетами за соответствующие годы) цифры ретроспективной таблицы Отч<ета> Главного> Упр<авления> за 1895–1896 гг. не могут быть признаны удовлетворительными: при более тщательной проверке цифр населения, легших в основу этого расчета, были обнаружены ошибки, доходящие до 300 тыс. человек на одну губернию (см. «Казен<ная> прод<ажа> вина», стр. 183). Но даже обладая вполне точной статистикой населения, мы все же не могли бы дать для периода до введения казенной продажи вполне надежных цифр душевого потребления по отдельным губерниям и даже иногда группам губерний: дело в том, что если по России в целом наши сведения об абсолютном потреблении алкоголя уклоняются от истинной величины на сравнительно ничтожный процент (в зависимости от контрабандного водворения спирта, от утаек спирта, сносимого в траты при хранении и перевозке и пр.), то по меньшим территориальным единицам при том способе регистрации потребления, который применялся в домонопольное время, разница между действительной величиной потребления и официальной цифрой могла в отдельных случаях подниматься (в зависимости от чисто местных условий) до такой величины, при которой данные официальной статистики делались совершенно непригодными для каких бы то ни было научных сопоставлений и выводов (к этому вопросу мы еще вернемся).

Ввиду сказанного было бы непроизводительной затратой времени пытаться установить для отдельных районов годовые цифры душевого потребления (хотя бы с 1880-го или с 1885 года). Мы ограничимся поэтому тем, что дадим от отдельным районам сравнение душевого потребления за трехлетие 1880–1882 гг. с душевым потреблением за трехлетие 1893–1895 гг.; десятилетний промежуток достаточно велик для того, чтобы на протяжении его могли достаточно выразиться особенности *динамики* душевого потребления по каждому из районов,

а трехлетняя средняя достаточно гарантирует цифру душевого потребления, взятую для начала и конца периода, от случайности. За время до *1880-го года* мы ограничимся общей характеристикой отношения населения различных районов к спиртным напиткам в различные эпохи.

Было бы рискованно делать какие-нибудь предположения об общем потреблении и географическом распределении его по территории Русского государства за время раньше XIX столетия. Для первой половины XIX столетия мы имеем более или менее определенные указания лишь относительно Великорусских губерний. Впрочем, принимая во внимание, что и в это время (равно как и в 50–60 гг.) население Великороссийских губерний несло главную тяжесть питейных налогов, можно почти с уверенностью утверждать, что *в среднем* население южной и западной окраин, вошедших впоследствии в состав так называемого, «привилегированного» района, потребляло (по расчету на душу) больше спиртных напитков (даже не принимая во внимание пиво и виноградное вино), чем жители великороссийского ядра. Во избежание недоразумений считаем нужным еще раз повторить, что такое заключение справедливо лишь по отношению к *среднему* потреблению по той и другой группе губерний: в частности, среди коренных Великороссийских губерний числились, например. Петербургская и Московская губернии, занимавшие уже и в то время (по крайней мере к 30-м годам) исключительное место по количеству спиртных напитков, потреблявшихся их населением, а, с другой стороны, и в районе привилегированных губерний попадались местности (особенно между владельческими местечками и городами), где обложение спиртных напитков достигло такой высоты, что заставляло население сокращать до минимума размеры потребления (что не мешало *расходам* их на спиртные напитки, часто определяющимся *принудительно,* достигать весьма большой цифры), кроме того в западных губерниях потребление спиртных напитков, наверное, и в то время (в 50-х годах уже несомненно) сильно варьировало в зависимости от % католиков (см. новейшие данные в Отчетах по казенной продаже*, а также историю борьбы *католического* духовенства с пьянством – и даже вообще с потреблением спиртных напитков – в 50-х годах прошлого столетия).

Более определенных данных о потреблении спиртных напитков в теперешнем Южном, Юго-Западном, Северо-Западном и Малороссийском районах[54] мы для 1-й половины XIX века не имеем. Что

* Напр<имер>, статист<ика> по каз<енным> прод<ажам> за 1900 г., стр. 184; за 1904 г. – стр. 58.

касается потребления Великорусских губерний, то оно колебалось за первые 60 лет XIX столетия между 12-ю млн. ведер полугара[55] в 1825-м и 20 млн. ведер - в 1859 г.; *душевое* же потребление - между 20° (в 1854 г.) и 40° (в 1819 г.). При этом в динамике душевого потребления по Великороссийским губерниям нельзя заметить никакой правильности: оно изменяется частью под влиянием перемен в системе взимания налога (1815–1819 гг. - откуп; 1819–1827 гг. - казенная продажа, 1828–1862 гг. - откуп и акцизно-откупное комиссионерство[56], причем цена ведра полугара до 1840-го года равнялась 8 руб. ассигнациями; с 1840–43 гг. - 2 руб. 40 коп. сер<ебром> и с 1843-го года - 3 руб. сер<ебром>), частью под влиянием незаконного повышения установленной цены как откупщиками, так и правительственными чиновниками (в период казенной продажи вино продавалось вместо 8 р. ассигнациями по 12 р., а в последнее время откупов по 4 р. 50 к. сер<ебром> вместо 3 р. сер<ебром>)*. Впрочем, вышеприведенные цифры общего и душевого потребления имеют лишь весьма приближенное значение. С уверенностью можно утверждать лишь следующее: 1) за время действия откупной системы потребление водки в Великороссийских губерниях колебалось между 15 и 19 миллионов ведер в год; пертурбацию вносит лишь Крымская война[57]: как всегда бывает, потребление во время войны опустилось ниже нормы (до 14½ млн. вед.), а в период промышленного оживления, сменившего застой военного времени, поднялось значительно выше нормы (те же явления вызвала война 1877-го года), причем подъем этот продолжился вплоть до конца откупной системы (в последний откупной период 1859–62 гг. - около 19 миллионов ведер 40°, что дает на душу около 23°, или 0,57 ведра в 40°); 2) за время действия казенной продажи (с 1819–1827 гг.) размер потребления испытывает резкие изменения: начавшись подъемом потребления до 18½ млн. ведер, казенная продажа (главным образом вследствие различных злоупотреблений со стороны администрации) последовательно сократила потребление до 12 млн. вед<ер> - цифры, до которой вряд ли когда раньше снижалось потребление Великороссийских губерний. За более ранний период надежных сведений не имеется (имеются лишь общие указания на чрезмерное развитие пьянства в первые годы XIX столетия; для выработки мер к уменьшению пьянства был даже учрежден особый комитет 1805 г. - прототип комитетов и комиссий 70-х и 80-х годов). Таким образом, потребление в Велико-

---

* В самом начале XIX столетия (1810 г.) ведро водки (полугара) стоило в С.-Петербурге 8 руб. 60 к. асс<игнациями> = 2 р. 50 к. <серебром> (см. «Историч<еский> Вестн<ик>»[58] т. 92, стр. 624–625).

российских губерниях за 40-летие с 1820-го по 1860-й год изменялось в общем следующим образом: в начале и конце периода потребление достигает своего maximum'а (около 19 млн. ведер); с 1820 по 1827 год наблюдается быстрое падение до minimum'a (12 млн. вед<ер>), затем с введением откупа потребление несколько поднимается и долгое время остается на одном уровне (около 15½ млн. ведер); новое колебание вызывается Крымской войной: в 1854 году потребление достигает второго minimum'a (около 14½ млн. вед<ер>), вслед за которым начинается резкое поднятие – снова до 19-ти млн. вед<ер>; на этой последней величине потребление и остается до введения акцизной системы (в 1863-м году).

Движение душевого потребления в общем следует той же схеме, только, благодаря приросту населения, maximum начала периода почти в 1½ раза выше maximum'a конца периода, и minimum 1854 года оказывается ниже minimum'a 1827 года (хотя *абсолютное* потребление 1854 года на 2½ млн. выше потребления 1827 года). Приблизительно то же наблюдалось и в Сибири, только минимум здесь падает не на 1854-й, а на 1851-й год.

Что касается Прибалтийских губ<ерний>, то точных данных о потреблении в 1-ю половину XIX столетия относительно этого района, равно как и относительно привилегированных губ<ерний>, не имеется; можно однако с уверенностью сказать, что потребление было здесь очень высоко – не менее 1 ведра на душу, (т.е. почти в 2 раза больше губерний Великороссийских), а, вероятно, даже больше ведра.

О шестнадцати привилегированных губерниях мы уже говорили; к сказанному следует прибавить, что при всех переменах в порядке взимания питейных сборов в этих губерниях обложение спиртных напитков в городах было значительно выше (благодаря «чарочным откупам»), чем в деревнях (за исключением *казенных* селений губерний Киевской, Полтавской и Черниговской); эта дороговизна спиртных напитков в городах должна служить сильным препятствием для развития регулярного потребления в среде горожан и тем косвенно способствовать развитию нерегулярного потребления, которое, в свою очередь, неизбежно вело к злоупотреблению. Впрочем чарочные откупа и прямо наталкивали (по крайней мере, беднейшую часть горожан) на неумеренное единовременное потребление алкоголя: для того, чтобы получить дешевый алкоголь, народ шел из города за 2-верстную черту, за которой кончалась власть откупа; понятно, что такие экскурсии трудовой люд не мог предпринимать каждый день, и что раз дорвавшись до недоступного ему в городе напитка, он редко способен был удержаться в границах умеренности.

Как это обстоятельство, так и свидетельство некоторых официальных документов заставляет предположить, что население привилегированных губерний, превосходя жителей Великороссийских губерний по количеству потребляемого алкоголя, мало чем превосходило их в отношении «правильности» потребления. Движение в пользу трезвости, начавшееся в Литовских губерниях в конце 50-х годов, было без сомнения явлением исключительным, на котором никак нельзя основывать какие-нибудь общие заключения об отношении массы населения к спиртным напиткам даже для Сев<еро>-Зап<адных> губерний, вообще отличавшихся умеренностью (по *количеству* потребляемых спиртных напитков) по сравнению с другими губерниями привилегированной группы. Прямые данные о потреблении в 16-ти привилегированных губерниях имеются лишь начиная со 2-й половины XIX столетия. За время с 1851-го года потребление привилегированных губерний постепенно повышается (вместе с приростом населения, несколько опережая этот прирост) с 23,9 млн. вед<ер> до 30 млн. вед<ер> – к концу периода, причем душевое потребление в начале периода, т. е. в 1851-м году, было несколько меньше $1^{1}/_{2}$ ведра 40° вина, а к концу периода (в 1859–62 гг.) – несколько больше $1^{1}/_{2}$ ведра, т. е. почти в 3 раза выше душевого потребления Великороссийских губерний за то же время. Эпоха Крымской войны и здесь отразилась заметным сокращением потребления (почти на 1 млн. ведер), сменившимся резким подъемом (с 24 млн. вед<ер> в 1854 году до 30 млн. в 1857 году).

Относительно потребления *отдельных районов*, входящих в состав привилегированных губерний, мы можем заключать лишь на основании средней выкурки по каждому району. Принимая во внимание отсутствие железных дорог (и вообще плохое состояние путей сообщения, особенно в степной южной полосе) трудно предположить, чтобы значительная доля выкурки каждого района была рассчитана на сбыт за пределами района; если такие случаи и были в пограничных полосах, то поставки одних районов в другие взаимно уравновешивались; постоянного же, систематического производства, рассчитанного на отдаленные рынки, в то время не могло быть, или, по крайней мере, такое производство являлось редким исключением. Поэтому размеры производства в каждом районе до некоторой степени могут служить указанием на размер *местного* спроса: разлагая сумму вероятного производства заводов каждого района (принимая действительное производство в 40–50% возможной производительности заводов) на число душ населения, получим следующую градацию:

На душу населения приходилось выкурки:

В Юго-Западном районе около ....80°
В Малороссийском районе около ....75°
В Северо-Западном районе около ....50°
В Южном районе около ....35°

В среднем около .... 60°*

Данные эти в общем совпадают с цифрами душевого потребления, принятыми для привилегированных губерний (для 1859-го года) комиссией для составления проекта об акцизных сборах – на основании данных о поступлении питейного дохода: согласно этим данным наименьшее потребление в 1859 году было в Литовских губерниях (от 15° в Ковенской до 39° в Гродненской), наибольшее в губерниях с малороссийским населением (в трех Юго-Западных и трех собственно Малороссийских – с потреблением от 60–73°), причем первые места принадлежали Юго-Западным губерниям; в Белорусских губерниях потребление колебалось по отдельным губерниям от 50° до 60° на душу; из Южных губерний сравнительно высоким потреблением отличались губернии Херсонская и Бессарабская; наименьшее потребление между южными губерниями, вероятно, имело место в Таврической губернии[59] – с самым высоким обложением алкоголя – больше 8 р. ведро – при возможности замены дешевым местным виноградным вином.

Приведенные цифры душевого потребления являются, по-видимому несколько уменьшенными: иначе средняя по всему привилегированному району оказалось бы значительно ниже цифры душевого потребления, соответствующей общему *абсолютному* потреблению – в 30 млн. ведер (общему потреблению в 30 млн. вед<ер> соответствует душевое потребление в 1,5–1,6 ведра в 40°, или 60–64°, между тем цифра 30 млн. <ведер> является скорее преуменьшенной, чем

---

* Сведения за более позднее время вполне подтверждают правильность полученной градации для Юго-Западных, Малороссийских и Северо-Западных губерний; относительно же Южного района следует сказать, что в цифру 35° не вошла виноградная водка и виноградный спирт: принимая во внимание все количество концентрированного алкоголя, потреблявшегося населением южных губерний, мы, вероятно, получили бы цифру, мало уступающую душевому потреблению Юго-Западного и Малороссийского районов. Сравнительно низкое потребление Северо-Западного района находит себе объяснение в этническом и вероисповедном составе населения: как показывают новейшие вполне точные исследования, литовцы и белоруссы вообще отличаются умеренностью в потреблении спиртных напитков; большое значение имеет также религия: среди католической части населения потребление значительно ниже, чем среди православной, несмотря на одинаковое экономическое положение (см. Отчеты по казенной продаже в Северо-Западных губерниях).

преувеличенной). *Но для нас важны не абсолютные цифры душевого* потребления, а градация, в какой располагаются районы по высоте душевого потребления; то обстоятельство, что последовательность, в какой располагаются районы по душевому потреблению, выведенному на основании данных о поступлении дохода, вполне сходится с последовательностью, полученной на основании данных о средней выкурке по расчету на душу, указывает на существование прочных различий в отношении населения отдельных районов к спиртным напиткам; действительно, если бы различие в потреблении отдельных районов в 1859 году было результатом случая или временным уклонением от нормы, то мы не нашли бы такого полного соответствия между размером потребления и размерами производства, особенно принимая во внимание, что в рассматриваемой группе губерний отношение действительной выкурки к возможной изменялось из года на самую незначительную величину.

* * *

Переходя к вопросу о распределении потребления в доакцизное время между отдельными губерниями Великороссийского (откупного) района, мы не можем воспользоваться приемом, которым воспользовались выше для определения приблизительного душевого потребления по отдельным группам привилегированного района: дело в том, что в губерниях Великороссийских имели место крупные поставки из одной губернии в другую (и даже из губерний, не входивших в число Великорусских), и кроме того действительная производительность заводов определялась более случаем (какой подряд удавалось получить), чем потенциальной их производительностью и для одного и того же завода колебалась из года в год в громадных пределах*. Зато для губерний Великороссийских мы имеем подробные данные о душевом *расходе на спиртные напитки* по отдельным губерниям за 30-е годы

---

* Отношение наибольшей за весь откупной период *действительной* выкурки к *возможной* колебалось по отдельным районам между 18% и 60%:

В губерниях	Средне-Черноземных	около	18% – (37/208)
«	Средне-Промышленных	«	25% – (27/103)
«	Столичных	«	45% – (5/11)
«	Восточных	«	47% – (70/149)
«	Северных	«	60% – (12,5/20,0).

Числитель дроби (в скобках) показывает *наибольшую выкурку* (в тыс. вед<ер> полугара); знаменатель дроби – *среднюю силу* завода (т. е. возможную выкурку – тоже в тыс. вед<ер> полугара).

(1883, 34, 35 и 36-й годы): мы имеем в виду работу Корсакова (см. стр. 34). Так как результат исследований Корсакова не упоминается ни в одной из новейших сводных работ по истории потребления спиртных напитков в России, то мы считаем уместным принести некоторые выдержки из этой, во всяком случае, весьма интересной работы. Точность цифр, разумеется, весьма сомнительна; однако, если по каждой губернии брать среднюю (хотя бы арифметическую) из цифр, приводимых Корсаковым за четыре года (1833–36 гг.), то величина погрешностей, происходящих от неточности наблюдений, может быть сделана достаточно малой.

Конечно, и после этого цифры Корсакова могут иметь значение лишь для *сравнительной* оценки расходов населения каждой губернии (или уезда) на спиртные напитки: но так как в данном случае вопрос именно и идет *о сравнительном* распространении спиртных напитков среди населения отдельных губерний данного района, то цифры Корсакова, несмотря на всю их приближенность, могут послужить для нас весьма ценным вспомогательным материалом. Данные Корсакова относятся к 28-ми Великороссийским губерниям, земле Войска Оренбургского и Уральского и Кавказской Области (заключавшей в то время население в 160 тыс. душ мужского пола). Первое место по высоте расхода на спиртные напитки (по расчету на 1 душу мужского пола) занимает Петербургская губерния (около 55 коп.), затем следует Московская (около 25 коп.), Кавказская область (около 12 коп.). Тульская и Орловская (около 11 коп.), Пермская (около 10 коп.), Архангельская и Новгородская (немного меньше 10 коп.), Курская (около 9 коп.), Саратовская (около 8 коп.), и т. д. Последнее место занимает Вятская г<уберния> (около 5 коп.), предпоследнее – Казанская (около 6 коп.), остальные губернии расходовали на 1 душу мужского пола от 6–8 коп.; земли казачьих войск тратили даже меньше, чем Вятская губ<ерния>, что объясняется, конечно, не трезвостью, а сравнительной дешевизной вина*. Если ограничиться рассмотрением одних Средне-Черноземных губерний, то первые места по расходу на спиртные напитки в 30-х годах займут следующие губернии в *нисходящем порядке* по высоте расхода:

1) Тульская;
2) Орловская;
3) Курская;
4) Саратовская.

---

* Питейный доход в пользу казны составлял в конце откупной системы на душу населения в губерниях Великороссийских в среднем 2 р. 5 коп., а в землях казачьих войск всего 1 р. 40 коп.

Через 50 лет (в 1887 году) по высоте душевого потребления спиртных напитков Средне-Черноземные губернии располагаются следующим образом:

1) Тульская .... (33°);
2) Орловская .... (31°);
3) Курская .... (27°);
4) Саратовская .... (26°).

Что касается, в частности, губернии Тульской и Орловской, то они сохраняют свое место как среди Средне-Черноземных губерний, так и среди Великорусских вообще, за все время существования акцизной системы: между Средне-Черноземными они постоянно занимают первое место, среди всех вообще Великороссийских - второе, следующее за столичными.

Что касается до указанного выше распределения душевого потребления по отдельным районам привилегированных губерний, то, сравнивая его с данными позднейшей статистики, мы увидим, что и здесь губернии, занимавшие по высоте душевого потребления первое место (Юго-Западн<ые>) в 50-х годах, сохраняют его и дальше - до самого конца 80-х, когда колоссальное развитие производительных сил юга выдвигает на первое место Южный район. Если же исключить Южный район (который к тому же и территориально изменился за это время), то отношение районов по высоте душевого потребления окажется за все время действия акцизной системы то же, какое было и в последние годы доакцизного периода: только различия, первоначально резкие, все более и более сглаживаются, делаясь почти незаметными; впрочем, этот процесс нивелировки - продукт сравнительно недавнего времени: к началу 80-х годов местные особенности районов отражаются на цифрах душевого потребления еще с полной силой.

Эта устойчивость, с какой сохраняют свое относительное место по высоте душевого потребления отдельные районы привилегированной группы, позволяет нам с большею степенью вероятности предположить, что и раньше 50-х годов общая сумма потреблявшихся в привилегированных губерниях спиртных напитков распределялась между отдельными районами так же, как это имело место в момент, для которого выше приведены приблизительные цифры, именно: первое место занимали губернии Юго-Западные; Малороссийские и Северо-Западные стояли ниже Юго-Западных, причем разница между потреблением Юго Западных и Малороссийских была гораздо меньше, чем между потреблением Юго-Западных и Северо-Западных.

Относительно Южных губ<ерний> высказаться определенно было бы рискованно; да для Южного района, где население многих местностей располагает собственным виноградным вином, цифра

душевого потребления *водки* и не может служить верной характеристикой района (интерес представляет лишь изменение этой цифры за различные периоды).

Вышеизложенными замечаниями в сущности и ограничиваются все наши достоверные и вероятные сведения относительно потребления алкоголя в России с начала XIX столетия и до введения акцизной системы.

* * *

Теперь нам предстоит рассмотреть вопрос, как отразилось на потреблении России в целом и отдельных ее частей установление акцизной системы.

В последний откупной период 1859–62 гг., насколько можно судить по имеющимся материалам, потребление выражалось следующими цифрами: в 30-ти Великорусских губерниях потреблялось около 20 млн. вед<ер> в 40° при населении около 35 млн. человек; в 16-ти привилегированных – около 30 млн. ведер при населении около 20 млн. человек; в 3-х Прибалтийских губерниях потребовалось около $2\frac{1}{2}$ млн. вед<ер> при населении немного более $1\frac{1}{2}$ млн. человек; в Донской области потребление за время 1859–1863 гг. колебалось в огромных размерах, так что средняя не может служить верной характеристикой *обычного* здесь отношения населения к спиртным напиткам (за время с 1859 по 1863 год потребление возросло здесь в полтора раза, достигнув к концу периода 740 тысяч ведер – при населении около 900 тыс. человек); в губерниях Царства Польского потреблялось около $8\frac{1}{2}$ млн. ведер при населении около 5 млн. человек; в Сибири потреблялось около $1\frac{1}{2}$ млн. вед<ер> при населении около 3 млн. человек.

Более точных данных мы не приводим в виду того, что по самому способу своего получения эти цифры могут иметь лишь приблизительное значение: более детализированные цифры читатель может найти в статье г. Осипова в «Казенной продаже», а также в книге Терского (главные первоисточники у обоих авторов одни и те же, хотя по некоторым вопросам г. Осипов пользовался и архивными данными, неизвестными г. Терскому).

Для Прибалтийского края г. Осипов не дает цифры потребления, г. Терский же определяет ее в $1\frac{1}{2}$ млн. ведер в 40°, мы однако считаем более правильной цифру в $2\frac{1}{2}$ млн вед<ер>, более согласную с данными о выкурке в губерниях Прибалтийского края (мы принимаем, что из $3\frac{1}{2}$ млн. вед<ер>, выкуривавшихся на заводах Прибалтийского края, отправлялось в Великороссийские губернии – до 1 млн. ведер; принимая цифру потребления в $1\frac{1}{2}$ млн. вед<ер>, пришлось

бы повысить цифру отправок в Великороссийские губернии, а следовательно и потребление Великороссийских губерний, на 1 млн.).

Согласно указанным цифрам, душевое потребление перед введением акцизной системы было

в губерниях:	Великороссийских	около	23°	(23°)	21°**
« «	Сибирских	«	21°	(19°)	21°
« «	Прибалтийских	«	60°	(45°)	-
« «	Привилегированных	«	60°	(60°)	64°**
« «	Привислянских	«	60°	(60°)	-
« «	Донской Области[60].	«	37°	(37°)	-

В 30-ти Великороссийских и 16-ти привилегированных вместе перед введением акцизной системы потреблялось около 50 млн. вед<ер>, при населении около 55½ млн. человек, что дает душевое потребление около 0,90 ведра в 40° или 36°. Если прибавить сюда еще 3 Прибалтийские губернии и Донскую Область, то цифра душевого потребления должна еще увеличиться (если даже согласно Терскому принимать потребление Прибалтийских губерний всего в 1½ млн. ведер). Таким образом, если даже не принимать во внимание тех особенностей учета спирта в откупном районе, благодаря которым официальные цифры потребления этого района получались значительно ниже действительных, мы все же получим для 50-ти губерний Европейской России цифру душевого потребления не меньше, как в 37°. Сравнивая эту цифру с обыкновенно принимаемой цифрой потребления за первое пятилетние действия акцизной системы***, мы видим, что никакого подъема потребления акцизная система по Европейской России в *целом* не вызвала; сравнить душевое потребление доакцизного времени с потреблением *конца* 60-х годов было бы неправильно, так как с конца 60-х годов начинается влияние нового и при том, как показывает опыт всего последующего времени, весьма могущественного фактора - усиленной постройки железных дорог; таким образом, только то повышение душевого потребления, которое имело место *до 1868 года,* может быть с вероятностью отнесено за счет влияния *новой системы* взимания питейных сборов. Впрочем, если

---

* В скобках - согласно г. Терскому.

** По данным Н.О.Осипова.

*** Обыкновенно потребление за первые 4 года, 1863-1866, принимается около 25 млн. ведер или около 37° на душу; потребление 1866/67 г. как на основании данных о выкурке, так и на основании цифры поступления акциза было также не выше 25 млн. вед<ер>, что соответствовало душевому потреблению ни в каком случае не больше 37° (в виду прироста населения); с 1868 г. - см. данные в нашей таблице.

даже принять *максимальную* цифру, до которой действительно достигало потребление 50 губерний Европейской России в начале 70-х годов, именно 38°, за наивысший предел, до которого поднялось потребление *под влиянием одной акцизной системы,* то разница между этой цифрой и цифрой потребления за последние годы доакцизного периода все же составит ничтожную величину, не выходящую за пределы той ошибки, какую мы делаем, принимая для откупного времени *официальную* цифру потребления (если повысить эту цифру согласно скидкам, делавшимся при приеме спирта, на 10%, то получим для 50 губерний Европейской России душевое потребление больше 38½ градусов).

Общераспространенный взгляд о повышении потребления по России под влиянием акцизной системы основан на неверном учете душевого потребления за дореформенное время; именно душевое потребление в годы, непосредственно предшествовавшие введению акцизной системы, обыкновенно принимается не выше 34° или 0,85 ведра в 40°, между тем мы видели, что даже для 46-ти губерний Европейской России без Прибалтийских губерний и Донской Области душевое потребление в это время было не ниже 36°, вместе же с этими окраинами не меньше 37°*.

Сравнивая эту цифру с нашей таблицей душевого потребления по 50 губерниям Европейской России за время акцизной системы, видим, что цифра эта гораздо ниже потребления 1867 и 1868 года и уступает только цифре 1871 и 1872 года - кульминационного пункта железнодорожной горячки.

Как же отразилось введение акцизной системы в отдельности на группе Великороссийских и группе бывших привилегированных губерний?

Точных данных о потреблении за первое время акцизной системы мы не имеем. Общераспространенным является мнение, что вследствие резкого падения продажной цены вина в губерниях бывш<их> откупных началось чуть ли не поголовное пропойство, благодаря чему среднее душевое потребление Великороссийских губерний резко поднялось по сравнению с последними годами откупа. Мы видим уже, что в среднем по Великороссийским и бывшим привилегирован-

---

* Общее потребление по 50 губерниям Европейской России около 53,2 млн. ведер (30 + 20 + 2,5 + 0,7); общее число жителей для 1854-го года - около 57,5 млн. человек (что при среднем ежегодном приросте в 1,3% дает к 1870-му году цифру населения в 65,6 млн. человек вполне согласную с данными Центр<ального> Стат<истического> Ком<итета> и другими сведениями за этот год).

ным губерниям *вместе* душевое потребление с введением акцизной системы не поднялось, а скорее, напротив, упало*; следовательно, повышение потребления в Великороссийских губерниях могло совершиться лишь за счет сокращения потребления бывших привилегированных губерний, причем душевое потребление бывших привилегированных губерний должно было сократиться на больший %, чем сократилось потребление по России в целом, (т. е. больше, чем на 5½%); так именно и предполагают сторонники вышеуказанного взгляда; сокращение душевого потребления в бывших привилегированных губерниях принимается ими в 25% потребления доакцизного времени (с 60° до 45°); сообразно с этим увеличение *душевого* потребления в губерниях бывших откупных выразится почти в 50% - с 22° до 34°. Так именно и представляется обыкновенно дело (см. Терский; Отчет Деп<артамента> неокл<адных> сб<оров> за 1887 год и пр.).

Норма сокращения для бывших привилегированных в 25 % получена единственно *по аналогии с* сокращением душевого потребления в Царстве Польском (под влиянием повышения акциза до 5 коп. См. Терский указ. соч. стр. 127).

Если это предположение верно, то, согласно установленным нами выше цифрами *общего* (т. е. *по всей* Европейской России) душевого потребления, в губерниях Великороссийских душевое потребление должно было подняться под влиянием акцизной системы не больше, как на 7-8° (с 23° до 30° или даже до меньшей величины), т. е. следует допустить, что *в период наибольшего злоупотребления* (предполагаемого) спиртными напитками население Великороссийских губерний потребляло на душу не больше того, что потребляло в половине 80-х годов, которые справедливо считаются *периодом депрессии* потребления (около 31° на душу).

Таким образом, приходится выбирать между двумя взаимоисключающими друг друга, предположениями: либо в период пресловутой «дешевки» никакого «усиленного» (по сравнению с обычным

---

* Принимая же во внимание сказанное выше о значении спиртовых запасов на внутреннем рынке, мы должны прийти к выводу, что истинное потребление первых лет акцизной системы должно быть еще понижено по сравнению с официальной цифрой (выведенной на основании суммы акциза): ведь часть спирта, официально отнесенного за счет потребления данного года, в действительности пошла на образование запасов в местах розничной (а частью и оптовой) торговли спиртными напитками - запасов, ликвидированных лишь с переходом от акцизной системы к казенной продаже вина (действие этой ликвидации на официальные цифры потребления, как увидим ниже, было совершено обратное действию накопления этих запасов при начале акцизной системы).

потреблением при акцизной системе) потребления водки в Великороссийских губерниях не было, либо потребление бывших привилегированных губерний сократилось почти в два раза, сравнявшись с потреблением Великороссийских губ<ерний>. Последнее предположение кажется нам очень неправдоподобным: прежде всего, если население бывших привилегированных губерний вследствие повышения налога с введением акцизной системы приблизительно на 70% (до акцизной системы ведро в 100° в привилегированных губерниях было обложено приблизительно 2 р. 40 коп., а при акцизной системе 4 р.) сократило свое потребление с 60° до 35°, то при дальнейшем повышении обложения, поднявшегося к началу 80-х годов по сравнению с первым временем акцизной системы больше, чем на 100% (собственно акциз возрос за это время на 100%, да кроме того патентный сбор последовательно повышался на 60%, 33% и, наконец, в 1874 году, на 100%), оно должно бы было сократить свое потребление по крайней мере до 20°, в действительности же в начале 80-х годов среднее душевое потребление по бывшим привилегированным губерниям осталось на той же высоте – приблизительно в 35° на душу; между тем в это время не существовало никаких исключительных обстоятельств (вроде усиленного железнодорожного строительства 1869-1872 гг. или небывалого оживления промышленности после войны 1877 года), благодаря которым потребление могло бы подняться над обычным уровнем (1-я половина 80-х годов, напротив, была временем общего угнетения промышленности). Кроме того, так как усиленное потребление в Великороссийских губерниях, поскольку оно было вызвано «дешевкой» «свободой кабацкого промысла», естественно должно было падать по мере повышения обложения (к 1867-му году один акциз повысился на 25%) и сокращения числа питейных заведений, то, принимая для 1866/67 года душевое потребление Великороссийских губерний в 37°, мы должны принять для раннего периода цифру выше 37°, а так как по всей России потребление в период 1863–1866 гг. было всего 37°, то потребление бывших привилегированных губерний для этого времени должно быть принято ниже этой средней, а следовательно и ниже потребления Великороссийских губерний, т.е. мы должны допустить, что *при одинаковой доступности вина* население бывших привилегированных губерний, привыкшее в течение почти полустолетия к потреблению большого количества спиртных напитков, предъявляло меньший спрос на вино, чем население Великороссийских губерний, успевшее (за долголетний гнет откупной системы) свыкнуться с потреблением незначительного количества алкоголя и приспособить к такому потреблению все свои привычки и обычаи.

Все эти соображения заставляют нас склоняться к мысли, что ко времени, когда замешательство, вызванное в народной жизни питейной реформой 1863 года успело, улечься настолько, что существенные стороны влияния новой системы могли достаточно ясно выступить из-за всех *случайных* наслоений, т. е. приблизительно к 1866/67 году, душевое потребление Великороссийских губерний, вопреки установившемуся взгляду, было не выше 30°, т. е. не выше душевого потребления, наблюдавшегося в этой части России в такие моменты действия акцизной системы, когда ни о каком «особенном» злоупотреблении спиртными напитками не может быть и речи, так как иначе пришлось бы считать временем *«особенного»* злоупотребления спиртными напитками весь более чем 30-летний период акцизной системы, что не имело бы логического смысла. Таким образом, если судить по высоте среднего душевого потребления, то период так называемой «дешевки» может быть назван (по отношению к Великороссийским губерниям) временем пропойства с таким же правом, как и любой другой период акцизной системы. За пропойство остаются «свидетельства современников» и априорные заключения, выведенные из «факта» дешевки.

Свидетельства отдельных лиц, основанные при том на относительно ничтожном числе наблюдений, не могут считаться материалом годным для научных заключений даже при единодушии этих свидетельств. Еще меньшее значение имеют они при взаимных противоречиях, особенно если против мнения большинства идет мнение исследователя, пользующегося для своих выводов наиболее научными приемами. В данном случае таким исследователем является г. Распопов. Что касается априорных доводов («при дешевизне продукта – потребление должно быть высоко»), то они падают, раз будет разрушена легенда о самой «дешевке».

Мы говорим: легенда, так как не только в начале 60-х годов, но и до 2-й половины 80-х не было ни одной попытки произвести статистический учет *средней* цены, по которой приобреталась водка *непосредственными потребителями* по разным районам России.

Судить об этой цене по отдельным (несистематическим), хотя бы и многочисленным, наблюдениям нет никакой возможности, так как при огромных колебаниях цены в отдельных случаях (особенно в зависимости от «способа продажи»: на вынос или распивочно, средними мерами или чарками) для вывода хотя приблизительно правильной средней надо знать, какая именно доля из общего количества алкоголя продается по какой цене.

Существование отдельных, *«спорадических» случаев «дешевки» вполне совместимо с высоким средним уровнем продажных цен.* При

таком стечении обстоятельств поверхностный наблюдатель легко впадает в некоторый «оптический обман»: случаи необыкновенной дешевизны больше бросаются в глаза и благодаря этому кажутся ему преобладающими, отчего и представление его о *среднем* уровне цен окажется ниже действительности. Нечто подобное имело место и в первые годы действия акцизной системы в Великороссийских губерниях.

Для всякого беспристрастного наблюдателя, который возьмет на себя труд тщательно проанализировать факты, станет ясно, что легенда о дешевке в Великороссийских губерниях являлась для современников плодом естественной иллюзии, некоторого «оптического обмана», последующими же писателями была принята без сколько-нибудь основательной критики «на веру». *Поводом* для легенды послужили *отдельные* наблюдения над борьбой монополистов того или другого района с каким-нибудь дерзким, решившим воспользоваться провозглашенной de jure «свободой промысла». Тут, чтобы выжить нежелательного конкурента, действительно, дело доходило до продажи *себе в убыток*, но это лишь в деревнях, *смежных* с торговлей противника, и этот убыток с лихвой вознаграждался с других бесчисленных кабаков, de facto объединившихся в руках одного монополиста или компании монополистов. Такая же борьба (конечно тоже временная) происходила и *на границах районов* двух соседних «водочных королей», пока не происходило окончательное полюбовное размежевание районов (конечно, после этого обывательский карман должен был с лихвой заплатить за убытки «пограничной распри»).

В действительности, для большей части Великороссийского района питейное дело после падения откупов естественным образом осталось в руках *прежних лиц*, обратившихся из откупщиков в «монополистов». Бороться с ними было некому, кроме таких же откупных тузов, но те сами имели свою «сферу влияния». Для человека же «со стороны» в первое время (относительно которого собственно и сохранилась легенда о «дешевке и небывалом пропойстве», вызванном ею) бороться с организованным уже «учреждением», захватившим торговлю во всех сколько-нибудь бойких пунктах, располагавшим штатом привычных к делу торговцев и прочих служащих, наконец, успевших за время откупов завязать дружеские связи (оплачиваемые соответственными суммами) со всеми лицами администрации, начиная с начальника губернии*, было предприятием непосильным.

---

* Губернатору (при откупах) уплачивалось 3 000 р. + 1 200 р. (на «канцелярию») = 4 200 р., полицеймейстеру – 1 200 р., секретарю полиции – 300 р., далее, частным приставам – 720 р., квартальному надзирателю – 300 р. и т. д., см. «История кабаков в России» Прыжова[61] (1866 г., стр. 287).

В лучшем случае откупщик покупал у своего «конкурента» его заведение за приличную сумму, и все опять шло гладко и мирно.

Вот что говорит об этом времени г. Распопов: «почти каждый уезд имел у себя негласного одного, двух или трех монополистов, большей частью складчиков, которые открывали в уезде массу питейных заведений и таким образом *фактически продолжали дело прежнего откупа.*

«Такому положению вещей много способствовало также и то, что новые люди, желавшие заняться виноторговлей, не могли бороться с бывшим откупщиком, так как им приходилось идти новыми, еще неизвестными путями и изучать новое для них дело, тогда как у откупщика уже давным-давно все было устроено, организовано и изучено».

«В своих районах эти монополисты не допускали других лиц до виноторговли, *разоряя их при самом начале* ее открытия *сильным понижением цены на вино:* какие большие колебания могли устраиваться такими монополистами, видно из того, что в Богородском уезде вино, обыкновенно продававшееся тогда за 5 руб. ведро, они продавали в *чарочной* продаже за 3 р., чтобы только выжить нового человека. Достаточно было двух, трех примеров такого разорения, чтобы надолго отбить охоту у всякого, желавшего заняться виноторговлей. *Так происходило почти во всей России.* Для Богородского уезда такое положение имело место до 70-х годов» (указ. соч., стр. 50–51).

Как будто некоторым, хотя *косвенным,* противоречием этим фактам служит факт *увеличения* числа *опоев* после 1864 года в губерниях с бывшими откупами, между тем как в губерниях бывших привилегированных после введения акцизной системы число случаев «опоя» даже уменьшилось. Но мы думаем, что тут действовала иная причина: *высшая* (в среднем) *крепость* алкогольных продуктов, проникших в каналы народного обращения вместе с введением новой системы, причем, говоря о высшей крепости, мы имеем в виду не только нормальное 40° *вино,* сменившее с введением акцизной системы тот низкопробный (20°–30°) суррогат, какой сбывался населению откупщиками под видом 40° вина*, но также и большую доступность для населения Великороссийских губерний с введением акцизной системы *высокоградусного спирта* – первообразного продукта винокуренного производства. Спирт в собственном смысле, т.е. высокоградусные смеси абсолютного алкоголя с водой, не составляли, как извест-

---

* С введением акцизной системы обман на крепости, правда, продолжался, но был заключен в весьма узких границах: 2° уже было много на ведро абсолютного спирта, тогда как во время откупов водка в 30° и даже ниже не составляла редкости, особенно для центральной местности откупного района.

но, до самого введения казенной продажи *обычного* предмета *розничной* торговли; пути, которыми высокоградусный спирт попадал в распоряжение потребителей, как основное правило, были пути нелегальные, и количество высокоградусного спирта, поступавшего этими путями в народное потребление, было вообще тем больше, чем больше было в данном районе относительное (т. е. по сравнению с цифрой населения) число винокуренных заводов, и чем примитивнее было устройство этих заводов и находившихся при них приспособлений для хранения и отпуска спирта*.

Много облегчалась утайка спирта на заводах служащими отсутствием строгого (автоматического) учета выкурки, который, как известно, получил распространение лишь с введением акцизной системы.

Принимая во внимание все вышесказанное, не трудно понять, что до введения акцизной системы особенно большое (по расчету на душу населения) распространение высокоградусный спирт должен был иметь в губерниях, так называемых привилегированных: в 1860-м году на 16 привилегированных губерний приходилось 4437 винокуренных заводов, тогда как на 26 Великороссийских – всего 723 завода. При этом в привилегированных губерниях главную массу составляли примитивные винокурни именно того типа, о котором мы говорили выше. Наоборот, в губерниях Великороссийских при малом – сравнительно с населением – числом заводов преобладали заводы крупные с более надежными приспособлениями для охраны спирта. Вообще почти с уверенностью можно утверждать, что в откупном районе высокоградусный спирт вовсе не попадал в народную массу. Наоборот, в губерниях привилегированных при большом числе примитивно-организованных заводов, свободе кабацкого промысла и громадных по сравнению с откупным районом спиртных оборотов (по расчету на душу населения) количество высокоградусного спирта, попадавшего различными нелегальными путями в народное потребление, наверное было весьма значительно; создавшаяся таким образом привычка к концентрированным смесям алкоголя вызывала, вероятно, в свою очередь спрос на спирт, удовлетворявшийся уже легальным предложением; мы не имеем прямых указаний *современников*, но многие факты, относящиеся к *новейшему времени*, делают такое предположение в высокой степени вероятным**. Наоборот, с введением акцизной

* Примитивным заводам соответствовали и менее надежные (в смысле сохранности перевозимого спирта) способы транспортировки (деревянные бочки с легко смещающимися обручами, с плохими, размывающимися под влиянием спирта, печатями и проч.).

** Особенно относительно Юго-Зап<адных> губерний и частью Южных.

системы картина резко меняется: «особенно сильно уменьшилось число заводов в губерниях Царства Польского и бывших привилегированных» (Терский указ. соч., стр. 146): в 1860 году оно равнялось 4437; к 1870* году – 2648; наконец, в 1886-87 году – уже всего 820; «в губерниях Великороссийских тотчас вслед за введением акцизной системы число винокуренных заводов быстро увеличилось и через 3 года достигло 1100 (против 723-х в 1860 году)». Если принять при этом во внимание, что главным образом закрывались в бывших привилегированных губерниях *мелкие* винокурни (т. е. именно дававшие больше всего поводов для утайки и выпуска в обращение не рассыропленного спирта[62]), и что производство в Великороссийских губерниях обогнало размеры местного спроса**, благодаря чему размер оборотов спирта *по расчету на душу* вскоре стал в Великороссийских губерниях гораздо выше, чем в бывших привилегированных, то уже a priori можно с уверенностью заключить, что количество высокоградусного спирта, обращавшегося в народе к 1870-му году, было в Великороссийских губерниях больше (по расчету на душу), чем в губерниях бывших привилегированных. Если к этому прибавить, что население Великороссийских губерний было совершенно непривычно к обращению с такими концентрированными смесями алкоголя, то станет весьма понятен приводимый Рейнботом, а за ним и Осиповым, факт, что в то время, как с введением акцизной системы (к 70-м годам) число опоев в губерниях Великороссийских возросло, в губерниях бывших привилегированных оно уменьшилось – по сравнению со временем до 1863-го года (см. цифры, приводимые Рейнботом). К действию указанной причины присоединялось в губерниях Великороссийских (бывших «откупных») еще непривычка населения к вину «законной крепости». Наконец, для правильной оценки факта увеличения числа опоев в Великороссийских губерниях надо помнить о тех «спорадических» случаях дешевки, о которых мы упоминали выше и которые *не стоят ни в какой связи ни со средней высотой цены* спиртных напитков, *ни со средним* душевым *потреблением*.

Косвенным подтверждением нашего взгляда на основную причину увеличения числа опоев в Великороссийских губерниях после

---

* В период с 1866/67 по 1870/71 гг. – 2924 (в среднем). В период с 1871/72 по 1875/76 гг. – 2300 (в среднем).

** В начале действия акцизной системы размеры выкурки, по сравнению с последними годами откупов, в Великороссийских губерниях увеличились почти вдвое, в привилегированных – сократились на 30%, так что Великороссийские губернии стали играть роль *производительных* рынков, снабжавших другие районы с недостатком собственного спирта.

введения акцизной системы служат, во-первых, данные о распределении алкогольных смертей по месяцам, приводимые в упомянутой статье Рейнбота: из этих данных оказывается, что резкое повышение числа смертей падает именно на те месяцы, когда происходит усиленное передвижение спирта (и, стало быть, представляется много случаев для утайки спирта как при наливе транспортов, так и при гужевой перевозке). Правильность вышеприведенного объяснения косвенно подтверждается также тем, странным на первый взгляд, фактом, что с введением казенной продажи случаи острого отравления алкоголем (с летальным исходом) не только не сократились, но стали даже более частыми - и абсолютно, и еще в большей мере - относительно потребленного в стране алкоголя. Особенно характерно движение *относительной* цифры смертей от опоя (числа смертей, приходящихся на каждый потребленный в стране миллион ведер вина). Подобного рода относительные цифры (которые могут быть выведены не только для острых, но и для хронических отравлений, а равно и для преступлений и проступков, вызванных алкоголем и пр.) являются несравненно более наглядными и верными показателями степени вреда, приносимого алкоголем при данных условиях потребления, чем обычно выводимые цифры смертей от опоя (а равно и проч<их> патологич<еских> явлений, вызванных алкоголем) по расчету на известное число населения (например на 1 млн.). Если вывести подобные данные для тех 35-ти монопольных губерний, для которых приведены сведения в сборнике «Казенная продажа вина» (стр. 188 и след<ующие>), то окажется, что по мере распространения на эти губернии казенной продажи и вызванного этим распространением, понижения душ<евого> потребления - число смертей от опоя, приходящихся на каждый выпитый миллион ведер, систематически и при том весьма интенсивно возрастало, поднявшись приблизительно с 48 до 60 (т.е. на 25%). Чтобы правильно оценить все значение указанного факта надо принять во внимание, что результат этот получился, *несмотря* на то, что одновременно с введение казенной продажи принимался целый ряд весьма действительных мер, имевших целью устранить случаи злоупотребления алкоголем и свести до возможного minimum'а тот вред, с которым вообще связано потребление спиртных напитков. Если, несмотря на все подобные меры: несмотря на огромное сокращение числа распивочных заведений, (по рассматриваемым 35-ти губерниям на 84% сравнительно с числом их до монополии), несмотря на крайнюю осторожность и осмотрительность при выдаче разрешений на право распивочной торговли, несмотря на повышенную строгость репрессий и на усиление надзора (сделавшие обычный прежде трактирный и ка-

бацкий разгул явлением исключительным, вынужденным пугливо скрываться и прятаться); несмотря, наконец, на замену прежней сивухи и вообще спиртных напитков низшей очистки казенным вином, безусловно свободным от всяких вредных для здоровья примесей, если несмотря на все это число острых отравлений на 1 млн. потребленных ведер не только не уменьшалось под влиянием казенной продажи (сопровождаемой перечисленными мероприятиями), а напротив, как мы видели выше, даже решительно возрастало, то мы неизбежно, кажется, должны прийти к заключению, что *вместе с казенной продажей* в условия народного потребления привносился какой-то *новый* фактор, парализовавший и даже перевешивавший действие всех мер, направленных к ограничению излишеств и к ослаблению вредных действий алкоголя на организм. Официальные исследователи склонны приписывать вышеуказанное влияние казенной продажи на число острых отравлений алкоголем увеличению *потребления под открытым небом* (совместное влияние алкоголя и низкой температуры)*. Но как согласовать это объяснение с тем обстоятельством, что увеличение числа опоев равным образом наблюдалось и в *южных* губерниях? Если бы в основании наблюдаемого факта лежало совместное действие алкоголя и холода, то цифры должны бы обнаружить *резкую разницу* между изменением числа опоев в губерниях северной и южной полосы России, на самом же деле никакой такой разницы не наблюдается. Гораздо естественнее объяснить увеличение числа опоев с введением монополий влиянием той же причины, которая 30 лет назад – при введении акцизной системы – вызвала аналогичное увеличение числа опоев в губерниях бывших откупных: как акцизная система увеличила в бывшем откупном районе количество высокоградусного спирта, попадавшего (главным образом, нелегальными путями) в народное потребление, так сама казенная продажа, сменившая акцизную систему, сделала высокоградусный спирт (подразумевая под высокоградусным спиртом смеси с содержанием алкоголя свыше 50% еще более доступным для потребителя, чем это было при действии акцизной системы (насколько велико по некоторым районам с казенной продажей количество проданных высокоградусных смесей алкоголя, видно из отчетов по казенной продаже; см. по этому вопросу интересную ста-

* Значение этого момента, как известно, особенно выдвигалось (для объяснения алкогольной смертности) профессором Сикорским[63]. См. *наши* возражения на книгу Сикорского «Влияние сп<иртных> напитков на здоровье и нравственность населения России» в «Русск<ом> Экон<омическом> Обозр<ении>»[64] за 1899 г.

тью г. Норова[65] «Несовместимые заботы», «Русск<ое> Бог<атство>» 1903 г., май*).

---

* При этом характерно, что большое количество спирта продано в посуде самых малых размеров: малый размер указывает на то, что спирт приобретался по преимуществу не для технических надобностей, а для непосредственного потребления.

Впрочем, с другой стороны, было бы большой ошибкой предполагать, как это делает г. Норов, что весь *высокоградусный* спирт, приобретаемый населением из казенных лавок (и складов), идет *в том же виде* в потребление: в губ<ерниях> Южных, Юго-западных и Малороссийских (с развитым садоводством) значительная часть спирта идет на приготовление *наливок*, средняя крепость которых при употреблении 57° спирта получается не только не выше, но даже ниже 40° (для получения более крупных наливок «любителями» употребляется спирт в 80–90°); в частности, в губерниях с развитым виноделием (из винограда) спрос на высокоградусный спирт обусловливается необходимостью *сдобривать* слабое *натуральное вино* (во избежание порчи, или для искусственного приготовления более крепких вин); кроме того, несомненно, некоторая часть высокоградусного спирта, покупаемого *в раздробь* из казенных лавок, употребляется и для *технических целей мелкими* промышленниками и ремесленниками, в производстве которых спирт играет более или менее значительную роль; так, в местностях с изобилием лесных материалов значительный спрос на спирт предъявляется столярами (и не только в городах, но и в сельских местностях). Что касается, наконец, значительного распространения высокоградусных спиртов в некоторых из С<еверо>-Зап<адных> губ<ерний> с крайне низкой общей цифрой (душевого) потребления (как, например, Ковенская г<уберния>, стоящая по среднему душевому потреблению ниже всех губ<ерний> России, кроме одной Вятской, а по участию в народном потреблении высокоградусных спиртов занимающая среди прочих монопольных губ<ерний> одно из первых мест), то невольно возникает предположение, не стоит ли это распространение в связи с широким распространением в С<еверо>-Зап<адном> районе (равно как и в губ<ерниях> Привислянских) потребления серного (неочищенного) эфира - именно в смеси с этиловым алкоголем (гофманские капли «анодин»[66]). Как известно, серный эфир проникает здесь даже в самые захолустные деревни через посредство бродячих торговцев (*явно* занимающихся продажей мелких мануфактурных товаров или скупкой по мелочам сельскохозяйствен<ных> продуктов и разных отбросов хозяйства: тряпок, костей и т. п.). Причина, почему для смеси с эфиром не годится обыкновенная 40° водка, заключается в том, что эфир не смешивается со слабыми растворами спирта. Однако из того, что для получения «анодина» (гофманских капель) употребляется концентрированный спирт, отнюдь еще не следует, что он и в организм вводится в *таком же* виде (т. е. такой же концентрации): напротив, за редкими исключениями даже самые «горькие» пьяницы (даже из числа привыкших к высокоградусному спирту) не в состоянии пить *смесь спирта с эфиром в чистом виде*; что же касается населения Сев<еро>-За-

Что мы в этих случаях не преувеличиваем значения доступности для потребителей высокоградусного спирта (не разведенного еще в водку), доказывается весьма высокой смертностью от отравления алкоголем лиц, по своей профессии стоящих близко к приготовлению, транспорту, розливу и продаже спирта*: так, по данным для Англии (относящимся к 90-м годам), разработанным John Tatham'ом, оказывается, что лица перечисленных профессий превосходят в 6 с лишком' раз прочие профессии в отношении смертности от алкоголизма (если общую смертность от алкоголизма принять равной 100, то смертность лиц перечисленных профессий равна 612).

Таким образом, факт увеличения алкогольной смертности в Великороссийских губерниях после введения акцизной системы отнюдь не может служить доказательством (даже и косвенным) увеличения среднего душевого потребления алкоголя: на примере новейшего времени (влияние казенной продажи) мы видим, что увеличение алкогольной смертности (острых отравлений) *возможно* даже наряду с *сокращением* душевого потребления алкоголя, раз только возрастает количество высокоградусного спирта, попадающего в народное обращение: а что в первые годы акцизн<ой> системы, к которым относит свои цифры Рейнбот, количество высокоградусного спирта, обращавшегося в Великороссийских губерниях, возросло по сравнению с откупным временем в огромной пропорции, в этом не может быть никакого сомнения.

п<адных> губерний (особенно Литовских), вообще отдающего предпочтение напиткам слабой концентрации (пиво, брага) и лишь экономическими соображениями вынужденного переходить к более концентрированным напиткам (посредством которых тот же эффект может быть достигнут с затратой меньшей суммы), то вряд ли может быть какое-нибудь сомнение, что упомянутые эфириые смеси потребляются им исключительно в разведенном (и даже сильно разведенном) виде.

Таким образом, во всех разобранных иами случаях *спрос на концентрированный алкоголь еще не означает потребления концентрированного алкоголя*. Между тем сделанный нами перечень – *лишь примерный*.

Но если количество покупаемого высокоградусного спирта и не дает нам точного представления о количестве *потребленного* высокоградусного спирта, то все же остается несомненным, что *чем больше* в стране (или данном районе) *обращается среди населения высокоградусного спирта* (хотя бы он и не непременно назначался иа потребление), *тем более вероятными представляются* – ceteris paribus – *случаи острого отравления алкоголем*.

* Хотя a priori казалось бы, что именно подобные лица должны в силу привычки получить более или менее полный «иммунитет» к алкогольному отравлению.

Наконец, весьма важно при сравнении статистических данных за отдельные периоды, отделенные значительным промежутком времени, обращать внимание на то, насколько изменились за это время условия собирания статистических сведений. Часто различие между цифрами за два периода целиком объясняется изменением условий регистрации. Весьма возможно, что увеличение официальных цифр опоев в 70-е годы по сравнению с 50-ми явилось в значительной степени следствием лучшей диагностики внезапных смертей: во многих случаях, где прежде – при установлении причины смерти по внешнему осмотру, производимому при том *не врачом*, – констатировалась смерть от неизвестной причины, либо, если труп найден замерзшим – от замерзания, теперь, когда значительно больший % трупов скоропостижно умерших подвергается правильному судебно-медицинскому исследованию, обнаруживается несомненное острое отравление алкоголем (осложненное или неосложненное какими-либо патологическими особенностями субъекта). Это подтверждается и тем обстоятельством, что повышение цифры (официальн<ых>) алкогольных смертей наблюдалось именно в *земских* губерниях (они же – бывш<ие> откупные), где постановка врачебного дела успела к 1870-му году сделать огромный шаг вперед – по сравнению с «дореформенным» временем (благодаря чему оказывалось возможным большую часть скоропостижно умерших подвергать *медицинскому* освидетельствованию).

Кроме того следует еще принять во внимание, что откупщик, весьма сильно зависевший от местной высшей администрации, имел все основания заботиться о том, чтобы *в его районе* «все обстояло благополучно», а следовательно не было бы и смертей от пьянства: и так уж о спаивании народа откупщиками слишком много говорили в обществе; отнесение же смерти к той или иной причине вполне зависело от полиции, в свою очередь зависевшей от откупщика.

Чтобы покончить с вопросом о душевом потреблении за 60-е годы по районам вообще и, в частности, по губерниям с бывшей откупной системой (потребление которых за это время представляет, как мы видели, особенный интерес), упомянем еще данные за 1866/67 г., имеющиеся в Отч<ете> Деп<артамента> Неокл<адных> Сб<оров> за 1887 г.

Прием, употребленный здесь для учета, следующий: взяты данные о выкурке за два смежных периода (1866 и 1867 гг.), выведена средняя, из этой средней вычтен вывоз из губерний и прибавлен ввоз, полученные цифры разделены на цифру населения каждой губернии. Таким способом выведено душевое потребление за 1866/67 гг. для губерний Средне-Черноземных, Столичных, и Прибалтийских: сравнивая эти данные с данными за 1887 г. (отделенный 20-летним проме-

жутком), мы найдем, что по всем губерниям, кроме Петербургской, наблюдается (к 1887 г.) понижение душевого потребления; величина понижения колеблется от 2°, или 6%, по Лифляндской губ<ернии>[67] до 20°, или 50%, по Курляндской[68]; остальные губернии занимают по интенсивности сокращения промежуточное место. Меньше других (после Лифляндской) сократила свое потребление Московская губ<ерния> (на 4° на душу). Отчет справедливо объясняет отсутствие сокращения по Петербургской губ<ернии> (потребление *возросло* на 17° на душу) и сравнительно ничтожное сокращение по губерниям Московской и Лифляндской интенсивным ростом городских центров (Петербург, Москва, Рига). Что касается Средне-Черноземного района, то погубернские данные (принимая во внимание их грубую приближенность) представляют интерес лишь в сопоставлении с более ранними сведениями.

В среднем по району приведенный расчет дает цифру 38,6° на душу (считая население Средне-Черноземных губерний в 1867 году - около 14 млн. жителей); ошибка заключается в непринятии во внимание трат спирта; принимая траты в 3% к общему обороту спирта, а остаток спирта к началу (или концу) года в 20% к выкурке, получим (принимая ту же цифру населения) душевое потребление всего в 35,7° (принимая остаток всего в 10% выкурки, получим все же всего 36,0°) против 25,0° в 1887 году (согласно Отчету за 1887 г.).

Хотя Средне-Черноземный район и заключает несколько губерний, стоящих по душевому потреблению выше среднего по всем Великороссийским губерниям, но все же цифра в 35,7° на душу не согласуется со сделанными выше замечаниями относительно потребления Великороссийских губерний в первое 5-летие по введении акцизной системы.

Такое несогласие служит указанием на неправильность употребленного Отчетом Деп<артамента> Неокл<адных> Сб<оров> приема для вывода потребления. Чтобы убедиться, что ошибка - в цифрах Отчета, а не в наших соображениях, обратимся к данным по России в целом (по Империи). Так как заграничного экспорта до 1870 года, можно сказать, совсем не было (он не превосходил нескольких десятков тысяч ведер), то казалось бы средняя выкурка на несколько лет за вычетом безакцизного отчисления должна дать сумму, приблизительно равную среднему количеству градусов, оплаченных за то же время акцизом (т. е. сумма акциза, поступившего в среднем за эти годы, деленной на обложение одного градуса).

Между тем цифры говорят следующее: средняя выкурка за 1867–1870 гг. была около 30 млн. ведер, безакцизного отчисления - немного больше 2-х млн. ведер; между тем за те же годы в среднем

оплачено акцизом (по Империи) меньше 26 млн. ведер, а так как акцизом оплачивается кроме потребленного спирта и вся трата, составляющая к потреблению около 5%, то количество спирта, выпущенного в среднем за 1866–1870 гг. для внутреннего потребления, составляло ни в каком случае не более 27 млн. ведер, между тем, как положив в основу расчета цифру *выкурки*, подобно тому как это делает Отчет 1887 года для вывода потребления по районам (только ввиду отсутствия заграничного экспорта и импорта спирта до 1870 года – для вывода потребления *по целой Империи* нет надобности в данных о передвижении спирта), мы получим для Империи общее потребление в 30 млн. ведер. Первой цифре соответствует душевое потребление около 35°, второй, даже принимая во внимание траты, не меньше 37° (как принимается, напр<имер>, г. Осиповым). Отсюда ясно, какую ошибку мы делаем, основываясь при выводе потребления на цифрах выкурки: если даже по Империи получилось отклонение почти на 6%, то, понятно, в какую ошибку рискуем мы впасть при учете потребления по небольшим районам и особенно по *производительным* районам (т. е. с избытком спирта по сравнению с местным спросом).

Возможность в течение *ряда лет* перевеса выкурки над количеством спирта, выпускавшегося для потребления, указывает на постепенное увеличение спиртовых запасов (неоплаченных акцизом); первые четыре года акцизной системы, наоборот, выкурка была в среднем значительно меньше количества спирта, оплачивавшегося акцизом: это обстоятельство объясняется тем, что акцизом оплачивались и запасы спирта, оставшиеся на лицо к началу акцизной системы; акцизом оплачено за 1863–66 гг. около 110 млн. ведер, между тем как выкурено за то же время всего 95,7 млн. ведер, а за исключением безакцизных отчислений, выкурено спирта, подлежавшего оплате акцизом, не более 90 млн. ведер, таким образом оплаченные старые запасы (от доакцизного времени) доходили почти до 20 млн. ведер. Такие крупные несоответствия между цифрами выкурки и оплаты спирта акцизом делают весьма сомнительными все заключения о душевом потреблении, основанные на подобных *косвенных* данных; особенно это следует сказать о первом пятилетии: для этого времени даже данные о выпуске спирта из заводских подвалов (вообще наиболее надежные) оказываются недостаточными ввиду невозможности даже приблизительно определить количество запасов спирта, необходимых (согласно условиям того времени) для правильного удовлетворения спроса.

Чтобы решить вопрос, как участвовали отдельные группы губерний в промышленном оживлении конца 60-х и начала 70-х годов, мы также не имеем прямых данных: косвенным указанием могут

служить соображения об участии отдельных районов в развитии железнодорожной сети*.

Вот как распределялось это участие к 1874-му году: в пределах каждого района было построено дорог (в верстах):

Столичный	1155
Восточный	–
Средне-Промышленный	1838
Средне-Черноземный	2850
Малороссийский	1015
Прибалтийский	589
Северо-Западный	2730
Юго-Западный	1113
Южный	2623
Северный	561

Принимая во внимание, что из 16990 верст железнодорожной сети 12300 верст построено за время с 1867-го и по 1874-й год, вышеприведенные цифры могут служить достаточно точной характеристикой участия отдельных районов в строительстве конца 60-х и начала 70-х годов. Абсолютно больше всего имели железных дорог к 1874-му году Средне-Черноземные губернии, за ними шли Северо-Западные, Южные, Средне-Промышленные, Столичные и, наконец, Юго-Западные и Малороссийские, но по расчету на душу населения районы губернии располагаются иначе:

На 10 000 жителей приходилось верст железн<ых> дорог (приблизительно):

По бывшим привилегированным и Прибалтийским губ. .. 36 верст	Северо-Зап<адным>	44 верст
	Столичным	36 верст
	Южным	36 верст
По Великороссийским .. 15 верст	Средне-Черноз<емным>	от 19 до 20 верст
	Юго-Западным	
	Малорос<сийским>	
	Средне-Промышленным	

Таким образом, почти с уверенностью можно утверждать, что больше других выгод от железнодорожного строительства получнл Сев<еро>-Зап<адный> район и Южный (Столичные губернии к концу 60-х годов имели уже железнодорожную сеть, особенно Петербургская губ<ерния>, так что собственно прирост за рассматриваемый нами период был не так уж велик); бывшие привилегированные

* Так как, как увидим ниже (ч. II), усиленное железнодорожное строительство являлось *основной причиной* подъема душевого потребления в конце 60-х и начале 70-х годов.

губернии получили в среднем больше выгод, чем бывшие откупные губернии; из бывших откупных, вероятно, больше других выгод получили Столичные губернии. На основании этих данных позволительно утверждать, что то повышение общего по России потребления алкоголя, которое наблюдается с конца 60-х годов и достигает своего апогея в 1871–72 годах, главным образом приходилось на счет б<ывших> привилегированных губерний, в частности, Сев<еро>-Зап<адных> и Южного районов. Падение жел<езно>дор<ожного> строительства и вообще промышленности середины 70-х годов, явившееся реакцией на временный подъем промышленной волны, также должно было отразиться наиболее чувствительным образом на этих же районах, хотя собственно падение заработков вследствие прекращения железнодорожного строительства в значительной степени парализовалось высоким доходом от эксплуатации построенной сети. Что касается оживления промышленности конца 70-х годов, то в нем главную роль играли опять-таки Южные губернии (небывалое оживление хлебного экспорта), но наряду с ними в оживлении промышленности в этот раз принимали деятельное участие и Великороссийские губ<ернии> – особенно Столичные и Средне-Промышленные, так что делать какие-нибудь определенные заключения об участии отдельных районов в увеличении потребления алкоголя в период 1878–79 гг. было бы рискованно. Каким образом распределялось потребление после падения волны промышленного оживления конца 70-х годов, можно судить уже на основании сравнительно точных данных; впрочем, прослеживать движение душевого потребления отдельных районов из года в год мы не будем: цифры населения, которыми мы располагаем, настолько неточны, что могут служить лишь для обнаружения крупных изменений, совершающихся за длинные промежутки времени, да и то строить на таких данных какие-нибудь научные заключения можно лишь в том случае, если между районами обнаружится настолько резкая разница, что объяснить ее одними ошибками невозможно. Чтобы выяснить общий характер перемен, произошедших в душевом потреблении отдельных районов за время с начала 80-х годов и до конца господства акцизной системы, т. е. до 1895 года, мы приводим ниже сравнение данных о душевом потреблении за 1880–82 гг. (согласно офиц<иальному> «Отчету» за 1883 г.)* с данными

* Пользуясь данными «Отчета» об абсолютном потреблении и выводя цифру населения согласно более точным данным 1885-го года и данным об естественном движении населения за предыдущие годы, мы получим цифры душевого потребления, настолько мало уклоняющиеся от Департаментских цифр, что поправки являются в данном случае излишними.

за 1893–95 гг. Правда, в 1895-м году в четырех Восточных губерниях действовала уже казенная продажа питей, но взять для сравнения период 1892–94 гг. или 1891–93 гг. было бы более неправильно, так как годы 1891–92 для значительной части России являлись *исключительными* годами, по которым нельзя судить об обычном потреблении районов. Ввиду этого мы предпочли исключить из сравнения Восточный район (о нем отдельно ниже).

Вывод из этих цифр (см. ниже табл<ицу> на стр. 103) крайне любопытный: оказывается, что процесс сокращения душевого потребления (за время с 1883-го года), обыкновенно приписываемый падению платежных сил населения, проявился с особой интенсивностью в районах, где процесс оскудения или вовсе не имел места, или выразился с наименьшей силой; напротив, в пресловутом земледельческом центре сокращение оказывается ниже среднего по России. Полученный вывод не может быть результатом ошибочности цифр населения: ввиду близости периода 1893–1895 гг. к переписи 28 января 1897 года ошибка не может превзойти одного – много двух процентов, что не может повлиять на *результаты сравнения;* к объяснению указанного явления мы вернемся со временем; теперь же заключим рассмотрение статистики потребления алкоголя по районам некоторыми замечаниями, которые необходимо иметь в виду для того, чтобы получить из данных этой статистики правильные научные выводы. Дело в том, что одна и та же цифра душевого потребления в зависимости от некоторых местных условий может иметь различное значение для различных районов.

Прежде всего следует иметь в виду, что если по России в целом потребление виноградного вина и пива может быть вовсе игнорировано, ввиду его незначительности по сравнению с потреблением водки, то далеко нельзя сказать того же об отдельных районах: было бы поэтому большой ошибкой судить об относительной высоте потребления спиртных напитков по отдельным районам на основании одних данных о потреблении *водки.* Правда, точных данных о потреблении пива и виноградного вина по отдельным районам мы не имеем, но все же возможно наметить в общих чертах участие отдельных районов в потреблении этих напитков. Для заключений о потреблении пива могут служить, с одной стороны, данные о пивоваренном производстве (причем следует иметь в виду, что продукт наиболее крупных заводов имеет по преимуществу междурайонный сбыт; напротив, продукт мелких заводов обыкновенно не выдерживает ни экономически, ни технически дальних перевозок и потребляется преимущественно в районе производства), с другой – данные о числе пивных лавок и складов пива (хотя следует иметь в виду, что

и многие другие виды питейных заведений также торгуют пивом). На основании упомянутых данных следует заключить, что потребление пива распространено (после губерний Царства Польского) больше всего в губерниях Столичных, Прибалтийских, Северо-Западных, Южных и Юго-Западных.

В Столичных губерниях главное количество пива потребляется в столицах; высокое потребление в губерниях Прибалтийских объясняется национальной склонностью населения к пиву; в губерниях Северо-западных, в противоположность губерниям Столичным и Прибалтийским, потребляется по преимуществу крайне слабое пиво; причины предпочтения пива водке здесь, главным образом, экономические: опьяняющий эффект отодвигается на задний план, и решающим соображением при выборе напитка служит его дешевизна: весьма знаменателен факт конкуренции с пивом различных квасов и фруктовых вод, вовсе без алкоголя (см. Отчет Деп<артамента> Неокл<адных> Сбор<ов> за последние годы перед введением монополии); в частности, в Литовских губерниях пиво является (наряду с медом) старинным национальным напитком.

В губерниях Южных потреблению пива способствовало в последнее время развитие металлургической и горной промышленности: главными потребителями являются фабричные и заводские рабочие (несомненно большую роль играет присутствие иностранцев-рабочих), а также немцы-колонисты; потребляется по преимуществу крепкое (баварское) пиво. В губерниях Юго-Западных среди земледельческого населения распространено потребление такого же низкоградусного и невысокого качества пива, как и в губерниях Северо-Западных, крепкое пиво («лагер-бир») потребляется, главным образом, в городах и среди немцев-колонистов (которых здесь очень много). Следующие места занимают Средне-Промышленные губернии, потребителями являются фабрично-заводские рабочие; впрочем потребление в Средне-Промышленных губерниях вряд ли значительно больше среднего по России. Если принять, что пиво, производимое наиболее крупными заводами (с производством выше 200 тысяч ведер в год), распределяется по всем районам, а пиво, производимое на всех остальных заводах, остается в пределах того района, где производится, то душевое потребление пива выразится для половины 90-х годов так:

Столичные губернии	1,60	ведра	на	душу
Прибалтийские губернии	1,50	«	«	«
Северо-Западные губернии	0,45–0,50	«	«	«
Южные губернии	0,35	«	«	«
Юго-Западные губернии	0,35	«	«	«

Северные (без Петерб.) губернии	0,25	ведра на душу
Средне-Промышленные губернии	0,25	« « «
Среднее по России	0,20	ведра на душу

Конечно, это лишь весьма приблизительные цифры. Что касается потребления виноградного вина, то в нем приходится заключать по производству в винодельческих районах, ввозу из-за границы и данным о железнодорожных перевозках. Вопрос о потреблении в России виноградного вина был в 90-х годах предметом исследования Департамента Неокл<адных> Сборов. Главным препятствием для правильного учета является практикуемая в огромных размерах фальсификация вина. Эта фальсификация имеет и другое значение: на сдабривание идет *хлебный* (также картофельный, паточный и вообще – служащий для приготовления *водки)* спирт, показываемый расходом на местное потребление в районе, где фальсификация производится; между тем, приготовленное искусственно вино вывозится из этого района и потребляется нередко за тысячи верст, но так как спирт, пошедший на сдабривание, вывозится под видом виноградного вина, то он уже не будет показан (в общих *спиртовых* оборотах) расходом для данной губернии и приходом по той, где вино будет потреблено. Это вносит новые неправильности в порайонный учет потребления водки. Такое же значение имеет и потребление водочных изделий: спирт, пошедший на их производство, не включается в общую цифру потребления алкоголя, даваемую Главным Управлением Неокладных Сборов и Казенной продажи питей для отдельных районов и губерний.

Все эти обстоятельства служат еще новым доводам против попыток основывать какие бы то ни было сравнительные выводы о потреблении алкоголя по отдельным районам на основании данных алкогольной «*статики*». Единственный плодотворный метод изучения порайонных данных заключается пока* в изучении и сопоставлении данных о *динамике* душевого потребления по отдельным районам за более или менее продолжительный промежуток времени.

Действительно, подобные данные о *движении* душевого потребления, будучи основаны на сравнении *однородных данных* (данных о душевом потреблении *по одному и тому же* району за два момента) могут служить *вполне надежным* материалом для различных выводов, хотя бы сами цифры душевого потребления, легшие в основу вы-

* Возможность *сравнительной* оценки порайонных данных (отнесенных к одному моменту) возникла лишь с распространением казенной продажи *на все районы* Европейской России; но для серьезных общих выводов данных этих накопилось еще слишком мало.

числения *динамики* этого потребления, и уклонялись в большей или меньшей степени от действительности: достаточно, чтобы пертурбационные причины, вызывающие различие между кажущимся (средним – фиктивным) и действительным душевым потреблением, действовали *в течение всего периода,* разделяющего сравниваемые моменты, с *приблизительным постоянством.*

Если мы будем постоянно иметь в виду это обстоятельство, то можем смело пользоваться данными о динамике душевого потребления по отдельным районам (удовлетворяющими вышеприведенному условию) для заключений о сравнительном отношении населения этих районов к алкоголю*. Выводы, которые могут быть сделаны на основании такого сопоставления, приведены во 2-й части настоящей работы. Здесь же мы ограничимся приведением цифровых данных, послуживших основанием для этих выводов. Сравним душевое потребление за первое 3-летие, для которого имеются более или менее надежные данные, с последним трехлетием перед введением новой системы обложения – 1893–1895 гг. Цифры душевого потребления за 1880–1882 гг. взяты нами прямо из Отчета Департ<амента> Неокл<адных> Сбор<ов>; цифры за 1893–1895 гг., ввиду значительного несоответствия данных о населении, легших в основу официального исчисления душевого потребления по отдельным районам (губерниям), были выправлены нами путем согласования данных о населении за 1893–1895 гг. с результатами переписи 28 января 1897 года (при этом, кроме данных о естественном движении населения за 1893–1895 гг., мы принимали во внимание и все имевшиеся в нашем распоряжении сведения о механическом передвижении населения отдельных районов). В виду приближенности вычисления доли процентов нами откинуты.

Районы	Душевое потребление в		Потребление сократилось с 1880–1882 по 1893–1895 гг. на
	1880–1882 гг.	1893–1895 гг.	
Прибалтийский	25°	21,2°	15%
Столичный	80°	60,0°	20%
Средне-Промышл<енный>	31°	24,6°	21%
Средне-Черноз<емный> *(Центр.-Земледельческий)*	30°	22,1°	26%
Южный	37°	26,4°	29%
Северо-Западный	27°	17,4°	36%
Малороссийский	33°	21,1°	36%
Юго-Западный	42°	24,4°	43%
В среднем по Европейской России (без Царства Польского)	32°	22,8°	29%

* Или точнее: о сравнительной *эволюции отношения* населения различных районов к алкоголю.

9*

В пояснение настоящей таблицы необходимо сделать два замечания: во-первых, губерния Нижегородская, по характеру своему более приближающаяся к группе Центральных-Земледельческих (иначе – не совсем удачно – называемых: Средне-Черноземными), перенесена нами из группы Средне-Промышленных в следующую группу (Средне-Черноземных, или Центрально-Земледельческих); во-вторых, нами вовсе опущен Восточный район (хотя при выведении средней по Европейской России Восточные губернии приняты в расчет наравне с другими).

Основания, побудившие нас исключить Нижегородскую губернию из числа Средне-Промышленных и отнести ее в район Центрально-Земледельческий, заключаются в следующем: по относительной численности населения, находящего себе заработок в предприятиях фабрично-заводского характера, Нижегородская губерния стояла за рассматриваемый период ниже большинства губерний, обычно относящихся к группе Центрально-Земледельческих (Средне-Черноземных); так, по данным «Свода сведений» (издание Ком<итета> Мин<истров>, 1894 г.) взрослые фабрично-заводские рабочие мужского пола составляли по отношению к общему числу взрослого крестьянского населения мужского пола: в губернии *Нижегородской* – 2,4%, в губернии Симбирской – 4,3%, в Саратовской – 2,5%, в Рязанской – 3,7%, в Орловской – 3,6%, в Тульской – 4,1%, в Пензенской – 2,9%; процент городского населения в Нижегородской губернии не выше среднего процента по губерниям, обычно относимым к Средне-Черноземному району: так в 1885 г. городское население состояло в среднем по губерниям Средне-Черноземного района 8,2%, а в губернии Нижегородской – только 7,2%; согласно данным переписи 1897 года % городского населения в Средне-Черноземном районе 9,7%, а в губернии Нижегородской лишь 9%. Что касается влияния Нижегородской ярмарки[69], то оно слишком временное, чтобы отнять у целой губернии ее основной земледельческий характер.

Что касается затем оснований, побудивших нас вовсе исключить из нашей сравнительной таблицы данные, относящиеся к губерниям Восточного района, то для выяснения их следует остановиться на некоторых особенностях этого района, делающих для него мало пригодными обычные способы учета душевого (а равно и общего) потребления алкоголя.

Душевое потребление водки в Восточных губерниях стояло крайне низко уже в начале 80-х годов, т.е. раньше недородов 80-х и начала 90-х годов, подорвавших благосостояние населения Восточных губерний; между тем, в городах этого района потребление водки ничем не отличалось от положения дел в других русских городах; насе-

ление фабрично-заводских центров также ничем не отличается по своему пристрастию к водке от фабрично-заводских рабочих других местностей России; поэтому душевое потребление водки массой земледельческого населения оказывается совершенно ничтожным. Причиной такой малой распространенности водки являлось помимо высокого % магометан, давно и прочно укоренившаяся в этом районе монополизация (частной) виноторговли; не могла быть удовлетворена потребность массы земледельческого населения в алкоголе и пивом: душевое потребление пива даже при казен<ной> продаже осталось ничтожным (см. Прил<ожение> к Отчету Деп<артамента> Неокл<адных> Сбор<ов> за 1895 г., стр. 141), не превосходя 0,15 ведра на душу, до монополии же было гораздо меньше (например, в Пермской губернии с введением монополии производство пива возросло на 50%). Поэтому массе населения волей-неволей (независимо от религиозных соображений) приходилось удовлетворять свои потребности в алкоголе при помощи *напитков домашнего приготовления* (кумышка, кислушка, хмельная брага, домашнее пиво, всегда конкурировавшее здесь с заводским). О размерах домашнего приготовления напитков в прежние годы можно судить по тому, например, что *в одной Вятской губернии в одном 1895 году* возбуждено было *3246 дел* о приготовлении *кумышки* (см. Прил<ожение> к Отчету Деп<артамента> неокл<адных> сбор<ов>, 1895 г., стр. 126). В Пермской губернии на первом месте стоит приготовление браги, в Уфимской - кислушки, главным образом потребляемой мусульманским населением*. Важно, что потребление домашних напитков здесь является традиционным; выставление непременно *водки* по праздникам, при свадьбах и прочее не освещено обычаем: обычай допускает широкую замену водки соответственным количеством домашних напитков.

Поэтому-то при наличности обстоятельств, делающих для населения водку менее доступной, население, *не сокращая потребления алкоголя,* обращается только к менее концентрированным напиткам домашнего приготовления. Кроме того, здесь же (в Восточн<ом> районе) издавна виноторговцы стали распространять суррогаты водки

---

* Более детальные сведения о потреблении домашних напитков, содержащих алкоголь, среди инородческого населения нашей восточной окраины находятся в вышеупомянутой книге д-ра Никольского. Там же - указания на широкое распространение потребления спиртных напитков домашнего приготовления (нередко достигающих значительного % содержания алкоголя) среди женщин и детей; самое приготовление, а затем хранение и распоряжение этими напитками, обычно находится в руках женщин.

(quasi – виноградные вина*, одеколон, наконец, киндер-бальзам, гофманские капли**. Благодаря всем этим обстоятельствам, население Восточного района всегда имело полную возможность, сокращая потребление водки, восполнять недостающее ему количество алкоголя в виде напитков, *не подлежащих никакому учету*.

---

* Особенно в Казанской губ<ернии>.

** Впрочем большинство этих *продажных* суррогатов (недомашнего приготовления) имели распространение не в одном Восточном районе, причем в некоторых случаях потребление их принимало очень широкие размеры: сравни, например, широкое распространение «национального одеколона» в начале 80-х годов в Южных губерниях (особенно в Екатеринославской губернии), потребление серного эфира (в виде гофманских капель, – «анодина»), в губерниях Царства Польского (частью в Малороссийских), а в последнее время и в Северо-Западных (о чем упоминалось уже выше).

Глава 3.

Данные «переходного» периода (постепенного распространения казенной продажи)

С введением казенной продажи учет потребления вина по губерниям, охваченным новой системой, является гораздо точнее учета во время акцизной системы: о количестве действительно потребленного вина мы имеем возможность судить уже не по количеству вина, выпущенного в розничную продажу, а по количеству действительно поступившего в руки потребителей (хотя, как увидим ниже, при известных условиях и не для *немедленного потребления*, а на запас). Таким образом – ceteris paribus – при новой системе учет действительного потребления является несравненно точнее. Кроме этого, с введением казенной продажи является возможность определять потребление отдельно для городов и для сельских местностей.

Наконец, при новом способе учета делается возможным непосредственно определять количество спиртных напитков, потребленных *за каждый месяц года* (тогда как раньше об этом приходилось судить лишь по цифре ежемесячных поступлений акциза за вино* – способ далеко не всегда надежный). Перечисленные преимущества статистики потребления при существовании казенной продажи вина касаются учета *абсолютного* (а не душевого) потребления алкоголя; вычисление душевого потребления по-прежнему встречало препятствие в отсутствии достаточно точной статистики населения. Вот что говорит по этому поводу г. Осипов в редактированной им книге «Казенная продажа вина» (1900 г.).

«При исчислении всех данных на одну душу населения следует иметь в виду крайнее несовершенство статистики народонаселения. При учете душевого потребления Главное Управление неокладных сборов и казенной продажи питей всегда пользовалось сведениями о населении, публикуемыми Медицинским Департаментом Министерства Внутренних Дел и всегда признававшимися весьма неточными, но до известной степени удовлетворявшими своему назначению ввиду неточности в учете потребления вина (т.е. в цифрах *абсолютного* потребления) по отдельным губерниям. С введением казенной

* См. ниже заключительную главу 2-й части.

продажи вина, когда учет его потребления сделался совершенно точным, пользование данными Медицинского Департамента не могло продолжаться без предварительной их проверки... За один только период с 1892 по 1896 гг. пришлось изменить и исправить свыше 400 цифр, относящихся к 29 губерниям, хотя и после этого возможность сомнений в достоверности некоторых данных не может считаться окончательно установлено». «С опубликованием подсчетов переписи 28 января 1897 г. встретились другого рода затруднения: ни Медицинский Департамент, ни Центральный Статистический Комитет не исправляют цифр за *предыдущие* годы, вследствие этого получается иногда *огромная неувязка* между 1895 и 1896 гг., доходящая по некоторым губерниям свыше 300 тысяч жителей в ту или другую сторону, что иногда составляет около 10% населения данной губернии» (указ. соч., стр. 187-188).

Большим недостатком статистики потребления алкоголя, как абсолютного, так и по расчету на душу, оставалась несравнимость этих цифр с данными *других отраслей статистики:* действительно, как земские исследования, так и богатый цифровой материал, заключающийся в отчетах различных ведомств (судебного, административного и др., например: статистика преступности, статистика исполнения населением воинской повинности и пр.), приурочены к определенной территориальной единице - *уезду;* цифры же алкогольной статистики приурочивались к *губернии,* более мелкой единице, по которой выводились первообразные (не публиковавшиеся вообще сведения) цифры потребления, суммированием которых получалась цифра потребления по целой губернии, оставались *акцизные округа,* границы которых далеко не совпадали с границами уездов. Этот недостаток алкогольной статистики был исправлен циркуляром 15 декабря 1898 года (за № 322). Циркуляр этот, подтверждая важность точной и разумно организованной статистики потребления спиртных напитков, указывал, что «с введением казенной продажи вина, когда существует точный учет потребления вина и спирта, явилась возможность устранить подобные вышеупомянутым недостатки и привести статистику потребления вина и спирта в возможно полное соответствие с теми разнообразными запросами, которые могут быть к ней предъявляемы, как со стороны финансового, так и других ведомств». «В виду изложенного, а также принимая во внимание, что статистические данные, собираемые другими ведомствами для характеристики экономического положения населения, обыкновенно приурочиваются к одной и той же административной единице - уезду». Главное Управление помянутым циркуляром предложило доставлять по каждой губернии, со времени введения в ней казенной продажи питей, сведения о потреб-

лении, приуроченные к уезду: «Сведения эти,— говорит циркуляр, — должны быть по каждому уезду губернии и притом отдельно: а) по уездному городу; б) по заштатным городам, местечкам, посадам и вообще городским поселениям в одной общей сумме; в) по всем внегородским поселениям уезда без перечисления их наименований. Столичные и безуездные города, подчиненные отдельному административному управлению, должны быть помещены отдельно в соответственном уезде».

«Должны быть даны сведения отдельно по казенным винным лавкам и отдельно по отпуску из казенных складов в частные места продажи и непосредственно потребителям. При этом по казенным лавкам показывается действительная из лавок продажа, а по складам - только отпуск из складов в частные места продажи и частным лицам. Весь отпуск, производимый без расчетных тетрадей, присоединяется к потреблению того уезда, где находится склад; отпуск же, производимый по расчетным тетрадям, распределяется по уездам соответственно местонахождению частных мест продажи питей».

Но несовершенство статистики населения, публикуемой Медицинским Департаментом, делало все выводы *о душевом* потреблении не только по уездам, но и по целым губерниям, по-прежнему совершенно непригодными для каких-нибудь заключений о действительных колебаниях душевого потребления из года в год (см. «Статистика по казенной продаже за 1899 г.», введение, II); поэтому решено было *перечислить* по всем монопольным губерниям цифры душевого потребления *заново* (с момента введения в каждой губернии казенной продажи), *исходя из переписи 28 января 1897 года* и данных о движении населения* (см. «Статистика по казенной продаже за 1899 год», введение, III). Так же продолжалось и в следующие годы. Благодаря

* Весьма важно было бы установить, какой именно прирост должен приниматься при этом в расчет: естественный или действительный; ввиду случайности и неполноты данных о действительном приросте, было бы правильнее (в целях единообразия учета) пользоваться исключительно данными о естественном приросте (хотя бы по некоторым губерниям за некоторые периоды имелись данные о действительном движении населения); но зато при таком способе вычисления населения «Статистика казенной продажи» рискует через известное число лет снова разойтись как с действительностью, так и с цифрами населения, принимаемыми Ц<ентральным> Ст<атистическим> Комитетом (который, как известно, принимает во внимание не только естественный прирост, но - по мере возможности - и сведения о действительном движении населения); для примера возьмем Тверскую губ<ернию>: *естественный* прирост составляет там около 1,4% в год, *действительный* же всего - 0,6%; пользуясь для вычисления населения (исходя из переписи 28-го января

такому приему мы получаем возможность делать достаточно надежные заключения, как об общем направлении, в каком изменяется в данном районе, или в данной губернии, душевое потребление спиртных напитков, так и о пертурбационных его уклонениях под влиянием нарушения обычного течения народно-хозяйственной жизни (данного района или губернии), но только под тем условием, что первообразный материал о потреблении спиртных напитков, т.е. *данные об абсолютном потреблении вина* в данном районе *действительно отличаются при казенной продаже вина полной точностью,* как это предполагается в упомянутом циркуляре от 15 декабря 1898 года. К сожалению, это не так: способ учета потребления, принятый в районе с казенной продажей вина, начал давать вполне удовлетворительный (формально) материал лишь *по миновании переходного периода;* поэтому *по Европейской России* (50 гг.) *в целом* удовлетворительные данные об абсолютном, а следовательно и душевом потреблении, могли получиться лишь через 1–2 (скорее 2) года после введения казенной продажи в губерниях *последней очереди,* т.е., другими словами, не раньше 1903 года, так как только к этому времени можно было ждать прекращения пертурбационных влияний введения новой системы на цифры потребления в губерниях последней очереди (из числа 50 губерний Европейской России). *Таким образом, только с этого времени мы начинаем получать массовый материал, сравнимый с данными за акцизный период.*

Говоря о непригодности цифр абсолютного потребления алкоголя в монопольных губерниях в переходный период (т.е. за год раньше и года 2 после введения в них монополии), мы, конечно, имеем в виду *не действительные изменения* в размере потребления (под влиянием частью изменившихся цен на вино, частью новых, не привычных еще для населения, условий продажи спиртных напитков); изменение *действительного* потребления, чем бы оно ни было вызвано, непременно должно быть зарегистрировано правильной статистикой: утверждая, что официальные цифры абсолютного, а следовательно и душевого потребления алкоголя в монопольных районах в переходный период не пригодны для статистических выводов, мы имеем в виду *уклонения официальных цифр потребления* (переходного периода) *от действительных,* вследствие некоторых специальных причин, связанных с фактом существования спиртовых запасов в розничной торговле и с самим способом взимания налога на спирт и после введения казенной продажи вина.

1897 г.) данными о естественном приросте, мы уже к 1903 году разойдемся с действительностью почти на 100 тыс. чел.

Все отчеты Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи вина отмечают следующее пертурбационное влияние смены старой системы обложения спиртных напитков на новую: а) при введении казенной продажи с *половины года* (с 1 июля) везде наблюдается сокращение потребления (а равно и поступления акциза) *в год введения реформы;* в) при введении монополии с *1 января* наблюдается сокращение потребления (и суммы акциза) *в год, предшествующий* реформе. Как на причину указанного явления, Отчеты Главного Управления указывают на образование к моменту введения монополии в данном районе *на рукаху потребителей* этого района значительных *запасов вина* (см. например, «Отчет» за 1896 г., стр. 412; за 1897 год, стр. 31 и т. д.)*.

Это объяснение повторяется в Отчетах Главного Управления из года в год, не возбуждая, по-видимому, никаких сомнений в его полной удовлетворенности.

Между тем не трудно понять, что такое объяснение не выдерживает беспристрастной критики: действительно, накопление на руках у потребителей к какому бы то ни было моменту запасов вина возможно лишь при том условии, что в период, предшествовавший этому моменту, потребители предъявляли на спиртные напитки спрос, *превосходящий* их *обычную норму* потребления; таким образом, если потребность населения в вине остается без изменения, то *кажущемуся* (фиктивному) *сокращению* потребления в первое время по *введении монополии* (вследствие существования на руках у потребителей к моменту реформы запасов) должно неизбежно соответствовать совершенно равное ему по абсолютной величине *кажущееся повышение* потребления в период, *непосредственно предшествовавший введению* новой системы. Если, например, вследствие накопления к 1 июля, сроку введения казенной продажи в данном районе, на руках у потребителей, положим 1000 ведер вина, кажущееся потребление их за полугодие с 1 июля по 1 января следующего года упадет на 1000 ведер, то зато спрос их на вино (а следовательно и кажущееся потребление) в 1-е полугодие (с 1 января по 1 июля *текущего года)* неизбежно поднимется над обычным спросом на те же 1000 ведер - *(иначе не мог бы образоваться у них* на руках *запас в 1000 ведер),* и таким образом общий годичный спрос их, а следовательно и цифра *кажущегося* годичного потребления, должны бы остаться без изменения. Равным образом накопление запасов на руках у потребителей к 1 января, в том случае, если реформа вводится с этого момента, неиз-

* По определению «Отчетов» (позднее - «Статистика казенной продажи») запасы эти составляли до 10% годичного потребления.

бежно должно бы было повысить на всю величину сделанных потребителями запасов (разумеется *сверх обычных)* спрос, а следовательно и кажущееся потребление года, предшествовавшего введению реформы. Таким образом, факт (несомненно имеющий место в действительности) накопления к моменту реформы запасов вина на руках у *потребителей* – и прибавим уже от себя- еще больше на руках тайных торговцев вином*, *сам по себе* отнюдь *еще не дает объяснения* пертурбационного *влияния* на потребление (фиктивное) *введения новой системы,* а с некоторыми сторонами этого влияния стоит даже в прямом *противоречии* (именно с фактом понижения потребления *в год, предшествующий* введению новой системы – при введении ее с 1 января). На самом деле, упоминаемое официальными исследованиями накопление запасов на руках у потребителей служит лишь для объяснения распределения потребления между 1-й и 2-й половинами года в тех случаях, когда реформа вводится с половинами года**, но отнюдь не может объяснить причины пертурбационного влияния введения монополии на *годичную* цифру (фиктивную) потребления алко-

---

* В числе этих торговцев лица, занимавшиеся беспатентной продажей вина «в виде промысла», составляли лишь меньшинство, главную массу составляли случайные мелкие спекулянты, увлекшиеся доступиостью и малой рискованностью «аферы». Действительно, подобные мелкие спекулянты рисковали очеиь мало: приобреталось вино еще до введения казеиной продажи, следовательно вполне легально; сбывалось – исключительно «верным» лицам, что при сравнительно ничтожных запасах подобных спекулянтов было легко осуществимо и вполне безопасно; а так как прибыль, приносимая подобной операцией, была значительна, то увлечение новой «отраслью промышленности» приняло местами прямо-таки эпидемический характер; дело велось зачастую почти открыто, но установить «состав преступления» было невозможно, так как «покупатели» – обычно свои же односельчане – упорно отрицали факт *покупки, угощение* же знакомых, как бы велик ни был круг последних, понятно, никакому преследованию не подлежало.

** Так как благодаря помянутым запасам официальная цифра потреблеиия 1-го полугодия, которая, как известно, выводится иа основании спроса со стороны розничных торговцев, окажется искусственным образом поднятой, а официальная цифра потребления 2-го полугодия иа соответственную величииу понижена: этим – в связи с прямым понижающим влиянием на потребление новой системы (новизиа порядка приобретения спиртных напитков, уменьшение числа мест продажи вообще и распивочных, в частности; в некоторых случаях, наконец, повышение цены монопольных иапитков сравнительно с ценой акцизного времени) объясняется, констатируемое «Отчетами», *понижение потребления* (выведенного для акцизного времени своим обычным способом, для монопольного – своим), *следующее за введением реформы.*

голя (а равно и поступления акциза): все равно, вводится ли казенная продажа с 1 июля или с 1 января.

Чтобы объяснить себе интересующие нас в данный момент явления, следует остановиться на разнице в способах учета потребления в монопольное и домонопольное время. Во время существования акцизной системы потребление какого-нибудь района определялось количеством вина, выпущенного оптовыми складами и заводскими подвалами этого района, т.е. почти исключительно спросом на вино со стороны *розничных* питейных заведений района (так как непосредственное приобретение потребителями спиртных напитков из мест оптовой продажи было развито далеко не повсеместно и всегда составляло лишь незначительный % в общем обороте). Такой способ учета потребления обычно давал – при господстве акцизной системы – результаты вполне удовлетворительные, по крайней мере для обширных районов Империи. Действительно, если каждый *отдельный* розничный торговец в своих предположениях относительно предстоящего сбыта (своему кругу покупателей) всегда мог допустить известную *индивидуальную* погрешность, то *общий* спрос со стороны *большого* числа подобных отдельных торговцев, вследствие компенсации индивидуальных ошибок (в силу закона больших чисел) вообще говоря, весьма близко совпадал с действительным спросом их покупателей (т.е. непосредственных потребителей): об уклонениях, вызванных повышениями акциза, подробно говорено выше; как мы видели, уклонения эти заключались в сравнительно небольших границах. Еще меньше окажется разница между общим годичным спросом розничных торговцев данного района и их (общим) сбытом за то же время, если мы будем сопоставлять «средний» спрос и «средний» сбыт (т.е. спрос и сбыт, выведенные по средней сложности *нескольких* лет).

Предположить, например, что в данном районе обычный (выведенный по средней сложности за несколько лет) совокупный *сбыт* розничных торговцев равен 1 млн. ведер, тогда при достаточно большом числе розничных торговцев обычный (выведенный по средней сложности за то же время) совокупный *спрос* розничных торговцев (предъявляемый ими к оптовым торговцам) рассматриваемого района будет также равен одному миллиону ведер.

Прибавляя сюда обычную для данного района цифру спроса со стороны потребителей *непосредственно* из мест *оптовой* продажи (цифра эта, как общее правило, незначительна) мы получим обычную цифру потребления района с весьма большим приближением; по крайней мере так будет для достаточно большой территории, например, по отношению к 50 губерниям Европейской России и для годов акцизного периода (1863–1895 гг.), *кроме особенных моментов* этого периода.

Такими *особенными* моментами будут годы, смежные с доакцизным откупом и, сменившей акцизную систему, казенною продажей; для нас в настоящее время представляет интерес именно последний момент. Как бы ни был легок подвоз вина из складов в розничные заведения, эти последние не могут все же вовсе обходиться без запаса вина; чем доставка труднее*, и чем спрос со стороны непосредственных потребителей больше колеблется в течение года, тем, вообще говоря, запасы на руках розничных торговцев должны быть больше – для возможности регулярного удовлетворения предъявляемого к ним (со стороны непосредственных потребителей) спроса. Как выяснил опыт казенной продажи, даже для местностей густо населенных, с хорошими путями сообщения и с сильно развитой городской (или однородной с ней по характеру) жизнью, отличительным признаком которой является регулярность (равномерность) потребления, нормальным размером запаса для казенных лавок (*розничных* выносных мест продажи) является запас, составляющий более 6% годичного сбыта. Для мест *распивочных*, бывших до монополии *преобладающим типом* питейных заведений Европейской России, этот % должен быть еще повышен.

Как же должно отражаться существование подобных *розничных* запасов на официальной (кажущейся) цифре потребления (все равно: абсолютного или душевого) *года введения монополии,* если монополия вводится с 1 июля? Пусть «обычное» (средне-сложное за предшествовавшие годы) потребление района, в котором вводится реформа, равно 100 тыс. ведер; пусть, далее, *действительное* потребление данного района остается без изменения; какова в таком случае будет *кажущаяся* (принимаемая в официальных исследованиях за действительную) цифра потребления этого года, если размер розничных запасов к началу и к концу года (или точнее: к началу этого и к началу следующего года) мы примем одинаковым, именно в 6% к указанной выше примерной цифре сбыта (100 тысяч ведер х 0,06 = 6 тысяч ведер)? Нетрудно понять, что при сделанных предположениях кажущееся (оно же – официальное) потребление *года введения* казенной продажи будет равняться всего 94 тыс. ведер**.

---

* В некоторых местностях даже *Европейской* России сообщение со складами делается даже вовсе невозможным на целые месяцы: см., напр<имер> «Отчеты управляющих акцизными сборами»[1] губерний Вологодской, Архангельской и пр.

** 6 тысяч ведер, которыми согласно нашему предположению располагали розничные торговцы *к началу года* в форме запаса (и каковое количество было ими реализовано *к моменту введения казенной продажи*), не могли быть

Если для простоты примем потребление 1-го и 2-го полугодия одинаковым = 50 тыс. ведер, *то действительное годичное* потребление будет равно: а) 50 тыс. ведер, проданных во 2-м полугодии из казенных лавок + в) 50 тыс. ведер, *проданных* в 1-м полугодии частными розничными торговцами, причем из этих 50 тыс. ведер 6 тыс. оставались у них от прежних лет и *лишь 44 тыс. куплены ими в течение данного года;* при том же самом действительном потреблении (=100 тыс. ведер) - *кажущееся* годичное потребление (оно же - *официальное)* будет равняться: а) 50 тыс. ведер, проданных во 2-м полугодии из казенных лавок + в) 44 тыс. ведер, *купленных* частными *розничными торговцами* в течение 1-го полугодия (так как *до введения казенной продажи* официальная статистика о размерах потребления за какое-нибудь время судила по количеству вина, *купленного* за это *время розничными торговцами).*

Если бы мы, оставив все остальные допущения без перемены, приняли за момент введения реформы не 1 июля, а 1 января, то совершенно такое же падение кажущегося, а следовательно и официального, потребления имело бы место *в год, предшествующий введению* казенной продажи*. Не трудно также предвидеть (принимая во внимание, что *оплаченные акцизом* запасы существовали при старой акцизной системе не только на руках у розничных продавцов, но и в оптовых складах**, что *переходные моменты* (от акцизной системы к казенной продаже вина), ceteris paribus, должны были оказывать *на поступление акциза более сильное пертурбационное влияние, чем на динамику потребления* (кажущегося, выведенного официально - принятым способом): цифры, приводимые в «Отчетах Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи вина» за разные годы, вполне

включены - при вышеописанном способе вычисления официального потребления - в потребление *данного года*. Так было бы лишь в таком случае, если бы запас этот *был образован* розничными торговцами (т. е. куплен ими у оптовых торговцев) *в течение данного года,* на самом же деле образование *нормального* (т. е. обеспечивающего непрерывное снабжение) «переходящего» запаса на розничном рынке совпадает с организацией розничной спиртовой торговли при введении акцизной системы, и тогда же - по мере накопления нужного запаса - этот запас относился на счет потребления соответствующих годов, увеличивая официальную цифру потребления этих годов на всю сумму образованного за это время запаса.

* Те же рассуждения, что выше.

** О сумме оплаченного акцизом спирта в оптовых складах можно судить уже по относительному числу оптовых складов с рассрочкой акциза и со спиртом, оплаченных акцизом: так, к началу отчетного периода, именно в 1883 году, первых в Европейской России было - 2320, вторых - 3287.

согласуются с указанным предположением*. Во всяком случае только таким образом может быть объяснено пертурбационное влияние *введения* новой системы на потребление, поскольку влияние это является *кажущимся*, фиктивным и, следовательно, *требующим исправления* официальной статистики потребления переходного времени; предлагаемое же официальными «Отчетами» объяснение несомненно должно быть признано совершенно непригодным для истолкования *основных* фактов, подлежащих объяснению: 1) падения общего и душевого потребления *в год введения* реформы, если реформа вводится с половины года и 2) падения потребления уже *в год, предшествующий введению* реформы, если казенная продажа вводится с 1 января (причем в обоих случаях *акциз падает сильнее, чем потребление*).

Понятно, что даваемое нами объяснение падения потребления в *переходное* время отнюдь не отрицает существования - *в известных границах, конечно* - и «непосредственного» влияния новой системы (непривычка населения к самому «новому» способу - обстановке - продажи спиртных напитков, резкое уменьшение числа питейных заведений - особенно распивочных и проч.). Но за всем тем *главной* причиной понижения потребления спиртных напитков, наблюдавшегося по мере распространения казенной продажи на новые районы Европейской России, должна быть без всякого сомнения признана вышеуказанная ликвидация «переходящих» запасов, образование которых на розничном рынке восходит к первым годам действия акцизной системы; поэтому для получения *действительной* цифры потребления Европейской России в течение всего переходного времени *официальная* цифра потребления за весь этот период должна быть увеличена на всю сумму розничных «переходящих» запасов (обычных или близких к этой величине) Европейской России. Что касается официальных цифр потребления за *отдельные* годы «переходного» периода, то они должны быть повышены на *различную* величину: в зависимости от обширности районов, на которые распространяется казенная продажа, от момента, к которому приурочивается ее введение (с половины данного - календарного - года, или с начала данного, или, наконец, с начала года, следующего за данным), а также в зависимости от предполагаемой относительной** величины розничных запасов на спиртовом рынке этих районов. На основании всех этих соображений можно было уже a priori утверждать, что для получения *действительной* цифры потребления наибольшей поправки (т.е. *увеличения на наи-*

---

* См. «Отчеты Главного Управления неокладных сборов и Казенной продажи питей» за соответствующие годы.

** Относительно сбыта.

больший процент) за весь «переходный» период потребует официальная цифра потребления 1897 года*.

В этом отношении с 1897 годом может соперничать только 1901 год - год введения (с 1 июля) казенной продажи в 19-ти губерниях (в том числе и в Московской) и 2-х областях**. Остальные годы переходного периода требуют сравнительно незначительной поправки.

Обращаясь после этих замечаний к рассмотрению цифр официальной статистики, показывающих динамику душевого потребления в течение переходного периода 1894-1901 гг., мы видим, что точками наибольшего падения цифры потребления за переходный период являются именно 1897 и 1901 гг., причем для 1897 г. связь этого падения с введением казенной продажи не подлежит сомнению (ибо, как увидим ниже, предположение о влиянии на потребление неурожая 1897 г. не выдерживает критики); что касается цифры 1901 г., то мы не можем отвергать и влияния *промышленного кризиса* 1900–1902 гг., но, принимая во внимание пример других годов, мы, кажется, вправе и падение потребления в 1901 г. отнести, если не исключительно, то во всяком случае в большей его части (и во всяком случае не меньшей, чем падение, имевшее место под влиянием введения казенной продажи в 1897 г.) за счет расширения в этом году района казенной продажи. Так как к 1901 г. казенная продажа вышла уже за пределы коренных 50 губерний Европейской России и даже за пределы Европейской России в более широком смысле, включая сюда и десять Привислянских губерний, то для характеристики динамики душевого потреб-

---

* В течение этого года (с 1 июля 1897 года) казенная продажа была введена в шести Северо-Западных губерниях (+Смоленская), а с *1 января 1898 года* предстояла реформа в десяти Привислянских губерниях, в Северных губерниях, в том числе С.-Петербургской и, кроме того, в Харьковской губернии.

** Второе место за этими двумя годами занимает 1896 год (год введения казенной продажи в губерниях Южных, Юго-Западных и 2-х Малороссийскнх–Черниговской и Полтавской). Следует заметить, что запасы «домонопольного» вина, оставшиеся здесь в обращении после 1 июля 1896 года, превосходили по размерам тот «переходящий» запас, который должен был быть реализован розничными торговцами к 1-му июля: на это указывает поднятие цифры (офиц<иальной>, бухгалтерской) потребления 1-го полугодия 1896 года над обычным уровнем; такое усиленное образование спекулятивных запасов не могло не отразиться на потреблении следующего года (по крайней мере, на потребление первой его половины): и действительно, потребление 1897 года остается здесь почти на одной высоте с потреблением 1896 года, и лишь в 1898 году восстанавливается прежняя норма.

ления алкоголя за «переходный» период воспользуемся данными *по Империи*. Вот какой ряд мы получим:

Годы	Душевое потребление*
1895	21,1°
1896	20,5°
1897	19,9°
1898	20,1°
1899	21,6°
1900	21,1°
1901	19,7°

Из этой таблицы видно, что годы падения душевого потребления приходятся именно на моменты, когда уже a priori мы должны были ждать значительного *понижения официальной цифры* душевого потребления и притом понижения, не имеющего, как мы выше видели, ничего общего с действительным *понижением потребления; с* наибольшей силой кажущееся (официальное) душевое потребление должно было, как мы видели, уклониться от действительного (в сторону понижения) именно в 1897 и 1901 гг.; с меньшей силой уклонение это должно было проявиться в 1896 г.: факты вполне сходятся с этими выводами, как наглядно показывает вышеприведенная таблица движения душевого потребления алкоголя за время 1895–1901 гг. Таким образом, официальные данные о движении душевого потребления за переходный период являются совершенно непригодным материалом для каких бы то ни было заключений о причинной связи колебаний душевого потребления алкоголя с колебаниями, наблюдаемыми за то же время в области хозяйственной жизни населения России. Для возможности подобных выводов мы должны бы были предварительно восстановить *действительный* ход душевого потребления за «переходный» период. Но, к сожалению, при разрешении этой задачи мы не можем выйти из области более или менее вероятных предположений: одно, что мы можем утверждать с уверенностью, – это что *действительный* ход душевого потребления за 1895–1901 гг. не делал тех резких скачков вниз в 1897 и 1901 гг., какие

---

* Такой ряд мы получим, принимая *более точные* цифры иаселения Империи, вычисленные г. Покровским для исследования г. Кашкарова («Финансовые итоги», т. II). Согласно же «Статистике производств, облагаемых акцизом»[2] за 1901 г., цифры несколько иные, именно:

1895 г.	21,2°	1898 г.	20,0°	1901 г.	19,6°
1896 г.	20,4°	1899 г.	21,2°		
1897 г.	20,0°	1900 г.	20,8°		

показаны в официальной таблице*; к этому еще можно прибавить, что в 1897 году понижение душевого потребления вовсе не коснулось *немонопольных* губерний (см. главу об урожаях), хотя эти последние и наиболее потерпели от недорода: отсюда мы можем с уверенностью отнести падение душевого потребления в 1897 г. в общем по России к *исключительному* влиянию расширения монопольного района, т. е. к падению *исключительно фиктивному*. Всего вероятнее, что действительное душевое потребление (по монопольным и немонопольным районам вместе) за время с 1895 по 1900 год весьма мало уклонялось по отдельным годам от средней величины потребления за годы, на которых не отразилось (или по крайней мере отразилось в весьма ничтожном размере) пертурбационное влияние расширения монопольного района, каковы годы 1898** и 1899; эта средняя величина составит около 20,5°, и, не будь пертурбационного влияния расширения монополии, *действительное* потребление за 1895–1900 годы, вероятно, уклонялось бы от этой величины лишь на самые ничтожные величины и оставалось бы *близким к стационарному* положению***.

В заключение относительно алкогольной статистики за «переходное» время мы должны еще заметить следующее: со времени разделения «Отчета Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей» на три самостоятельные издания: 1) собственно «Отчет» (Главн<ого> Упр<авления>), 2) статистику по казенной продаже и 3) статистику производств, обложенных акцизом, для исследователя, имеющего надобность в официальных цифрах потребления, представляется выбор, каким из перечисленных источников ему руководствоваться (так как все они заключают в той или другой форме данные о потреблении - абсолютном по крайней мере). Если бы цифры всех этих источников были *строго согласованы*, то в этом не было

* Более детально вопрос о динамике потребления в переходный период рассматривается в последней главе 2-й части.

** Впрочем офицнальное потребление 1898 г. не вполне свободно от влияния смены питейных систем: образование запасов на руках у тайных торговцев вином, а отчасти и у непосредственных потребителей к началу 1898 г. в губерниях IV очереди несомненно должно было несколько понизить официальную цифру потребления этого района за 1898 год сравнительно с действительным потреблением.

*** Если бы мы, кроме того, гипотетически устранили ограничительное влияние (на потребление) огромного сокращения числа питейных заведений, сопровождавшего распространение казенной продажи, то за период с 1895 по 1900 год мы несомненно наблюдали бы постоянный *подъем* душевого потребления, вполне гармонирующий с усиленным ростом нашей обрабатывающей промышленности за то же время.

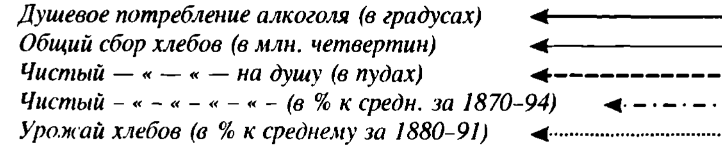
бы беды, однако к сожалению, мы нередко наталкиваемся на значительную и ничем не объясненную разницу в датах того или другого официального источника по отношению к одному и тому же району и моменту времени: так, например, потребление за 1896 год по Восточному району (монопольные + немонопольные губернии) согласно «Отчету» показано в 5216 тыс. ведер, а согласно «статистике производства» - в 5327 тыс. ведер; по Малороссийскому району (губернии Полтавская, Черногорская и Харьковская) по «Отчету» - в 3401 тыс. ведер, а по «Статистике производства» - в 3 726 тыс. вед. и т. д.

Потребление спиртных напитков в связи с некоторыми другими явлениями народной жизни

В.К.Дмитриев. Критические исследования о потреблении алколголя в России

Часть II

Диаграмма № 1


Душевое потребление алкоголя (в градусах)
Общий сбор хлебов (в млн. четвертин)
Чистый — « — « — на душу (в пудах)
Чистый - « - « - « - « - (в % к средн. за 1870–94)
Урожай хлебов (в % к среднему за 1880–91)

Непосредственное влияние повышения акциза на душевое потребление алкоголя

После сказанного нами в 1-й части относительно действия повышения акциза на кажущуюся высоту потребления* в годы, смежные с моментом изменения акцизной ставки, полагаем, для непредубежденного читателя достаточно одного взгляда на нашу диаграмму № 1, где моменты повышения акциза обозначены вертикальными линиями**, чтобы убедиться, как слабо реагирует действительное потребление даже на резкие поднятия цены алкоголя под влиянием усиления обложения: так, в 1870 году не только действительное, но даже и кажущееся душевое потребление продолжает подниматься, несмотря на то, что в 1870 году на внутренний рынок стал поступать спирт, оплаченный акцизом на 20% выше прежнего; кроме того, в 1870 году произошло сильное сокращение безакцизного перекура***, которое действует на цену спирта в том же направлении, как и повышение акциза (г. Терский определяет сокращение цифрой около 1 млн. ведер, но эта теоретическая цифра выше действительной; на самом деле, безакцизного перекура было выпущено в 1869 году 2 924 тыс. ведер, что составляло 13,1% спирта, выпущенного с оплатой акцизом, а в

---

* Т. е. на размер спроса со стороны торговцев (оптовых и розничных), по которому мы судим за время акцизной системы о размерах потребления (до 1880 г. – по спросу оптовых и розничных, а с 1880 г. – по спросу одних розничных торговцев).

** Положение этих вертикальных линий на оси абсцисс, как было уже отмечено выше, определяется не моментом вступления в силу закона об увеличении акциза, а моментом, с которого начинал поступать на рынок более дорогой спирт: периоды, на которые разбивается этими линиями промежуток времени с 1867-го по 1889-й год, вполне соответствуют периодам, установленным (по вышеуказанному признаку) г. Терским; конечно, такое деление на периоды (по календарным годам) не может претендовать на безусловную точность, однако для наших целей оно вполне пригодно (см. по этому вопросу замечания Терского, указ. соч. стр. 97–98).

*** В силу Высочайше утвержденного 21 апреля 1869 года мнения Государственного Совета.

70 году - 2 855 тыс. ведер, или 12,1% спирта, выпущенного с оплатой акцизом).

Одновременно произошло повышение *нормальных* выходов, что при большом различии в технической постановке отдельных заводов должно было также отразиться повышением цены, уплачиваемой потребителями. *В 1874 году действительное потребление остается на том же уровне,* как в предыдущем году, несмотря на то, что цена спирта в 1874 году поднялась не меньше, чем на 15% (собственно акциз повысился на 16%, да кроме того патентный сбор увеличился на 100%). В 1882 году, с которого начинает поступать в обращение спирт, оплаченный 8-копеечным акцизом (вместо прежнего 7-копеечного, которому подлежал спирт, выкуренный[1] до 1 июля 1881 года), при одновременном сокращении потребления *безакцизного* спирта на 800 тыс. ведер не только не замечается падения действительного потребления, но, как показывает пунктирная линия на диаграмме, вероятно имело место даже некоторое, более или менее резко выраженное, повышение потребления (как общего, так и душевого). Сказанное относительно влияния повышения акциза в 1881 году вполне применимо к повышению акциза в 1892 году (как это видно из диаграммы); впрочем, повышение акциза в 1892 году, равно как и предыдущее повышение в 1887 году, не отразилось сколько-нибудь заметным образом *даже и на цифрах кажущегося потребления:* действительно, после повышений акциза в 1887-м и 1892-м годах кажущееся душевое потребление понижалось каждый раз всего на 0,3°, т. е. на величину, не превосходящую возможной *случайной* ошибки*. Это замечание в еще большей степени относится к понижению кажущегося потребления в 1874 году: *абсолютное* потребление (кажущееся) в 1874 году *возросло* сравнительно с 1873 годом на 0,7%, душевое же (также кажущееся) понизилось на 0,3° или на 0,8% от первоначальной величины; если даже для периода *после 1880 года* понижение в 1% не превосходит возможной *случайной* ошибки**, то, конечно, уже нельзя основывать на подобной ничтожной разнице каких-нибудь выводов *в 1870-х годах,* когда о потреблении нам приходится судить по количеству спирта, выпущенного из заводских подвалов. В частности относительно 1887–1888 гг. следует заметить: со-

---

* То есть, другими словами, - понижение цифры душевого потребления в эти годы не может служить даже *доказательством понижения спроса* со стороны *торговцев,* который *может,* как мы видели, понижаться и *независимо* от сокращения потребления.

** Сравни, например, сказанное выше (ч. I, стр. 49) относительно цифры абсолютного потребления 1888-1889 гг.

гласно *нашим* (исправленным) данным душевое потребление понизилось в 1888 году против предыдущего года на 0,3° (официальные данные не обнаруживают понижения); как видно из диаграммы и объяснений, сделанных к ней в 1-й части, мы отнесли это понижение на счет сокращения в 1888 году *действительного* потребления, хотя по своим размерам оно и не превосходило обычно следующего - вслед за повышением обложения - *фиктивного* понижения уровня потребления (под влиянием спекулятивного расширения запасов). Поэтому, если отвергнуть те основания, по которым мы считали возможным пренебречь *в данном случае* влиянием спекуляции (установленным для прочих случаев повышения акциза), то тем самым ниспровергается и наше предположение *о реальности* понижения потребления в 1888 году.

Если же основания, из которых мы исходили, принимая понижение потребления в 1888 г. за *действительное*, - правильны, то тем самым уже á priori исключается всякая возможность рассматривать это понижение как *следствие повышения обложения*. Действительно, мы нашли возможность пренебречь влиянием спекуляции на том основании, что предстоявшее с начала 1888 года повышение обложения было слишком ничтожно, чтобы могло сколько-нибудь чувствительным образом затронуть интересы *торговцев*, тем более, что повышение обложения на 10 коп. на ведро компенсировалось значительным понижением собственно производственной цены спирта (вследствие удешевления винокуренных припасов[2] под влиянием исключительного урожая 1887 г.); но если столь незначительное повышение обложения действительно не могло затронуть хозяйственного расчета (интереса) торговцев, *то тем менее* - понятно - оно могло затронуть хозяйственный расчет *потребителей:* разница в цене, не ощутимая для потребителя, - для торговца, обслуживающего несколько сот потребителей, - является уже величиной «экономической», т. е. такой, которая уже способна влиять на его хозяйственный расчет; поэтому, если данная разница *не оказывает* влияния на действия (экономические) *торговцев,* то она, понятно, уже ни в каком случае не может оказать влияния не действия (экономические) *потребителей*. Скорее же всего, как мы указывали уже, повышение обложения в 1888 году компенсировалось удешевлением винокуренных припасов, так что не произошло *вовсе никакого* повышения цены спиртных напитков, тем более же цены *в розничной продаже* (вообще гораздо устойчивой, чем оптовая цена*),

* При том незначительное повышение стоимости продукта розничным торговцам очень часто удается покрыть и без *видимого* (для покупателя) повышения продажной цены: особенно легко это достигается при *распивочной*

которая только и может оказывать влияние на спрос со стороны непосредственных потребителей; так что, в сущности, 1887–1888 гг. должны быть вовсе исключены из числа моментов, когда проявлялось, или могло проявляться тем или иным способом влияние (на потребление) повышения обложения.

Таким образом, из всех случаев повышения акциза лишь в 1886 году (после повышения акциза с половины 1885 года), *по-видимому,* может быть установлено понижение *действительного* потребления: во всех остальных случаях такого понижения не наблюдается, и даже цифра кажущегося потребления, т. е. спроса со стороны торговцев, по которой нам приходится заключать о *действительном* потреблении, ни разу не проявила понижения, превосходящего возможную *случайную* погрешность* (хотя спрос торговцев, как мы видели, *должен сокращаться* вслед за повышением акциза даже и в том случае, если *действительное* потребление не обнаружит никакого сокращения). Понятно, что понижение потребления *в одном случае* (при отсутствии его во всех прочих**) отнюдь не могло бы служить доказательством понижающего влияния повышения обложения; в действительности, однако, и понижение *цифры* потребления в 1886 году вряд ли имело в своей основе сокращение *действительного потребления:* мы имеем много оснований думать, что в 1886 году (сравнительно с 1885 годом) сократилось не потребление, а лишь спрос на спирт – частью вследствие сокращения розничными торговцами (в течение 1886 года) своих запасов (что давало им возможность сократить свой спрос на спирт *без сокращения сбыта*), частью вследствие сокращения спроса на спирт со стороны непосредственных потребителей, располагавших к началу 1886 года значительными запасами *заранее приобретенного* спирта, благодаря чему они могли сокращать свой спрос на спирт без соответственного сокращения потребления. Влияние первого момента было приблизительно учтено нами выше (в 1-й части) и принято во внимание при построении

продаже – и при том даже без нарушения закона (см. об этом любопытные детали у Распопова, указ. соч.).

* Очень важно отметить, что понижение *кажущегося* потребления в рассмотренных выше случаях не превосходило этой величины, так что, *даже отрицая правильность наших соображений относительно влияния спекулятивных запасов* на цифры потребления годов, смежных с моментами повышения акциза, мы все же должны будем прийти к выводу, что понижение потребления под влиянием повышения акциза *на основании фактических данных за акцизный период доказано быть не может.*

** Когда повышение акциза было не менее, а в некоторых случаях и более интенсивно.

диаграммы (пунктирная линия); как мы указывали, ввиду ожидаемого введения правил 14 мая 1885 года (с 1886 года) влияние спекулятивных запасов розничных торговцев не могло принять значительных размеров, как этого надо было бы ожидать, судя по громадному переполнению спиртового рынка запасами спирта (полученными благодаря спекулятивному расширению выкурки в *1884–1885* гг.), усиленно искавшими себе помещения. Но именно те же правила 14 мая *1885* года, оказавшие такое сдерживающее влияние на образование запасов торговцами, явились побудительной причиной, и притом весьма сильной, для образования (к моменту введения новых правил) запасов спирта среди самого населения (т. е. на руках у более или менее непосредственных потребителей: говорим – более или менее, так как, кроме лиц, приобретавших спирт для себя и своей семьи, закупали спирт – в ожидании предстоящих стеснений *явной* торговли – и различные предприимчивые люди, рассчитывавшие с выгодой перепродать его «верным людям»).

В этом отношении действие ограничительных правил 14 мая 1885 года являлось отличным от действия ограничительных правил, введенных в 1874 году. Различие это состояло в связи с различием тех ближайших целей, какие имелись в виду теми и другими правилами о розничной питейной торговле. Взаимное отношение законов 1874 и 1885 годов может быть выражено в нескольких словах так: в то время, как правила 1874 года имели *непосредственной* целью единственно урегулирование *торговли*, правила 1885-го года заключали в себе кроме мер, направленных к урегулированию торговли, еще ряд мер, имевших *непосредственной целью* урегулирование *потребления;* в то время как правила 1874 года *непосредственно* затрагивали лишь интересы торговцев, делая более стеснительными условия открытия питейных заведений, правила *1885*-го года, кроме интересов торговцев, прямо затрагивали и интересы самих *потребителей*, проектируя целый ряд мер, затруднявших само удовлетворение потребности в алкоголе (изменявших условия приобретения спиртных напитков и потребление их распивочно). Для нас в данном случае важно не то, как в *действительности* отразились на интересах торговцев и населения ограничительные правила 1874 и 1885 годов, а то, как это действие должно было рисоваться *современнику*. В действительности, как показали последствия (как это мы увидим ниже*), влияние правил 1885 года на потребление оказалось ничтожным, даже само сокращение *числа* питейных заведений в 1874 году было интенсивнее, чем в 1886 году. Но *в ожидании* введения правил 14-го мая 1885 года, возве-

* При рассмотрении влияния числа питейных заведений (см. гл. 2).

щавших полное упразднение традиционного кабака, немедленное сокращение числа заведений до возможного minimum'а, диктуемого «безусловной необходимостью», и проч<ие> «радикальные» меры, по-видимому, долженствовавшие вконец разрушить превычные для населения условия потребления спиртных напитков, – население не могло оставаться спокойным.

Молва еще больше разукрашивала и преувеличивала стеснительность нового порядка: ожидали, что с введением новых правил водка станет для населения «редким продуктом», добывание которого сопряжено с крайними затруднениями; естественно поэтому стремление населения хоть на первое время, пока успеют осмотреться и приладиться к новым тяжелым и, главное, непривычным условиям потребления, обеспечить себя заранее (при старом порядке и ценах) сделанным запасом. Это было тем легче, что введение новых правил было приурочено *к началу 1886 года,* а в декабре – перед праздниками (святками) – населением и без того делается обычно некоторый запас вина: стало быть вопрос шел лишь о том, чтобы сделать запас *больше обыкновенного* (например, так, чтобы хватило до поста). Таким образом, перед введением правил 14 мая 1885 года *по всей России* происходило нечто подобное тому, что *по отдельным районам* наблюдалось в недавнее время накануне введения в этих районах казенной продажи, вносившей еще более коренной переворот в условия приобретения алкоголя. При введении казенной продажи факт образования запасов вина среди населения (потребителей) не подлежит сомнению; размеры этих запасов колебались по районам, достигая десяти процентов потребления (годичного) и выше. Так как в конце 1885 года были налицо все главные причины, вызывавшие при введении казенной продажи образование запасов среди населения: и стремление розничных торговцев ликвидировать свои запасы, и стремление населения обеспечить себя запасами алкоголя ввиду ожидаемой трудности приобретения спиртных напитков при новых порядках, – то можно с уверенностью утверждать, что и к 1886 году на руках у населения имелись некоторые запасы спирта; как велики были эти запасы, мы не можем, конечно, сказать наверное, но заключая по аналогии – от явлений, фактически удостоверенных при введении казенной продажи, надо думать, что запасы эти составляли по всей России никак не меньше 100 млн. град. (2–2½ млн. ведер в 40°). Если даже запасы на руках у потребителей примем только в 80 млн. градусов, то и тогда окажется, что в 1886 году не было никакого *действительного* понижения душевого потребления. Если же мы примем во внимание еще влияние спекулятивных запасов той части розничных торговцев, которые не имели основания особенно опасаться лично для себя ограничитель-

ных правил 1885 года, – а таких было хотя *относительно* и меньшая часть, но *абсолютно* все же не малое число*, – то мы, кажется, имеем право и по отношению к 1885–1886 годам утверждать, что повышение акциза в 1885 году не оказало никакого заметного влияния на *действительное потребление* непосредственно следующего момента. Во всяком случае, *доказать* такое влияние фактически, на основании тех материалов, которыми мы располагаем, – нельзя**.

Что же касается вопроса о влиянии повышения обложения в конце 1900 года на потребление этого и следующего годов, то рассмотреть его будет удобнее в последней главе – при выяснении влияния на потребление казенной продажи.

Подводя итог всему вышеприведенному, мы должны признать, что при всем желании мы не можем, не насилуя фактов, привести ни одного положительного доказательства в пользу непосредственной зависимости между ценой алкоголя и спросом на него со стороны потребителей. Ввиду огромного разнообразия «сопровождающих условий», при которых неизменно наблюдался отрицательный результат (т. е. или отсутствие падения душевого потребления вслед за повышением цены алкоголя, или даже повышение потребления), можно ду-

---

* Сюда относятся, во-первых, заведения исключительно выносные, особенно из числа находившихся в городах; затем – независимо от типа заведения – все заведения, принадлежавшие крупным монополистам (известного района) – заводчикам или складочникам: для подобных предпринимателей введение новых правил ни в каком случае не могло затрагивать вопроса *о существовании их предприятий*, большее, что могло их *постигнуть*, это закрытие *некоторых* из числа их заведений (причем, ввиду монопольного их положения в данной местности, спрос должен был распределиться между оставшимися заведениями, принадлежащими *тому же* владельцу).

Уклонение цифры *кажущегося* потребления (спроса торговцев) от *действительного* (спроса со стороны *потребителей*) указано на диаграмме пунктиром (см. об этом ч. I, стр. 71–72).

** Так как на диаграмме № 1 обозначены лишь моменты, когда – по приблизительному расчету – повышения акциза могли отразиться (ощутительным для потребления образом) на продажной (розничной) цене алкоголя, то мы считаем не лишним привести в дополнение *точные даты* моментов повышения акциза:

С 1-го янв. 1864 г.	с 4	до	5	коп. с градуса со всего спирта, *оплачен. после*	31 дек. 1863 г.
с 15-го июня 1869 г.	с 5	до	6	коп. с градуса со спирта из затор., *сделан. после*	15 июн. 1869 г.
с 15-го июня 1873 г.	с 6	до	7	. . . .	15 июн. 1873 г.
с 1-го июля 1881 г.	с 7	до	8	. . . .	1 июл. 1881 г.
с 20-го мая 1885 г.	с 8	до	9	. . . .	20 мая 1881 г.
с 1-го янв. 1888 г.	с 9	до	9½	коп. с градуса со всего спирта, *оплачен. после*	31 дек. 1888 г.
с 1-го дек. 1892 г.	с 9½	до	10	. . . .	30 нояб. 1892 г.

мать, что существует некоторый минимальный *процент* (или, быть может, *абсолютное* минимальное приращение), на который цена спиртных напитков должна подняться для того, чтобы спрос на них сократился сколько-нибудь ощутимым образом: все изменения цены, не превосходящие этой минимальной величины, остаются без ощутимого влияния на размеры спроса. Такое предположение теоретически не только не невозможно, но напротив, как нельзя более гармонирует со всем тем, что нам известно относительно характера зависимости между ценой и спросом. И опыт, и теория учат нас, что спрос есть некоторая функция цены, но тот же опыт (а равно и теория) говорит нам, что функция эта, как общее правило, прерывистая и при том ограниченная известными пределами. Здесь было бы неуместно входить в рассмотрение теоретических вопросов, сюда относящихся (а также тех поправок, какие должны быть внесены в общее решение вопроса о функциональной зависимости между ценой и спросом ввиду психологических особенностей той потребности в наркотизации[3], которой удовлетворяет алкоголь и ему подобные «нервные яды»). Для нас пока важно отметить, что сам по себе факт отсутствия влияния на величину спроса тех сравнительно незначительных изменений в цене спиртных напитков, которые происходили под влиянием повышения обложения, еще *не предрешает общего вопроса* о зависимости размеров потребления алкоголя от отношения между ценой алкоголя и покупательными силами потребителей.

Последовательные повышения цены спиртных напитков, вследствие усиления обложения в *каждом отдельном* случае, могли совершенно не действовать в качестве *сознательного* мотива сокращения спроса, но *суммируясь за длинный ряд лет* и присоединяясь к действию целого ряда других моментов, они сами могут быть рассматриваемые в качестве момента, усиливающего несоответствие между основными потребностями населения и средствами к их удовлетворению. В качестве такового момента повышение акциза на алкоголь, без сомнения, могло оказать влияние на сокращение потребления различных продуктов из числа не безусловно необходимых для поддер*жания жизни*; в числе этих продуктов, разумеется, могли оказаться и сами спиртные напитки.

Вот такое-то более отдаленное, так сказать, вторичное – отраженное – влияние (теоретически вполне допустимое) повышения акциза на высоту душевого потребления алкоголя и остается нам проследить на основании имеющихся у нас данных.

В течение 70-х годов ни о каком несоответствии цены алкоголя с покупательными силами населения не может быть еще речи: действительно, в период оживления промышленности конца 70-х годов

(подробно об этом будет сказано *ниже*) душевое потребление поднялось почти до уровня начала 70-х годов, несмотря на то, что суммы *чрезвычайных* заработков, доставленных населению, благодаря оживлению промышленности 1878–1879 годов, ни в каком случае не могут идти в сравнение с громадными суммами, поступившими в народное обращение за время железнодорожной горячки[4] конца 60-х и начала 70-х годов (см. гл. 4-ю). Вопрос о связи между падением душевого потребления алкоголя и упадком народного благосостояния (главным образом земледельческих масс) выступает на сцену лишь с начала 80-х годов, точнее с 1883 года, так как только с этого момента кривая душевого потребления утрачивает типичное для предыдущего периода *волнообразное* движение (исключающее возможность объяснения *прогрессивным* упадком народного благосостояния) и принимает форму, заставляющую предполагать влияние некоторой *постоянной* причины, действие которой временами лишь ослабляется (что выражается *замедлением* или временной *остановкой падения* душевого потребления) вмешательством пертурбационных моментов. Большинство исследователей, занимавшихся этим вопросом, хотели видеть причину падения душевого потребления в течение 80-х и 1-й половины 90-х годов или в падении благосостояния крестьянских масс, или в сокращении числа питейных заведений (под влиянием законодательных мер, принимавшихся с начала 80-х годов), или в совокупном влиянии обоих моментов. *Ниже* мы рассмотрим оба эти момента порознь.

Глава 2.

Влияние на потребление алкоголя числа питейных заведений

В пользу зависимости между числом заведений и размером потребления спиртных напитков говорит ряд *априорных* соображений. Влияние числа заведений на размеры потребления признается почти всеми исследователями алкоголизма. Существование параллелизма между числом заведений и размером потребления подтверждается и a posteriori статистическими данными (см., например, статью г. Минцлова «Труды алкогольной комиссии» I т., стр. 22). Но, как справедливо замечает там же г. Минцлов, *параллелизм этот не предрешает еще вопроса о том, является ли изменение в числе заведений причиной изменения в размере потребления или наоборот* (*a priori* такая *обратная* зависимость имеет за себя *столько же,* если не более, аргументов). «Нельзя не заметить, что вопрос, возрастает ли пьянство вследствие увеличения числа кабаков или, наоборот, число кабаков увеличивается вследствие усиленной в них потребности населения, тем не менее остается открытым». «Открытым» оставляет его и собственное исследование г. Минцлова. Между тем дилемма, поставленная г. Минцловым, в большинстве, по крайней мере, случаев допускает вполне определенное решение. Для этого следует принять во внимание следующее: если число заведений сокращается *независимо от сокращения потребности в них* (или быстрее, чем сокращается эта потребность), то прежний спрос, распределяясь теперь между меньшим числом заведений, неизбежно должен повысить размер среднего оборота (сбыта) на одно заведение (по сравнению со временем до уменьшения числа заведений), хотя бы *общий* размер спроса (т. е. совокупный оборот всех оставшихся заведений) благодаря бóльшей отдаленности мест продажи от потребителей* уменьшился. Действительно, пусть до принудительного (т. е. не вызванного сокращением спроса) сокращения числа заведений известный изолированный район обслуживался 20-ю питейными заведениями, а после сокращения – всего 15-ю. Спрашивается, возможно ли допустить, чтобы потребители упраздненных 5-ти заведений *вовсе перестали* удовлетворять свою потреб-

* Вообще вследствие меньшего «давления предложения на спрос».

ность в алкоголе? Очевидно, нет. Вполне возможно и даже несомненно, что эти потребители, встречая теперь при удовлетворении своей потребности больше препятствий и, что еще важнее, встречая реже соблазн попасть в питейное заведение, сократят свое потребление, но сокращение это в действительности не может никогда дойти до нуля уже потому, что в условиях реальной жизни районы, обслуживаемые каждым из заведений, никогда не бывают *вполне* изолированы один от другого, но, как общее правило, имеют бóльшее или меньшее число пунктов, в одинаковой (или почти в одинаковой, что практически все равно) мере тяготеющих к двум или даже нескольким заведениям. Население таких пунктов по закрытии одного заведения с таким же (или почти с таким же) удобством может удовлетворить свой спрос в соседнем заведении*, оборот которого, благодаря этому, неизбежно возрастет на всю (или почти на всю) сумму оборота закрывшегося заведения. Да и население пунктов, очутившихся по закрытии части заведений в менее благоприятных, чем раньше, условиях удовлетворения потребности в алкоголе, все же *не откажется совсем* от потребления**, и это потребление (как бы незначительно оно ни было) также распределится между соседними оставшимися заведениями, что еще больше повысит их обороты. На практике факт этот не возбуждает никаких сомнений: каждый знает, что чем меньше конкурирующих продавцов на данный потребительный район, тем выше обороты каждого из них, что, конечно, нисколько не мешает *общему сбыту* уменьшаться при уменьшении числа мест продажи и увеличиваться с увеличением этого числа***.

---

* В таких условиях, например, будут всегда жители села, в котором было раньше 2, или больше заведений, а также все меньшие населенные пункты, тяготеющие к такому селу. Тоже – и относительио небольших городов, где вопрос о расстоянии вообще играет незначительную роль. В одинаковой мере относится это и к приезжим в город сельским жителям: будет ли на городском базаре 1, 2 или больше заведений, сумма, оставляемая в них *приезжими* крестьянами (*завсегдатаи* питейных заведений – *в другом положении*), будет приблизительио та же.

** Такой результат может получиться лишь в том случае, если бы наши 5 заведений закрылись *вследствие* отказа от водки потребителей районов, обслуживавшихся этими 5-ю заведениями, но такое допущение противоречило бы нашей осиовной посылке.

*** Об этом последнем случае см. И.Минцлов, указ. соч., стр. 71. «Представим себе деревию, в которой имеется 1 кабак. Этот кабак продает в год 500 ведер водки. Открывается второй кабак. Сколько продадут они водки вместе? Казалось бы, что те же 500 ведер. Так, по крайней мере, было бы с продажей хлеба, мяса, табаку, соли, чего угодно, но только не водки. Оба

Таким образом, *если сокращение числа заведений происходит независимо от сокращения спроса,* или, хотя и параллельно, но быстрее последнего, *то средний оборот на одно заведение неизбежно должно возрастать.* Напротив, *если сокращение числа заведений происходит вследствие сокращения спроса, то сокращение числа заведений всегда должно сопровождаться (или непосредственно следовать за) сокращением среднего оборота на одно заведение.* Действительно, каждое предприятие обладает известной *инерцией:* для ликвидации предприятия недостаточно, чтобы размер оборотов (а следовательно, и чистая прибыль) понизились против обычной для данной отрасли торговли (и для данного типа предприятий), - надо, чтобы это падение оборотов и прибыли достигло *известной границы,* при которой для торговца является более выгодным ликвидировать дело (что всегда сопряжено с известным убытком), чем продолжать его, довольствуясь прибылью меньше обычной. В области спиртовой торговли происходит то же, что и в любой другой отрасли: *полной ликвидации* предприятий под влиянием сократившегося спроса *неизбежно предшествует период застоя,* выражающегося *сокращением оборотов* (сбыта).

Резюмируя все вышесказанное, имеем: 1) если сбыт (потребление) сокращается под влиянием сокращения числа заведений, то спрос будет сокращаться медленнее, чем число заведений, и, стало быть, размер оборотов на одно заведение возрастает; 2) если, наоборот, число заведений сокращается под влиянием сокращения спроса (потребления), то сокращение числа заведений будет отставать от сокращения спроса, и, следовательно, размер оборотов на одно заведение будет уменьшаться. Таким образом, мы имеем признаки, дающие возможность в каждом данном случае решить, сокращается ли потребление вследствие сокращения числа заведений или наоборот. Применим это к фактам русской жизни. Вот как изменялось потребление, число заведений и средний оборот (сбыт) на 1 заведение за 80-е и начало 90-х годов* по Европейской России без Царства Польского:

кабака продадут не 500 ведер, а непременно больше. Насколько больше - сказать трудно; это зависит от кабатчиков, от их личных качеств, от умения завлекать покупателей. Точно таким же образом, если в деревне 2 кабака и они продадут вместе 500 ведер и закроется один, то этот оставшийся кабак будет продавать не 500 ведер, а меньше». Вполне соглашаясь со словами г. Минцлова, мы прибавим: *«но не в два раза»,* - с чем без сомнения согласится и г. Минцлов, и всякий практически знакомый с делом человек.

* Т. е.: именно за то время, когда с наибольшей силой выразился процесс постепенного сокращения потребления спиртных напитков: начиная с 1893 года, потребление снова начинает оживляться; с 1896 года на потребление уже начинает оказывать свое влияние распространение казенной про-

Годы	Число питейных заведений с продажей водки	Потреблено водки (в ведрах абсолютного алкоголя)	Оборот (сбыт) на 1 завед., торгующее водкой
1883	112 тыс.	26 729 тыс. ведер	238 ведер
1884	113 «	25 162 « «	222 «
1885	110 } 107,5	23 704 } 23 136	215 } 215
1886	105 }	22 568 }	215 }
1887	106 тыс.	23 372 тыс. ведер	220 ведер
1888	106 «	23 606 « «	223
1889	114 «	23 294 « «	204 «
1890	111 «	22 123 « «	199 «
1891	106 «	20 532 « «	194 «
1892	99 } 96,5	20 803 } 20 789	210 } 215
1893	94 }	20 775 }	221 }
1894	92 тыс.	22 437 тыс. ведер	244 ведер

Те же данные за 70-е годы выразятся следующими цифрами (включая Царство Польское):

1873	204 тыс.	29 045 тыс. ведер	142 ведер
1874	143 «	28 926 « «	202 «
1875	131 «	28 136 « «	215 «
1876 1877	} 125 «	} 26 307 « «	} 210* «
1878	126 «	29 007 « «	231 «
1879	131 «	31 865 « «	243 «

Из этой таблицы видно, что, начиная с половины 70-х годов и до конца периода, между изменением потребления и изменением среднего оборота на 1 заведение существует полный параллелизм: средний оборот на 1 заведение неизменно падает вместе с падением потребления (а, следовательно, и общих оборотов) и *поднимается*

дажи (причем уменьшение числа заведений является лишь *одним из* моментов, влияющих на потребление).

* За 1876–1877 гг. средний оборот на 1 заведение (а соответственно тому и цифры других столбцов) показан за оба года вместе – по средней сложности, – так как разница между средним оборотом в 1876 г. и в 1877 г. не превосходит той точности, на какую вообще могут претендовать цифры этой таблицы (разница для 1876 и 1877 гг. не достигает 1%).

вместе с подъемом потребления; за все это время нет ии одного случая, когда бы *несомненное* сокращение действительного потребления* сопровождалось повышением среднего оборота. Ввиду этого мы имеем полное право утверждать, что *падение потребления, имевшее место в 80-х и начале 90-х годов, совершалось независимо от сокращения числа заведений,* т. к. иначе сокращение потребления должно бы было неизбежно сопровождаться параллельным повышением среднего оборота (на 1 заведение). Что касается первой половины 70-х годов, то здесь резкое сокращение числа заведений в 1874 году сопровождалось резким поднятием среднего оборота, причем это поднятие продолжалось и в следующем, 1875, году. Ввиду этого мы вправе предположить, что *сокращение потребления 1874–1875 гг. было обусловлено* (хотя бы наряду с другими причинами) и *сокращением числа питейных заведений* вследствие введения правил 1874 года. Но когда мы примем во внимание все сказанное ниже (в гл. 3 и 4-й) относительно *основных* причин застоя середины 70-х годов (до войны), то должны будем прийти к выводу, что если *ограничительные правила 1874 года и оказали влияние на потребление, то лишь в самой ничтожной степени.* Справедливость такого заключения подтверждается дальнейшим ходом дел: как только перестали действовать *главные* причины, обусловливавшие падение потребления в середине 70-х годов, так потребление снова поднялось и даже превзошло цифру 1873 года, *хотя число заведений осталось* в 1879 году то же, какое было в 1875 году.

---

* Сокращение (ничтожное) потребления в 1893 г. сравнительно с предыдущим годом, как мы уже указывали в своем месте, является скорее всего результатом образования в 1892 году (перед повышением акциза в декабре этого года) спекулятивных запасов дешевого (оплаченного еще прежним акцизом) спирта на розничном рынке, а частью, быть может, и на руках у потребителей (и уже несомненно – на руках у многочисленных лиц, ведущих тайную торговлю водкой); при тех приемах учета спирта, пошедшего на внутреннее потребление, какие практиковались во время акцизной системы, все подобные запасы (предназначенные для следующего 1893 года) относились к потреблению 1892 года (года, когда эти запасы были образованы): благодаря этому *официальная цифра потребления 1892 года должна была оказаться выше действительной, а цифра 1893 года – ниже* действительной (для получения действительного потребления 1893 года надо было бы прибавить к официальной цифре потребления этого года все те спекулятивные запасы, которые были сделаны в 1892 году в ожидании повышения акциза). Поэтому при сравнении движения потребления с движением среднего оборота на 1 заведение *правильнее* ограничиться сопоставлением *средних величин* за двухлетие *1892–1893 гг.* (эти средние и приведены в таблице).

Только с распространением казенной продажи число питейных заведений (казенных и частных вместе) стало сокращаться независимо от изменения спроса на спиртные напитки – именно, гораздо быстрее последнего и стало несомненно оказывать *самостоятельное* влияние на высоту потребления. Но так как при введении казенной продажи на потребление оказывал влияние целый ряд *других* моментов (действовавших при том в большинстве случаев в том же направлении, как и сокращение заведений), сравнительно с которыми влияние *собственно числа* питейных заведений являлось *далеко не главным,* то всякая попытка *цифрового* учета влияния этого последнего момента на потребление является неизбежно гадательной. Что касается собственно «переходного» периода, то здесь оценка влияния сокращения числа питейных заведений еще более затрудняется тем обстоятельством, что как сокращение потребления, следующее непосредственно за введением новой системы, так и сменяющая его реакция, в значительной своей доле являются фиктивными, как об этом было нами подробно оговорено в своем месте.

Впрочем, относительно некоторых районов, например, губерний 3-й очереди, вряд ли можно сомневаться, что чрезмерное сокращение числа питейных заведений (особенно коснувшееся сельских местностей), имевшее место в этом районе, в первое время по введении казенной продажи оказывало на массовое потребление значительное депрессивное влияние (сравни, например, потребление Северо-Западного района в 1898 году).

Глава 3.

Потребление спиртных напитков и урожаи

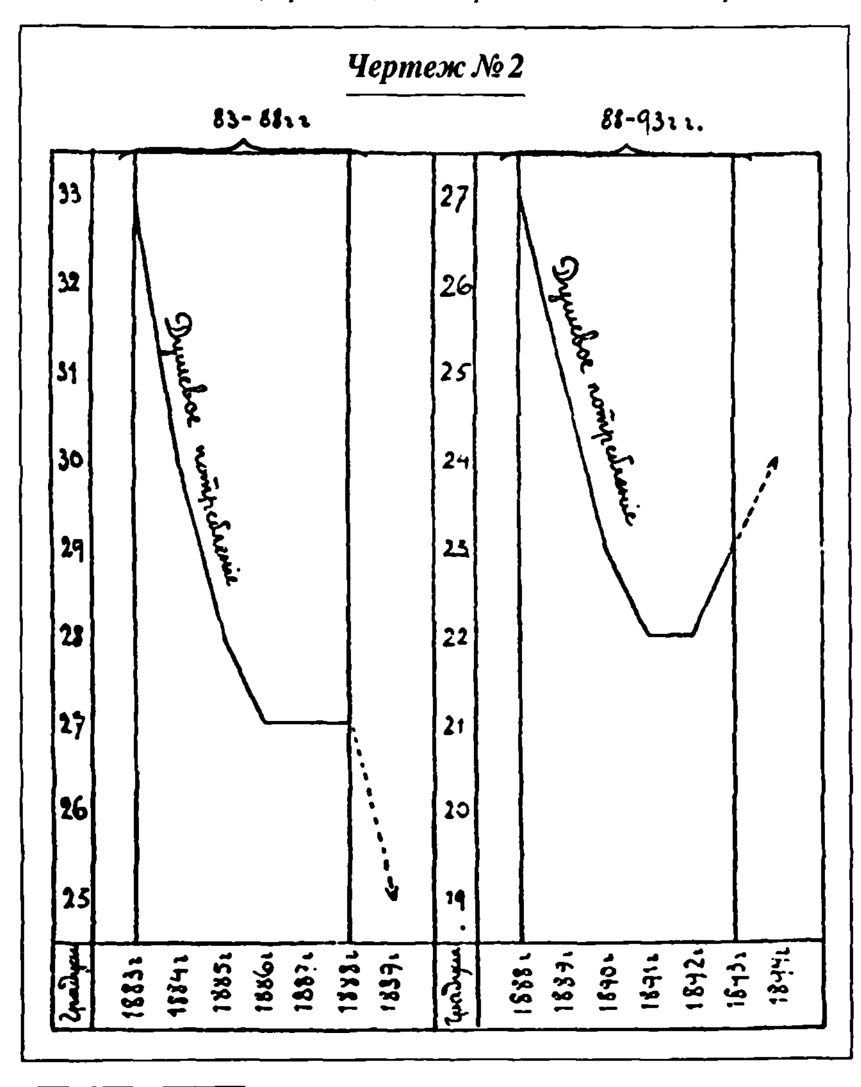
Период 1888–1894 гг. по данным, обработанным г. Н.О.Осиповым в книге «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны народного хозяйства»

Рассматривая, как это делает г. Осипов, движение душевого потребления в сравнении с урожаями за период 1888–1894 гг., мы действительно вправе сделать вывод, что «потребление спирта в 1888 г. – наивысшее за все 7-летие», и «что особенно сильное падение потребления обнаружилось в неурожайный 1891 год». Правда, даже и при рассмотрении 7-летия 1888–1894 гг. приходится прийти к некоторым выводам, идущим как бы вразрез с выводом о тесной связи между высотой урожая и высотой душевого потребления спирта (делаемым в упомянутом издании). Так: «в 1890-м году, несмотря на относительный урожай, сократилось как потребление, так и поступление акцизов, а в малоурожайном (и надо прибавить: следовавшем после совсем «голодного» 1891 года В.Д.) 1892 году потребление спирта ... *не увеличилось*» (между тем как надо было бы ожидать *резкого падения*). Но и те немногие выводы г. Осипова, которые, по-видимому, дают некоторое основание для устанавливаемых в «введении» (стр. LIII) положений, сохраняют свою доказательность лишь до тех пор, пока мы будем ограничиваться рассмотрением одного взятого г. Осиповым 7-летия (независимо от *общей* динамики)*.

---

* Вообще статья Осипова производит впечатление работы, выполненной наспех; автору, видимо, не хватало времени (за массой текущей работы, которой был постоянно завален покойный) для всесторонней разработки даже того сравнительно небольшого статистического материала, который сгруппирован в упомянутой статье. Вообще в этой ранней работе Осипова еще не видно будущего знатока алкогольной статистики (так много сделавшего для выработки правильных приемов собирания и обработки данных алкогольной статистики при казенной продаже). Очевидно, сознавая, что почва для выводов подготовлена слишком слабо, сам Осипов воздержался от определенных и решительных заключений (см. его «Положения» в конце статьи). Тем же недостатком разработки данных (а отчасти и ограниченностью периода, за

Действительно, если мы введем в наш анализ данные хотя бы только за предыдущее 5-летие 1883–1887 гг. и построим две диаграммы: одну, представляющую графически движение душевого потребления в период 1883–1888 гг., другую – в период 1888–1893 гг., то получим две «ломаные» («кривые») вида, представленного на чертеже № 2.



который взяты данные) объясняется и слабая обоснованность выводов, делаемых из статьи Осипова в «Введении» (авторы которого вынуждены были сами восполнить недостаток определенных выводов в статье Осипова).

Из сравнения этих двух «кривых» видно, что *неурожайные* 1891-1892 гг. отразились на движении душевого потребления в период 1888-1893 гг. совершено так же, как и выдающиеся по урожаю 1887-1888 годы на движении душевого потребления в период 1883-1888 гг. Если бы г. Осипов производил свое исследование не в 1897 году, а 10 лет раньше, то *на основании совершенно такого же анализа*, какому он подверг данные за 7-летие 1888-1894 гг., *он должен был бы прийти к выводу, что особенно сильное падение потребления обнаружилось в высокоурожайном 1887 году и следующем за ним 1888* (мы нарочно принимаем *общепризнанные* цифры душевого потребления, а не наши «выправленные»). Но допустимо ли было бы из того обстоятельства, что на 1887-1888 гг. падает самая *низкая за рассматриваемый период* цифра душевого потребления спиртных напитков, сделать вывод, что высокие урожаи вызывают падение потребления? Очевидно, мы были бы вправе сделать такой вывод относительно урожаев 1887-1888 годов столько же, сколько были вправе сделать такой вывод относительно 1891-1892 гг. - на основании сравнительных данных за 1888-1894 гг.

Рассмотрение динамики душевого потребления за восьмидесятые и начало 90-х годов показывает, что душевое потребление за весь рассматриваемый период *постоянно* сокращалось; интенсивность этого сокращения приблизительно одинакова как в период 1883-1886 гг., так и в период 1888-1891 годов; правильность падения нарушает: в первый из рассматриваемых периодов - высокоурожайный 1887 год; во втором - бедственный 1892 год; *пертурбационное* влияние урожая 1887 года выразилось во временной приостановке процесса сокращения потребления спиртных напитков; совершенно к этому же результату привели и бедственные 1891-1892 годы. Если во влиянии этих двух пертурбационных моментов сказывается различие, то лишь в том, что благотворное влияние на потребление урожаев 1887-1888 годов* было менее прочно и решительно, чем влияние бедствия, пережитого населением в 1891-1892 гг.; действительно, после временной приостановки в 1886-1887 годах душевое потребление спиртных напитков снова начинает падать уже в следующем, 1888, году**, а с 1889 года падение это идет уже опять прежним темпом; напротив, после приостановки падения в 1891-1892 годах следует подъем (в 1893 и следующем году) душевого потребления.

---

* Следовавших за *средним* урожаем 1886-го года (см. таблицы, приведенные ниже).

** Согласно нашим *исправленным* данным потребление (душевое) в 1888 г. было на 0,3° или (на 1,15%) ниже потребления 1887-го года.

Таким образом, на основании непосредственного сопоставления данных о движении душевого потребления спиртных напитков и о колебаниях урожаев, можно сделать вывод, что выдающиеся урожаи и выдающиеся недороды оказывают на динамику душевого потребления спиртных напитков совершенно одинаковое влияние. Мы увидим впоследствии, что в этом выводе вовсе не заключается какого-нибудь логического противоречия: *при известных условиях* недород может оказать – как это и наблюдается в 1891–1892 гг. – на отношение населения к спиртным напиткам и другим предметам не первой необходимости, каковы чай, сахар и т. п., совершено однородное влияние с выдающимся урожаем. То обстоятельство, что неурожай 1891-1892 гг. отразился на потреблении других предметов не первой необходимости (кроме алкоголя) совершенно так же, как и на потреблении алкоголя, доказывает, что констатированные выше явления в области потребления алкоголя неслучайно совпали с неурожаями 1891-1892 гг. В 9-й главе мы дадим подробный разбор статистики потребления сахара и чая (за 80-е – 90-е годы), поскольку данные этой статистики могут способствовать уяснению явлений в области потребления алкоголя. Теперь же коснемся этого вопроса лишь настолько, насколько он затронут в разбираемой статье г-на Осипова («Влияние урожаев и хлебных цен»...), чтобы в дальнейшем нам не приходилось более возвращаться к этой теме. Резюмируя выводы этой статьи, «Введение» («Влияние урожаев и хлебных цен», «Введение», стр. LIII) следующим образом изображает динамику душевого потребления сахара за рассматриваемый период: «потребление сахара было в застое в период 1890–1892 гг., равнялось 7,9–8,3 ф<унтов> на человека, и напротив поднялось в высокоурожайные 1893–1894 годы до 9,4 ф<унтов> на человека».

Мы никак не можем признать такой способ доказательства правильным: рост потребления сахара начался не в «высокоурожайные 1893-1894 гг.», а гораздо раньше: в 1887–1888 гг. душ<евое> потребление равнялось 7,6 ф<унтов>: в следующих: 7,7; 7,8; 7,9 ф<унтов>; таким образом, до 1891 года душевое потребление сахара постоянно возрастало, причем интенсивность возрастания была приблизительно одинакова, равняясь – 0,1 фунта на душу в год; в период 1891-1892 гг. душевое потребление сахара поднялось до 8,3 ф<унтов>, т. е. возросло на величину в четыре раза бóльшую, чем прирост каждого из предыдущих периодов (между которыми фигурировали и высокоурожайные 1887–1888 годы), таким образом в действительности период 1891-1892 был именно моментом, с которого начался быстрый рост душевого потребления сахара, поэтому говорить о застое в потреблении сахара под влиянием неурожая 1891 года можно

лишь по недоразумению. То же подтверждает и движение душевого потребления чая: с 1886 по 1890 г. душевое потребление чая год из года падает, наоборот, с 1891 года начинается последовательный рост. Выше мы рассматривали движение потребления спиртных напитков в период 1888–1894 г. *в связи с общей* динамикой. Но если даже ограничиться тем периодом, который послужил для выводов статьи г. Осипова, то и тогда, нам кажется, никак нельзя прийти к заключению о том, что неурожай 1891–1892 годов резко отразился на душевом потреблении спиртных напитков. Действительно, даже на основании данных с 1888 года видно, что процесс сокращения потребления спиртных напитков шел *своим* неизменным *ходом независимо от колебаний урожаев:* благотворное действие урожаев 1887 и 1888 годов по словам «Введения» отразилось на потреблении 1888 и 1889 годов (1. с. 10–13 строка сверху). Как же изменялось душевое потребление за эти годы? К 1888 году душевое потребление уже упало (по сравнению с 1887-м), хотя и незначительно*; к 1889-му – по сравнению с 1888-м – оно упало уже на 2° (согласно цифре статьи г. Осипова); сама по себе эта цифра, конечно, ничего еще не показывает. Но если при благотворном влиянии урожая 1887 и 1888 гг. душевое потребление могло сократиться на 2°, то в следующем году, когда это влияние уже прекратилось, и, наоборот, должно было сказаться действие недорода 1889 года, мы вправе ожидать падения *гораздо более резкого* (если, конечно, справедливо положение о тесной зависимости между урожаем и потреблением спиртных напитков), в действительности в 1890 году душевое потребление упало по сравнению с 1889-м тоже на 2°. Наконец, 1891 неурожайный год, которому приписывается такое выдающееся влияние на душевое потребление, сократил это душевое потребление всего на 1°, *т. е. падение душевого потребления в 1891-м году было самое меньшее по сравнению со всеми предыдущими годами*, не исключая и таких, на которые оказал влияние выдающийся *урожай* 1887–1888 годов**.

---

* Согласно данным офиц. «Отчета» с 27° в 1887 году до 26° в 1888-м году, согласно нашим исправленным цифрам – несколько меньше (см. прим. выше).

** Недавно г. Первушин (в своей вышеназванной книге) попытался примирить факт отсутствия падения душевого потребления в 1892 году с «законом» колебания потребления параллельно с колебаниями урожаев при помощи следующего софизма: повторный неурожай 1892 года *стремился* понизить потребление алкоголя в стране, но не мог, благодаря тому, что потребление – в своем последовательном падении – наткнулось на «неподвижную преграду» в виде «естественного минимума» потребления... Так как г. Первушин не подтверждает своего утверждения никакими доказательствами и даже не

Общий анализ зависимости между потреблением спиртных напитков и колебанием урожаев:

1) Влияние исключительных условий 1887–1888 и 1891–1892 гг. уже рассмотрены при разборе статьи г. Осипова.

2) Что касается промежуточных периодов: 1883–1886 и 1888–1891 гг. (в общем 10 лет), то мы видим, что в течение этих периодов сокращение душевого потребления спиртных напитков совершается с замечательной правильностью: уже одна эта правильность (равномерность) исключает возможность ставить его в *непосредственную* связь с высотой урожаев (урожаи за рассматриваемый период совершают резкие колебания); нельзя открыть и *отдаленного* влияния: *интенсивность* сокращения во 2-й период совершенно такая же, как и в первый, несмотря на то, что экономическое положение масс несомненно ухудшилось ко 2-му периоду под влиянием ряда частичных неурожаев (а также общего неурожая 1889 года).

3) Что касается, далее, движения душевого потребления в период 1880–1883 гг., то и здесь невозможно открыть влияние урожаев: прекрасный урожай 1881 года не оказал на душевое потребление никакого влияния: – потребление в 1881 году продолжает падать; что касается небольшого подъема в 1883 году, то приписывать его урожаю также нет возможности: урожай этого года в среднем (для всех хлебов) был только посредственный, для ржи он был даже ниже обоих предыдущих годов (вообще по урожаю ржи этот год должен быть отнесен к *неурожайным**; наконец, если бы подъем душевого потребления в 1883 году зависел от урожая, то почему в следующем году, не отличавшемся от 1883-го никакими исключительными явлениями в области народного хозяйства, обнаружилось *резкое* падение, несмотря на то, что 1884 год по урожаю (и общему сбору) стоит несравненно выше 1883-го (общий сбор в 1883-м около 275 млн. четвертей, в 1884-м – более 290 млн. четвертей). Вообще 1883 год не может считаться благо-

---

пытается выяснить, чем именно определяется *естественный* minimum потребления, и что вообще следует понимать под этим термином (как согласовать его с конкретным разнообразием обычных норм потребления различных групп населения и проч.), то мы имеем право не входить в ближайший разбор этой своеобразной теории; заметим только одно: как согласует г. Первушин свой взгляд с тем фактом, что потребление, достигшее в 1892 году своего «естественного» минимума, могло в дальнейшем опускаться до уровня значительно ниже уровня 1892 года (в 1897 г. и еще больше в 1901 году)?

* Только один 1891 год стоит в этом отношенин еще ниже 1883-го (чистый сбор ржи составлял в 1883 г. – 24,7 пуда с десятины; в 1891 году – 24,4): остальные неурожайные годы за время 1880–1900 гг. (как-то: 1885, 1889, 1892, 1897) по урожаю ржи все стоят выше 1883 года.

приятным для народного хозяйства. Поэтому невольно является мысль *о фиктивности цифры душевого потребления в 1883 году*. Фиктивность эту нельзя однако объяснить увеличением запасов розничными торговцами (для этого не было никаких оснований); единственной *пертурбационной* причиной может быть введение в этом году некоторых усовершенствований в контрольном снаряде, учитывающим спирт на заводах (2-я дополнительная трубка в распределительной коробке). Насколько был велик недоучет спирта благодаря несовершенству снаряда (до введения дополнительной трубки), видно из предисловия к книге г. Недошивина (о контрольном снаряде Сименса[1]): из расследования оказалось, что в некоторых губерниях недоучет равнялся 20%. А что *значительная часть* спирта, избежавшего учета снаряда, выпускалась *без оплаты акцизом*, – в этом вряд ли может существовать какое-нибудь сомнение: см. по этому поводу заявление Государственного контроля, что *повышение* общей суммы акциза в 1871 году по сравнению с 1870-м *на 7 млн. рублей произошло исключительно благодаря введению к 1871 году контрольного снаряда* почти во всех губерниях (см. Миропольский «Косвенные налоги в России», стр. 16); конечно, в начале 80-х годов надзор за заводами был лучше, чем в начале 70-х, но все же нет сомнения, что значительная часть спирта, ускользавшего от учета снаряда, продолжала поступать в обращение без оплаты акцизом (а следовательно и не попадала в официальную цифру потребления), особенно на мелких заводах, находившихся в руках *евреев*. Из последнего обстоятельства следует, что если повышение (кажущегося) потребления в 1883 г. действительно стояло в связи с усовершенствованием учета спирта (на заводах), то с наибольшей силой оно должно было проявиться в губерниях с мелким винокурением и большим % еврейских заводов; факты вполне согласуются с этим: наибольшее повышение душевого потребления в 1883 году (по введении усовершенствования в контрольном снаряде) падает именно на Юго-Западный и Прибалтийский районы, где господствовало *мелкое* винокурение (средний размер выкурки на один завод в начале 80-х годов был по Империи с Царством Польском – около 34 тыс. ведер, а для Прибалтийского и Юго-Западных краев – около 31 тыс. ведер) и притом (в Юго-Зап<адном> крае) большой % заводов находился *в руках евреев**. Особенно развито мелкое винокурение в Прибалтийских губерниях, на них же падает и самое большое повышение душевого потребления – именно на 5°, между

---

* Из общего числа винокуренных заводов в 1884–1885 гг. евреям принадлежало: в Подольской г<убернии> – 83,3%, в Волынской – 65,5%, в Киевской – 60,0%.

тем как по остальным районам (кроме Юго-Западн<ого>) всего 1°; сюда надо прибавить еще, что нигде не было такого несоответствия между размерами выкурки и потребления, как в Прибалтийском районе: заводы этого района в среднем *производили* по расчету на душу населения около 200°; *потребление* же на душу составляло (1880-1882 гг.) всего 25°. При таком отношении производства и потребления, понятно, выпуск без оплаты акцизом в обращение *самого ничтожного % выкурки* даст уже *огромное сокращение* официально учитываемого *душевого потребления*, а следовательно, *раз* такая *утайка от учета сделалась невозможной, душевое потребление* (по официальным данным) *должно резко подняться:* это и видим в 1883 году. Но если наше объяснение верно, то никакого *действительного повышения потребления в 1883 году не было.*

4) Урожаи и потребление спиртных напитков в 70-х годах.

В 70-х годах еще яснее обнаружилась независимость движения потребления* от состояния урожая. Сравнивая (см. черт. № 1) кривую душевого потребления и кривую сбора хлебов (общего и по расчету на душу), находим следующее: с начала диаграммы и вплоть до 1875 года кривая душевого потребления идет совершенно независимо от движения урожаев: наиболее неурожайный 1871 год соответствует maximum'у потребления; не проявилось влияние неурожая и в следующем году, столь же благоприятном для потребления; урожаи следующих годов, не исключая и огромного урожая 1874 года, не только не вызывают подъема потребления, но даже не могут *замедлить падения,* зависящего от *самостоятельных* причин, не имеющих ничего общего с урожаем. Остается совпадение в колебаниях обеих кривых в 1875 году. Можно ли приписать сокращение потребления в 1875 году (частичному) неурожаю этого года? Внутреннее обозрение «Вестника Европы» за 1876 год, подробно останавливаясь на этом вопросе, приходит к категорическому отрицательному ответу: сокращение потребления в 1875-1876 годах не может быть приписано обеднению крестьянской массы под влиянием недорода 1875 года уже потому, что уровень, до которого упало потребление в 1875 году, был лишь *возвращением к прежнему положению* дел, предшествовавшему тому *временному* оживлению, которое было вызвано *исключительно* высокими заработками конца 60-х и начала 70-х годов, носивших по существу своему *временный* характер. Эти исключительные заработки, способствуя временному оживлению потребления, не могли однако вызвать *прочного* повышения уровня благосостояния масс (для этого нужно го-

---

* Здесь и в дальнейшем термин «потребление» («душ<евое> потребление») *без указания продукта потребления* относится к потреблению *алкоголя.*

раздо больше времени), а потому, раз источник этих заработков иссяк, то потребление должно было вернуться к прежнему уровню и *без влияния неурожая*. Таким образом, в сокращении потребления в 1875 году нельзя видеть свидетельства падения благосостояния масс. Вот что говорил в свое время хроникер[2] «Вестника Европы» по этому вопросу: «Потребление должно было сократиться... вследствие огромного общего уменьшения заработков при сокращении железнодорожного строительства. Железных дорог строилось более всего в период 1868–1871 гг.,* с 1875 года постройка стала решительно уменьшаться. Мало того, в прежнее время расходы на постройку были больше по самой новизне дела. Когда верста была рассчитана в 88 тысяч рублей.., не было причин соблюдать той экономии, которая стала совершенно необходимой при цене в 58 и до 32 тысяч рублей... Таким образом, заработки от постройки железных дорог, в последние два года (1875 и 1876 гг.), должны были сильно сократиться, сократилось и потребление мануфактурных продуктов. Это происходило *независимо от неурожаев,* и в доказательство можно указать еще раз на данные, представленные акцизно-питейным сбором... Поступление акцизного питейного сбора представило поразительно быстрое возрастание именно в период наибольшего развития железнодорожного строительства... Столь быстрое возрастание главного государственного дохода не могло произойти от прочного повышения уровня благосостояния народа, потому что такое прочное возрастание всегда идет только постепенно и медленно». «Поступления акцизно-питейного сбора... с сокращением размеров железнодорожного строительства не только не удержали прежних размеров возрастания, но за два последних года стали падать. Вот в каком смысле, нам кажется, вполне возможным допустить «обеднение» народной массы: иссяк в значительной мере источник усиленных, но временных ее заработков, увеличивавших в свою очередь и временным же образом потребление» (см. «Вестник Европы», 1877 г., XII, Внутреннее Обозрение, стр. 800–801).

К этому доказательству можно прибавить еще следующее: рассмотрение поступления окладных сборов удостоверяет нас, что подъем платежных сил населения, начавшийся под влиянием исключи-

---

* К концу 1868 года протяжение сети жел<езных> дорог было 6479 верст; к концу 1871-го – 12 729, т. е. возросло на 6250 верст или на 96%. Чтобы судить о том, на сколько увеличился отход (главным образом, конечно, крестьян), достаточно сказать, что сумма паспортного сбора (при стоимости паспортов, оставшейся без сколько-нибудь чувствительного изменения) за рассматриваемые годы возросла больше, чем на ½ млн. рублей, между тем как к началу периода равнялось всего 1,9 млн. рублей.

тельных заработков начала 70-х годов, продолжался и в 1875 году*: недоимка в конце 1875 года не только не возросла, но заметно сократилась, причем размер этого сокращения был не меньше, чем в высокоурожайном 1874 году. Ввиду всего этого мы можем с уверенностью утверждать, что хозяйственное положение масс не было подорвано недородом 1875 года. Это, впрочем, можно было предвидеть: 1) население встретило 1875 год с большими запасами от исключительно высокого за 10-летие урожая 1874 года, 2) если подсчитать заработки населения не только от постройки железных дорог (упавшей в 1875 году), но и от *эксплуатации готовой сети,* то мы увидим, что сумма, полученная населением в 1875 году, была почти одинакова с суммой, полученной населением в годы наивысшего потребления спиртных напитков. Действительно, в 1872 году прирост железных дорог равнялся 515 верстам, и наибольшая длина эксплуатируемой сети в этом году - 13 244 версты; принимая средние цифры дохода рабочих масс (чернорабочих и вообще «низшего труда») от постройки 1 версты в 18 000 руб. и от эксплуатации 1 версты в 1 500 руб. (согласно средним данным, выведенным г. Блиохом[3]), имеем приблизительно следующую общую сумму: 9,3 млн. рублей (от постройки) + 19,9 млн. руб. (от эксплуатации) = 29,2 млн. руб.; в 1875 году имеем соответственно: постройка - 729 верст, эксплуатационная сеть - 17 719 в.; общий доход = 13,1 млн. руб. + 26,6 млн. руб. = 39,7 млн. руб., т. е. на 10,5 млн. руб. *больше, чем в год наивысшего за 10-летие потребления спирта.*

Итак, к 1876 году хозяйственное положение массы населения не только не стало хуже по сравнению с урожайными годами, предшествовавшими 1875 году, но скорее было выше (так как убавилась лежавшая на населении недоимка). Поэтому, если бы действительно существовала зависимость между высотой урожая и высотой потребления алкоголя, то в следующих (за 1875) 1876 и 1877 годах (из которых последний поднялся по урожаю до уровня 1874 года) мы должны были бы наблюдать быстрое возрастание потребления. На деле же мы видим, что именно в эти годы потребление спиртных напитков падает в небывалой прогрессии, достигая в 1877 году своего minimum'а (в 70-х годах). В 1878 году картина резко меняется: душевое потребление поднимается резким скачком: этому подъему соответствует и возрастание «общего сбора хлебов», но, полагаем, ни у кого не хватит решимости (после того как почти такой же урожай 1877 года мог совпасть с *наименьшим* душевым потреблением) отнести это оживле-

* См. Безобразов, «Народное хозяйство России», стр. 293; о влиянии других моментов см. там же, стр. 295-298.

ние потребления насчет урожая: для этого и *без того было довольно причин;* из всех этих причин довольно указать на одну – окончание русско-турецкой войны, чтобы сделать излишними всякие ссылки на урожай*. Тоже подтверждает и следующий 1879 год: несмотря на резкое падение урожая, душевое потребление спиртных напитков в этом году достигает своего maximum'а, далеко оставляя за собой высоту душевого потребления 1878 года.

Итак, тщательное рассмотрение динамики душевого потребления спиртных напитков за время существования акцизной системы приводит нас к выводу, что общераспространенное положение о тесной зависимости между высотой душевого потребления данного года и высотой урожая того же, или – по иным версиям – предыдущего года является чистейший petitio principii[4].

Фактические доказательства, проводимые сторонниками этого положения, не выдерживают, как мы видели выше, самой снисходительной критики. Также мало отразились на цифрах душевого потребления и моменты повышения акцизиых ставок (см. гл. 1). Понятно, что этот отрицательный результат анализа цифровых данных отнюдь еще не дает нам право выставить обратное положение, т. е. утверждать, что колебания урожаев и обложение спиртных напитков ие оказывает никакого влияния на размер спроса иа спиртные напитки. Единственный вывод, который мы отсюда вправе сделать, может быть сформули-

---

* *Главной* причиной подъема душевого потребления в 1878–79 гг. был необычайный рост промышленности. Подробное рассмотрение этого момента дается в следующей главе, здесь же для нас важно лишь установить, что этот рост промышлениости ни в каком случае не может рассматриваться, – как это делает, например, Первушин (указ. соч., стр. 142), – как *простое следствие* двухлетнего *урожая.* Не говоря уж о том, что наивысшего оживления промышленность достигла в зиму 1879/80 гг. (Безобразов, указ. соч., стр. 289), – когда благоприятное влияние на внутренний рынок урожаев предыдущего двухлетия успело уже смениться *неблагоприятным* влиянием неурожая 79 года и плохих видов на урожай (озимых) следующего года, – вообще совершенно невероятно, чтобы производители из-за *заведомо временного* оживления спроса (под влиянием такого *случайного* обстоятельства, как удачный урожай данного года) решились *расширять* сами *предприятия* и осиовывать новые (одним словом *увеличивать основной капитал,* который по завершении благоприятной рыночной конъюнктуры – не может уже быть извлечен обратно), да еще в такой громадной пропорции, как это имело место в конце 70-х годов (ibid).

Что касается *действительных* – не связанных с урожаями – причин промышленной горячки конца 70-х годов, то они слишком общеизвестны, чтобы здесь надо было останавливаться на их выяснении.

рован так: влияние на высоту душевого потребления спиртных напитков высоты акцизных ставок и высоты урожаев настолько слабо по сравнению с действием прочих факторов, совокупностью которых определяется в каждом данном случае конкретная высота душевого потребления спиртных напитков, что за весь рассматриваемый период действие первых двух моментов в сложных условиях действительной жизни вполне или почти вполне парализовалось или заслонялось другими, более сильными, влияниями.

Спрашивается, не изменилось ли соотношение между высотой урожаев и высотой душевого потребления алкоголя в «переходный» период постепенного распространения в Империи казенной продажи питей?

Понятно, что для решения этого вопроса цифры душевого потребления по Европейской России *в целом* являются непригодными, так как на движение душевого потребления *по всей России*, в рассматриваемый нами период, оказывало решающее влияние постепенное распространение казенной продажи: пертурбационное влияние этого момента было настолько сильно, что совершенно заслоняло (или во всяком случае искажало) влияние других фактов народнохозяйственной жизни (а в том числе и урожаев).

О характере влияния введения казенной продажи на потребление алкоголя в тех районах, в которых она вводится, было уже сказано в 1-й части. Постепенное распространение новой системы на новые районы должно влиять на среднее потребление по России в целом (т. е. включая монопольные и немонопольные районы), как фактор, постепенно понижающий это среднее потребление, причем понижение это должно было сказаться с тем большей силой, чем быстрее шло распространение казенной продажи на новые районы (так что с наибольшей силой это понижательное влияние введения казенной продажи должно было сказаться на цифре душевого потребления 1897 и 1901 года: действительно, с 1 июля 1897 года казенная продажа распространилась на губернии Северо-Западные и Смоленскую, а с конца 1897 года предстояло распространение казенной продажи на губернии Привислянскую, Петербургскую, Харьковскую, Новгородскую, Псковскую и Олонецкую; что же касается 1901 года, то со 2-й его половины казенная продажа распространилась на обширный район, в состав которого вошли 19 губ<ерний> и 2 области). Благодаря всему вышесказанному, мы совершенно не в состоянии решить (не вступая в область гадания), на сколько движение душевого потребления *по России в целом* за время с 1895 года явилось результатом распространения казенной продажи на новые районы и на сколько это движение было следствием колебаний урожаев (и других экономичес-

ких моментов). Поэтому, чтобы решить, осталась ли зависимость между урожаями и высотой душевого потребления алкоголя и после 1895 года такой же, как до 1895 года, нам следует обратиться к рассмотрению данных о душевом потреблении *по одним немонопольным* губерниям. Вот как изменялось по 25 немонопольным губерниям душевое потребление алкоголя и сбор хлебов по расчету на душу:

	Сбор хлебов	Потребление алкоголя
1894 г.	25,4 пуд.	0,58 вед. 40°
1895 г.	22,0 пуд.	0,59 вед. 40°
1896 г.	22,5 пуд.	0,61 вед. 40°
1897 г.	14,5 пуд.	0,63 вед. 40°
1898 г.	17,8 пуд.	0,63 вед. 40°

Цифры эти (вычисленные г. Осиповым, см. «Каз<енная> прод<ажа> вина», стр. 188) так же мало говорят о параллелизме между высотой урожая и высотой душевого потребления алкоголя, как и рассмотренные нами выше данные за более ранний период. С наибольшей яркостью выступает отсутствие прямой зависимости между урожаем и душевым потреблением в 1897 году. Если бы мы взяли в дополнение к этим данным цифры душевого потребления *по губерниям с казенной продажей 1-й очереди,* где (как мы указывали уже в своем месте) введение казенной продажи не сопровождалось такой сильной ломкой привычных населению способов удовлетворения потребности в спиртных напитках и где, с другой стороны, к 1897 году пертурбационное влияние введения новой системы успело уже улечься, то и тут мы напрасно стали бы искать каких-нибудь изменений (по сравнению с домонопольным периодом) во взаимном отношении между высотой урожаев и высотой душевого потребления алкоголя; вот как изменялись в губерниях 1-й очереди оба эти момента (по данным Осипова):

1985 год	26,1 пуд.	0,33 вед. 40°
1896 год	30,4 пуд.	0,35 вед. 40°
1897 год	20,7 пуд.	0,37 вед. 40°
1898 год	12,1 пуд.	0,36 вед. 40°

Повышение душевого потребления в 1896 году не есть в сущности повышение, а лишь возвращение к прежнему уровню, существовавшему до введения казенной продажи (понижение душевого потребления в 1895 году есть, если и не вполне, то в значительной степени результат пертурбационного влияния новой системы*. Но особенно

* Смотри выше часть I, главу: «Переходный период».

знаменательным является резкий подъем душевого потребления в 1897 году, несмотря на падение сбора хлебов (на душу) почти на 50%; правда, с первого взгляда можно бы было подумать, что здесь сказывается влияние развития горной промышленности, покрывшего собой влияние плохого урожая, но на деле предположение это оказывается несогласным с фактами: дело в том, *что повышение в 1897 году* среднего душевого *потребления по всему району обусловлено повышением* потребления в губерниях Самарской и Оренбургской - *земледельческих по преимуществу* и потерпевших от неурожая 1897 года несравненно сильнее, чем промышленные: Пермская и Уфимская. Действительно, в губерниях Самарской и Оренбургской сбор хлеба понизился в 1897 году по сравнению с 1896 почти на 50%, между тем в губернии Уфимской сбор хлеба в 1897 г. был даже выше, чем в 1896, а в Пермской, хотя и не выше 1896 г., но все же выше среднего сбора за предшествующие 10 лет*; душевое же потребление изменялось по отдельным губерниям 1-й очереди так: в губерниях Самарской и Оренбургской (в среднем) повысилось по сравнению с 1896 годом на 10%, а в Пермской и Уфимской (в среднем) осталось почти без изменения**.

Каким же образом создалась легенда о тесной связи между урожаем и высотой душевого потребления алкоголя? Несомненно легенда эта создана на основании бросающихся в глаза *отдельных случаев* совпадения обоих упомянутых явлений народной жизни, причем главный материал доставили Южно-Черноземные (а частью - Юго-Западные) губернии, не потерявшие еще земледельческого (по преимуществу) характера. Уже a priori можно предвидеть (принимая во внимание тот способ учета душевого потребления, каким до последнего времени пользовались акцизные управления), что в губерниях: 1) с преобладанием земледелия над фабрично-заводской промышленностью и в то же время 2) с недостатком местных рабочих по сравнению со спросом на земледельческий труд (хотя бы в годы с урожаями выше среднего) - всякий подъем урожая над средним уровнем неизбежно должен поднять и официальную цифру душевого потребления алкоголя*** в

* Данные об урожае смотри книгу Н.О.Осипова «Винная монополия», СПб., 1899 год.

**	1896 год:	1897 год:
Самарская	0,36 ведер 40°	0,39 ведер 40°
Оренбургская	0,34 ведер 40°	0,39 ведер 40°
Пермская	0,44 ведер 40°	0,45 ведер 40°
Уфимская	0,21 ведер 40°	0,21 ведер 40°

*** При падении урожая ниже средней, конечно, должны проявляться обратные величины.

данной губернии, хотя бы *действительное* душевое потребление в этой губернии *осталось на прежнем уровне или даже несколько понизилось;* иначе могло бы быть лишь в том случае, если бы при выводе среднего душевого потребления по губернии к постоянному населению губернии присоединялась и цифра пришлых рабочих*, и при том не средняя - приблизительная (выведенная на основании многолетних наблюдений), а *точная* цифра, соответствующая именно *данному* году. В губерниях многоземельных (с недостатком рабочих рук для земледелия), *с развитой промышленностью* (неземледельческой) влияние колебаний урожаев сказывается менее решительно: правда,

---

* Обычно состоящих из «полных» потребителей алкоголя, так что даже абсолютно скромная цифра, на какую возрастает вследствие урожая обычное число пришлых земледельческих рабочих, отражается весьма заметно на общей и *фиктивной* душевой цифре потребления алкоголя. Поэтому-то цифры, приводимые г. Первушиным (количество приходящих или уходящих рабочих в *% ко всему населению* губернии), в доказательство возможности пренебречь ошибками, допускаемыми нами благодаря игнорированию механического передвижения рабочих масс, не имеют никакой доказательной силы: они могли бы действительно давать меру пертурбационного влияния (на потребл<ение> алкоголя), лишь при условии, что в рабочем отходе участвуют и старики, и старухи, и дети - до грудного возраста включительно - *в той же пропорции,* в какой они входят в состав *общего* населения губернии, или уезда... В частности, для доказательства независимости повышения потребления в годы высоких урожаев от усиленного прилива пришлых рабочих (в южн<ых> землевладельческих губ<ерниях>), г. Первушин ссылается на тот факт, что повышение потребления наблюдается и *в последнюю четверть* года, на которой потребление пришлых рабочих, по его мнению, не может отражаться. На самом деле последнее предположение неверно: не говоря уже о том, что далеко не все рабочие нанимаются - в губерниях степного юга - на сельско-хоз<яйственные> работы сроком до 1-го октября (в некоторых местностях даже *преобладают* случаи найма с 1-го марта по 15-е ноября: например, в Елисаветградском у<езде>, Херсонской г<убернии>), но и рабочие, нанятые по 1-е октября, значительную, если не бóльшую часть, полученной при расчете суммы расходуют на спиртные напитки *именно в октябре.* Об этом, как об общеизвестном факте, говорят многие сообщения корреспондентов Департамента Земледелия (см., например, свод сведений о вольнонаемном труде, изд<анной> в 1892 г. Деп<артаментом> Землед<елия>, под ред. С.А.Короленко); типичный пример сообщает, например, корреспондент из Бахмутского у<езда> (Екатеринославской г<убернии>): «70 душ сроковых рабочих, получив при расчете 1-го октября 1 973 руб., тотчас же истратили почти все на покупку вина, а через неделю добровольно пришли ко мне и нанялись на 1/2 месяца; иные продавали даже белье и сапоги...» (см. упомянутое изд<ание> Деп<артамента> Землед<елия>, стр. 23).

повышение спроса на земледельческих рабочих (под влиянием исключительных урожаев) и здесь обычно сказывается повышением *кажущегося* душевого потребления, но *сокращение* спроса на земледельческих рабочих - в неурожайные годы - *может* быть здесь в значительной степени парализовано усиленным приливом рабочих в город и фабрично-заводские центры (вообще в местности, предъявляющие спрос на неземледельческий труд). Так будет, по крайней мере, в тех случаях, когда неурожай совпадает с годами расцвета или хотя бы стационарного состояния (неземледельческой) промышленности, - особенно если при том неурожай охватывает и районы с обычным избытком рабочих рук.

В тех же случаях, когда *неурожай совпадает с депрессией промышленности,* в губерниях рассматриваемой категории (многоземельных, с развитой промышленностью) неурожай отзывается на потреблении (душевом) совершенно так же, как и в губерниях предыдущей группы (чисто земледельческих).

Из других случаев *фиктивного* изменения душевого потребления, могущих подать повод для заключения о существовании параллелизма между высотой урожаев и высотой действительного душевого потребления, отметим повышение кажущегося душевого потребления в губерниях *земледельческих с избытком* местных рабочих над спросом - в тех случаях, *когда хороший урожай в этих губерниях совпадает с низким урожаем в районах, куда обычно уходят лишние рабочие* из рассматриваемых губерний; действительно, в таком случае некоторый процент взрослого рабочего населения, обычно уходившего на работу в земледельческие губернии с недостатком собственных рабочих, в этом случае останется на месте (частью вследствие усиления *местного* спроса на земледельческий труд, частью вследствие слухов о плохих заработках в местностях, куда обычно направлялся отход), а так как официальная цифра среднего душевого потребления выводится делением общего потребленного в районе количества алкоголя на *все* население данного года (не принимая во внимание размеры временного оттока, или притока населения в поисках работы), то официальная цифра душевого потребления должна оказаться при наличности сделанных нами предположений и для земледельческих губерний с избытком предложения труда (по сравнению с местным спросом) выше в годы хороших урожаев. Но, понятно, это повышение (равно как и рассмотренное нами выше) не имеет ничего общего с действительным повышением душевого потребления и должно исчезнуть с усовершенствованием статистики передвижения народных масс (в поисках работы), или при учете душевого потребления в среднем для района, обнимающего как губернии с обычным избытком земледельческих

рабочих, так и губернии с обычным их недостатком; то же самое, понятно, применимо и к случаям местного понижения потребления, вызванного аналогичными причинами. Все вышесказанное достаточно объясняет, почему мы в отчетах по отдельным губерниям встречаемся от времени до времени с указанием на повышение душевого потребления под влиянием повышения в этих губерниях урожая: реже встречаются прямые указания на *понижение* под влиянием неурожая; это обстоятельство чаще фигурирует при определении вероятного *будущего* потребления.

В большинстве случаев мы имеем здесь дело именно с разобранными выше случаями *фиктивного* повышения душевого потребления. Но и в тех немногих случаях, когда повышение потребления является несомненно действительным, – понятно, этих единичных фактов еще слишком мало для установления общего вывода о существовании *причинной* зависимости между высотой урожая и высотой душевого потребления алкоголя. Обыкновенно для опровержения такого предположения бывает достаточно проследить изменения душевого потребления и урожаев хотя бы только по той же самой губернии за какие-нибудь 10–12 лет. Такой просмотр обыкновенно (за исключением упомянутых случаев *фиктивного* повышения и понижения душевого потребления) обнаружит с очевидностью совершенную *случайность* установленного для данного *(единичного)* случая соотношения между высотой урожая и душевым потреблением алкоголя. Но пользоваться шаблонным (сделавшимся в нашей литературе чуть ли не труизмом[5]) объяснением легче. И вот из отдельных фактов (из которых большинство приходится на долю фиктивного повышения и понижения душевого потребления) параллелизма между движением урожаев и душевого потребления спиртных напитков вырастает целая «легенда», на столько упрочившаяся (и санкционированная попытками quasi-научного ее обоснования), что всякий признак ослабления этого параллелизма в период действия казенной продажи без всякого колебания ставится за счет «влияния новой системы» (см. «Казенная продажа» стр. 191, 142; В.Норов «Казенная вин<ная> монополия и т. д.», стр. 51–68).

К сожалению, стремление пользоваться такими шаблонными объяснениями колебаний душевого потребления алкоголя зачастую замечается и в новейших статистических обзорах потребления спиртных напитков в монопольных районах: речь идет об отдельных губерниях (и вообще малых районах) и обнаружить в каждом данном случае истинные причины колебаний душевого потребления может лишь *местное* обследование, которое одно может не упустить ни одного из пертурбационных моментов, могущих вызвать изменение в размере

потребления. Однако в отдельных случаях поверхностность упомянутого объяснения (сводящего все колебания душевого потребления в местностях с земледельческим населением к колебаниям урожаев) обнаруживается из данных тех же самых официальных источников. Например, при рассмотрении движения душевого потребления по Пермской губернии за 1899 год (по месяцам), резкое повышение душевого потребления, наблюдаемое в мае и относимое «Статистикой казенной продажи» к влиянию хороших видов на урожай, при ближайшем рассмотрении оказывается вызванным увеличением потребления как раз в тех уездах, которые *тем же официальным источником* относятся к промышленным по преимуществу; уезды же земледельческие в оживлении потребления почти что и не участвуют. Подобных примеров при желании можно бы найти еще немало, но для наших задач это было бы излишне, нам только важно было еще лишний раз констатировать вредное влияние «легенды» о тесной связи между урожаем и потреблением спиртных напитков на выводы алкогольной статистики и при том даже и в той фазе ее развития, когда для правильного (основанного на детальном изучении и сопоставлении местных данных) объяснения наблюдаемых колебаний имелись налицо все нужные данные, и сама разработка вопроса о причинах колебаний производилась *на местах* (а не переносилась в центральные учреждения, волей-неволей вынужденны действовать наполовину ощупью, дополняя догадками обстоятельства, которые у местного исследователя были перед глазами, и во всяком случае легко могли быть им собраны и в нужных частях проверены и дополнены).

В заключение – несколько слов о тех цифровых данных, которыми мы пользовались для графического изображения колебаний урожаев (сбора хлебов) на относящейся к настоящей главе диаграмме.

Ввиду крайне несовершенных приемов, применявшихся при учете урожаев за время до 1880 года, мы сочли излишним производить для этого периода самостоятельный переучет количества хлеба, приходящегося на душу населения (согласно цифрам населения, положенным нами в основу учета душевого потребления алкоголя), и воспользовались готовыми цифрами, вычисленными г. Покровским для известной книги: «Влияние урожаев <на некоторые стороны русского народного хозяйства>»; цифры эти тем более пригодны для сопоставления с нашими цифрами душевого потребления алкоголя за время до 1880 года, что за этот период принятые нами цифры населения 50-и губ<ерний> Европейской России очень мало расходятся с соответствующими цифрами населения г. Покровского. Так как г. Покровский выражает количество хлеба на душу населения не в абсолютных единицах (пудах), а в % отношении к среднему за весь пери-

од 1870–1894 гг., то мы сочли нужным продолжить ряд до 1894 года включительно. Вот этот ряд:

1870 г. – 127,4	1883 г. – 101,4
1871 г. – 100,8	1884 г. – 107,7
1872 г. – 102,5	1885 г. – 90,2
1873 г. – 106,8	1886 г. – 100,3
1874 г. – 105,3	1887 г. – 114,4
1875 г. – 90,2	1888 г. – 108,3
1876 г. – 94,6	1889 г. – 82,9
1877 г. – 102,9	1890 г. – 97,2
1878 г. – 105,8	1891 г. – 73,7
1879 г. – 93,5	1892 г. – 86,6
1880 г. – 86,9	1893 г. – 104,4
1881 г. – 105,0	1894 г. – 121,2
1882 г. – 98,0	1870–1894 гг. – 100,0

Но для периода 1883–1894 гг., для которого имеются уже достаточно точные сведения об общем сборе хлебов (в изданиях Центр<ального> Стат<истического> Комитета: «Урожай»), мы сочли необходимым произвести учет количества хлеба, приходящегося на душу населения, пользуясь выведенными нами выше цифрами населения (более согласованными как с результатами переписи 1897 года, так и с имеющимися в нашем распоряжении сведениями об естественном приросте и механическом передвижении населения 50-и губерний Европейской России); таким образом нами был получен следующий ряд цифр:

На 1 душу населения приходилось чистого сбора хлебов и картофеля*:	На 1 душу населения приходилось чистого сбора хлебов и и картофеля:
1883 г. – 21,5 пуд.	1889 г. – 16,6 пуд.
1884 г. – 23,1 пуд.	1890 г. – 20,6 пуд.
1885 г. – 18,2 пуд.	1891 г. – 14,7 пуд.
1886 г. – 21,4 пуд.	1892 г. – 19,4 пуд.
1887 г. – 25,3 пуд.	1893 г. – 29,3 пуд.
1888 г. – 23,8 пуд.	1894 г. – 28,6 пуд.

Для промежуточного времени – между 1880 и 1883 годом в нашей урожайной статистике имеется пробел, мы не знаем, каким образом

* Пуд картофеля принят эквивалентным 1/4 пуда зернового хлеба (сравни Лохтин: «Состояние сельского хозяйства в России», 1901 г., стр. 156).

получил для этого периода свои цифры г. Покровский. Сам он не дает на этот счет никаких объяснений; другие же исследователи, несомненно вполне компетентные по вопросам русской статистики, за отсутствием сколько-нибудь надежных данных, предпочитают вовсе отказаться от вывода цифр общего (или по расчету на душу) сбора хлебов для помянутых лет (сравни, например, Туган-Барановский: «Итоги промышленного развития России» и «Русская фабрика»).

Общее представление о характере колебаний урожаев за время с 1880 по 1883 год могут дать цифры, приводимые в официальном издании «Сельское и лесное хозяйство России». Цифры эти выражают колебания урожаев в % к среднему за период 1880–1891 гг., урожаи ржи, овса и «всех хлебов» колебались, согласно указанному источнику, за время с 1880–1891 год следующим образом:

(в % к среднему)

Год	рожь	овес	«все хлеба»
1880	73,6	89,5	83,7
1881	89,1	107,4	103,7
1882	88,5	100,1	96,6
1883	79,6	100,1	90,7
1884	102,9	93,4	97,7
1885	105,2	72,5	82,4
1886	98,1	104,5	96,2
1887	110,6	108,7	109,9
1888	111,1	99,8	110,7
1889	83,9	91,8	84,1
1890	95,1	95,6	95,2
1891	70,4	75,3	73,6

Цифры этой таблицы до 1883 года, конечно, не могут претендовать на точность, но все же они, по нашему мнению, являются более надежным материалом для общих заключений о колебаниях общего (а отсюда и душевого) сбора хлебов за 1880–83 годы, чем цифры г. Покровского. Во всяком случае, вряд ли можно сомневаться, что сбор хлебов по расчету на душу был в 1883 году ниже, чем в 1882 году (вероятно немногим лишь выше, чем сбор – по расчету на душу – малоурожайного 1880 года*). Таким образом, для периода

* Урожай ржи – по данным губернаторских Всеподданейших отчетов – за 1880–83 гг. изменялся так: 1880 г. – сам 3,3; 1881 г. – 4,5; 1882 г. – 4,2; 1883 г. – 3,8; по данным Департ<амента> Земледелия – в четвертях с десятины: 1881 г. – на крестьянских землях – 5,88 и на владельческих – 7,04;

1883–1894 гг. мы наносим на диаграмму (№ 1), кроме кривой «общего сбора хлебов» (составляющей – после разрыва 1881–1882 гг. – продолжение аналогичной линии за 1870–1880 гг.), еще вторую кривую, ординаты которой выражают количество хлеба (чистого остатка за вычетом семян) и картофеля (1 пуд картофеля = 1/4 пуда зернового хлеба) по расчету на 1 душу населения. Для периода с 1880–1883 гг. мы имеем для суждения о колебаниях урожая (всех хлебов) лишь одну пунктирную линию, ординаты которой соответствуют цифрам последнего столбца вышеприведенной таблицы из журнала «Сельское и лесное хозяйство России»; для наглядности мы продолжаем эту пунктирную линию и дальше 1883 года, причем она наглядно выступает как параллельное колебание с колебаниями сплошной линии «общего сбора хлебов» в абсолютных единицах (в четвертях), так и соответствие масштабов, выбранных при построении той и другой линии*, так что пунктирная линия за 1880–1883 гг. до известной степени может заполнить разрыв в сплошной линии «общего сбора», соответствующий этим годам. Наконец, для периода 1870–1880 гг., кроме кривой «общего сбора», мы наносим еще вторую кривую, соответствующую относительным цифрам г. Покровского.

1882 г. – соответственно – 5,82 и 6,91; 1883 г. – 4,65 и 5,65 четвертей с десятины (общий сбор ржи в 1881–82 гг. в среднем = 957,3 млн.четвертей; в 1883 г. – 792,5 млн. четвертей).

* Соответствие масштаба выражается *приблизительным равенством* амплитуды колебаний той, или другой линии на диаграмме.

Потребление спиртных напитков и периодические колебания промышленности (неземледельческой)

Мы показали выше, что ни колебания урожаев, ни последовательные повышения акцизных ставок не отразились сколько-нибудь заметным образом на движении душевого потребления спиртных напитков. Что касается изменения числа питейных заведений, то, как мы видели, оно вообще лишь следовало за изменениями потребления, изменившегося независимо от этого фактора; исключение составляют 1874–1875 гг., когда действительно сокращение числа питейных заведений могло содействовать понижению душевого потребления, но и здесь влияние этого фактора лишь присоединилось к действию других моментов, которые и помимо сокращения числа питейных заведений все равно вызвали бы падение потребления. Это явствует из того, что понижение потребления началось *раньше* введения в действие правил (о розничной торговле питиями) 1874 года, больше того, - можно даже с уверенностью утверждать, что и *помимо* сокращения числа питейных заведений, потребление сократилось бы в конечном счете *до той величины,* до какой оно сократилось при действии правил 1874 года. Действительно, как показывает движение числа заведений и среднего оборота на 1 заведение, в 1876 году сжатие потребления (под влиянием самостоятельных причин) успело уже перегнать сокращение числа заведений настолько, что само стало причиной дальнейшего сокращения числа заведений. Таким образом, конечные пункты, потребление 1873 и потребление 1876 года, определились независимо от влияния сокращения числа заведений. *Закон 1874 года мог лишь изменить порядок, в каком совершалось падение* душевого потребления *с 1873 по 1876 год,* т. е. сделать это сокращение более, или - наоборот - менее равномерным, чем это было бы, если бы *относительное* (по сравнению с оборотом) число питейных заведений оставалось за это время без изменений*. На общие же контуры

* Или, что тоже, если бы *общее* число питейных заведений изменялось пропорционально изменению потребления.

кривой душевого потребления за 70-е годы сокращение числа заведений по закону 1874 года не оказало никакого влияния.

Но отчего же в таком случае зависел общий ход кривой душевого потребления за 20-летний период с 1867 по 1886 год включительно? Уже при первом взгляде на диаграмму № 1 нельзя не обратить внимания, что кривая, выражающая это движение, отличается вполне определенно выраженным *волнообразным* характером с очень *большим (около 10 лет) периодом колебаний.* Уже этого одного было бы собственно достаточно, чтобы исключить предположение, что движение это есть результат колебаний урожаев, или последовательных повышений акцизных ставок: в первом случае кривая представляла бы постоянную резкую смену подъемов и падений с весьма коротким (в 2–3 года) периодом колебаний; во втором – непрерывно понижающуюся ломаную линию с резкими падениями, соответствующими моментам повышения обложения.

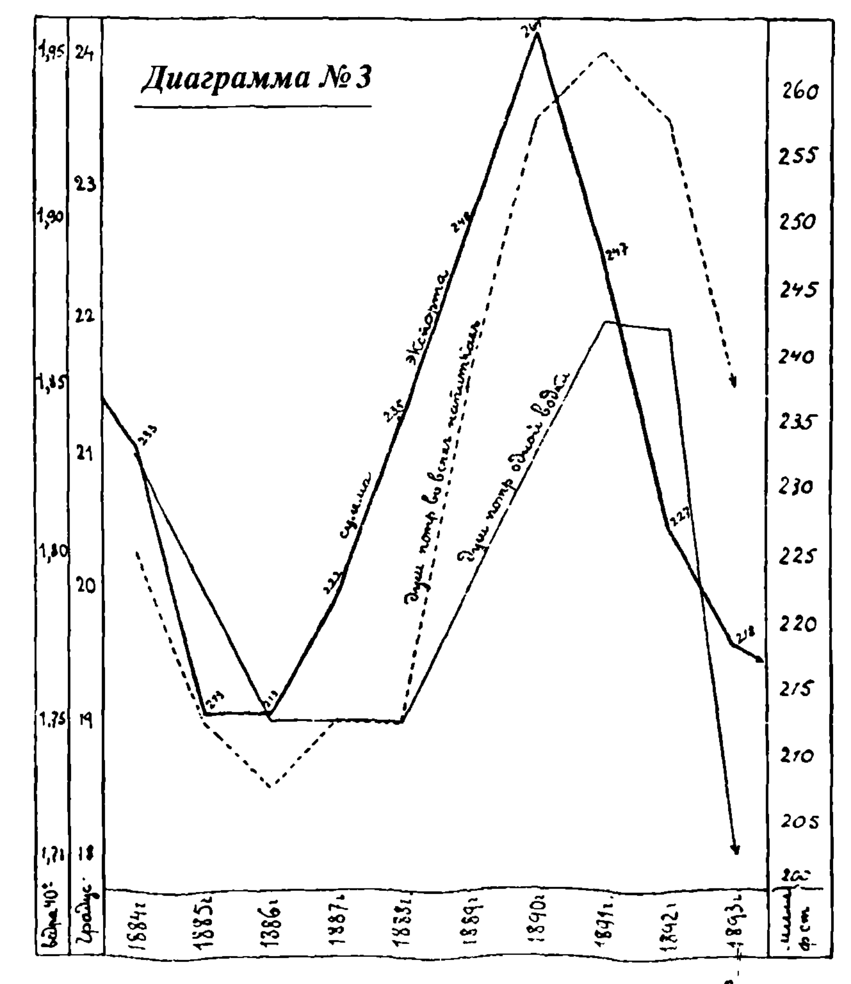
Правильность колебаний и продолжительность периода колебаний невольно заставляют остановиться на мысли, что в основе движения душевого потребления за рассматриваемый период лежит повторяющаяся смена периодов депрессии и оживления, характерная для циклического хода капиталистической промышленности. Ближайшее рассмотрение вопроса убеждает, что между тем и другим явлением существует полный параллелизм. Трудно было бы даже нарочно придумать пример более полного совпадения рядов, и, если только вообще позволительно на основании совпадения в изменении двух общественных явлений, делать вывод о существовании между ними причинной связи, то зависимость движения душевого потребления от колебаний промышленности не может подлежать никакому спору; только предвзятым мнением можно себе объяснить игнорирование большинством исследователей этой бросающейся в глаза зависимости и стремление путем различных натяжек свести основные колебания душевого потребления к смене урожайных и неурожайных годов. При полном параллелизме между движением душевого потребления в России и движением русской промышленности все аргументы против существования у нас зависимости между колебаниями урожаев и колебаниями промышленности являются eo ipso[1] аргументами и против существования такой же зависимости между урожаями и потреблением спиртовых напитков. Вот что говорит по этому поводу г. Туган-Барановский в своей книге по истории русской фабрики: «Промышленный застой середины семидесятых годов совпадает скорее с хорошими, чем с дурными урожаями: из 4 лет, 1874–1877 гг., урожай 1874 г. был даже одним из наилучших. Конец 70-х годов и начало восьмидесятого были несомненно эпохой оживления нашей промышленности. Было

ли это оживление вызвано урожаями? Правда, урожай 1878 г. был очень хорош, но зато урожаи 1879 и 1880 годов были ниже среднего. Время от 1882–1886 гг. было эпохой депрессии. Между тем только один год (1885) этой эпохи был неурожайным, а 1884 и 1886 годы никак нельзя назвать неурожайными, и все-таки промышленность была в застое. Напротив, неурожайная эпоха начала 90-х годов едва была в силах немного приостановить рост общей цифры рабочих и хлопчатобумажного производства»*.

В этой цитате мы везде можем, в полном соответствии с фактами, слова́ «оживление промышленности» и «депрессия промышленности» заменить словами «оживление потребления спиртных напитков» и «депрессия потребления спиртных напитков». Было бы неправильно искать исключительно местных причин оживления нашей промышленности в начале и конце 70 годов и тем более во 2 половине 80 годов. Сказать, например, что причина оживления нашей промышленности в начале 70-х годов заключалась в усиленной постройке железных дорог, еще не значит указать настоящую причину оживления. Если бы начало 70-х годов было временем *общего* промышленного *застоя*, то, несмотря на создание полезности и даже необходимости постройки железных дорог, постройка все-таки не приняла сколько-нибудь значительных размеров. При недостатке капиталов, ищущих себе помещения, могла бы происходить лишь постройка безусловно необходимых стратегических линий усилиями правительства, а отнюдь не постройка частных линий, хотя бы и гарантированных правительством. Уже одно полное соответствие колебаний русской и западно-европейской (например, английской, см. Туган-Барановский, указ. соч., стр. 314) промышленности заставляет предполагать, что причины их не местного характера. «Уже из того, что эти колебания, в общем, совпадают с колебаниями английской промышленности, можно заключить, что причины их не местного характера. В развитии нашей

* Этот факт не должен казаться парадоксальным, так как, во-первых, фабрики могут работать не только для немедленного сбыта, но – в известных границах (зависящих от силы предприятия и наличности кредита) – и на запас, а во-вторых, при понижении покупательных сил у массы населения – производства, подобные хлопчатобумажному, могут поддерживать свой сбыт, если не на прежнем, то, во всяком случае, на близком к прежнему уровне, посредством перехода к выработке продуктов низшего качества (а потому и более дешевых), на которые в подобные моменты предъявляется усиленный спрос, как это видно, например, из отчетов о ходе Нижегородской ярмарки в неурожайные годы (усиленный спрос на ивановские 15-вершковые ситцы и тому подобные товары низшего достоинства).

промышленности отражается периодичность, свойственная капиталистическому производству всего мира. Чередование эпох оживления и застоя промышленности является в нашем пореформенном хозяйстве таким же обычным явлением, как и в других капиталистических хозяйствах» (Туган-Барановский, указ.соч., стр. 317). Как же отражаются *там* эти колебания на потребление спиртных напитков? Чтобы не ходить далеко, остановимся на фактах английской жизни за 80–90-е годы. Первая половина 80-х – до 1886-го включительно – в Англии, как и у нас в России, характеризуется крайней депрессией промышленности; с 1887-го начинается оживление, достигающее своего кульминационного пункта к 1890 году, начиная с которого волна промышленного оживления опять постепенно падает. Самым чувстви-



тельным показателем этих колебаний являются цифры английского экспорта. Вот как колебался за указанное время английский экспорт и как изменялось за то же время душевое потребление алкоголя и душевое потребление одной водки*. Диаграмма показывает, что оживление промышленности ведет за собой резкий подъем душевого потребления и, наоборот, застой промышленности вызывает депрессию потребления. При этом замечается, что фазы периодических колебаний кривой душевого потребления запаздывают по сравнению с фазами кривой экспорта приблизительно на один (½–1) год. Если бы мы взяли для анализа эпоху оживления начала 70-х годов, то и здесь увидали бы совершенно тоже: вместе с ростом экспорта (показатель оживления промышленности) растет и душевое потребление алкоголя, причем кривая душевого потребления спиртных напитков достигает своей вершины годом позже кривой экспорта. Если предположить, что в условиях русской жизни существует аналогичная связь между состоянием промышленности и душевым потреблением алкоголя, то мы можем на основании сведений о колебаниях нашей промышленности за время с 1867 по 1887 год построить a priori кривую, выражающую вероятное движение душевого потребления за это время.

---

* Примечание к диаграмме № 3:

Годы	Экспорт: (в млн. фунт.стерл.)	Душевое потребление: водки в град.	всех напитков в ведрах 40°
1884	233	21	1,80
1885	213	20	1,75
1886	213	19	1,73
1887	222	19	1,75
1888	235	19	1,75
1889	249	20	1,85
1890	264	21	1,93
1891	247	22	1,95
1892	227	22	1,93
1893	218	18	1,85

Тоже и за время промышленного подъема начала 70-х годов. Промышленное оживление (показателем которого является цифра экспорта), начавшееся с конца 60-х годов, постепенно усиливаясь, достигает своего maximum'a в 1872 году (цифры экспорта с 1869-го по 1872-й год растут следующим образом: 190, 200, 223, 256 млн.фунт.стерл.). Параллельно этому идет и рост душевого потребления алкоголя; не превосходя в 1869 году 0,67 галлонов[2] на душу, оно постепенно поднимается к 1872-му году до 0,76 галлонов, но в то время как цифра экспорта достигает своей высшей точки в 1872 году, и со следующего - 1873 года начинает уже падать, - цифра душевого потребления продолжает расти и в 1873 году, поднимаясь с 0,76 галлонов до 0,85 галлонов (цифры душевого потребления - приближенные).

Период с 1867 по 1871 год - время подъема нашей промышленности, в 1871 г. железнодорожное строительство достигает своего кульминационного пункта, в течение 1872–1874 гг. замечается уже некоторое сжатие, переходящее в 1875 г. в решительную реакцию. Сообразно с этим a priori надо ожидать, что кривая душевого потребления с 1867-го по 1872-й (запаздывание maximum'а) будет иметь восходящее направление, с 1873-го начинается понижение, сперва (1873-1874 гг.) медленное, потом (с 1875-го) более быстрое и решительное.

Наибольшей депрессии наша промышленность достигла в 1876 году. Сообразно с этим следует предположить, что minimum душевого потребления упадет на 1877 год. В 1877 году* начинается новый период оживления, достигающего своего апогея к половине 1879 года (сравни Безобразов[3] «Народное хозяйство России», ч. I, стр. 276–277).

Сообразно с этим *надо ждать*, что кривая душевого потребления, начиная с 1878 года, начинает идти вверх и при том ввиду необычайной силы, оживления, охватившего промышленность (см. Безобразов, указ. соч.**), очень крутым подъемом, пока к концу 1879 года (и в начале 80-го) не достигает нового maximum'а. Дальнейший ход нашей промышленности представляет собой непрерывное падение вплоть до 1886 года, когда замечаются признаки оживления железнодорожного строительства, знаменующие наступление новой эпохи процветания (1887-1890 гг.). Падение это начинается резким потрясением промышленности*** (реакция на спекулятивные увлечения 1878–1879 гг.), а затем переходит постепенно в хронический застой. Сообразно с этим следует ожидать, что душевое потребление с 1880 года начнет падать: сперва довольно резким скачком, а потом с некоторыми задержками, пока не достигнет к 1886 году своего минимума.

Сравнивая эти «предположения» с действительным ходом кривой душевого потребления за время с 1867 по 1887 год, мы видим, что для объяснения колебаний этой кривой (за исключением ничтожного повышения душевого потребления в 1883 году - повышения, которое,

---

* В особенности в конце 1877 года после падения Плевны (сравни «Народное хозяйство в России», В.П.Безобразова, стр. 277).

** Отмеченное выше запаздывание maximum'а потребления не выступает в данном случае благодаря *несовпадению* обоих *maximum'ов с календарными годами:* в действительности рост *предприятий* - (расширение *основного* капитала) достиг своего maximum'а уже *осенью 1879 г.*, рост же потребления (на сколько об этом можно судить по ежемесячным поступлениям акциза) продолжался *до весны 80 г.*

*** Вследствие резкого сокращения спроса на рабочих имели место в некоторых губерниях даже «рабочие волнения» (Безобразов, указ. соч., стр. 292).

как мы указывали выше, скорее всего должно быть признано фиктивным) *вполне достаточно одного влияния периодических колебаний промышленности.*

Впрочем, к концу периода 1867–1887 гг. обнаруживается привходящее влияние нового фактора. Действительно, сравнивая потребление середины 80-х годов (1886 г.) с потреблением середины 70-х (1876–1877 гг.), мы видим, что maximum середины 80-х годов значительно ниже maximum'а середины 70-х годов, несмотря на то, что застой промышленности в первом случае был выражен отнюдь не менее резко, чем во втором. Такое явление допускает двоякое объяснение: или потребление спиртных напитков к 80-м годам стало более чувствительным к изменениям промышленного темпа, или к действию промышленного застоя середины 80-х годов присоединялось еще действие другой причины, самостоятельно влиявшей на потребление спиртных напитков в том же направлении, как первый фактор. В первом случае амплитуда колебаний душевого потребления спиртных напитков должна бы была увеличиться в период 1884–95 гг. (по сравнению с предыдущим периодом 1867–1883 гг.) не только за счет понижения minimum'ов, но и за счет повышения maximum'ов. В действительности мы не видим ничего подобного. Ближайшее рассмотрение динамики потребления за время с 1883 года показывает, что *усилилось исключительно влияние* эпох промышленного *застоя,* эпохи же промышленного оживления отражаются на потреблении не только не сильнее, а, напротив, гораздо слабее, чем в период до 1883 года. В то время, как в период 1867–1883 гг. всякое оживление промышленности вызывало резкий подъем душевого потребления, в следующий период (с 1883 года) эпохи оживления промышленности отражаются на потреблении лишь приостановкой (или же даже только замедлением) падения и лишь в исключительных случаях незначительным повышением цифры душевого потребления (по сравнению с эпохой депрессии). Так, эпоха оживления 1887–1889 годов отразилась на душевом потреблении лишь тем, что подняла цифру душевого потребления 1887 года на $^1/_2$ градуса по сравнению с цифрой 1886-го – года наибольшей депрессии промышленности, да и этот незначительный подъем не мог продержаться до конца периода оживления. Небывалый по своей интенсивности рост нашей промышленности, начавшийся после застоя начала 90-х годов, вызвал подъем потребления всего на $1^1/_2$ градуса по сравнению с минимальной величиной за 90-е годы. Ввиду сказанного, не может подлежать сомнению, что с 80-х годов (особенно с 1884 года) к уже рассмотренному нами влиянию колебаний промышленности присоединилось влияние *нового фактора,* действующего на потребление депрессивно, с приблизительно одинаковой силой, как

13 Зак. 13

в периоды застоя промышленности (усиливая действие этого застоя), так и в периоды оживления промышленности (более или менее парализуя влияние этого оживления). Что это за новый фактор, мы рассмотрим в дальнейшем. Теперь же для нас важно отметить, что при допущении некоторой постоянной (т. е. действующей с приблизительно постоянной силой) причины, стремящейся понизить душевое потребление спиртных напитков, ход кривой душевого потребления за время с 1883 года вполне согласуется со сделанными нами выше (на основании данных о движении промышленности за 1867–1887) выводами относительно тесной связи, существующей между движением душевого потребления алкоголя и периодическими колебаниями промышленности. Различие между обоими периодами лишь в том, что в то время, как в период 1867–1883 гг. для объяснения динамики потребления было достаточно *одних* колебаний промышленности, в период 1884–1895 гг. одного этого момента уже недостаточно. Движение душевого потребления совершается здесь по равнодействующей двух моментов: 1) периодических колебаний промышленности и 2) некоторой новой, не проявлявшей своего действия до 80-х годов – причины, действующей на потребление угнетающим образом с приблизительно постоянной силой как в периоды промышленного застоя, так и в периоды промышленного оживления.

Если бы на душевое потребление 1880–1895 гг. действовал один первый момент, то движение душевого потребления выразилось бы волнообразной кривой *с постоянным центром колебаний*. Если бы действовал один 2-й момент, то движение душевого потребления изображалось бы нисходящей *прямой* (графическое выражение равномерного падеиия). При взаимодействии обоих моментов нисходящая прямая обратится *в нисходящую ломаную* (кривую), отдельные элементы которой имеют различное наклонение к горизонтальной оси координат. Именно в моменты, соответствующие депрессии промышленности, кривая падает более круто, в моменты промышленного оживления более отлого, переходя в моменты наивысшего оживления – в горизонтальную и даже *восходящую* (с ничтожным, впрочем, наклонением к горизонтальной оси). Такую именно форму и имеет в действительности кривая душевого потребления за 1883–1895 гг.*. Непредвиден-

---

* Если принять сделанное нами выше объяснение повышения душевого потребления в 1883 году (более точный учет спирта), то все ординаты кривой за время 1867–1882 гг. должны быть несколько увеличены (на величину не меньше разницы ординат для 1882 и 1883 года, а вернее – на несколько большую). В таком случае кривая за 1880–1886 гг. приблизится к форме нисходящей (во всех своих частях) ломаной линии.

ными и необъяснимыми вышеуказанными причинами является только движение душевого потребления за 1891–1893 гг.*. Уже выше, при рассмотрении движения потребления в связи с урожаями, мы видели, что бедственные для народного хозяйства 1891–1892 гг. отразились на движении душевого потребления совершенно так же, как самые благополучные за весь рассматриваемый период 1887–1888 гг. Теперь мы можем еще прибавить к сказанному, что урожайные 1887–1888 гг. являлись в то же время и годами промышленного оживления, сменившего застой 1-й половины 80-х годов, а бедственные для земледелия (в силу метеорологических причин) 1891–1892 гг. совпали с моментом застоя промышленности, начавшегося в силу самостоятельных причин. В чем же объяснение такого, на первый взгляд странного, факта? И действительно ли тот факт, что кризис земледельческой промышленности (достигающий известной степени интенсивности) может оказывать на движение душевого потребления совершенно такое же действие, как моменты оживления в сфере неземледельческой промышленности (совпавшие при том, – как это было в 1887–1888 гг. – с выдающимися урожаями), является неожиданным и странным? В действительности указанный факт остается необъяснимым лишь до тех пор, пока мы будем держаться общепринятого взгляда на способ (механизм) воздействия экономических факторов на потребление. Этот общепринятый взгляд сводится к предположению, что единственным, и во всяком случае, *главным* способом воздействия экономических моментов на потребление является либо изменение покупательных средств населения, либо изменение цены продукта, вообще, изменение отношения между ценой продукта и покупательными средствами населения. Понятно, что с этой точки зрения динамика душевого потребления за *1891–1893* гг. является исключительным, необъяснимым явлением**,

---

* *Дальнейший* подъем *потребления* – в 1894 г. – может быть объяснен влиянием высокого урожая 1893 года (в соединении с прекрасным урожаем самого 1894 года), а отчасти и начавшимся оживлением промышленности (в частности – усилением железнодорожного строительства). Но на цифру 1893 года (не говоря уже о 1891 и 1892 годах) влияние обоих этих моментов еще не могло сказаться (урожай 1893 года, следовавший за двумя годами такого неурожая, как 1891-1892 гг., истощившими все запасы населения, – ни в каком случае не мог отразиться на благосостоянии населения *в том же 1893 году)*.

** Что это явление *не случайное*, – доказывается совершенно аналогическим (даже выразившимся еще более резко) влиянием на душевое потребление *немонопольного* района неурожая 1897 года (как это мы видели выше при рассмотрении динамики потребления за «переходный» период), хотя от этого неурожая потерпели *главным образом* именно губернии этого последнего *(т. е. немонопольного)* района.

так как не может быть ни малейшего сомнения, что не только у отдельных групп населения, но и у всей массы населения в среднем в период 1891–1892 гг. сумма покупательных средств, остающихся за удовлетворением насущных потребностей (физиологический minimum) значительно сократилась даже по сравнению со «средними» годами, не говоря уже о таких исключительных периодах, как двухлетие 1887–1888 гг. Между тем цена спиртных напитков для непосредственных потребителей не только не стояла в 1891–1892 годах ниже обычного уровня, но напротив, насколько эта цена вообще зависит от производственной стоимости (и оптовых цен), она должна была в эти годы стоять скорее выше обычного уровня.

Но спрашивается, действительно ли изменение отношения между ценой продукта и покупательными силами потребителей является единственным, или хотя бы преобладающим способом воздействия экономических моментов на потребление? Что такое предположение неверно, это достаточно показывает пример 1891–1892 годов. Кроме выдающегося по своей интенсивности и экстенсивности неурожая и непосредственно связанных с ним последствий, мы решительно не в состоянии при всем желании указать какие-нибудь иные пертурбационные моменты, достаточно сильные, чтобы на их счет можно было отнести ту резкую перемену в динамике потребления алкоголя и прочих продуктов не первой необходимости, какую обнаруживает сравнение периода до и после 1891–1892 года. Связь между этой переменой и потрясением, испытанным народным хозяйством вследствие недорода 1891 года, не может подлежать никакому сомнению. Задача сводится только к тому, чтобы выяснить характер этой связи, те посредствующие звенья, благодаря которым фактор, вызвавший резкое сокращение покупательных средств населения, при прежних или даже повысившихся ценах, мог оказать резко благотворное влияние на динамику потребления алкоголя, сахара, чая и тому подобных продуктов не первой необходимости (приостановить систематическое падение потребления первого продукта и повысив потребление двух последних; сравни выше, гл. III и ниже спец. главу IX).

Глава 5.

Влияние на общее потребление алкоголя перехода от спорадического к привычно-регулярному потреблению

Количество алкоголя, потребляемое каждым субъектом (в единицу времени), вообще говоря, зависит от следующих моментов: 1) от потребности субъекта в опьянении (наркотизации); 2) от степени чувствительности данного субъекта к алкоголю (другими словами, от силы опьяняющего эффекта, производимого на данного субъекта единицей объема алкоголя); 3) от богатства субъекта, т. е. от отношения между потребностями субъекта и средствами для их удовлетворения (если потребности субъекта и цену продуктов потребления принять за условие постоянное, то богатство субъекта будет определяться величиной его покупательных средств).

Если мы примем чувствительность субъекта к алкоголю за величину постоянную, то размер потребления в определенную единицу времени, например в год, будет тем выше, чем сильнее потребность субъекта в опьянении, и чем больше средства, которыми он располагает для удовлетворения всех вообще потребностей*; напротив, при неизменной данной потребности субъекта в опьянении и при неизменном богатстве, размер потребления в определенную единицу времени будет тем меньше, чем выше чувствительность субъекта к алкоголю.

Таким образом, 1-й и 3-й моменты, определяющие размер потребления, находятся с потреблением в прямом отношении, 2-й момент – в обратном. Вполне ли, однако, определяют указанные моменты размер потребления в единицу времени? Как априорные соображения, так и прямое наблюдение говорят, что эти моменты вполне опреде-

---

* Общая сумма средств распределяется между отдельными потребностями, согласно закону наивысшей экономии средств, т. е. так, чтобы при данных ограниченных средствах получить наибольшую сумму удовлетворения, а это, как мы знаем из теории предельной полезности, будет достигнуто тогда, когда предельная полезность всех предметов (в эквивалентных единицах), служащих для удовлетворения потребностей, будет одинаковая.

ляют потребление лишь при наличности следующих условий: 1) что алкогольный напиток (или напитки) служат исключительно для удовлетворения потребности в опьянении (наркотизации), 2) что способ потребления алкоголя остается без изменения. Первое условие довольно близко соответствует тому, что имеет место в русской жизни: подавляющая масса русских потребителей пьет для получения известного психического эффекта, а не для гигиенических целей, и еще меньше для получения гастрономических ощущений. Что касается второго условия, то и его допущение еще не очень давно не возбудило бы сомнений. У нас всегда, наряду с массой нерегулярных потребителей, существовала группа лиц, для которых алкоголь являлся привычным ежедневным возбудителем. Но отношение между численностью этих 2-х групп оставалось приблизительно постоянным, или, по крайней мере, изменялось так нечувствительно, что этой «эволюцией» можно было смело пренебречь при изучении законов массового потребления. Но в последнее время, вместе с усилением и обострением процесса дифференциации деревни, перераспределение потребителей между указанными группами стало совершаться в большом масштабе и притом зачастую резкими скачками. Ввиду этого в настоящее время является уже невозможным при изучении динамики потребления игнорировать вопрос *о способах потребления*. Как мы увидим ниже, именно этот момент (т. е. изменение в способах потребления), а не изменение покупательных средств населения, является *главным* моментом, через посредство которого оказывают свое влияние на динамику потребления различные экономические пертурбации.

В общих чертах зависимость между количественным моментом, т. е. общим размером потребления в единицу времени и способом потребления может считаться достаточно установленной и не вызывает разногласия исследователей. Различают два основных способа потребления: привычно-регулярный и нерегулярный - случайный. Различие между этими двумя способами не столько количественное, сколько качественное. При регулярном потреблении одновременно вводимая доза алкоголя *обыкновенно* малая или средняя, при нерегулярном, как общее правило, - выше среднего, но признак этот отнюдь не является существенным. *Существенное различие* лежит в психологической основе, *в мотивах потребления* в том и другом случае. В случаях регулярного потребления привычная доза алкоголя имеет для потребителя в значительной степени, а нередко и исключительно, отрицательное значение. Привычная доза нужна ему, главным образом, не для получения *положительного* эффекта в виде поднятого, возбужденного настроения, а для *устранения* тех *тягостных*, угнетающих *ощущений*,

которые его неизбежно ожидают *без этой* привычной *дозы*. Положительный же эффект может быть или не быть, это до существа дела не относится. Напротив, потребитель нерегулярный всегда имеет ввиду положительный эффект (поднятое настроение), часто покупаемый ценой долгого и тяжелого предыдущего воздержания (чего не могло бы быть, если бы потребление и здесь имело только отрицательную цену). Состояние «похмелья» – аналогичное чувству неудовлетворенности, испытываемому регулярным потребителем без обычной дозы, здесь, именно вследствие отсутствия у нерегулярного потребителя привычки к алкоголю, ни в каком случае не может сделаться источником удовольствия (даже при полной возможности соответственным образом «опохмелиться»). Похмелье является тяжелой расплатой за предыдущее положительное удовлетворение, неизбежным злом, от которого стараются как можно скорее освободиться. При этом, во избежание недоразумений в дальнейшем, считаем нужным отметить, что *мы ничуть не отождествляем нерегулярное потребление со злоупотреблением*. Нерегулярное потребление вполне возможно без злоупотребления, равно как регулярное потребление вполне совместимо с крайними излишествами. *Потребление будет регулярным или нерегулярным исключительно в зависимости от того, является ли алкоголь для потребителя привычным возбудителем, без которого потребитель чувствует себя ненормально**, *или же, наоборот, алкогольное возбуждение является для пьющего субъекта «экстренным» возбудителем, временно поднимающим настроение выше обычного уровня* (и тем нарушающим гнетущее однообразие будничных впечатлений или заглушающим какие-нибудь тягостные чувства).

Из сделанной выше общей характеристики регулярного и нерегулярного потребления уже ясно, что для *психологической возможности* регулярного потребления необходимо, чтобы общее количество алкоголя, каким располагает субъект в единицу времени, – например в год, – было по крайней мере таково, чтобы обеспечить ежедневную

---

* Таким образом *вынужденные* (например, неимением денег) перерывы *сами по себе* еще не делают потребление *нерегулярным* (в том значении этого термина, какой усвоен нами выше). Все зависит от того, сохраняется ли во время этих перерывов потребность в алкоголе, *как привычном возбудителе*, отсутствие которого вызывает в организме известную сумму *отрицательных* (тягостных, неприятных) ощущений, для *устранения* которых требуется введение в организм привычной дозы алкоголя. Надо заметить, что *вынужденные* перерывы в потреблении *привычного* возбудителя обыкновенно повышают интенсивность потребности в нем, а вместе с тем и дозу, нужную для удовлетворения потребности.

порцию не меньше той, какая вообще способна вызывать в данном субъекте нервно-психическую реакцию. Доза эта варьирует смотря по субъекту, но все же можно указать и объективную границу, ниже которой она может опускаться лишь в чисто *патологических* случаях (идиосинкразии[1]). Для обыкновенного потребителя эта минимальная доза может быть определена, по крайней мере, в одну унцию водки ($^{1}/_{4}$ чарки). Ввиду этого уже a priori, раньше всякого наблюдения, можно утверждать, что в России главная масса потребителей относится к категории нерегулярных. Действительно, если даже относить к *реальным* потребителям одних только лиц рабочего возраста*, мы все же получим в среднем для России такую низкую цифру душевого потребления алкоголя, что предположение о *регулярном* его потреблении всеми или хотя бы большею частью, действительных потребителей является психологически невозможным. Если же мы примем во внимание, что сравнительно небольшая группа более состоятельных классов, сосредоточенных главным образом в городах, имеет возможность потреблять и действительно потреблять алкоголь в значительно большем (по расчету на душу) количестве, чем сельское население**,

---

* Правда, обследования новейшего времени показали, что потребление спиртных напитков широко распространено даже между детьми школьного возраста; см. ст. М.Плотникова: «Алкоголизм и роль школы в борьбе с ним» («Образование» 1900 г., № 3). Пользуясь материалом, полученным анкетой редакции «Вестн <ик> Трезвости», Плотников приходит, относительно трезвости «школьников», к весьма неутешительным результатам (например, опрос учеников-детей в Лифляндской губ. показал, что со спиртными напитками знакомы и даже успели привыкнуть к ним около 92%; ученики-латыши и эстонцы все пьют пиво и хорошо знакомы со вкусом и действием водки). Что касается потребления спиртных напитков стариками (т. е. лицами старше рабочего возраста), то таковое стоит вне всякого сомнения. Насколько обычно потребление водки детьми также и в великороссийских местностях, см. например, описание Я.П.Полонского (относящееся к 1881 г.) угощения крестьян с. Спасского, И.С.Тургенева:«за мужиками к водке подходили бабы и девки, за ними *дети с 5-летнего возраста, если не моложе,* сами матери подводили» (В<естник> Е<вропы>, 1904 г., № 5).

** О сравнительной высоте душевого потребления в городах и сельских поселениях см.: «Статистика по казенной продаже питей» за последние годы; о возрастающем алкоголизме женщин см. книгу проф. Сикорского «О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения». О потреблении алкоголя детьми школьного и даже дошкольного возраста мы уже говорили выше; широкое распространение потребления спиртных напитков (и даже злоупотребления ими) среди мужчин старше рабочего возраста (до настоящих «стариков» включительно) – факт общеизвестный. Что касается потребления спиртных напитков женщинами старше рабочего возраста, то его

и что среди сельского населения потребляют алкоголь не только мужчины рабочего возраста, но и женщины, и старики обоих полов, и даже дети, то мы придем к выводу, что среднее душевое (по расчету на *реального* потребителя) потребление алкоголя среди сельского населения стоит так низко, что регулярное потребление может быть достоянием лишь отдельных личностей, являющихся редкими исключениями из общего правила. Действительно, даже не разделяя потребления городского и сельского населения и принимая за реальных потребителей одних только мужчин рабочего возраста, мы получим среднюю цифру душевого потребления, обеспечивающую каждому потребителю всего около полчарки в день; выделяя же потребление городов (= $^1/_3$ общего) и беря более близкую к действительности цифру реальных потребителей, мы получили бы, вероятно, на каждого внегородского потребителя ежедневную дозу не выше $^1/_4$ чарки; если же вычесть еще потребление на свадьбах, храмовых праздниках, на святках, масленице и в других подобных случаях, в которых выставление водки (и количество ее) зависит не от индивидуального желания и решения каждого члена крестьянского общества, а от принудительной силы обычая (пренебречь которым нельзя, не потеряв «в общественном мнении» деревни), подкрепляемого *взаимностью* угощений (обязывающей оплачивать за угощение *соответственным* же угощением), то для *ежедневного* «регулярного» потребления останется количество алкоголя, соответствующее дневной порции значительно меньше унции ($^1/_4$ чарки) водки, т. е. такой величине, при которой, как мы указывали, образование привычки к *регулярному* (= привычному) *потреблению – психологически невозможно.* Таким образом, уже в силу ничтожности общего потребления, наше крестьянство, по крайней мере, главная его масса, не может потреблять алкоголь иначе, как нерегулярно.

Из указанного факта вытекают весьма важные для понимания динамики потребления алкоголя следствия: так как главная масса русского крестьянства потребляет алкоголь в количестве значительно меньшем, чем тот minimum, при котором делается *психологически возможным регулярное* потребление, *то всякий переход крестьян в*

труднее констатировать (благодаря обычному стремлению женщин по возможности скрывать свою склонность к алкоголю); однако не может подлежать на малейшему сомнению, что в местностях, в которых потребление водки не составляет редкости даже среди *молодых* женщин и девушек (например, в районах Малороссийском, Юго-Западном и некоторых других местностях; см. Сикорский, указ. соч.), – потребление спиртных напитков женщинами старше рабочего возраста составляет явление заурядное.

группу привычных (регулярных) *потребителей* алкоголя, *какими бы обстоятельствами этот переход ни был вызван, должен вести – ceteris paribus – к повышению среднего в стране уровня душевого потребления.*

Мы уже указывали выше на то, что дешевое потребление в городах вообще значительно выше душевого потребления в сельских местностях; особенно резко выражена эта разница в крупных городских центрах, но и в самых заурядных городских поселениях наблюдается то же явление, хотя обыкновенно и не так резко выраженное. Если даже исключить губернии с крупными центрами, а также такие губернии, которые в силу этнографических и связанных с ними бытовых и вероисповедных особенностей не могут считаться типическими для Европейской России, то все же, на основании данных, опубликованных в «Статистике по казенной продаже вина» за последние годы, – душевое потребление в городах должно быть принято, *по крайней мере,* в 3–4 раза больше, чем в сельских местностях. Понятно, что такая значительная разница не может быть объяснена ни возрастным составом городов*, ни большей распространенностью среди городского населения *злоупотреблений* спиртными напитками. Обе эти причины лишь в незначительной степени могут объяснить наблюдаемое разли-

* Что касается влияния относительной численности фабрично-заводского населения, то для вынесения его может служить сравнение средне-душевого потребления в городах с одинаковой численностью населения, но с неодинаково развитой промышленностью. Имеющиеся за время казенной продажи данные показывают, что при прочих равных условиях *промышленный* город потребляет на душу больше спиртных напитков, чем город того же размера, но являющийся исключительно административным центром.

Что касается различия в душевом потреблении *уездов* промышленных и чисто земледельческих, то оно слишком очевидно, чтобы требовало особых комментариев (см. по указанным вопросам книгу Норова «Казенная винная монополия при свете статистики» и дополняющую ее статью в «Русской Мысли» – подробно о них ниже, в заключительной главе).

Наконец, несмотря на отмеченную выше свою ненадежность, лишним доказательством в пользу предположения о высоком потреблении индустриальных рабочих служат и отмеченные в первой главе результаты бюджетной анкеты среди петербургских рабочих. Во всяком случае, потребление несемейных рабочих высших (по заработку) групп (равняющееся приблизительно 10 ведрам в год на душу) указывает на существование резкого различия в отношении к спиртным напиткам индустриальных рабочих с одной стороны и крестьян-земледельцев – с другой; особенно характерно крайне быстрое возрастание душевого потребления алкоголя в среде индустриальных рабочих по мере возрастания их заработка: от полупроцента общего расхода – в низшей группе одиноких рабочих и до 10% – в высшей (см. упомянутую анкету в среде петербургских рабочих).

чие, главная же причина, почему в городских поселениях пьют больше, чем в деревне, заключается в том, что *в городских условиях жизни водка перестает быть для потребителя редкостью и переходить в число обычных, ежедневных продуктов потребления*, делаясь для *многих* даже более необходимым продуктом потребления, чем хлеб. При этом особенно важно отметить, что водка является в городах обычным предметом потребления не только для счастливцев, отвоевавших себе в борьбе за существование, еще более ожесточенной в городе, чем в деревне, привилегированное положение, но даже и для тех подонков городского населения, источники существования которых являются для исследователя-экономиста часто неразрешимою загадкой. Каким же образом могут подобные личности без профессии, живущие чисто случайными заработками и столь же случайными и неверными нелегальными доходами, находить средства на удовлетворение потребности в ежедневной порции (обыкновенно довольно значительной) алкоголя?

На основании собранных в последнее время материалов, относящихся к жизни безработных в городских центрах*, загадка эта разрешается весьма просто: лица интересующего нас класса находят возможным тратить на алкоголь сумму, в несколько раз превосходящую расход средне-зажиточного крестьянина, не потому, что они действительно много получают (хотя бы и нелегальным путем), а потому, что постепенно доходят до почти полного подавления всех человеческих потребностей, приносимых в жертву алкогольному голоду; в их бюджете расход на алкоголь является не только главной расходной статьей, но статьей, совершенно подавляющей расходы на удовлетворение всех прочих потребностей, вместе взятых. Субъекты этой категории могут ходить зимой в одной рубахе, по нескольку дней не есть даже хлеба, но водку все же будут пить каждый день.

Это преобладающее значение в бюджете расхода на алкоголь доведено низшим слоем «городской» культуры до абсурда, до патологического явления. Но было бы ошибочно видеть в этом факте нечто исключительное. Босяк, в бюджете которого расход на водку составляет 95% всего прихода, представляет собой *лишь последнюю ступень лестницы*, начало которой коренится уже в деревне, тронутой процессом дифференциации; бюджетные исследования с несомненностью

---

* См. особенности ст. Гор-ева: «К характеристике экономических и бытовых условий жизни безработных» («Мир Бож<ий>», 1899 г., октябрь-ноябрь); также брошюру А.Г.Петровского «Хитров рынок» (Москва, 1898); Курнин: «Безработные на Хитровом рынке» («Русск<ое> Бог<атство>», 1898 г., № 2); Личков: «Киевские ночлежники» и др.

показывают, что расход крестьянской *семьи* на спиртные напитки (и вообще на предметы не первой необходимости) тем выше, чем ближе стоит эта семья по своему экономическому положению к крайним типам, выделенным из крестьянской массы процессом дифференциации. Этими крайними группами являются: с одной стороны – сельский буржуа (все равно – землевладельческого или торгово-промышленного типа), с другой – безземельный сельский пролетарий, и в этих-то двух группах расход на спиртные напитки достигает своего maximum'а, понижаясь по мере приближения к группе «рядового» крестьянства. Тот же результат получится и в том случае, если мы (для исключения влияния семейного состава) будем сравнивать по различным хозяйственным группам *душевой* расход на спиртные напитки*. Таким образом, даже не выходя за пределы деревни, мы находим тесную связь между потреблением алкоголя и распадением патриархальных устоев деревенской жизни. Всякий момент, усиливающий процесс дифференциации деревни, увеличивает численность крайних групп, а так как крайние группы потребляют больше средних, *то усиление дифференциации имеет тенденцию повышать общую цифру потребления (а с тем вместе и цифру среднего душевого потребления).*

К таким заключениям приводит нас рассмотрение процесса дифференциации, ограниченного пределами деревни. В действительности из общего числа освобожденных от земли деревенских пролетариев лишь сравнительно незначительная доля может найти приложение своим силам (хотя бы в качестве наемных земледельческих рабочих) на месте, большая же часть вынуждена бывает искать средства к существованию на стороне, часто за тысячи верст от родной деревни.

Как велико число крестьян, выбрасываемых каждым экономическим потрясением из родной им обстановки, можно судить хотя бы по следующим цифрам. Благодаря неурожаю 1897 года, число паспортов, выбранных в этом году населением *одних центральных губерний, возросло,* по сравнению с предыдущим временем, *на один миллион двести тысяч* с лишком, и это несмотря на то, что в 1897 году были устранены поводы для *последовательной выборки одним лицом нескольких краткосрочных паспортов,* вместо одного годового, стоимость которого до 1897 года была значительно выше стоимости краткосрочного**.

---

* Относящиеся сюда данные бюджетных исследований приведены в I части.

** Только недоразумению можно приписать мнение, что увеличение числа паспортов (сроком до одного года) в 1897 году обусловлено было уничтожением паспортного сбора, последовавшим в этом году (мнение г. Пешехонова в его статье, в «Русск<ое> Богатстве», за 1902 г., ноябрь).

Для более раннего времени (т. е. до 1897 года) паспортная статистика, благодаря некоторым особенностям старой паспортной системы, не может *служить достаточно чувствительным* показателем колебаний, совершавшихся в области крестьянского отхода. Однако при всем своем несовершенстве паспортная статистика все же позволяет наметить *в общих чертах* главнейшие этапы развития у нас отхожих промыслов вообще, а для более нового времени и индустриального (неземледельческого) отхода в частности.

До начала 80-х годов мы не имеем достаточно надежных данных *о числе паспортов*, ежегодно выбиравшихся населением Европейской России. Впрочем, так как ценность паспортов за время с 1867 по 1883 года не изменилась сколько-нибудь чувствительным образом, то изменения *суммы* ежегодного *паспортного сбора* дают нам довольно точное представление о колебаниях в числе ежегодно выбиравшихся за это время паспортов.

Не говоря уже о том, что главная трудность получения паспорта для крестьян (а равно для других податных сословий) заключалась вовсе не в уплате сравнительно ничтожного паспортного сбора (при выборке месячного или 2-месячного бланка приходилось уплачивать всего каких-нибудь 10 коп.), а в том, что учреждения, выдававшие виды на отлучки, ставили, как известно, получение паспорта в зависимость от уплаты уходящим лицом лежащих на нем недоимок и повинностей (и не только за прежнее время, но и за будущее, - в зависимости от продолжительности предполагаемой отлучки). Мы имеем *прямое* доказательство, что усиленная выборка паспортов в 1897 году была вызвана причинами, не зависевшими от уничтожения паспортного сбора. Действительно, при рассмотрении данных о выборке паспортов в 1897 году *по месяцам* оказывается, что повышение общей суммы паспортов, выбранных в этом году, зависит главным образом, - можно сказать исключительно, - от усиленной (сравнительно с прежним временем) выборки паспортов *за первые три месяца* (см. «Статистика произв<одств>, обложен<ных> акциз<ом>» 1897-1898 гг., стр. 638-639) года, т. е. за время *до введения* в действие *закона 7 апреля 1897 года*. Именно за первые 3 месяца выбрано паспортов на срок не более года около 3½ млн., т. е. в среднем около 1 млн. 200 тыс. в месяц; между тем, как в течение остальных 9 месяцев выбрано около 6 млн. паспортов (сроком до 1 года), т.е. всего около 700 тыс. в месяц (что лишь немного превосходит среднюю месячную выборку за предыдущие годы), и это несмотря на то, что как в предыдущее, так и в последующее время *зимние месяцы* являются, как общее правило, *самым глухим временем* в отношении выборки паспортов (даже для губерний с наиболее развитой фабрично-заводской промышленностью, каковы, например, Московская, Костромская, - количество паспортов, выбранных в среднем в каждый из зимних месяцев, на 30-40% ниже средней выборки за остальные месяцы; в губерниях с развитым летним отходом на юг для уборки хлебов или на косовицу, или весенним - на речной сплав и пр., разница эта еще резче).

В 1867 году сумма паспортного сбора равнялась 1 843 тыс. руб.; в следующие годы: 1868, 1869, 1870, 1871 и 1872-м эта сумма постоянно возрастала, последовательно равнялась: 1 843, 1 950, 2 292, 2 362, 2 464 и, наконец, 2 531 тыс. руб. (в 1872 году); с 1873 года начинается падение, или, вернее, застой, так как после небольших колебаний вверх и вниз сумма паспортного сбора к 1876 году дает ту же цифру, какая была в 1872 году.

Решительное повышение паспортного сбора начинается только с 1877 года. К 1878 году цифра сбора уже равняется 2 778 тыс. руб., а в 1879 году – 3 342 тыс. руб. Затем новое падение (в 1880 г. сумма сбора уже всего 3 311 тыс. руб.) и новый застой, длящийся всю первую половину 80-х годов (сумма сбора колеблется около 3,3 млн. руб.); к 1886 году сумма сбора равна 3 311 тыс. руб., то есть стоит на уровне 1880 года, с 1887 года – новый решительный подъем. Но для этого времени мы уже располагаем *прямыми данными о числе* выбранных *паспортов* с разделением их на годовые и краткосрочные (1–3 месяцев). Вот данные, сюда относящиеся:

Годы	Выбрано паспортов	Из общего числа паспортов	
		годовых в %	сроком 1–3 мес. в %
1884	4935	23,8	50,0
1885	4953	23,5	50,0
1886	4951	24,0	49,4
1887	5 134	24,6	48,6
1888	5 511	25,4*	46,4**
1889	5 740	24,7	48,1
1890	6 107	23,5	49,8
1891	6435	22,9	49,6
1892	6562	22,2**	50,0*
1893	6628	22,8	48,4
1894	6512	22,5	48,3

Таким образом, в движении паспортного сбора выделяются эпохи: 1868–1869 и 1878–1879 годов, когда каждый раз сумма сбора сразу поднималась почти на 400 тыс. руб. Период 1868–1869 годов соответствует началу железнодорожной горячки конца 60-х и начала 70-х годов. Эта первая волна достигает maximum'а к 1872 году (сумма паспортного сбора = 2 531 тыс. руб.), т. е. совпадает с maximum'ом железнодорожного строительства. Второй подъем суммы паспортного сбо-

* Maximum
** Minimum

ра, начавшись с 1877 года, достигает своего maximum'а уже в 1879 году, т. е. опять-таки и начало волны, и ее высшая точка вполне совпадают с имевшим место в конце 70-х годов оживлением нашей промышленности. Следующие резкие скачки вверх выборка паспортов делает в 1887–1888 годах (больше, чем на $^1/_2$ млн., а именно на 560 тыс.), причем *процент годовых* паспортов достигает в это время своего *maximum'а* (см. таблицу) за все 11-летие 1884–1894 гг. Это указывает на возрастание *неземледельческого* отхода по преимуществу, что вполне согласуется с оживлением нашей (неземледельческой) промышленности к 1887–1888 гг. Последний резкий скачок (до 1897 года, о котором уже сказано выше) в выборке паспортов приходится на начало 90-х годов. За время 1890–1891 гг. выборка паспортов возросла почти на 700 тыс. (малый % отхода по годовым паспортам и сравнительно большой по краткосрочным – объясняется разорением населения местностей, откуда главным образом направлялся в это время отход; вряд ли можно сомневаться, что значительный процент крестьян из неурожайных деревень уходил на поиски заработка даже вовсе без документов). Усиление выборки паспортов в бедственный для России период 1891–1892 гг. ни в каком случае не может быть поставлено в связи с оживлением обрабатывающей и вообще неземледельческой промышленности, так как подобного оживления ни в пострадавших от неурожая губерниях, ни в прочих районах Европейской России в это время не наблюдалось. Единственной причиной, заставлявшей крестьян бросать насиженные места и устремляться в города и промышленные центры в поисках маловероятного заработка, была полная невозможность жить дальше в разоренной и распадающейся деревне. Но зато эта единственная причина действовала с огромной интенсивностью. Приведенные выше цифры паспортной статистики дают лишь слабое представление о действительном оттоке населения из деревень пострадавших районов. Впрочем, для бедственного 1891–1892 гг. мы имеем (главным образом в земской статистической литературе) и помимо официальной, публикуемой Департ<аментом> Неокл<адных> Сбор<ов> паспортной статистики*, достаточно

---

* Пока существовали различные виды краткосрочных паспортов, значительно отличавшиеся по своей стоимости, крестьяне часто брали паспорта на *минимальный* срок даже в том случае, когда рассчитывали пробыть в отлучке гораздо более продолжительное время. Благодаря такой замене долгосрочных (относительно) паспортов *несколькими* краткосрочными, число выбранных паспортов переставало соответствовать числу отхожих рабочих. Такая замена долгосрочных паспортов несколькими краткосрочными особенно усиливалась всякий раз, как деревня – в силу тех или иных обстоятельств (главным образом неурожаев) – чувствовала недостаток в деньгах.

указаний на резкое усиление отхода в районах, пострадавших от неурожая. В особенности усилился в это время *женский* отход, увеличение которого далеко не всегда улавливается паспортной статистикой. Так, например, по Тверской губернии под влиянием неурожая 1891-1892 гг. мужской отход увеличился на 20%, а женский на 30%.

Таким образом, увеличение числа выборки краткосрочных паспортов в неблагоприятные в хозяйственном отношении годы *отчасти* происходило независимо от действительного усиления отхода, но с другой стороны то же явление (выборка краткосрочных паспортов в качестве суррогата долгосрочных) *при известных условиях* могло приводить и к противоположному результату – *сокращению числа выбранных* краткосрочных *паспортов без* действительного *сокращения отхода*. Такое сокращение числа паспортов – независимо от действительного изменения размера отхода – должно было иметь место всякий раз, как результаты отхода по *краткосрочным* паспортам (служившим суррогатом долгосрочных) оказывались в силу тех или иных причин неудачными; в этом случае известный процент отхожих промышленников оказывался не в состоянии своевременно *возобновить* свой просроченный (краткосрочный) паспорт. Несомненно, влияние указанного момента (на число выданных паспортов) должно было проявиться в 1891-1892 гг. с особенной силой. Действительно, в 1891 году отход несомненно должен был резко усилиться (как это удостоверяют *прямые* данные земской статистики), между тем цифра выбранных паспортов поднимается на величину, хотя и превосходящую прирост предыдущих годов, но все же недостаточно значительную по сравнению с силой кризиса (около 400 тысяч); такое явление находит себе наиболее естественное объяснение именно в вышеуказанном влиянии на число паспортов неблагоприятных материальных результатов отхода (в 1891 году спрос как на земледельческий, *так и на фабрично-заводской* труд, не только не повысился в соответствии с усилением отхода, но даже – особенно в земледельческой промышленности – заметно понизился, так что лишь самая незначительная часть отхожих рабочих могла найти достаточное применение своим силам). Кроме того, надо иметь в виду, что в 1891-92 гг. согласно Высоч<айшему> повелению от 19 июля 1891 года крестьянам, уходившим на заработки, выдавались особого рода бесплатные билеты, заменявшие паспорта. Таких суррогатов паспортов было выдано больше 500 тыс. Наконец, несомненно, очень большой процент крестьян бросали деревню *вовсе без вида* (мы, к сожалению, не располагаем статистическим материалом для того, чтобы *цифрами* доказать огромное повышение в эти годы процента беспаспортных среди крестьян, нахлынувших в города и подгородные – особенно подстоличные – местности из голодных деревень в поисках за работой, а часто просто для пропитания «христовым именем», которое перестало уже кормить у себя в деревне среди других таких же голодающих). Но, несомненно, число беспаспортных было очень велико, – настолько велико, что городская администрация под конец перестала вовсе уловлять беспаспортных и водворять их на родину этапным порядком, а заботилась только о том, чтобы

Не менее резкое усиление отхода констатируется и для других Центральных и частью Восточных губерний, постигнутых неурожаем (с тем же характерным отношением между приростом мужского и женского отхода). На это единогласно указывают, как земско-статистические обзоры, так и сообщения корреспондентов Департамента Земледелия, хотя за отсутствием правильно организованной местной регламентации отхода мы и не можем дать этому явлению *точного цифрового выражения* (о непригодности для этой цели общей паспортной статистики уже сказано выше). Во всяком случае не подлежит никакому сомнению, что под влиянием неурожая 1891 и 1892 года общая цифра отхода должна была значительно возрасти*. Мы вряд ли ошибемся, определив отток (или, вернее, бегство) населения из деревни, вызванный экономическим потрясением 1891-92 годов, цифрой в $1\frac{1}{2}$–2 миллиона человек обоего пола (и это скорее еще меньше действительности), что соответствует увеличению отхода приблизительно на 25%.

Понятно, что эти массы рабочих рук, выбрасываемых на рынок труда в годы выдающихся неурожаев, не могут найти себе занятия в

как-нибудь сбыть *дальше* нахлынувшую орду безработных, уже одним видом пугавших мирное население города, тем более, что для получения вида, как общее правило, требовалась уплата недоимок (или хотя части их), а так как у уходивших после ликвидации своих дел в очень редких случаях оставалась нужная для этого сумма, то приходилось поневоле уходить без паспорта (часто затем, чтобы никогда больше не вернуться в родную деревню и осесть где-нибудь на далекой окраине в качестве «самовольного переселенца»).

Кроме лиц, уходивших вовсе без паспорта, ускользали от регистрации паспортной статистики также женщины (а равно и дети), уходившие по *семейным* паспортам, а так как в 1891-1892 годах по общему свидетельству отход возрос главным образом за счет привлечения к отходу женщин, то станет понятным, почему резкое усиление отхода, несомненно имевшее место в 1891-1892 годах, отразилось на данных паспортной статистики (в том виде, как она публикуется Департ<аментом> неокл<адных> сбор<ов>) сравнительно небольшим подъемом числа выданных в этот год паспортов.

Некоторое представление о размерах крестьянского отхода в 1891 году дают следующие цифры по некоторым центральным губерниям. Так, в губерниях Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Рязанской в 1891 году в общей сложности было выдано более $1\frac{1}{4}$ миллиона паспортов, что составляет больше 11% всего населения, т. е. больше 20% населения в рабочем возрасте (обоих полов).

* Характерные данные о численности крестьян-домохозяев (и их семей), *фактически* лишившихся своих наделов (и вместе с тем и связи с землей) под влиянием неурожайных 1891-1892 гг., – приводятся в книге Бржеского «Недоимочность и круговая порука» (1894 г.): в некоторых *уездах* число таких «раскрестьянствовавшихся» дворов доходило до 20-30 тыс.

земледельческой промышленности, где уже и без того предложение труда *хронически* (в общем) перевешивает спрос на него. Как общее правило, спрос на земледельческих рабочих в моменты наибольшего усиления отхода не только не повышается, но, напротив, более или менее решительно сокращается (*в самый неурожайный год* спрос на сельскохозяйственного рабочего сокращается потому, что *нечего убирать* и нечего *молотить*, в годы, непосредственно *следующие за неурожаем*, потому, что *посевная площадь* после каждого сильного неурожая обыкновенно имеет тенденцию *сокращаться)*.

Таким образом, сотни тысяч крестьянских семейств, которые в последнее время выбрасываются у нас из деревни каждым сильным хозяйственным потрясением, неизбежно пополняют ряды *неземледельческих* рабочих. Это с несомненностью доказывается, между прочим, вышеприведенным фактом распределения усиленной выборки паспортов в 1897 г. по отдельным месяцам года. Как мы видели, усиленная выборка имела место главным образом в зимние месяцы (январь–март), когда, понятно, о земледельческих работах не может быть речи (NB: для верной оценки этого явления следует иметь в виду, что неблагоприятные виды на урожай 1897 г. выяснились уже к январю).

Каким же образом должно отразиться подобное возрастание армии индустриальных рабочих за счет земледельческого населения на движении среднего (по стране) душевого потребления алкоголя? Для ответа на этот вопрос надо проследить хотя бы в самых общих чертах отношение к спиртным напиткам главных категорий индустриальных рабочих (фабрично-заводские рабочие, городские ремесленники, железнодорожные рабочие и пр.).

Для фабричных, заводских и ремесленных рабочих мы не имеем таких обширных бюджетных исследований, какие имеются для крестьянского хозяйства. Однако и тех немногочисленных наблюдений, какие имеются в нашей литературе, вполне достаточно для наших целей.

Все они вполне согласно указывают на то, что расход на спиртные напитки является в бюджете фабричного и заводского рабочего *одной из наиболее крупных статей*. Расход на спиртные напитки вместе с расходом на чай, сахар и на одежду поглощает обыкновенно *большую часть* бюджета рабочего (те же расходы на предметы первой необходимости, которые в крестьянском бюджете поглощают большую часть прихода, в бюджете рабочего занимают одно из второстепенных мест). Так, например, в Иваново-Вознесенске (см. статью Додонова «Русское Богатство», 1900 г., № 12, «Статистические труды Владимирского Губернского Земства», также «Отчеты» Иваново-Вознесенского Общества трезвости; для более отдаленного времени: исследование

Я.П.Гарелина) *рабочие тратят на водку не меньше 1/3 всего своего бюджета.* Расходуя в среднем на стол (за исключением чая и сахара) всего около 40 рублей в год, они расходуют на водку до 70 рублей; при этом следует иметь в виду, что, так как чай и сахар служат для них не пищевым (для этого количество сахара слишком мало), а *вкусовым* средством для повышения усвоения сухой холодной пищи (горячая пища для рабочего является редкостью), то вполне возможно замещение одного продукта другим, т. е. чая водкой и обратно. Таким образом при наличности условий, располагающих к усиленному потреблению спиртных напитков, для рабочего *вполне возможно и дальнейшее повышение расхода на алкоголь за счет уменьшения расхода на чай и сахар, да и остальная часть бюджета* рабочего (почти поглощаемая расходом на одежду) *является,* в отличие от основной части крестьянского бюджета (состоящего из расходов на предметы первой необходимости в прямом смысле слова), *весьма эластичной и допускает еще дальнейшее повышение расхода на алкоголь* (например, за счет ухудшения одежды, допускающей - в пределах позволительного - целый ряд градаций: от костюма мастера-щеголя до опорок запивающего рабочего низшего разряда). Вопрос о причинах такого своеобразного состояния бюджета фабричного и заводского рабочего выходит за пределы нашей задачи, нам важно лишь констатировать, что благодаря особенностям расходного бюджета фабрично-заводского рабочего, при одной и той же сумме прихода - расход его на предметы непервой необходимости, в частности на алкоголь, будет несравненно выше, чем расход на те же предметы непервой необходимости крестьянина-земледельца *с таким же годовым приходом** - и не только *среднего,* рядового крестьянина, но и крестьянина, принадлежащего к одному из крайних типов, выделившихся в последнее время благодаря дифференциации деревни. В то время, как расход на спиртные напитки у крестьян, принадлежащих даже к самым многоземельным (выше 50 десятин на двор - согласно классификации бюджетного сборника Щербины) не поднимается выше 4% общего расхода, в бюджете рядового фабрично-заводского рабочего (не отличающегося исключительным пристрастием к спиртным напиткам) расход на спиртные напитки поглощает от 20 до 30% расходного бюджета. При том, в крестьянском бюджете, при неизменности прихода, расход на спиртные напитки может повышаться лишь за счет сокращения безусловно

* Так как фабрично-заводской рабочий не несет никаких производственных расходов, то для правильности сравнения мы должны сравнивать заработок фабрично-заводского рабочего *с чистым* доходом крестьянского хозяйства.

необходимых расходов, в бюджете же фабрично-заводского рабочего, как мы указывали выше, и за исключением расхода на алкоголь, остается еще весьма крупная сумма расходов на предметы непервой необходимости (чай, сахар, одежда). Поэтому при наличности условий, располагающих к усиленному потреблению спиртных напитков (а такие условия почти всегда налицо при фабрично-заводских работах), фабрично-заводской рабочий гораздо легче может повысить свой расход на спиртные напитки, чем крестьянин (при том же приходе).

Все сказанное о фабрично-заводских рабочих применимо едва ли еще не в большей степени к ремесленным рабочим. И здесь расход на алкоголь поглощает бóльшую часть бюджета, заставляя сокращать до почти невероятного minimum'а расходы на еду и другие насущные потребности. Если по поводу условий жизни и труда фабрично-заводских рабочих наблюдатель был вправе недоумевать, «откуда берутся силы для 9–12-ти часовой работы у этих людей без горячей пищи, к которой привыкли дома (т.е. в деревне).., так как чай с хлебом составляет главную и в большинстве случаев единственную их пищу»... (см. Додонов, указ. соч.), то еще законнее такое недоумение по поводу ремесленных рабочих; тратя так же мало, как и фабрично-заводские рабочие, на еду, ремесленный рабочий, в отличие от фабрично-заводского, сравнительно много тратящего на одежду, и эту статью расхода зачастую всецело приносит в жертву своей алкогольной жажде*. Дневная порция в $^{1}/_{40}$ ведра водки должна быть принята скорее как *минимальная,* чем как средняя доза для ремесленного рабочего**, и это, не считая праздничных загулов, в которые спускается нередко как недельный заработок, так и все вещи, могущие быть обращены в деньги. Таким образом, годовой средний расход на алкоголь ремесленника должен быть принят скорее выше, чем ниже расхода фабрично-заводского рабочего, а так как вознаграждение заурядного ремесленника, не говоря уже об учениках, составляющих численно главную массу, еще ниже, чем вознаграждение фабрично-заводского рабочего,

* Этому способствует то обстоятельство, что ремесленный рабочий (в противоположность фабрично-заводскому) не имеет нужды (связанной с его профессией), выходит (часто) из дому. Нередки случаи, когда ремесленник вовсе не имеет теплой (зимней) одежды, а иногда и вообще никакого «выходного» платья (или одна одежда приходится *на нескольких* рабочих одной и той же мастерской).

** См. данные, приводимые г. Григорьевым относительно ремесленников С.-Петербурга: см. доклад г-на Н.И.Григорьева алкогольной комиссии Общ<ества> Охр<аны> Нар<одного> Здр<авия> в заседании 24-го октября 1898 г. («Труды» вып. II, отд. II, стр. 111-я).

то *относительное* значение расхода на спиртные напитки в бюджете ремесленника еще больше, чем в бюджете фабрично-заводского рабочего. Мы вряд ли сильно уклоняемся от истины, принявши расходы на спиртные напитки в бюджете низших разрядов ремесленников в 50% всего расходного бюджета. То, что выше сказано относительно фабрично-заводского рабочего и ремесленника, вполне применимо и ко всем прочим отраслям труда, связанным с городской культурой. Специальность сама по себе мало отражается на составе бюджета*, решающим моментом является связь с той или другой культурой (деревенской или городской). Чем бы ни занимался человек, – портняжным, сапожным ремеслом, извозом, ткачеством, рудничной работой, пока эти занятия не вызывают разрыва с деревенской культурой, с бытовыми устоями сельской жизни, и *состав* (структура) бюджета остается в существенных чертах тот же, как и крестьянина-земледельца (хотя абсолютная величина бюджета теряет свои типичные для земледельца черты). Но стоит крестьянину попасть в условия городской (или близкой к ней по типу) жизни, и структура его бюджета сейчас же резко изменяется (как только успеет произойти приспособление его к новым условиям, что совершается тем быстрее, чем полнее и острее тот разрыв с деревней, который толкнул его в город или на фабрику), хотя бы он и продолжал заниматься таким трудом, который по существу ничем не связан *именно с городской* жизнью, например перевозкой грузов, занятием, испокон века уживавшимся с самой доподлинной крестьянской бытовой обстановкой. Если мы приглядимся, например, к условиям жизни ломового извозчика, только перенесшего свой, по существу чисто деревенский, промысел в город, то

---

* Гораздо больше значения имеет степень *регулярности* данного рода работы. Лица, занимающиеся трудом, спрос на который подвержен сильным колебаниям в зависимости от случайных обстоятельств (таков, например, труд большинства городских чернорабочих поденщиков, имеющих работу *в среднем* не больше 2–3 раза в неделю), склонны, вообще говоря, расходовать свой (случайный) заработок менее бережливо, чем лица, обеспеченные постоянным и при том сравнительно равномерным заработком (только среди подобных лиц и возможны сбережения «про черный день». Напротив, лица *со случайным* заработком, т. е. именно наиболее нуждающиеся в «запасном фонде», обычно истрачивают весь заработок немедленно, хотя бы по своему размеру он был и достаточен для того, чтобы гарантировать от голодания в моменты безработицы). В зависимости от указанного отношения к заработку, лица первой категории расходуют на алкоголь значительно больший процент общей суммы своего заработка. В том же направлении, как случайность заработка, действует и *легкость* получения денег; см. например, высокий %, расходуемый на алкоголь *профессиональными* нищими.

увидим, что несмотря на характер труда, требующего в противоположность работе при машине или ремесленной, большого напряжения физических сил и почти постоянного пребывания на воздухе, вообще работы, по характеру затрачиваемой энергии и по обстановке близко стоящей к труду земледельца, весь состав бюджета такового ломового извозчика совершенно переменится по сравнению как с крестьянином-земледельцем, так и с извозчиком, не порвавшим связи с деревней. У последних *основу* расходного бюджета (за вычетом оборотных расходов) составляют расходы на пищу, между которой первое место принадлежит *хлебу,* напротив в бюджет *городского* ломового извозчика *главную* статью составляет *водка*. Об условиях жизни и в частности о расходе на водку городских ломовых извозчиков были напечатаны в «Рус<ских> Вед<омостях>»[2] (за 1901 г.) интересные заметки. Из них выяснилось чудовищно большое количество алкоголя, потребляемое ломовыми извозчиками (*по необходимости,* так как без помощи вина они были бы не в силах исполнить свой страшно тяжелый труд). Такое же чудовищное количество алкоголя поглощается многими подносчиками кирпича. И те, и другие благодаря алкоголю выполняют черезсильную работу, делающую их ни на что не годными через каких-нибудь 5–6 лет. Вряд ли нужно приводить особые факты для доказательства того, что железнодорожные (строительные) рабочие по значению в их бюджете спиртных напитков приближаются к фабрично-заводским и городским ремесленным рабочим и резко отличаются от типичного земледельческого крестьянского населения. Еще не так давно уплата рабочим водкой практиковалась подрядчиками по железнодорожным работам в самых широких размерах. Официально принимаемые меры ограждения железнодорожных рабочих от спаивания не могут достигнуть цели потому, что в тех крайне тяжелых негигиеничных условиях (жить в землянках, работать почти по колено в воде), в которых приходится жить и работать подобным рабочим, водка является предметом *безусловно необходимым,* поэтому сами рабочие примут все меры, чтобы нелегальная близость водки осталась скрытой от подлежащего начальства. Отчеты управляющих акцизными сборами содержат много ясных указаний на влияние железнодорожных работ на общую цифру потребления спиртных напитков в уездах, где производятся работы (о спаивании рабочих подрядчиками см. «Труды алкогольной комиссии», вып. III, стр. 215–216).

Вряд ли есть надобность умножать приведенные примеры еще новыми фактами, показывающими, какое исключительно важное место обычно занимает расход на спиртные напитки в бюджете городского и фабрично-заводского рабочего пролетариата (а равно и в бюджете

той армии безработных, которые обычно группируются около города и фабрик). И приведенных данных вполне достаточно, чтобы понять, как должен влиять на общее в стране потребление алкоголя всякий момент, усиливающий рост городского и вообще индустриального населения за счет разлагающейся деревни (точнее за счет земледельческого класса)*. К сказанному остается еще прибавить несколько слов о специальном значении развитии *женского* отхода.

Никто, конечно, не станет спорить, что сравнительно малое участие женщин - особенно в крестьянской среде - в потреблении спиртных напитков лишь отчасти обусловливается особенностями женского организма (иным критерием для оценки вкусовых ощущений, меньшею стойкостью нервной системы против действия наркотиков и т. п.), в значительной же (едва ли не большей) степени зависит от господствующих в окружающей женщину среде взглядов. В губерниях Малороссийских, Юго-Западных, а частью и Северо-Западных, где крестьянская женщина пользуется гораздо большей самостоятельностью, чем в губ<ерниях> Великорусских, потребление алкоголя женщинами составляет явление обычное, в котором общественное мнение не видит ничего позорного для женщины (и даже для девушки), лишь бы при этом не переступалась должная граница. Напротив того, в губерниях Великорусских, особенно в тех из них, которые до последнего времени оставались чисто земледельческими, крестьянская женщина является существом почти бесправным, лишена она «равноправия» с мужчинами и в потреблении спиртных напитков. В то время как для мужской половины деревни распитие водки - особенно миром - является чуть не гражданской доблестью и во всяком случае гражданским долгом (об этом см. прекрасные страницы у Гл.Ив.Успенского[3]), - всякое поползновение со стороны женщины, тем более девушки, подражать примеру своих мужей, братьев и т. д. строго карается не только рукой домовладыки, но и «неподкупным» приговором общественного мнения. Неся наравне с мужчинами тяжесть страдной поры, а сверх того еще и нелегкие работы по дому и по уходу за детьми (не говоря уже о ношении, рождении и выкармливании детей), крестьянская женщина не получает однако доступа к вину, хотя несомненно должна испытывать (особенно осенью) стремление к какому-нибудь наркотику, который бы заглушил тягостное чувство переутомления и хотя на время приподнял угнетенное (вследствие чрезмерного истощения организма) самочувствие. Если бы даже великорусская крестьянка (говорим о земледельческих губерниях) пренебрегала осуждением общественного мнения, то она все-таки

* А частью и за счет гибнущих сельских кустарных производств.

лишена возможности удовлетворить своей потребности, так как все деньги, а равно и все продукты, имеющие сколько-нибудь значительную рыночную цену, находятся во власти и под бдительным контролем мужской части семьи. Таким образом, отношение женской половины населения земледельческих районов России (коренных губерний*) к алкоголю характеризуется: 1) несомненной наличностью потребности в алкоголе (или каком-нибудь другом заменяющем алкоголь наркотике) – не менее интенсивной, чем в мужской половине населения (так как моменты, толкающие к спиртным напиткам крестьянина, действуют с такой же, если не с бóльшей, силой и на крестьянскую женщину); 2) почти полной фактической невозможностью удовлетворить эту потребность в тех бытовых условиях, которыми до последнего времени характеризовалась Великорусская земледельческая деревня. Отсюда ясно, каким решительным образом должны влиять на общий (средний) уровень потребления спиртных напитков все моменты, способствующие освобождению крестьянской женщины от гнета окружающей ее деревенской среды (в частности – от деспотической власти домовладыки). Экономические потрясения, вроде испытанного нашей деревней в 1891–1892 гг. или позднее в 1897 году, вынуждающие несколько сот тысяч крестьянских женщин земледельческого района порвать с родным домом и родной деревней и идти в поисках работы в города и другие крупные центры найма, влияют на общее потребление спиртных напитков совершенно так, как должно влиять *возникновение нового обширного класса потребителей алкоголя* (такими *новыми* потребителями в данном случае являются *эмансипированные крестьянские женщины*). Нет никакого сомнения, что, освобождаясь от домашней опеки и получая возможность по личному усмотрению распоряжаться выработанными деньгами, – крестьянская женщина далеко не всегда проявляет достаточную воздержанность. Хотя надо заметить, что случаи *злоупотребления* (алкоголем) крестьянскими женщинами-работницами чаще всего бывают вызваны давлением со стороны. Причем мотивы спаивания женщин бывают различные: при найме – женщин и девушек поят для того, чтобы заставить согласиться на худшие условия; во время работы поят для того, чтобы вынудить от уставших работниц сверхурочную работу; чаще же всего, конечно, спаивание имеет безнравственные цели (под влиянием усиления женского отхода, вызванного экономическим потрясением 1891 и 1892 года, число женщин, осужденных за «общест-

---

* В Восточных губерниях с инородческим населением отношение женщин к спиртным напиткам (по крайней мере – *домашнего* приготовления) совершенно иное, как об этом мы подробно говорили в своем месте.

венный соблазн и преступления против общественной нравственности», возросло с 590 до 840, т. е. 42%; не может быть, конечно, никакого сомнения, что почти все подобные оскорбления общественной нравственности совершались в состоянии опьянения).

Нет однако ни малейшего сомнения, что и не выходя за пределы нормального удовлетворения вполне законной потребности, спрос на спиртные напитки, предъявленный сотнями тысяч женщин, выброшенных сельскохозяйственным кризисом из условий деревенской жизни, не мог не повлиять заметным образом на средний по стране уровень душевого потребления, так как спрос этот – по крайней мере по отношению к женщинам из Великорусских земледельческих деревень, которых по преимуществу коснулся неурожай 1891–1892 гг., а равно и 1897 года, являлся почти в полном своем объеме *новым спросом*. Впрочем и злоупотребления алкоголем, наблюдавшиеся среди крестьянских женщин, выброшенных нуждой из привычных деревенских условий на городскую мостовую или в сутолоку крупных центров найма на полевые работы, где не диво растеряться и опытному человеку, – являются отнюдь не случайными фактами, а неизбежным следствием векового рабства женщины, сделавшего ее надолго неспособной жить своим умом без посторонней опеки (на малую устойчивость крестьянских женщин, только что попавших в городские условия и не успевших еще к ним приспособится, указывает между прочим и высокий % поступающих в ряды тайных и явных проституток, на это указывает параллелизм, существующий между усилением промыслового женского отхода и увеличением числа зарегистрированных заболеваний венерическими болезнями*. Наконец, чтобы вполне оценить значение таких экономических потрясений деревни, как неурожай 1891–1892 гг. или 1897 года, с точки зрения динамики потребления алкоголя, следует иметь в виду особенность *нового* отхода, т. е. из местностей, где население еще не успело сжиться с извлечением средств к существованию из заработков на стороне. Особенность эта заключается в ненормальной высоте личного бюджета отхожих рабочих, зачастую поглощающегося весь их годичный

---

* См. данные Медицин<ского> Деп<артамента>: по расчету на 10000 заболело в семилетие 1888–1894 гг. в 1888 г.– 12,7; 1889 г. – 15; в 1890 г. – 15,7; 1891 г. – 16,0; в 1892 г. – 16,2; в 1893 г. – 19,8; 1894 г. – 20. Как известно, заболевания венерическими болезнями тщательно скрываются женщинами, так что резкое повышение цифры зарегистрированных больных, начиная с 1892 г., указывает или на резкое увеличение случаев заражения мужчин, или на увеличение числа женщин, подлежащих *обязательному* освидетельствованию. И то, и другое свидетельствует о развитии проституции.

16 Зак. 13

или сезонный заработок. Сам факт *нехозяйственного* отношения *этого типа* отхожепромышленников[4] к деньгам констатируется многими компетентными наблюдателями народной жизни. Для примера сошлемся на статью П.Б.Струве[5] «Из летних наблюдений» («Мир Бож<ий>»[6], 1900 г. сентябрь, стр. 204–209, перепечатана в сборнике «На разные темы»), в которой прекрасно выясняется сущность интересующего нас явления. Что касается психологических оснований отмеченного факта, то они с исчерпывающей полнотой и замечательной глубиной (основанной на глубоком знании народной жизни) выяснены были покойным Гл.Ив.Успенским, которому как раз пришлось наблюдать первую встречу крестьянина-земледельца с чуждым ему капиталистическим строем («купоном», по выражению Гл.Ив.). В «рассказе Ивана Босых» (из «Власти земли») Гл.Успенский ставит вопрос: почему крестьянину, «отбившемуся от крестьянства», новые условия жизни: «легкое житье, обилие денег, т. е. все то, что необходимо человеку для того, чтобы устроиться, причиняет, напротив, крайнее расстройство до того, что он делается "вроде последней свиньи"». Ответ, даваемый Успенским, несомненно имеет *общее значение* (т. е. объясняет не только судьбу Ивана). Причина *нехозяйственного* отношения к деньгам, по мнению Успенского, кроется в рассматриваемом случае в несоответствии психологии крестьянина (в основе которой лежит пассивное подчинение «власти земли») с теми новыми условиями жизни, в которые он попадает, порывая с деревней (свобода от «власти земли» и от «власти мира», *сравнительная* легкость жизни и изобилие денег...). Деньги он привык ценить по тому реальному значению, какое они могли иметь в хозяйстве; теперь, когда этот критерий утрачен (вследствие разрыва «с крестьянством»), деньги для него – только средство удовлетворять свои *личные* потребности (копить, наживать «*не для хозяйства*... так это я даже и в понятие-то не возьму»), но «личные» его потребности до крайности ограничены (да и не могли шире развиться под гнетом «власти земли»). Заведя пиджак и часы «с двумя досками», он уж и не знает куда еще тратить «свободные» деньги, если не на пьянство и грубый разврат (также неразрывно связанный с пьянством). «Как позабыл крестьянство-то, от трудов крестьянских освободился, так и деньги-то мне стали все равно, что щепки... Только и думаешь, куда бы девать, и, кроме как кабака, ничего не придумаешь». Излишним считаем прибавлять что-нибудь «от себя» к анализу Гл.Успенского; тех, кого не удовлетворят сделанные цитаты, отсылаем к сочинениям Успенского. Понятно, что указанные обстоятельства, равно как и помянутое выше участие в отходе женщины, только усиливают влияние разложения деревни на повышение потребления алкоголя в стране.

После сделанных объяснений для нас уже не будет ничего удивительного в том, с первого взгляда необъяснимом, факте, что годы *сельскохозяйственных кризисов* (какими были 1891-1892 и 1897 годы) оказывают на динамику душевого потребления *такое же влияние,* как и годы исключительного *промышленного оживления.* То «общее», что объединяет те и другие моменты - во всем прочем столь между собой противоположные, - это усиленное стремление населения из деревни в городские и вообще индустриальные центры. Только в первом случае (в годы сельскохозяйственных кризисов) причины этого движения отрицательные - невозможность дольше существовать деревенскими ресурсами, во втором (в годы промышленного оживления) - положительные. Исключительно высокая оплата труда в индустрии, заставляющая наиболее подвижные элементы деревни бросать, хотя и удовлетворяющие насущным потребностям, но все же менее прибыльные земледельческие работы. Уже a priori ясно, что отток населения из деревни в индустриальные центры должен быть особенно силен в такие годы, когда неурожай совпадает с эпохой промышленного оживления. Такое совпадение имело место, например, в 1897 году, и мы видим, что несмотря на резкое падение покупательных средств деревни под влиянием сильного неурожая (охватившего при том многие местности, уже ослабленные предыдущими неурожаями), душевое потребление не испытывает даже и такого сравнительно* ничтожного падения, какое имело место даже в 1891-1892 гг. Действительно, если в 1897 году питейный доход дал значительный недобор как против предыдущего года, так и против сметного исчисления, то причины этого были совершенно независящие от сокращения населением потребления. При том приблизительном способе вычисления, какой применялся у нас в это время при выводе среднего душевого потребления по стране, это потребление выразилось в 1897 году для 53 губерний Евр<опейской> России цифрой 0,55 ведра в 40° против 0,55 - в 1896 году; если же отнести душевое потребление только к 50-ти коренным губерниям Евр<опейской> России, то душевое потребление 1897 года окажется даже выше, чем душевое потребление предыдущего года (так как в городах Северного Кавказа душевое потребление в 1897 г. сократилось почти на $^1/_2$ млн. ведер в 40° против потребления 1896 года). Еще резче выступят указываемые нами явления, если ограничиться рассмотрением одних немонопольных губерний, так как потребление фиктивное, то есть выведенное бухгалтерским

---

* Сравнительно с интенсивностью сокращения потребления в предыдущие годы, не исключая и годов со средними (и даже выше среднего) урожаями.

16*

путем, в монопольном районе испытывало колебания не только в зависимости от экономических факторов, но и в зависимости от самого введения казенной продажи (изменения приемов учета, о чем подробно говорено в I части).

В немонопольном районе, пострадавшем от неурожая 1897 года несравненно больше, чем район монопольный, потребление в 1897 г. было не только не ниже, а заметно выше, чем в предыдущие благополучные в сельскохозяйственном отношении годы.

Вот как изменялось по этому району душевое потребление алкоголя и сбор хлебов по расчету на душу:

Сбор хлебов на душу:	Душевое потребление алкоголя:
1894 г. - 25,4 пуд.	0,58 вед. 40°
1895 г. - 22,0 пуд.	0,59 вед. 40°
1896 г. - 22,5 пуд.	0,61 вед. 40°
1897 г. - 14,3 пуд.	0,63 вед. 40°
1898 г. - 17,8 пуд.	0,63 вед. 40°

Более яркого примера полного отсутствия связи между колебаниями урожая и движением душевого потребления алкоголя трудно и представить. Сбор хлебов за время с 1894 года последовательно падает - от огромной цифры в 25,4 пуда на душу до 14,5 в 1897 году, и, несмотря на это, потребление спиртных напитков продолжает развиваться своим самостоятельным ходом, обусловленным пышным расцветом неземледельческой промышленности, вызванным частью усиленным железнодорожным строительством, частью другими мерами, принимавшимися у нас с половины 90-х годов для развития капиталистической промышленности.

Небывалое оживление промышленности (неземледельческой), оставляющее за собой даже эпоху железнодорожного строительства конца 60-х и начала 70-х годов, вместе с результатами потрясения, испытанного деревней в 1891–1892 годах, коренным образом изменили численное отношение группы индустриального и земледельческого населения. Особенной интенсивности достиг этот процесс перегруппировки в 1897 году, когда к действию прежних моментов (положительного и отрицательного характера) присоединилось влияние неурожая *этого года,* выбросившего на капиталистический рынок целую новую армию пролетариев, освобожденных (юридически или чаще фактически) от земли и вообще от связей с деревней.

Результат этой перегруппировки, сводившейся, с точки зрения потребления алкоголя, к увеличению класса привычных потребителей фабричного и городского типа за счет группы случайных – «спорадических» потребителей, охватывающей большинство (рядового) крес-

тьянства, наглядно выясняются цифрами 3-го столбца, приведенной выше знаменательной таблички.

Вопрос об основной причине колебаний душевого потребления алкоголя настолько важен, что мы считаем нужным выяснить его во всей полноте.

Если причиной колебаний, наблюдаемых в потреблении спиртных напитков, является перераспределение населения между группами с различными потребительными нормами (иначе говоря: характеризуемыми *различным строением* среднего, обычного для данной группы потребительного *бюджета*), то с большой долей вероятности следует ожидать, что *параллельно* с колебаниями душевого потребления алкоголя происходят колебания душевого потребления *других продуктов*, относящихся к категории предметов *непервой необходимости*, мало доступных рядовому крестьянину, но являющихся более или менее обычными в городском и фабрично-заводском быту. К таким продуктам несомненно в значительной степени относятся *сахар и чай* – продукты, относительно потребления которых мы имеем более или менее сносную статистику. Мы уже имели случай мельком указывать на то, что движение душевого потребления сахара совершенно не совпадает с колебаниями урожаев с половины 80-х до половины 90-х годов. К более же подробному анализу относящихся сюда данных мы вернемся несколько дальше (см. 9 главу), после рассмотрения причин, вызвавших систематическое понижение среднего уровня душевого потребления алкоголя в течение 80-х и начала 90-х годов, так как без уяснения этого явления наш анализ динамики душевого потребления чая и сахара был бы недостаточно полон. Теперь же мы должны перейти к дальнейшему рассмотрению моментов, непосредственно влияющих на высоту душевого потребления алкоголя.

Как мы видели выше, из всех 4-х моментов, указанных в начале этой главы, главную роль во всех сколько-нибудь крупных колебаниях душевого потребления в России за время действия акцизной системы играл 4-й момент, т.е. *способ потребления* алкоголя; напротив того, роль 3-го момента, т.е. общего уровня благосостояния населения (высоты покупательных средств), которому обыкновенно приписывается первенствующее значение, была почти вовсе незаметна.

NB: следует помнить, что в настоящей главе мы имеем в виду исключительно причины, вызывавшие периодические колебания душевого потребления (около *постоянного* центра) и временные, случайные его уклонения от среднего уровня; вопрос о причинах *понижения центра этих колебаний* (того *среднего уровня*, к которому стремится потребление под влиянием *одних постоянных* причин), начиная с 80-х годов, будет нами рассмотрен в отдельной главе.

Теперь нам предстоит выяснить значение первых двух (из перечисленных выше) факторов, причем нам придется особенно подробно остановиться на роли *психического подъема* или *депрессии* народных масс (под влиянием экономических и неэкономических моментов).

Значение психического настроения (психического подъема или, наоборот, депрессии) народных масс

Переходя к вопросу о роли первых двух моментов, т. е. интенсивности потребности в опьянении и впечатлительности потребителей к алкоголю, мы должны заметить, что значение этих моментов обыкновенно слишком мало принимается во внимание. Действие первого момента обыкновенно рассматривается исключительно в связи с вопросом об успехах проповеди трезвости - во имя соображений высшей нравственности. Лишь в последнее время появились у нас исследования, пытающиеся выяснить связь между потребностью в опьянении и определенными бытовыми условиями (см., например, доклад Д.А.Дриля[1] в Обществе охранения народного здравия относительно влияния условий ремесленного и фабричного труда на развитие в народе потребности в наркотизации), но достигнутые в этом направлении результаты пока еще совершенно ничтожны. Как показывает беспристрастное наблюдение, стремление к наркотикам проявляется с приблизительно одинаковой силой как среди бедняков, так и среди богачей, как под влиянием чрезмерного напряжения сил, так и под влиянием праздности. Отнюдь не свободны от злоупотребления наркотиками и классы, занимающие середину между указанными крайностями (так, во время прений по названному докладу г. Дриля вполне справедливо было указано на сильное развитие алкоголизма среди нашего духовенства и среднего купечества). Таким образом, вопрос может заключаться лишь в том, при каких бытовых условиях *чаще* встречаются случаи *злоупотребления* наркотиками, но на этот вопрос может ответить лишь правильно поставленная статистика алкоголизма, которой у нас (да и нигде в сущности) еще нет* и неизвестно, будет ли когда-нибудь.

---

* Показателем *сравнительной* распространенности злоупотреблений спиртными напитками среди различных слоев общества отнюдь не могут служить ни цифры медицинской статистики (число отравлений алкоголем), ни цифры полицейской статистики (число задержанных в пьяном виде). При *совершенно одинаковом* распространении в среде данных групп населения

В настоящее же время, когда единственным несомненным материалом являются данные о среднем (фиктивном) душевом потреблеиии по стране, мы можем проследить лишь влияние таких моментов, которые действуют депрессивно или наоборот возбуждающе, на всю массу потребителей, уменьшая или увеличивая их стремление к наркотикам. Нам кажется, что значительная часть колебаний душевого потребления, которые обыкновенно относятся на счет изменения покупательных средств населения под влиянием тех или иных экономических факторов, на самом деле являются результатом *прямого* воздействия этих факторов на психическое настроение потребителей.

Так, уже a priori надо ожидать, что такое влияние должны производить выдающиеся урожаи, экстренные сложения недоимок, объявление войны и заключение мира. Что во всех подобных случаях поднятие или падение потребления является *первичным* результатом *(а не вторичным – через посредство повышения или понижения покупательных средств),* явствует из следующих соображений: если бы на повышение душевого потребления действовало увеличение покупательных средств, а не прямое психическое воздействие, то 1) урожай после урожая вызвал бы более энергичный подъем потребления, чем урожай после неурожая; 2) облегчение податного бремени на одинаковую сумму совершенно одинаково отразилось бы на потреблении независимо от того, было ли облегчение произведено в виде единовременного сложения всей суммы или посредством облегчения платежей, производимых нечувствительно для самого плательщика, благодаря ничтожности суммы, вносимой единовременно (косвенные налоги). Но действительное движение душевого потребления совершенно противоречит этим априорным предположениям.

Так, обращаясь к тем немногим случаям, где (хотя с натяжкой) можно *предполагать** влияние на потребление выдающихся урожаев (хотя бы совместно с другими моментами, действующими в том же

злоупотребления спиртными напитками, указанные цифры могут проявлять по этим группам весьма крупные колебания (как в зависимости от различия в степени выносливости лиц, принадлежащих к различным группам, так и вследствие различия в обстановке, при которой обычно потребляется алкоголь лицами той и другой группы).

* На основании априорных соображений. *Доказать* это предположение *фактическими данными* (о движении душевого потребления) нельзя (как об этом подробно говорено выше), как потому, что *такое же* влияние на движение душевого потребления могут оказывать и годы *исключительных* неурожаев, так и потому, что годы исключительных урожаев, *совпавшие с повышением* (или *приостановкой падения*) душевого потребления, были *в то же время* и годами промышленного оживления (вызванного *самостоятельными* причинами).

направлении), мы видим следующее: в то время как в урожайный 1887 год, следовавший за неурожайными (и с урожаями ниже среднего) годами, абсолютное потребление поднялось больше, чем на 3%, что соответствует увеличению душевого потребления на 1,5% (и во всяком случае, если даже принять во внимание влияние спекулятивных запасов, возросло *в соответствии* с приростом населения), в следующем 1888 году, также высокоурожайном и при том следовавшем за выдающимся по урожаю 1887 годом, потребление не только не проявило более интенсивного прироста, но даже не могло удержаться *в соответствии* с возросшим населением, а между тем урожай 1888 года без всякого сомнения оставил в руках населения больше свободных покупательных средств, чем урожай предыдущего года*, за счет которого населению пришлось погашать недоимки и частные долги, накопившиеся в годы плохих урожаев, и возобновлять распроданный под влиянием нужды или погибший от бескормицы живой инвентарь. Кроме того следует принять во внимание, что благотворное влияние урожая 1887 года могло отразиться лишь на потреблении 2-й половины 1887 календарного года, потребление же 1-й половины года определялось еще результатом урожая предыдущего 1886 года. Напротив того, потребление 1888 года всецело находилось под влиянием исключительно высоких урожаев: потребление 1-й половины – под влиянием урожая 1887 года, потребление 2-й половины – под влиянием урожая 1888 года. Указанное обстоятельство представляется совершенно непонятным, если держаться взгляда, что урожай действует на потребление лишь посредственно – путем увеличения покупательных средств населения. Действительно, так как увеличение средств может иметь место лишь после реализации урожая и, стало быть, оказать влияние на потребление последней трети (или даже четверти) года, то при таком взгляде надо бы ожидать весьма существенной разницы между влиянием (на потребление) урожайного года, следующего после неурожайного, и урожайного, следующего за урожайным. Иное дело, если признавать влияние урожая на потребление за результат прямого психического воздействия на народную массу. *В этом случае* уже одно ожидание хорошего урожая является достаточной причиной для увеличения потребления, так что действие хорошего урожая является в значительной степени *ретроспективным*, распространяясь не только на потребление тех месяцев, которые следуют за реализацией урожая, но и на предыдущее время, начиная с момента выяснения видов на урожай данного года.

---

* В отношении оживления промышленности (неземледельческой) между 1887 и 1888-м годами не было существенного различия.

15 Зак. 13

Совершенно понятным является с точки зрения прямого психического действия урожая на потребление и тот факт, что урожай, следующий за неурожаем, в большей мере способствует подъему потребления, чем такой же урожай, следующий за неурожайным годом; в этом факте проявляется лишь действие общего психологического закона относительности наших ощущений. Из двух урожаев, объективно равных (т. е. выражающихся одинаковой цифрой сбора с единицы посевной площади) тот, который следует за низким урожаем, будет всегда иметь для нас высшую *субъективную* ценность, т. е. вызовет более интенсивное *чувство благосостояния*, чем тот, который следует за высоким урожаем. Большее же чувство благосостояния, естественно, вызовет и больший подъем потребления спиртных напитков, тесно связанного (особенно при нерегулярном потреблении) с общим настроением массы.

То же видим мы на примерах понижения казенных платежей. В 1883 году было произведено понижение выкупных платежей по закону 28-го декабря 1881 года и сложено недоимок по казенным платежам (по манифесту) на сумму около 40 млн. рублей, кроме того в том же 1883 году был издан закон 14-го мая 1883 года о понижении подушной подати. Понижение платежей по закону 1883 года было приведено в исполнение лишь в следующих годах (с 1-го января 1884 года), но и понижение выкупных платежей по закону 28-го декабря 1881 года, произведенное частью в 1882 (с 1-го июля 1882 года в размере 2,9 млн. руб.), частью в 1884 г. (в размере 15,3 млн. руб.), также не могло сколько-нибудь заметно отразиться на покупательных силах населения в 1883 году (платежи понижены на 8,1 млн. руб.). Действительно, в 1881 году (когда еще не был приведен в исполнение закон о понижении выкупных платежей) действительные поступления выкупных платежей равнялись – 41,1 млн. руб., а в 1883 году – 41,2 млн. руб. Что касается сложения недоимок по Манифесту 1883 года, то это было лишь констатированием факта безнадежности этих недоимок и ни в каком случае не может быть рассматриваемо как облегчение податного бремени. Красноречивым доказательством тому служит движение недоимки до и после помянутого сложения. За 1883 год недоимка возросла на 13,9 млн. рублей, между тем за 1882-й всего на 13,7 млн. руб., а за 1880-й и 1881-й – даже еще на меньшие суммы (около 12 млн. в 1880 и около 8 млн. в 1881 году). Отсюда ясно, что отношение между тяжестью обложения и платежными силами населения не изменилось сколько-нибудь заметно к лучшему в течение 1883 года (сравнительно с предыдущим). Другого рода облегчение податной тяжести было произведено на 2 года раньше, именно в 1881 году, когда был, как известно, отменен соляной акциз. Эта

отмена сберегла населению в 1881 году (по сравнению с предыдущими) больше 12 млн. рублей (в 1880 году поступило соляного акциза 12,2 млн. руб., в 1879-м – 12,4 млн. руб.), причем эти сбережения не могли быть поглощены увеличением платежей за вино. Сумма питейного дохода в 1881 году равнялась 224,4 млн. рублей, а в предыдущем – 222,4 млн. рублей (увеличение питейного дохода произошло лишь в следующем 1882 году, когда поступило 251,9 млн. рублей). Доказательством того, что отмена соляного акциза действительно освободила соответственную сумму платежных средств, служит движение недоимки по окладным (принудительно взыскиваемым) платежам. В то время как, в 1880, 1882 и 1883 годах годовой прирост недоимки (принимая во внимание сложения недоимок, имевшие место в этих годах) колебался между 13-ю и 14-ю млн. рублей, в 1881 году недоимка возросла всего на 8 млн. рублей, несмотря на отсутствие каких бы то ни было сложений. Как же отразились те и другие меры облегчения податной тяжести на душевом потреблении алкоголя? В то время как в значительной степени фиктивные, но импонировавшие плательщикам своей формой (манифест) и значительностью номинальной суммы, сложения и понижения 1883 года отразились заметным подъемом потребления*, несомненные сбережения, сделанные населением вследствие уничтожения соляного акциза, остались вовсе без влияния на движение потребления алкоголя и других продуктов не первой необходимости.

Удовлетворительно объяснить указанный факт можно лишь в том случае, если мы признаем, что непосредственное психическое влияние экономических факторов на потребление алкоголя имеет более важное значение, чем косвенное их влияние через посредство увеличения или уменьшения покупательных средств потребителей. Хотя сумма, сбереженная населением в 1881 году вследствие уничтожения соляного акциза, была больше излишка покупательных средств, оставшихся в распоряжении населения в 1883 году, вследствие имевших место в этом году сложений и понижений, тем не менее манифест о сложении недоимок и слухи о понижении выкупных платежей (как всегда, конечно, преувеличенные народной фантазией) бесспорно должны были действовать на настроение народных масс несравненно сильнее, чем сознание той, почти нечувствительной экономии, какую делал в 1881 году каждый отдельный крестьянин при покупке подеше-

---

* Или во всяком случае временной приостановкой начавшегося с 1880 года падения (если согласиться с приведенными нами выше соображениями в пользу признания высокой цифры душевого потребления 1883 года в значительной степени фиктивной).

вевшей соли*. Сообразно с этим, понижение прямых платежей в 1883 году должно было оказать более благотворное влияние на душевое потребление, чем отмена соляного акциза в 1881-м, и факты вполне согласуются с таким предположением (хотя, как мы уже упоминали раньше, подъем душевого потребления в 1883 году в значительной степени является фиктивным. Если бы мы могли восстановить действительные цифры потребления за 1879–1883 гг., то вероятно оказалось бы, что влияние сложения платежей в 1883 году ограничилось лишь приостановкой падения, начавшегося с 1880 года и в том же почти темпе продолжавшегося после 1883 года).

Что касается прямого психического воздействия на потребление алкоголя войн, то против этого вряд ли кто будет спорить, хотя ввиду отсутствия за прежнее время данных (по крайней мере точных) о распределении потребления по месяцам является невозможным выяснить, насколько падение потребления во время войны и подъем потребления по заключении мира зависит от настроения масс и насколько от промышленного застоя и сменяющего его по окончании войны (в значительной степени искусственного) оживления. Впрочем, ввиду тесной связи, обнаруживаемой в других случаях между общим настроением народной массы и высотой потребления алкоголя и принимая во внимание весьма сильное изменение тонуса народной жизни во время войны (что резко обнаруживается на цифрах движения населения, см. по этому вопросу замечания Г.Майра[2]: «Закономерность в общественной жизни», русский перевод под редакцией профессора Чупрова, стр. 299), мы должны a priori допустить, что влияние войны и мира на потребление алкоголя в стране в значительной, если не в бóльшей, части сводится к прямому психическому воздействию.

---

* Между прочим, на этом именно соображении о нечувствительности для плательщиков увеличения (или уменьшения) общей суммы налога, если налог вносится единовременно ничтожными суммами («неэкономическими суммами»), основаны были и позднейшие проекты восстановления соляного налога (в минист<ерстве> С.Ю.Витте, см. «В<естник> Ф<инансов>», 1893 г., № 1).

Глава 7.

Роль физиологического оскудения рабочего организма (под влиянием переутомления)

Насчет влияния экономического момента – изменения покупательных средств – обычно относят и те колебания потребления алкоголя, которые замечаются у нас в течение года. Только с введением казенной продажи явилась возможность получать точные цифры потребления по месяцам года, раньше о распределении потребления по отдельным частям года можно было заключать лишь на основании данных о месячных поступлениях питейного дохода. Если взять такие данные за ряд лет и вывести среднюю цифру поступления за каждый месяц, то отношение этой средней к среднему годовому поступлению за тот же период даст нам довольно точное представление о распределении общего годового потребления по отдельным месяцам. Такая работа была выполнена в XVI выпуске Ежегодника Министерства Финансов за 1880-е годы, причем кроме общерусских средних выведены такие же и для отдельных районов (по группировке Деп<артамента> неокл<адных> сб<оров>). Для вывода средних взят период 1881–1884 гг. Было бы, пожалуй, правильней исключить 1881 год (повышение акциза), но и при таком выборе периода выводы сохраняют все же свое значение. Точные данные, приводимые в «Стат<истике по> каз<енной> прод<аже>» для монопольного периода*, более или менее подтверждают правильность этих приблизительных выводов.

Рассматривая эти данные, мы видим прежде всего, что в крупных чертах распределение потребления по отдельным месяцам представляет собой явление весьма устойчивое. Сравнивая движение потребления по месяцам за каждый из годов рассматриваемого периода, мы видим, что как maximum, так и minimum постоянно приходятся на одни и те же месяцы: maximum – на октябрь, minimum – на март. Начиная от годового maximum'a, месячное потребление постепенно

* Более подробный анализ данных за монопольное время (за вычетом «переходного» периода, ни для каких выводов непригодного) мы откладываем до последней главы, здесь же мы пользуемся некоторыми данными за время каз<енной> продажи лишь в виде примеров.

опускается до декабря включительно; в январе (в зависимости от праздников) потребление несколько (впрочем незначительно) поднимается, чтобы затем снова начать падать, пока не достигнет главного minimum'а в марте (в зависимости от Великого поста). Различие между отдельными годами заключается в том, что в зависимости от передвижения начала Великого поста (смотря по тому, большая или меньшая часть поста приходится на февраль), переход к мартовскому minimum'у совершается то постепенно (так, что потребление февраля и марта мало разнятся), то резким скачком. Начиная с марта идет повышение месячного потребления, пока оно не достигнет в мае второго (меньшего) годового maximum'а, после чего начинается новое понижение до июля включительно; на июль приходится второй годовой minimum, от этого второго minimum'а месячное потребление вновь возрастает, сперва слабо, а затем более быстро, достигая в октябре главного maximum'а, принятого нами за исходную точку*.

Уже рассмотрение месячных средних показывает, что временем наибольшего потребления алкоголя является у нас осень и затем зима. И действительно, если вывести за рассматриваемое четырехлетие среднее потребление за полугодие: сентябрь–февраль, то окажется, что это потребление составит 55,8% общего годового потребления (конечно, также по средней сложности за рассматриваемое четырехлетие), на долю же весны и лета (март–август) придется всего 44,2%. По отдельным районам, за немногими исключениями, потребление испытывает в течение года приблизительно такие же колебания, как и по России в целом. Так, по всем районам осенне-зимнее потребление превосходит весенне-летнее. По всем районам наблюдается ясно выраженный осенний maximum, приходящийся (за исключением одного Северного района) на октябрь (в Северных губерниях осенний maximum падает на сентябрь), зимний maximum, приходящийся на январь (за исключением Столичных губерний, где зимний maximum падает на декабрь) и весенний maximum, приходящийся на май (за исключением Северо-Западных губерний, где весенний maximum падает на июнь), по всем районам также наблюдается: весенний minimum, приходящийся на март или апрель, и летний minimum, приходящийся на июль (единственное исключение – Средне-Промышленные губернии, где летний minimum падает на август). Разница между отдельными районами выражается главным образом положением главного годо-

* Некоторые уклонения от этой схемы, замечаемые в средине 1881 года, объясняются повышением с половины этого года акциза (с 1-го июля); этим объясняется некоторое повышение поступлений в июле (сравнительно со средними для 4-летия и с цифрами каждого из остальных 3-х годов).

вого maximum'а. В преобладающем большинстве районов главным maximum'ом является осенний, но в губерниях Северных, Восточных, Прибалтийских, Привислянских и Столичных зимний maximum по абсолютному размеру потребления стоит выше осеннего; кроме того, в 2-х районах – Прибалтийском и Северо-Западном – второй (по абсолютной высоте потребления) maximum попадает на июнь (первым, главным maximum'ом в этих районах является осенний). Что касается главного minimum'а (т. е. minimum'а, стоящего по абсолютной высоте потребления ниже прочих minimum'ов), то таким для всех районов (за исключением одного Прибалтийского, где главный minimum приходится на июль) является весенний minimum (март–апрель). Чем же объясняются основные колебания потребления в течение года? Тесная связь между весенним minimum'ом и Великим постом настолько очевидна, что вряд ли может возбуждать какие-либо сомнения. То же следует сказать и относительно связи, существующей между зимним maximum'ом и зимними праздниками («Святки»), а также (отчасти) и относительно связи между летним minimum'ом и сельскохозяйственными летними работами. Иное следует сказать относительно общепринятого объяснения осеннего maximum'а.

Большая часть исследователей объясняет осенний maximum потребления тем обстоятельством, что в это именно время крестьянское земледельческое население располагает наибольшим количеством покупательных средств, полученных им от реализации урожая данного года. Сторонники этого взгляда допускают обыкновенно и влияние осенних свадеб. Но самое обилие свадеб, приходящихся на октябрь месяц, является, по их мнению, следствием обилия покупательных средств, так что в конце концов все причины осеннего подъема потребления спиртных напитков сводятся к одной – к повышению покупательных способностей населения – по крайней мере земледельческой его части.

В пользу такого предположения, несомненно, говорит то обстоятельство, что с наибольшей силой осенний maximum выражается именно в земледельческих районах, и при том (как это показывают новейшие статистические данные*) в городах с несравненно меньшей силой, чем в деревнях (в городах вообще потребление испытывает в течение года меньшие колебания, чем в сельских местностях). Однако существуют факты, которые решительно говорят против объяснения осеннего maximum'а увеличением покупательных средств населения. Во-первых, окончание жатвы и молотьбы *само по себе* еще отнюдь не обуславливает увеличения покупательных средств населения,

* Сравни «Статистику по казенной продаже» за последние годы.

покупательные средства владельца сельскохозяйственных продуктов увеличатся лишь *после реализации* этих продуктов. Когда же должна быть произведена эта реализация? Самый элементарный хозяйственный расчет показывает каждому крестьянину, что наиболее выгодным моментом реализации является весна - время высоких цен - и, в крайнем случае, зима (имеющая хотя преимущества хорошей дороги). Но отнюдь не осеннее время - время наибольшего упадка цен и наибольшей распутицы, делающей доставку хлеба на рынок крайне тяжелой, а то и вовсе невозможной. Кроме того, следует помнить, что подавляющее большинство нашего крестьянства не производит *действительных излишков* хлеба, так что в большинстве случаев всякий лишний пуд хлеба, проданный осенью (следовательно, по низкой цене) вызывает необходимость на такое же количество повысить количество хлеба, покупаемого весной уже по повышенным ценам, и следовательно, дает убыток, равный разности осенних и весенних цен; а до каких границ доходит эта разница, см. хотя бы «Влияние урожаев и хлебных цен <на некоторые стороны русского народного хозяйства>»: редакторами названного исследования разница между осенними и весенними ценами определяется в 40% с лишним (см. указ. соч., том I, предисловие стр. XIX, также стр. 71). Итак, руководствуясь хозяйственным расчетом, каждый крестьянин, естественно, должен стремиться уменьшить свою осеннюю продажу до возможного minimum'а, определяемого обязательными платежами и необходимостью удовлетворения безусловно неотложных потребностей. Поэтому, если бы колебания потребления алкоголя в течение года действительно определялись, как это обыкновенно принимают, хозяйственным моментом, *то при неизменности потребности в алкоголе* maximum потребления падал бы на весну или зиму, но никак уже не на осень, когда удовлетворение потребности в алкоголе сопряжено для потребителя с бóльшими расходами, чем в любой другой момент года.

Если, несмотря на все это, в жизни земледельческого населения России временем самого усиленного потребления алкоголя является все-таки октябрь месяц, то для этого должны существовать свои *особенные причины, от хозяйственного момента не зависящие* и даже прямо ему противоположные. Что же это за причины, заставившие крестьянина земледельца приурочить момент наиболее усиленного в году потребления алкоголя именно к осенним месяцам, когда, как мы видели, выручка денег, необходимых на приобретение алкоголя, является для него сопряженною с наибольшими трудностями и хозяйственными потерями?*

---

* В некоторых *местностях с резко выраженным октябрьским maximum'ом* потребления алкоголя, например, в Самарской губернии (диаграмма месяч-

Прежде чем искать каких-нибудь новых причин усиленного потребления алкоголя земледельческим населением в осенние месяцы, посмотрим, не может ли это явление быть объяснено действием тех же моментов, которыми обуславливается усиленное потребление алкоголя фабрично-заводскими рабочими и ремесленниками, т. е. физиологическим оскудением организма, под влиянием чрезмерного переутомления и плохого питания? Сам факт усиления потребности в алкоголе (усиления, доходящего иногда до неудержимой, болезненной жажды) под влиянием переутомления и плохого или недостаточного питания не подлежит в настоящее время спору. Более или менее согласны все исследователи и относительно значения этого момента в праздничном (часто переходящем в после праздничные – «понедельники») пьянстве фабричных рабочих и мастеровых*, но очень мало до настоящего времени было обращено внимания на значение этого момента в крестьянском пьянстве (мы говорим о крестьянах *земледельцах*). Действительно, общая сумма работы, производимой в течение года крестьянином-земледельцем (если не принимать во внимание его работу на стороне, в отхожих *не земледельческих* промыслах, как этого и требуют особенности данного вопроса, и измерять работу числом рабочих часов, а не суммой механической энергии, освобожденной при работе) значительно меньше работы фабричного рабочего или городского ремесленника (измеряемой тем же способом). К тому же работа земледельца происходит на чистом воздухе (что несомненно ослабляет вредное влияние усталости), но зато земледельцу вследствие особенностей его профессии в *нашем климате* приходится бóльшую часть годовой работы затрачивать в сравнительно небольшой промежуток времени, характерно называемой народом «страдой», «страдной порой».

Как же влияет страда на крестьянина? Уже a priori надо предполагать, что влияние это должно быть очень сильно. Действительно, люди работают в это время с напряжением всех сил, почти не зная

ных колебаний потребления см. у Норова, указ. соч., стр. 113), вывоз и *реализация урожая* фактически *начинается после* конца *октября* (в октябре еще идет усиленная работа – вплоть до наступления морозов: подробнее об этом см. Бржеский «Недоимочность и круговая порука», стр. 316, также «Приложения» к Отч<ету> Деп<артамента> неокл<адных> сб<оров> за 90-е годы, в частности за 1896 – отчет управляющего акцизн<ых> сб<оров> Самарской губ<ернии>).

* Сравни доклад О<бществу> охран<ения> нар<одного> здравия г. Дриля, д-ра Григорьева и прения по поводу этих докладов в «Трудах алкогольной комиссии» (в особенности выпуск II-й).

отдыха (на сон тратится в горячую пору просто невероятно мало времени: физиология не знает таких норм, хотя бы и в качестве минимальных, только при маниакальных формах помешательства случается наблюдать такой непродолжительный сон, наряду с усиленной деятельностью в бодрственном состоянии), нередко при крайне тяжелых условиях (один летний зной чего стоит), и при этом питаются почти исключительно одним сухим хлебом (к лету все запасы от прошлого урожая успели выйти, да если бы и было из чего, в это горячее время все равно было бы *некогда* готовить горячую пищу). Только привычный организм может выдержать такую «страду», длящуюся не несколько дней, а целыми месяцами, но даже и самый привычный организм должен претерпеть под влиянием такого непомерного напряжения сил резкие физиологические изменения, и только много времени спустя, после продолжительного отдыха, организм успевает восстановить нарушенное равновесие и снова сделаться способным выдержать новую «страду». Насколько сильно физиологическое истощение организма под влиянием страды, видно из того, что, как свидетельствуют врачи, близко имеющие дело с крестьянами, у многих крестьянок за время страды прекращаются менструации и восстанавливаются лишь несколько времени спустя, после того, как организм успеет более или менее отдохнуть после непосильной работы. То же подтверждает и статистика рождаемости по месяцам. Если на основании этой статистики вычислить число *зачатий*, приходящихся на различные времена года, то окажется, что октябрь месяц, несмотря на то, что население в это время в большинстве случаев уже свободно от работы, и что этот месяц по числу заключаемых браков занимает второе место в году, дает цифру зачатий несоразмерно малую. То же следует сказать относительно числа зачатий и в ноябре месяце. Только к середине зимы, когда население успевает более или менее отдохнуть от летне-осенней страды, цифра зачатий поднимается до нормы (для свободного от работы времени), около которой и колеблется вплоть до начала полевых работ (колебания цифры зачатий за этот промежуток времени обусловливается главным образом колебаниями брачности). Но даже в апреле, когда полевые работы уже сильно начинают отвлекать крестьянина от дома, цифра зачатий стоит все же выше, чем

---

* Чтобы убедиться, как сильно влияет число браков на число зачатий, стоит сопоставить за более или менее длинный ряд лет цифры браков за январь и февраль и цифры рождений за октябрь и ноябрь. Число браков, как известно, делает в начале года резкий скачок вверх, причем повышение числа браков (против средней нормы) либо распределяется на оба первых месяца года, либо целиком приходится на январь. Как именно распределится число

в октябре*, несмотря на то, что по числу вновь заключаемых браков октябрь чуть не в три раза превосходит апрель. Такой результат может быть объяснен исключительно крайним истощением организма непосредственно по окончании «страды» (если бы на число зачатий не оказывали пертурбационного влияния колебания брачности по месяцам года, то, вероятно, число зачатий правильно возрастало бы по мере удаления от момента окончания «страды» вплоть до начала полевых работ следующего года).

После всего сказанного относительно влияния на организм земледельческого рабочего «страдной поры», мы уже a priori можем предсказать (принимая во внимание прочно установленный факт усиленного стремления истощенного организма к искусственному возбуждению наркотиками), что время окончания страдной поры будет для земледельческих районов и временем наивысшего в году потребления алкоголя. Что касается большого числа свадеб, совершаемых в это время и, несомненно, принимающих свою долю участия в повышении обычной нормы потребления алкоголя, то весьма вероятно, что в отдаленное время, при почти полном господстве в крестьянской жизни натурального хозяйства, когда все почти свадебные расходы, не исключая и расходов на хмельные напитки (пиво, брага, меды и проч.),

---

браков в данном году, зависит от того, на какие числа февраля придется в этом году начало Великого поста. Если Великий пост захватит больше половины февраля, то бóльшая часть зимнего повышения числа браков упадет на январь, так что цифра браков в феврале будет значительно ниже числа браков в январе. Если, напротив, Великий пост придется к концу февраля, то цифры браков в январе и феврале будут приблизительно равны или даже февральская цифра браков будет выше январской. В полном соответствии с этим изменяется и взаимное отношение числа рождений в октябре и ноябре. В те годы, когда начало Великого поста приходится на 20-е числа февраля (или даже на начало марта), число рождений в октябре и ноябре приблизительно равны, или даже несколько выше в ноябре (именно в те годы, когда Великий пост вовсе не захватил февраля, например, в 1880 году). Напротив, когда начало Великого поста приходится на первую треть февраля, число рождений в октябре значительно выше, чем в ноябре. Так, например, в 1871 году начало Великого поста приходилось на 7-е февраля, число браков было: в январе – 190 тыс., в феврале всего – 10 тыс., а число рождений: в октябре около 300 тыс., а в ноябре всего 220 тыс.; в 1874-м начало поста приходилось на 10-е февраля, цифры браков были: 180 тыс. в январе и 14 тыс. в феврале, а число рождений: около 320 тыс. в октябре и около 240 тыс. в ноябре; в 1877 году начало поста 6-го февраля; браки: 150 тыс. и 10 тыс.; рождения: 300 тыс. и 215 тыс. и т. д. На основании этих данных следовало бы ожидать, что по числу *зачатий* октябрь займет второе место после января (в среднем за длинный ряд лет первое место по числу браков занимает январь, второе – октябрь):

производились натурою и, следовательно, не требовали реализации продуктов своего земледельческого труда (а если бы даже потребовали, то в виду случайности подобных сделок, не было бы оснований предпочесть один момент продажи другому), время окончания сельскохозяйственных работ и окончательного выяснения результатов урожая данного года было действительно с хозяйственной точки зрения наиболее удобным временем для совершения свадеб. Очень вероятно, что вызванное первоначально (при натуральном строе хозяйства) чисто хозяйственными мотивами, приурочивание свадеб ко времени окончания земледельческих работ обратилось впоследствии в прочносложившийся обычай (ему способствовали и некоторые религиозные мотивы; об этом подробно см. в статьях г. Весина «Великорусс в его свадебных обычаях» и проч. «Русская мысль», 1891 г., кн. 9 и 10), который продолжал действовать с принудительной силой и в позднейшее время, когда вследствие изменившихся экономических условий приурочивание свадеб к октябрю не только не вытекало из хозяйственных соображений, но напротив шло совершенно вразрез с этими соображениями (см. сказанное выше относительно условий осенней реализации продуктов).

Например:	Число браков	Число рождений
В 1871 г.	в январе: 190 тыс.	октябре: 300 тыс.
	в феврале: 10 тыс.	ноябре: 220 тыс.
В 1874 г.	в январе: 180 тыс.	октябре: 320 тыс.
	в феврале: 14 тыс.	ноябре: 240 тыс.
В 1877 г.	в январе: 150 тыс.	октябре: 300 тыс.
	в феврале: 10 тыс.	ноябре: 215 тыс.
	и т. д.	и т. д.

Мы ссылаемся на данные за 1870-е и начало 1880-х годов, как в виду близости их к моменту, к которому приурочены наши основные данные о распределении потребления по месяцам года (данные за 1881–1884 гг.), так и по тому соображеиию, что данные за более раннее время должны сильнее отражать на себе влияние цикла земледельческих работ, чем данные за более позднее время, особенно со 2-й половины 80-х годов, когда обрабатывающая (и вообще неземледельческая) промышленность успела сделать значительные успехи.

Таким образом мы видим, что объяснение усиленного потребления алкоголя в октябре месяце хозяйственным моментом не может быть обоснованно сколько-нибудь удовлетворительным образом. Не трудно показать, что такое объяснение даже прямо противоречит известным фактам. Действительно, реализация продуктов урожая далеко не повсеместно в России служит главным источником платежных средств населения; существуют местности, где основным источником являются те или иные неземледельческие заработки; в некоторых случаях эти заработки распределяются приблизительно равномерно в течение года, но бывает и так, что работы, дающие главную массу платежных средств, или если не сами работы, то платеж по этим работам приурочивается к одному какому-нибудь моменту в году; если этот момент не совпадает случайно с окончанием уборки хлеба, то для населения подобного района моментом наивысшего подъема платежных средств будет уже, очевидно, не осень, а другой какой-нибудь момент в году; и если справедливо, что распределение потребления по месяцам года обуславливается относительной высотой платежных средств населения, то, очевидно, для такого района временем наивысшего в году потребления алкоголя будет уже не октябрь и вообще не время окончания земледельческих работ. Напротив, если причиной усиленного потребления алкоголя в осенние месяцы являются исключительно или хотя главным образом переутомление населения за время страды, то maximum потребления и в этом случае должен по-прежнему приходиться на время окончания работ. Точно также, если мы видим район, где maximum потребления упадет не на октябрь, а на какой-нибудь другой месяц года, то исходя из хозяйственного объяснения распределения потребления по месяцам, мы должны ожидать, что в этом именно месяце население данного района располагает наивысшей суммой платежных средств, получаемых из какого-нибудь источника, независимо от реализации собственного урожая. Тщательно разработанное исследование Комиссии по пересм<отру> узак<онений> о взим<ании> окладн<ых> сборов (под редакцией А.А.Рихтера) о «Поступлении окладн. сборов по месяцам года за 14 лет с 1880 по 1893 г.» представляет ценный материал для подобных сопоставлений, правда, он не может быть вполне использован, так как приходится ограничиваться районами, где казенная продажа была введена в ближайшие по времени исследования комиссии годы (иначе сопоставления делаются уже рискованными*). Так, в губернии Пермской

---

* Кроме того в первый, а в некоторых случаях и второй год после введения казенной продажи, распределение потребления по частям года обыкновенно резко уклоняется от нормального для данной местности порядка

(из числа губерний 1-й очереди) около 1/4-годичного оклада вносится* в марте месяце. Именно, в марте в среднем поступает около 23%, тогда как в октябре (реализация урожая) поступает всего 12% и даже в ноябре и декабре (время наиболее усиленного взыскания, так как органы взымания напрягали в это время все силы, чтобы достигнуть возможно полного поступления годового оклада) поступление не достигает 20% (в январе поступление падает до 3%) годичной суммы. Само по себе это явление не представляет ничего удивительного. Пермская губерния не принадлежит к числу чисто земледельческих, поэтому не было основания и ожидать здесь исключительно высокого % поступления в месяцы, следующие за уборкой хлеба, в частности в октябре (как это имеет место в чисто земледельческих губерниях, например, из числа губерний 1-й очереди в Самарской); но раз для населения Пермской губернии (для которой главным источником платежных средств является горнозаводская и тесно связанные с ними лесные работы) временем наибольшего (единовременного) обилия платежных средств является не осень, не октябрь месяц, как в чисто земледельческих губерниях, а март, то мы вправе ожидать, что и maximum потребления спиртных напитков также передвигается здесь на март. Или, если предположить, что действие религиозных соображений (Великий пост) все же сильней влияния хозяйственных условий (обилия платежных средств), то по крайней мере на апрель; однако в действительности *на март* в Пермской губернии приходится minimum потребления, а потребление апреля стоит не выше потребления летних месяцев - июня и даже июля, являющегося здесь, как и в большинстве других районов России, месяцем застоя потребления. Пермская губерния является весьма ярким примером отсутствия *внутренней связи* между высотой платежных средств, какими располагает население в том или иной момент года, и высотой потребления алко-

---

вещей, почему при выводе средних месячных данные за первый год, - а если казенная продажа введена с середины календарного года, то и за второй, - не должны быть вовсе принимаемы в расчет. Помимо этого элемент случайного вносится расположением подвижных праздников и постов. Для получения *типических* выводов надо исходить из данных за период с расположением подвижных праздников, *близких к среднему их положению* (за возможно более продолжительный промежуток времени).

* Собственно говоря - *вносился* (в период 1880-1893 гг.), но для наших целей это не важно, так как нас интересует не то, сколько именно вносилось, а сколько *могло быть внесено* или - правильнее - *взыскано при данных местных условиях* крестьянского хозяйства и при наличности данных «сторонних» заработков (как показатель этих условий данные за 1880-93 гг. сохраняют свое значение и для позднейшего времени).

голя. Здесь maximum платежных средств совпал с minimum'ом потребления. Но та же Пермская губерния представляет интерес и в другом отношении: наивысшее в году потребление упадет здесь не на осень (октябрь) и зиму (яннарь), а на январь (зимний maximum) *и май*, причем майское потребление почти равно январскому*. Если теперь сопоставить эти данные с данными о поступлении окладных сборов, то окажется, что оба месяца с наивысшим в году потреблением принадлежат к числу самых глухих в смысле получения крестьянским населением каких бы то ни было денежных доходов: в то время, как в марте уплачивается до 23% годичного поступления, на январь приходится всего 3%, а на май даже меньше 2%. Факт – совершенно непонятный с точки зрения теории первенствующего значения хозяйственного момента и вполне понятный, если допустить сделанное нами предположение, что октябрьский maximum потребления, наблюдаемый в земледельческих районах, вызывается главным образом усиленной потребностью в алкоголе под влиянием утомления и истощения за время летне-осенней страды, обилие же покупательных средств является лишь второстепенным моментом, не имеющим *решающего* значения[1].

С этой точки зрения представляется не только понятным, но и необходимым перемещение maximum'а потребления вместе с перемещением «страды» (понимаемой в широком смысле, как период времени, требующий от населения наивысшего в году напряжения сил): в местностях, в которых общая цифра потребления определяется главным образом потреблением земледельческого населения, maximum естественно должен упасть на октябрь, так как для земледельческого населения страдным временем является именно лето и начало осени (август и сентябрь), напротив, в Пермской губ<ернии>, где общая цифра потребления главным образом определяется потреблением горнозаводского населения, для которого «страдным» временем – в противоположность земледельческому населению – является не лето и начало осени, а зима и начало весны, возникает и новый maximum, приходящийся на конец весны и начало лета**, хотя никаких исклю-

---

* См. «Статистику по казенной продаже за 1897–1898 гг.», стр. 149–150: «Максимальное потребление по Пермской губернии приходится на зимнее время (на какой именно из зимних месяцев придется maximum, зависит от расположения подвижных праздников – начала Великого поста) и на май месяц, – расход спирта в течение названного месяца превышал в 1896, 1897 и 1898 гг. потребление октября, за которым можно признать при порайонном сопоставлении характер наиболее пьяного месяца в году» (стр. 150).

** На какой именно месяц – май или июнь – придется в данном году бо́льшая часть весенне-летнего повышения, зависит от расположения подвижных праздников (Троицын день) и постов (Петров пост); см. об этом замеча

чительных источников дохода к этому времени здесь не приурочено (как это и доказывается ничтожным поступлением окладных сборов в соответственные месяцы). Переходя к губерниям 2-й очереди, мы и здесь сталкиваемся с такими же случаями поразительного несоответствия между колебанием по месяцам года платежных средств населения и потребления спиртных напитков. Так, по всему Юго-Западному району временем наивысшего в году потребления является, как и вообще во всех земледельческих и промышленно-земледельческих районах, конец осени и начало зимы (октябрь, ноябрь, декабрь, причем из этих 3-х месяцев 1-е место занимает октябрь; что касается января, то он стоит еще ниже декабря). Между тем как платежная способность населения (благодаря первенствующему значению для этого района заработков от свекло-сахарной промышленности) стоит выше всего в течение весенне-летних месяцев апрель–июль, отличающихся ничтожным потреблением алкоголя. Для отдельных губерний несоответствие еще ярче, так, например, население Подольской губернии имеет возможность в течение одного июня месяца уплатить больше 26% годичных платежей, по потреблению же алкоголя июнь месяц стоит здесь на *последнем* месте*. И это несмотря на то, что в Подольской губернии (равно как и в Киевской) работа на свекловичных плантациях, являющаяся главным источником исключительных июньских доходов, обычно связана со значительным потреблением водки. Водка служит одним из главных способов для привлечения нужного числа рабочих, угощают водкой и при заключении договоров, и в течение

ния в «Статистике по казенной продаже 1897–1898 гг., стр. 145. Что касается объяснения июньского maximum'а в 1899 году «видами на хороший урожай» (см. «Статистику по казенной продаже за 1899 г.», стр. 132), то оно должно быть признано совершенно неудовлетворительным (как об этом мы уже упоминали вскользь выше, в гл. 3-й) уже потому, что июньское повышение по Восточному монопольному району обусловливается главным образом повышенным потреблением в Пермской губернии (см. указ. соч., стр. 131), в пределах же Пермской губернии наибольшее повышение в июне дают уезды: Екатеринбургский, Верхотурский, Пермский и Соликамский (по всем этим уездам июньское потребление занимает 1-е или 2-е место в году: см. «Статистику по казенной продаже 1899 г.», стр. 138), но все эти уезды, как видно из классификации, приводимой в том же официальном источнике, *неземледельческого* характера: по уездам же Пермской губернии с преобладающим земледельческим населением июньское потребление в 1899 году стоит в большинстве случаев даже ниже октябрьского (см. «Статистика по казенной продаже за 1899 г.», стр. 138).

* Месяцы, смежные с июнем, также отличаются крайне низким потреблением.

работы по вечерам (как известно, наряду с угощением водкой практикуется нередко и музыка – также сильное притягательное средство для молодежи, из которой по преимуществу комплектуются армии рабочих, занятых на плантациях). Мы могли бы привести еще немало подобных примеров как из числа названных районов, так и из числа губерний 3-й очереди (Северо-Западных), но для наших целей это было бы излишне. Нам вовсе не требуется доказать, что случаи указанных несоответствий встречаются *часто*. Напротив, насколько Россия в целом до последнего времени еще является страной *по преимуществу земледельческой,* настолько преобладающим должен быть и факт соответствия maximum'а потребления алкоголя с maximum'ом платежных сил населения.

Для нас важно было лишь показать, что между этими двумя моментами не существует *внутренней (причинной) связи,* и для этого совершенно достаточно рассмотренных нами выше примеров, где в силу тех или иных местных бытовых особенностей maximum платежных сил населения не совпадает с моментом наивысшей интенсивности потребности в алкогольном возбуждении (возникающей на почве истощения населения под влиянием предыдущей чрезмерной работы), как это имеет место в чисто земледельческих районах*.

---

* Не безынтересно сопоставить ходящее представление о причинах колебания потребления алкоголя (крестьянами) *в течение года* с теми – к сожалению весьма немногими – конкретными данными о распределении крестьянского (земледельческого) бюджета по месяцам года, какие имеются в нашей статистике. Вот как, например, распределялся по месяцам года общий приход, общий расход и расход на спиртные напитки по данным уже упоминавшихся нами статистических записей крестьянина Задонского уезда, Воронежской губернии.

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Ощий приход (в рублях)	76,75	31,70	53,38	50,55	60,23	38,68
Общий расход (в рублях)	41,69	12,77	20,51	9,17	60,93	22,55
Расход на водку	12,40	0	4,10	1,90	1,15	2,50

	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Общий приход (в рублях)	17,95	73,93	0	9,79	2,75	17,80
Общий расход (в рублях)	9,04	20,06	49,88	19,74	28,00	20,35
Расход на водку	2,50	3,65	4,85	1,25	3,75	2,50

(Душевое потребление – 0,64 ведра в 40° в год)

За исключением января, когда высокий расход на алкоголь обусловливался «святками» и масленицей (часть которой пришлась на конец января), мы не находим никакого «соответствия» (не говоря уж о пропорциональности – хотя бы самой грубой) между высотой «прихода» и высотой «расхода на алкоголь»... Думаем, что результат получился бы по существу тот же и в том случае, если бы мы располагали более многочисленными данными, позволяющими исключить влияние случайных моментов.

Что касается, наконец, последнего из перечисленных нами выше моментов, которыми *непосредственно* определяется высота потребления алкоголя, то зависимость этого момента («чувствительности потребителя к действию алкоголя») от экономических факторов теоретически, a priori не подлежит никакому сомнению. Но проследить эту зависимость in concreto при теперешнем состоянии наших знаний не представляется возможным. Во всяком случае, *непосредственное* влияние экономических моментов на выносливость потребителей к алкоголю вряд ли играет сколько-нибудь существенную роль в динамике потребления алкоголя. Гораздо больше внимания заслуживают случаи *отдаленного* (не непосредственного) влияния экономических условий. Мы имеем в виду изменение выносливости организма по отношению к алкоголю под влиянием психофизиологического вырождения, которое в свою очередь вызвано неблагоприятно сложившимися экономическими условиями. Значение вырождения населения, как одного из фактов, определяющих высоту потребления, будет нами рассмотрено в следующей главе. Вопрос же о зависимости вырождения от экономических условий, собственно говоря, уже выходит за пределы настоящей работы.

Таким образом, в последних 2-х главах мы видели, что целый ряд случаев *уклонения потребления* алкоголя *от среднего уровня*, которые обычно относятся за счет влияния «экономического момента» *в тесном смысле слова*, т. е. за счет изменений в степени хозяйственной обеспеченности народных масс, в действительности – при более тщательном анализе – оказываются результатом иных влияний, или вовсе не зависящих от «хозяйственного момента» (в указанном смысле) или стоящих с ним лишь в отдаленной связи.

Выше, в главе 5-й, мы пришли к выводу, что и *периодические колебания потребления* (под влиянием периодических колебаний промышленности) также имеют своей *основной* причиной не изменение общей суммы доходов населения («хозяйственный момент»), а изменение *относительной* численности группы регулярных потребителей алкоголя.

В следующей главе мы увидим, что и *то понижение среднего уровня потребления* (понижение *центра* периодических *колебаний*), какое обнаружилось с начала 1880-х годов, также не может быть отнесено за счет падения хозяйственной обеспеченности народных масс.

Глава 8.

Причины систематического падения «среднего уровня» потребления с начала 1880-х годов

Может ли быть приписано общее сокращение душевого потребления спиртных напитков, наблюдаемое в 1880-х и начале 1890-х годов, постепенному увеличению несоответствия между продажной ценой алкоголя и покупательной способностью населения?

Против такого предположения говорит уже то обстоятельство, что ни многократные повышения обложения спирта, ни выдающийся по своим последствиям для народного хозяйства недород 1891–1892 гг. не вызывали усиления интенсивности падения душевого потребления спиртных напитков. Между тем, как если бы общее сокращение потребления было результатом несоответствия между покупательной силой населения и ценой спиртных напитков, то всякая *пертурбационная* причина (каковыми являлись повышение акциза и голодный 1891 год), резко увеличивавшая это несоответствие, должна была бы отразиться на ходе потребления спиртных напитков, вызывая каждый раз резкий скачок вниз. На деле же мы видели, что после каждого повышения акциза, а равно и после бедственного 1891 года, сокращение потребления не только не идет ускоренным темпом, а наоборот, после каждого такого момента сокращение на время приостанавливается, или даже переходит в противоположное движение. Одного этого обстоятельства было бы довольно для опровержения вышеуказанного предположения (надо заметить, весьма распространенного в нашей литературе: см. мою заметку об общем движении наших финансов в период 1887–1897 гг. «Русское Экон<омическое> Об<щество>» 1898 г., февраль). Но пусть такой ход кривой определяется влиянием «случайных» причин (хотя отчего бы *«случайным»* причинам действовать *«систематически»:* так как мы видим, что влияние моментов, увеличивающих несоответствие между ценой алкоголя и покупательной силой населения парализовано не в одном-двух случаях, а решительно *во всех,* так что не остается *ни одного* фактического, а не априорного, доказательства влияния этих моментов на движение потребления), и тогда все-таки указанное предположение не имеет под собой

почвы и может казаться доказательным лишь для самого поверхностного наблюдателя.

Действительно, между падением народного благосостояния и сокращением потребления спиртных напитков замечается некоторое соответствие, лишь пока мы рассматриваем всю страну как экономически однородное целое*. В действительности процесс экономического упадка крестьянских масс коснулся различных районов России в различной степени. В то время, как в одних частях страны наблюдался резкий упадок, в других – экономическое положение масс если и не прогрессировало, то и не падало заметным образом. По крайней мере падение это по своей интенсивности не превосходило того понижения уровня народного благосостояния (под влиянием естественно возраставшей земельной тесноты**, какое замечалось и в течение 1870-х годов, и однако ничем не отразилось на душевом потреблении алкоголя (*maximum* кривой душевого потребления в начале 70-х и в конце стоят приблизительно на одной высоте, хотя то оживление промышленности, какое наблюдалось в 1878–1879 гг., ни в каком случае не может, по своему влиянию на народные заработки, идти в сравнение с железнодорожной горячкой начала 70-х годов, явившейся для рабочих масс настоящим «золотым дождем»). Это резкое различие в движении народного благосостояния по различным районам России дает нам возможность категорически ответить на вопрос, действительно ли основной причиной сокращения потребления за 1880-е годы (точнее за 1883–1891 гг.) является упадок народного благосостояния или же это сокращение вызвано было какой-нибудь другой причиной, а экономический упадок либо вовсе не участвовал в этом, либо был лишь одним из второстепенных моментов, влияние которого заслонялось действием главной причины, от высоты покупательных сил населения не зависящей.

Если основной причиной сокращения потребления был экономический упадок населения, то сокращение это должно было выразиться главным образом (если не исключительно) в тех районах, где действительно такой упадок наблюдался, и притом с наибольшей силой в

---

* Да и тогда все же является непонятным, отчего же с 1891 года началось движение *в противоположном направлении* (несмотря даже на повышение акциза в 1892 году)? Разве действительно хозяйственное положение масс начало заметно повышаться, *начиная с 1891 года?* А если нет, если подъем потребления мог совершаться без соответствующего поднятия *общего* уровня благосостояния, – то нет оснований и предыдущее падение потребления ставить в связь с падением благосостояния.

** Вследствие естественного прироста населения.

тех, где упадок этот наиболее интенсивно выражен. В районах же, где благосостояние населения прогрессировало или оставалось без изменения, сокращение душевого потребления либо вовсе не должно было иметь места, либо, во всяком случае, выразиться с несравненно меньшей интенсивностью.

Что же мы видим на самом деле?

Если мы возьмем для сравнения два больших района: с одной стороны, Средне-Черноземные губернии; с другой, Северо-Западные+Юго-Западные – с приблизительно равным населением (в губ<ерниях> Средне-Черноземных в среднем за 1883–1894 гг. около 17 млн. чел<овек> и в Северо-Западных и Юго-Западных, вместе взятых, также около 17 млн. <человек>) в общем, заключающие в себе около 1/3 населения Европейской России, то эти два больших района несомненно будут представлять собой объекты, вполне пригодные для интересующего нас сопоставления. Среди всех районов Европейской России нельзя выбрать двух других групп губерний, которые бы различались между собой в отношении движения благосостояния за последние 20 лет так резко, как губернии земледельческого центра, с одной стороны, и губернии западной окраины – с другой. В то время, как экономическое положение Средне-Черноземных губерний, начиная с 1870-х годов, постоянно ухудшалось (см., напр<имер>, движение недоимки в % к окладу по 5-летиям: с 1870 по 1895 год недоимка составляла: 10,4–15,9–28,4–38,5–125,3%), в губерниях Северо-Западных и Юго-Западных наблюдалось совершенно обратное (движение недоимки по Северо-Западным губерниям в % к окладу по 5-летиям с 1870 по 1895 год было: 41,5–22,2–12,0–5,8–4,1%; по Юго-Западным губерниям – 13,1–8,7–7,2–3,5–4,9%); такое явление нетрудно объяснить, если принять во внимание, что Северо-Западный район после реформы является одним из самых устойчивых по урожайности (см., напр<имер>, статьи «К вопросу о неурожаях последних лет» Н.Ф.Анненского «Русское Бог<атство>», 1898 г., 9, стр. 210; Л.Грасса[1] «Страхование сельскохозяйственных посевов от неурожая», 1892 г., стр. 52). За 1880-е годы (в течение которых наблюдалось вообще наибольшее сокращение душевого потребления спиртных напитков) Северо-Западный район не испытал *ни одного* серьезного неурожая, то же и в 1890-х (не исключая и 1891 г.) – вплоть до 1895 г. (первый неурожай). Самый низкий урожай – не ниже 85% среднего за 25-летие 1870–1894 гг. Исследователи 1870-х годов констатировали в этом районе подъем благосостояния, расширение посевов, повышение культуры (см. ст<атью> Н.Ф.Анненского, стр. 209); то же констатировано и относительно Юго-Западных губерний. На отсутствие экономического упад-

ка крестьян Северо-Западного края указывает также усиленная покупка крестьянами этого района земли*.

Что касается крестьян губерний Юго-Западных, то земельная теснота и слабое развитие отхода уравновешивается здесь развитием фабрично-заводской промышленности (сахарная промышленность)**.

Благодаря развитию обрабатывающей промышленности, Юго-Западный район, несмотря на густоту населения, не только не дал механической убыли населения в период с 1885 года, а напротив, принял в себя значительный излишек населения других районов (см. статью Михайловского «Новое Слово» за 1897 г., стр. 109): с 1885 по 1896 г. в губерниях Юго-Западного края наблюдался приток населения более $^1/_2$ млн. человек (по Михайловскому - 587 тыс. чел.). Такое увеличение «емкости» объясняется, кроме развития фабрично-заводской промышленности, еще переходом к высшим культурам (особенно важно расширение посевов свекловицы***. Полагаем, что сам факт притяга-

---

* Согласно отчетам крестьянского банка, к 1895 году на долю северо-западного района приходилось купленной при содействии банка земли больше, чем на какой бы то ни было район, при этом рост покупок совершался здесь - в противоположность другим районам - вполне равномерно, и почти вся купленная земля удержалась в руках крестьян (% удержанной земли выше, чем во всех прочих районах). Вообще в Северо-Западном районе крестьяне являются главными покупщиками земель, уходящих из рук дворян. Согласно «Материалам по статистике движения землевладения в России» (под редакцией Рейнбота СПб., 1896 г., вып. I) оказывается, что, например, в 1893 году из общего количества земель, проданных дворянами (главный контингент продавцов) в Северо-Западных губерниях на долю крестьян пришлось 81,5% (только в Южных степных губерниях участие крестьян в покупке еще выше: около 90% земли попадает в руки крестьян. Но там это, главным образом, единичные личности, поднявшиеся над общим уровнем достатка. Иное в губерниях Северо-Западных. Здесь мы встречаем, например, в Могилевской губернии, подавляющее преобладание покупок целыми обществами. В среднем по всем Северо-Западным губерниям на долю «обществ» приходится около 12% всех приобретений. Между тем в губерниях южных степных всего 1,7%).

** Хотя число собственно фабрично-заводских рабочих на сахарных заводах и не растет параллельно быстрому росту производительности заводов, но рост сахарного производства вызывает огромное расширение спроса на рабочие руки *вне заводов* - на обработку свекловичных плантаций, площадь которых за 1880-е годы значительно возросла (в 1883-1884 гг. - 149,9 тыс. десятин, в 1893-95 гг. - 171,8 тыс. десятин, т. е. возросла на 20%; ср. Отчет Деп<артамента> неок<ладных> сб<оров>, 1896 г., стр. 199), для гужевого транспорта и проч.

*** Кроме указанных источников заработков, следует еще упомянуть: для Юго-Западного района - распространение табачных плантаций, а также и дру-

тельной силы Юго-Западного района исключает мысль об экономическом упадке этого района. Совершенно иное видим в губерниях Средне-Черноземного района: за тот же период 1885–1896 гг. этот район дал отток населения более $1^1/_2$ млн. (1 535 тыс. человек по г. Михайловскому) – цифра громадная по сравнению с населением района. Крайне неблагоприятны для этого района и данные о «естественном движении» (см. статьи Ф.Тернера[2] «Экономическое положение крестьян в России». «Вестник Европы», 1898 г., 7 кн.). Напротив, для района Северо-Западного и Юго-Западного показатели «естественного движения» населения были благоприятны (см. «Влияние урожаев и хлебных цен...» статья г. Покровского, II т., стр. 196: «Весьма благоприятен коэффициент естественного движения населения в губерниях Белорусских, Литовских и Юго-Западных, подъему благосостояния которых много способствовала совершившаяся перед началом данного 25-летия – 1870–94 гг. – в пользу большинства населения аграрная реформа»). Сопоставляя губернии Средне-Черноземного района с другими районами Европейской России и – в частности – с Северо-Западными и Юго-Западными районами по основным экономическим признакам, для которых имеются данные, получим следующую характерную таблицу:

гих ценных «специальных культур» (например, мака, мяты и некоторых других растений, служащих для добывания эфирных масел); для Северо-Западного района – сильное развитие лесных работ. По мере осушения болот и проведения дорог, сделалась возможной эксплуатация таких лесных площадей, которые прежде были вовсе недоступны или, во всяком случае, не могли эксплуатироваться с выгодой для предпринимателя. В том же направлении действовало и поднятие цен на лесной (строительный) материал, вызванное усиленным спросом из других районов, главным образом из Южного, куда лесной материал сплавлялся по Днепру (дойдя до Екатеринослава, часть груза ответвлялась на Екатерининскую железную дорогу и питала безлесный Донецкий каменноугольный и железо-делательный район) и отправлялся по Юго-Западной железной дороге, принимавшей грузы с Полесских дорог. Кроме того, Северо-Западные лесные губернии снабжали своими лесными материалами и безлесные малороссийские губернии (через Либаво-Роменскую железную дорогу). Указанный спрос на лесные материалы особенно усилился именно в течение 1880-х годов. Таким образом, избыточное население Северо-Западных губерний – в противоположность центрально-земледельческим – находило и у себя на месте, не прибегая к усиленному отходу, достаточный спрос на рабочие руки: зимой – рубка леса и заготовка лесных материалов, а также гужевой подвоз к местам отправки; весной – работы по сплаву.

(Об участии Северо-Западного района в лесной промышленности см. А.Д.Билимович: «Товарное движение на русских железных дорогах», 1902 г., стр. 119, 131 и глава III passim).

Таблица

РАЙОНЫ[IV]	Недоимки сельского населения по казенному сбору и выкупной платы в % к окладу		Состояло долгу по оклад.сбор. и в продов. кап. на 1 душу сельск. насел.в 1893 году[I]	Сбор хлебов и картофеля[II] (переводя на зерны хлеба) на 1 тыс. душ населения, принимая сбор в 1-ое пятилетие по наделении крестьян землей за 100[V])			% отношение недоимок к срочным платежам по ссудам из Крест. Банка		Число безлошадных дворов на тысячу дворов увеличилось (+) или уменьшилось (-) с начала 80-х к началу 90-х годов на:[III]
	к началу 80-х годов	к половине 90-х годов		в 1-й полов. 60-х годов	к началу 80-х годов	к половине 90-х годов	1886 г.	1895 г.	
			Р. К.						
Ср.-черн.	32%	122%	3 70	100	87	67	41%	146%	+13=+6%
Промышл.	39%	76%	1 84	100	80	79	10%	22%	+1=+0,4%
Прибалт.	13%	53%	- 60	100	85	102	—	—	— —
Малоросс.	18%[VI]	32%	- 73	100	106	107	39%	67%	-15=-3%
Северн.	52%	25%	- 87	100	85	94	4%	33%	+2=+1%
Южный	34%	21%	- 74	100	122	184	46%	24%	(+7=+2%)
Юго-зап.	7%	5%	- 10	100	123	129	1%	7%	(+2=+0,4%)
Сев.-зап.	12%	4%	- 12	100	115	120	9%	6%	-13=-7%

[I] В окладные сборы включены: казенные, земские, мирские (волостные и сельские), страховые и в продовольств. кап.; население сельских обществ приурочено к половине 1893 г.

[II] 3 п<уд> картоф<еля> = 1 п<уду> зерн<ового> хл<еба>

[III] Южные и Юго-Западные районы исключены – (данные по этим районам стоят в скобках) ввиду применения рогатого скота для обработки земли.

[IV] Восточные губернии везде исключены.

[V] Причем лишь в прибалтийском произошло увеличение количества земли (надельной купчей и арендной) на одну тысячу наличных душ на 20% к 1895 г. по сравнению с 1875-м в Юго-Зап<адном> и Сев<еро>-Зап<адном> районах произошло даже больше *уменьшение*, чем в Центр<ально>-Черноземн<ом> (в Центр<ально>-Черн<оземном> – на 20%, а в Юго-Зап<адном> и Сев<еро>-Зап<адном> на 22%).

[VI] К концу 80-х гг. –37%

РАЙОНЫ	% отношения рабочих, потребных для обработки земли данного района, к общ. числу взрослого мужского населения (способн. к хоз. труду*)**
Столичный	39,1%
Северный	45,8%
Ср<едне>-Промышленный	53,0%
Ср<едне>-Черноземный	56,6%
Малороссийский	45,2%
Прибалтийский	–
Сев<еро>-Западный	56,7%
Юго-Западный	48,7%
Южный	*132,0%*

Приведенные цифры показывают, что выбранные нами для сравнения районы представляют резкие противоположности по развитию народного благосостояния. По всем важнейшим признакам, могущим характеризовать степень народного благосостояния, Центрально-Земледельческие губ<ернии> занимают среди прочих районов России (за исключением восточных) последнее место. Губернии же Юго-Западного и Северо-Западного районов, напротив, – одно из первых. Если к этому прибавить, что губернии Центрально-Земледельческого района отличаются слабым развитием городской жизни*** и фабрично-

* Число рабочих, могущих заниматься сельскохозяйственным трудом, получено вычитанием из общего числа мужчин рабочего возраста лиц, отбывающих воинскую повинность, а также – занимающих общественные должности.

** Цифры этого столбца получены на основании данных «Свода» издания Канц<елярии> Комит<ета> Мин<истров> 1894 года, причем мы принимали, что каждый сельскохозяйственный рабочий занят в земледельческой промышленности в течение 8 месяцев года, а в Южном районе – в виду местных особенностей хозяйства – в течение всего года.

*** Официальные цифры городского населения в губерниях Средне-Черноземных и Западных не могут дать верного представления о действительном (сравнительном) развитии в этих районах «городской жизни», так как в Западном крае (Северо- и Юго-Западных губерний), кроме городских поселений, признаваемых за таковые офиц. статистикой, существует не меньшее число поселений, по бытовым условиям ничем не отличающихся от городов (местечки), но относимых официальной статистикой к внегородским поселениям. Эта особенность Юго- и Северо-Западных районов выражается огромным процентом *уездного* (т. е. живущего вне городских поселений в узком, официальном смысле слова) *некрестьянского* населения: в среднем по России % некрестьянского населения вне городских поселений немного выше 12, в районах же Юго- и Северо-Западных поднимается до 20% (согласно «Своду» издания Ком<итета> Мин<истров>: 19,7% – для Северо-Западных и 20,1% – для Юго-Западных).

18 Зак. 13

заводской промышленности, так что низкий экономический уровень главной массы *земледельческого* населения не может здесь компенсироваться высокой платежной силой торгово-промышленного меньшинства, и что, несмотря на преобладающий земледельческий характер района, земледелие может дать здесь в настоящее время занятие лишь немного более, чем половине взрослого мужского населения, мы должны прийти к несомненному выводу, что покупательные силы населения Юго- и Северо-Западного районов к половине 90-х годов стояли несравненно выше покупательных сил населения Центрально-Земледельческого района. При этом для нас весьма важно отметить, что падение благосостояния центрально-земледельческого района особенно усилилось именно с 80-х годов. В половине и даже в конце 70-х годов Центрально-Земледельческий район по задолженности стоял еще ниже Северо- и Юго-Западных губерний (в среднем). Равным образом и производительность земли начала заметным образом падать в губерниях земледельческого центра лишь с 80-х годов. В первые 15 лет по наделении крестьян землей сбор всех хлебов по расчету на тысячу душ населения оставался без заметного изменения, несмотря на довольно еще интенсивный (в то время) прирост населения. Резкое падение производительности земли начинается только с конца 70-х и особенно с начала 80-х годов. Оживление промышленности (фабрично-заводской), начавшееся с 1887 года, прошло почти бесследно для земледельческого центра. Это оживление главным образом коснулось юга и запада (развитие горной, металлургической, нефтяной и сахарной промышленности). Из всей массы затраченных в это время в промышленности капиталов (из которых большой % составляли иностранные), лишь самый незначительный % пришелся на долю Центрально-Земледельческих губерний.

Остается посмотреть, не замечалось ли в Северо-Западном районе за рассматриваемый период такого повышения нравственного уровня, которое допускало бы предположение, что в этих районах более, чем в других, мог влиять на движение душевого потребления спиртных напитков сознательный, добровольный отказ от потребления – под влиянием нравственных побуждений. Вполне доказательное опровержение такого взгляда дает профессор Сикорский в своей книге «Потребление спиртных напитков в России и его влияние на здоровье и нравственность населения». Статистические данные, приводимые профессором Сикорским, показывают, что в Юго-Западных и Северо-Западных районах не только не замечается улучшения нравственности, а наоборот, наблюдаются симптомы крайне тяжелой нравственной порчи. Так (см. табл. XXXVI, стр. 76), по числу преступлений против общественной нравственности (не различая наиболее и наиме-

нее тяжелых преступлений: - столбец 1-й 2-й таблицы профессора Сикорского) Северо-Западные и Юго-Западные районы стоят значительно выше всех прочих районов (Северо-Западный - 48 на 1 млн.; Юго-Западный - 41 на 1 млн.; Средне-Черноземный - 6 на 1 млн.; средний по России - 19 на 1 млн.). При этом особенно важно отметить громадное участие женщин в названных преступлениях, особенно это относится к Северо-Западным губерниям (см. профессор Сикорский, стр. 78), то же следует сказать и относительно детоубийств. Нигде цифра детоубийств на 1 млн. населения не поднимается так высоко, как в губерниях Северо-Западных (3,4 на 1 млн. при средней по России в 1,5 на 1 млн.; в губерниях Средне-Черноземных - 0,9 на млн.). При этом отмеченная деморализация женщин не является каким-нибудь остатком крепостного прошлого - явление это *прогрессирующее* (см. таблицу XXXVII, стр. 80). За период 1884-1893 года число женских преступлений, характеризующих нравственный их уровень, возросло для губерний Северо-Западных на 49% (для губерний Юго-Западных на 22%). Именно понижение нравственности женщин в указанных районах объясняет нам сравнительно небольшую цифру мужских преступлений против нравственности. Сравнительно невысокий % преступлений этого рода «находит себе объяснение не в улучшении нравственности мужчин, а в изменении поведения женщин» (см., указ. соч., стр. 78). Таким образом, состояние нравственности в Юго-Западном и особенно в северо-западном районах крайне низко по сравнению с прочими районами (кроме Малороссийского), и при том уровень нравственности прогрессивно понижается. Факт этот делает совершенно неправдоподобным предположение о сколько-нибудь заметном сокращении потребления алкоголя под влиянием *нравственных побуждений* (что несомненно имело место в некоторых из *литовских* Северо-Западных губерний *в прежнее время*), по крайней мере весьма низкий нравственный уровень Северо-Западных губерний по сравнению с губерниями Средне-Черноземными не дает никакого основания предположить, чтобы отдельные попытки насадить трезвость (путем образования обществ трезвости и пр.) имели в Северо-Западных и Юго-Западных губерниях *больший успех*, чем в Средне-Черноземных. Напротив, вышеуказанная прогрессирующая деморализация женщин Северо-Западного района неизбежно должна сопровождаться и увеличением % реальных потребителей спиртных напитков в общей массе населения этих губерний. Действительно, опыт как прошлого, так и настоящего времени убеждает нас, что понижение женской нравственности, усиление в среде женщин преступлений и проступков против общественной нравственности* всегда идет рядом с распространением в среде женщин пьянства (особенно в местностях,

где пьянство является общераспространенным пороком мужчин**. Даже в губерниях Малороссийских вместе с усилением деморализации женщин увеличилось число потребителей, несмотря на то, что здесь и *всегда* женщины не отличались воздержанием от спиртных напитков, но вместе с общей деморализацией этот порок распространился на девушек, раньше стыдившихся выказывать пристрастие к спиртным напиткам. Еще больше должно было отразиться на общем потреблении спиртных напитков понижение нравственного уровня женщин в губерниях Северо-Западных, где *раньше* женщины отличались воздержанностью по отношению к спиртным напиткам. В губерниях Юго-Западных распространению пьянства между женщинами (и девушками) в сильной степени способствовало развитие сахарного производства: для обработки свекловичных плантаций подрядчиками вербуются главным образом подростки мальчики и девочки (в видах меньшей платы); во время совместной жизни на плантациях (в общий бараках) молодых хлопцев и девок, последние быстро втягиваются в общее пьянство тем более, что выдача водки при этих работах практикуется в самых широких размерах (часто вносится, конечно неформально, в договор найма), особенно в тех случаях, когда рабочими руками приходится дорожить. Тоже, хотя и в меньшей степени, происходит и на табачных плантациях.

Итак, не только нет никаких оснований предполагать, чтобы влияние экономического момента на движение потребления спиртных напитков в рассмотренных районах могло быть парализовано противоположными воздействиями нравственного характера (в форме развития «воздержания» в районах, наиболее благоприятно поставленных в экономическом отношении), но напротив, нравственно-бытовые условия должны были еще усиливать влияние экономического момента: если различие экономических условий имело своим последствием то, что население Северо-Западного и Юго-Западного районов

---

* Следует заметить, что в наши цифры попали только такие нарушения, которые совершались *явно* на глазах у всех, или дорастали до размеров *общественного* зла (проституция), так как только при таких условиях противонравственные проступки могли стать объектом судебного преследовавия или производства.

** Не соглашаясь со взглядом профессора Сикорского на нравственный упадок, как *следствие* высокого душевого потребления спиртных напитков (см. мою статью по поводу книги профессора Сикорского в «Русском Эк<ономическом> Об<озрении>» 1900, март), мы вполне признаем, что понижение нравственного уровня всегда идет *рядом* с развитием злоупотребления спиртными напитками, так как оба эти явления являются результатом отсутствия или ослабления сдерживающих нравственных начал.

располагало бо́льшими средствами на приобретение спиртных напитков по сравнению со Средне-Черноземными губерниями, то различие в нравственно-бытовых условиях содействовало увеличению *числа реальных потребителей* в этих районах (а следовательно при неизменности реального *душевого* потребления вело к увеличению *общей суммы* потребления, а вместе с тем и *среднего душевого* потребления по этим районам).

Итак, если причиной наблюдаемого в течение 80-х и в начале 90-х годов сокращения душевого потребления спиртных напитков действительно являлся упадок благосостояния народных масс, то сокращение это должно было выразиться с особенной силой именно в губерниях Средне-Черноземных и, наоборот, должно было или вовсе не коснуться районов Северо-Западного и Юго-Западного, или, по крайней мере, выразиться в этих районах с несравненно меньшей интенсивностью.

Что же говорят цифры? В то время, как душевое потребление спиртных напитков сократилось с начала 80-х годов (1880–1882 гг.) до середины 90-х (1893–1895 гг.) по губерниям Средне-Черноземных* на 26%, в губерниях Северо-Западных оно сократилось на 37%, а в Юго-Западных даже на 43% (см. табл. в 1-й части стр. 103).

Остается посмотреть, не было ли каких-нибудь *временных* причин, которые, не будучи в состоянии прочно поднять общий уровень народного благосостояния (или хотя бы задержать его упадок) в Средне-Черноземных губерниях, могли однако временно повышать заработки населения и тем удерживать душевое потребление спиртных напитков на сравнительно высоком уровне. Такими причинами могли быть заработки от постройки железных дорог (в районе средне-черноземных губерний). Поэтому посмотрим, как распределился по различным районам общий прирост сети железных дорог с первой половины 80-х годов и до 1893 года включительно.

Прирост железнодорожной сети с 1884 по 1893 г. включительно

РАЙОНЫ:	Всего верст	По расчету на 10 000 жителей
Столичный	76 верст	0,199 версты
Средне-Промышленный	319 верст	0,341 версты
Средне-Черноземный	1 242 версты	0,697 версты

---

* Присоединяя к Средне-Черноземным и Нижегородскую губернию, сходную с этим районом по своим экономическим условиям и по степени упадка крестьянского хозяйства к половине 90-х годов (недоимка в Нижегородской губернии не ниже, чем в других губерниях Средне-Черноземного района: именно 295,2% оклада).

Северный	40 верст	0,100 версты
Прибалтийский	313 верст	1,391 версты
Северо-Западный	1 096 версты	1,334 версты
Юго-Западный	275 верст	0,372 версты
Малороссийский	680 верст	0,974 версты
Южный	567 верст	0,644 версты
(Восточный)	(865) верст	(0,660) версты

Итак, по числу верст вновь построенной сети по расчету на 1 жителя, Средне-Черноземный район значительно уступает губерниям Северо-Западным*, тоже нуждавшимся в сторонних неземледельческих заработках. Что касается Юго-Западного района, то здесь население, благодаря интенсивному росту промышленности, не могло чувствовать большой нужды в случайном заработке.

Итак, объяснить незначительный % сокращения потребления алкоголя в Средне-Черноземных губерниях и огромный % в губерниях Северо-Западных и Юго-Западных *экономическими* причинами решительно невозможно. Если бы эти причины являлись не только преобладающим, но даже только *одним из главных* факторов сокращения потребления спиртных напитков, то и тогда картина должна была бы быть совершенно обратная наблюдаемой в действительности (особенно принимая во внимание распространение потребления алкоголя в Северо-Западных и Юго-Западных районах среди женщин).

Остается, следовательно, отрешившись от общераспространенного взгляда на причину падения душевого потребления, посмотреть, не может ли быть объяснено это явление влиянием какого-нибудь другого, помимо моментов экономического и нравственного, момента, принятие которого за *основную* причину дало бы нам возможность объяснить резкое различие в интенсивности сокращения потребления по отдельным районам России.

Может, однако, возникнуть предположение, что резкое падение среднего душевого потребления в губерниях «Западного края» (Северо- и Юго-Западные губернии) к половине 90-х годов было вызваио усиленным приливом в эти районы евреев (выселявшихся в начале 90-х годов из «особо охраняемых от заселения евреями местностей»), потребляющих, согласно ходячему взгляду, спиртные напитки в более умеренном количестве, чем остальное население. Однако, если мы

* Что касается дохода от эксплуатации, то о нем дает понятие средняя длина пути, эксплуатируемого в период 1884–1893 гг.: длина эта была: для губерний Средне-Черноземных – 4 562 версты; для Северо-Западных – 3 433, при населении больше чем *вдвое меньшем*, чем в губерниях Средне-Черноземных.

для исключения этого влияния уменьшим цифру населения за 1893-95 гг. на *весь* механический приток за 1886-96 гг. (в котором *евреи* в действительности составляли лишь *некоторую долю*) и сравним душевое потребление, полученное на основании такой уменьшенной цифры, с душевым потреблением начала 80-х годов, то все же по Северо- и Юго-Западным районам окажется более интенсивное понижение потребления, чем какое наблюдается за то же время в губерниях черноземного центра. А между тем, игнорируя *весь* механический приток населения в губ<ернии> западного края, мы тем самым искусственно повышаем цифры душевого потребления этого района за 1893-95 годы (если бы даже мы исключили только ту долю механического притока, которая приходится на долю евреев, то и тогда все-таки получили бы цифру душевого потребления выше действительной, хотя и на меньшую величину. Иное могло бы быть лишь в том случае, если бы *все* иммигранты-евреи оказались *полными* трезвенниками). Впрочем, самые основные посылки, на которые опирается предположение о понижении душевого потребления под влиянием притока евреев, не выдерживают критики. Во-первых, является весьма сомнительным, действительно ли *среднее* душевое потребление среди евреев ниже *среднего* душевого потребления остального населения*. Правда, если рассматривать потребление в городских и сельских местностях *порознь,* то потребление евреев окажется, вообще говоря, ниже потребления прочего населения (хотя и то далеко не повсеместно), но это обстоятельство отнюдь еще не говорит в пользу предположения, что и *средне-душевое* потребление *всех евреев* (городских и сельских вместе) также окажется ниже *среднего* потребления для *всего населения* района (так как душевое потребление в городах, как общее правило, в 2-3 раза выше душевого потребления сельских местностей, еврейское же население распределяется между городскими и сельскими местностями так, что на долю сельских местностей приходится обычно самый незначительный %). Во-вторых, сам факт увеличения *относительного* числа евреев к концу рассматриваемого периода (или хотя бы к переписи 1897 года) является еще спорным. Одновременно с усиленным притоком евреев из Центральных губерний и других местностей, где была введена «усиленная охрана от заселения евреями», шло такое же усиленное выселение евреев за пределы Империи. Ни для того, ни для другого явления мы не имеем достаточно надежных цифр (если сопоставить официальные данные о числе евреев, проживавших к началу 90-х годов в местностях, откуда происходило

---

* Верно лишь то, что в еврейской среде гораздо реже случаи *злоупотребления* спиртными напитками – безобразного (особенно уличного) пьянства.

выселение в черту оседлости, с данными иностранной эмиграционной статистики, то окажется значительный перевес выбывших над вновь прибывшими). Остается определить изменение относительного числа евреев прямым сравнением цифры еврейского населения, данной переписью 1897 года, с какой-нибудь другой, столь же надежной, цифрой для времени раньше 90-х, а еще лучше раньше 80-х годов (с которых начинаются ограничения прав евреев вне черты оседлости). Цифры, полученные прямым полицейским путем и публиковавшиеся в разное время Центр<альным> Статист<ическим> Комитетом (статист<ический> времен<ник> за 1870 год, серия II, вып. 9; сборник сведений по Европейской России за 1882 год; стат<истический> времен<ник>, серия III, вып. 2: «Еврейское население и землевладение в Юго-Западных губерниях, входивших в черту оседлости» – по материалам, собранным в 1881 году губернскими комиссиями по еврейскому вопросу), не могут быть признаны сколько-нибудь удовлетворительными – как то признавал неоднократно и сам Центр<альный> Ст<атистический> Комитет. Остается поэтому обратиться к цифрам, полученным косвенным, теоретическим путем. Из опытов подобного вычисления относительной численности еврейского населения остановимся на выводах, полученных г. А.Ф.Риттихом[3], положившим в основание своих вычислений данные об исполнении воинской повинности в 1874 году. Исходя из этого осиовного материала, г. Риттих вычислил (рассмотрению методов, примененных им для этого, здесь не место: интересующиеся найдут подробный разбор и оценку этих методов в нижеуказанном исследовании г. Рабиновича) процент *мужского* еврейского населения к общему мужскому населению (как для Европейской России в целом, так и для отдельных губерний). Цифры эти несколько ниже тех, какие получились бы для *всего* населения (мужского и женского вместе), так как процент женщин среди еврейского населения *выше*, чем у прочих национальностей России. Таким образом, сравнивая проценты, выведенные Риттихом, с процентами еврейского населения, полученными переписью 1897 года, мы тем самым, как бы искусственно, преуменьшаем действительные цифры *еврейского населения* к половине 70-х годов*.

---

* Мы остановились на цифрах г. Риттиха потому, что по сопоставлении их с результатами переписи – с одной стороны – и с данными об *естественном* приросте еврейского населения и с цифрой абсолютного числа еврейского населения *вне черты оседлости* (за счет которого мог происходить за 80-е и 90-е годы *механический* приток евреев в губернии черты оседлости) – с другой, мы приходим к заключению, что выводы (теоретические) этого исследователя стоят ближе к действительности, чем все прочие (по Риттиху процент-

Обращаясь после этих замечаний к сравнению данных для времени до 80-х годов, выведенных выше указанным способом, с данными переписи 1897 года, мы найдем, что в губерниях Юго-Западных не произошло никакого заметного повышения относительной численности евреев. Даже не внося в цифры, выведенные на основании данных о сравнительной численности призывного возраста, вышеуказанных необходимых поправок, мы найдем, что они всего на 0,3% ниже цифры, установленной переписью 1897 года (12,2% – в 70-х годах и 12,5% – в 1897 г.), из чего следует заключить, что в *действительности* в этом районе, вероятно, имело место даже некоторое *уменьшение* относительного числа евреев*. Что касается Северо-Западного района, то и здесь прирост относительной численности евреев не превосходит той погрешности, какую мы допускаем, определяя (для времени до 1880 года) эту численность на основании относительной численности призывного возраста. Исключение составляют две губернии: Минская и Могилевская. По Минской губернии даже и после внесения необходимой поправки все же получим для 70-х годов цифру не выше 12–12½%, тогда как перепись 1897 года дала цифру в 15,8%. Но, зато, в соседней, Могилевской губернии, наблюдается, напротив, убыль еврейского населения *не только относительная* (с 16,0% до 11,9%), но

ное отношение еврейского – мужского – населения ко всему населению Европейской России составляло 3,68%; по Кольбу[4] – 3,42%; по Янсону[5] – 3,4%; по Гаузнеру – 3,29%; по Рабиновичу – 3,4579%).

Изложение и оценку различных приемов теоретического определения еврейского населения за 1870–80-е годы читатель найдет в капитальном труде г. Рабиновича: «Статистические этюды. Отношение призывного возраста ко всему мужскому населению Европейской России, особенно у евреев». СПб., 1886. (Отзыв об исследовании Риттиха см. стр. 315; вышецитированные цифры других исследователей см. стр. 312). Здесь же мы ограничимся лишь несколькими замечаниями справочного характера. Во-первых, следует иметь в виду, что вопреки ходячему представлению, евреи отнюдь не отличаются высокой «плодовитостью». Напротив, даже после внесения необходимой поправки (необходимой вследствие неполной регистрации рождений *девочек*) плодовитость еврейской женщины, все же оказывается ниже плодовитости православного населения (Рабинович, указ. соч., стр. 391). Соответственно этому и *естественный* прирост еврейского населения стоял у нас за 1870–80-е годы систематически *ниже* общего прироста. Таким образом, % еврейского населения в «черте» мог увеличиться *лишь за счет горсти евреев* (45–50 тыс. чел. обоего пола!), живших *вне черты*.

* Если и для 1897 года взять процентное отношение одного *мужского* населения, то % еврейского населения окажется для Юго-Западного района за оба сравниваемые момента почти одинаков (12,2 для 70-х годов и 12,14 для 1897 года).

и *абсолютная* (правда незначительная)*. Указанный факт объясняется, с одной стороны, отсутствием в Могилевской губернии прироста *общего городского* населения (около 147 тыс. ч<еловек> в половине 60-х годов** и 146,7 тыс. человек по переписи 1897 г.), а с другой – тем обстоятельством, что бóльшая часть городского населения, именно около 60%, уже в 60-х годах XIX века приходилась здесь на долю евреев (т. е. города были уже тогда переполнены евреями). Минская губ<ерния> стояла в совершенно ином положении: городское население этой губернии с 70-х годов до 1897 г. возросло почти на 100 тыс. чел., причем к началу рассматриваемого периода евреи составляли здесь всего $^{1}/_{3}$ (33%) общего городского населения, так что города могли принять еще значительное количество евреев *даже без увеличения общего числа* городских жителей.

После этого длинного, но необходимого, отступления, снова вернемся к рассмотрению поставленного нами выше вопроса: может ли быть указан для периода 1880–90-х годов момент достаточно общий и сильный, чтобы он мог вызвать наблюдавшееся за это время понижение душевого потребления по всей России, и при том действовавший по отдельным районам с интенсивностью, соответствующей действительной интенсивности сокращения потребления по отдельным районам?

Мы думаем, что такой момент можно указать. Это, по нашему мнению, нервно-физическое вырождение народа, с несомненностью констатируемое данными об отбывании населением воинской повинности. Вырождение это, на которое указывал в свое время г. Дедюлин в своих вызвавших сильное впечатление статьях (см. «Русский Труд»[6], 1898 г., №№ 14 и 41), составляет неопровержимый факт, признанный и в «опровержении» г. Военного Министра. Поправка касается лишь цифр г. Дедюлина, но самый факт остается во всей силе. Физическое вырождение населения констатируется уже одним тем обстоятельством, что военное ведомство вынуждено было несколько раз *понижать* требования, которым должны удовлетворять призываемые для принятия в войска. И все-таки процент забракованных (к принятым или «к численности призывного возраста, подлежавших разверстке без льготн<ых> 1 разр<яда> и без неявившихся», как принимает г. Дедю-

---

* Процент еврейского населения показан в тексте по предварительным данным переписи 1897 года, но разница между предварительной и окончательной цифрами не велика (0,1-0,2%) и совсем исчезает, если на основании окончательных *абсолютных* цифр вычислить % одиого *мужского* еврейского населения.

** См. И.Г.Оршанский «Евреи в России». СПб., 1877 г., стр. 17-24.

лин) продолжает возрастать; а вместе с тем продолжает расти и число бракуемых «в частях войск» из числа принятых воинскими присутствиями. Особенное ухудшение призывного состава совпадает с началом решительного сокращения потребления спиртных напитков (мы не даем точных цифр, сюда относящихся, так как цифры г. Дедюлина в его предварительном сообщении не совсем проверены по его собственному заявлению, цифры же, даваемые военным министерством, не удовлетворяют требованиям правильной методологии: см. возражения г. Дедюлина), да *точные цифры* относительно % бракуемых все-таки не могли бы дать *точного представления* о движении и колебаниях того процесса физического вырождения, выражением которого является этот процент. Действительно, ввиду неоднократного изменения условий приема, не представляется уже никакой возможности воспроизвести теоретически, как изменялся бы % забракованных *при неизменных условиях приемки (а только такой* ряд цифр мог бы дать представление о действительном движении физического вырождения), теперь же мы можем только констатировать, что процесс физического вырождения шел вперед безостановочно в течение всего рассматриваемого нами периода, и что особенное усиление этого процесса, вызвавшее необходимость понизить условия приемки, приходится на 80-е годы и начало 90-х. Для нас особенно важно установить, что в течение рассматриваемого нами периода, т. е. десятилетия 1882–93 гг., указанное повреждение населения могло успеть принять форму *наследственного* зла. В районах, в которых уже при самом начале всеобщей воинской повинности высокий % забракованных указывал на глубокое физическое повреждение населения*, в период к половине 90-х годов в качестве потребителей спиртных напитков выступали уже *дети* физически *выродившихся родителей.* Но так как физическое вырождение не могло возникнуть внезапно, а должно было развиться путем медленного суммирования отдельных неблагоприятных отклонений, то мы с уверенностью можем утверждать, что в этих районах и в рассматриваемый нами период уже фигурировали между «полными» потребителями алкоголя масса лиц, *родившихся от физически вырожденных родителей,* и % таких лиц должен быть тем больше, чем

* Для периода до 1874 года мы не располагаем никакими массовыми данными относительно физического вырождения населения России, но, принимая во внимание весьма *высокую степень* вырождения и констатируемую по некоторым районам *уже с самых первых годов* действия всеобщей воинской повинности, мы можем с уверенностью заключить, что по крайней мере в этих районах начало физического повреждения населения должно быть отнесено ко времени *более отдаленному*, чем половина 70-х годов XIX века.

выше был процент физически вырожденных среди лиц, призывавшихся в период 1874–1883 гг. Действительно было бы противно всему, что нам известно относительно вырождения, предположить, что районы, стоящие выше других по проценту забракованных за этот период, могли быть свободными от вырождения в период *непосредственно предшествовавший* этому времени. Бóльшее, что мы можем предположить – это что в более ранний период вырождение менее резко выражено. Но *взаимное отношение* районов должно было остаться в общем то же, т. е. районы, где вырождение проявилось с наибольшей силой в период 1874–1883 годов, и в более ранний период – с конца 60-х годов до половины 70-х, также, наверное, стояли по степени вырождения населения выше других районов. *Перемещения* могли иметь место лишь относительно районов, *близких друг к другу по %* негодных к исполнению воинской повинности. Поэтому мы, например, с уверенностью можем утверждать, что в губерниях Северо-Западных и Юго-Западных, стоящих по % забракованных в период 1874–1883 годов гораздо выше среднего по России процента*, – в 80-х и первой

---

* На высоту % забракованных в губерниях западной полосы России несомненно оказывает влияние % еврейского населения. Но и *остальное* население этого района – *за исключением евреев* (в состав которого входили: белорусы, малороссы, великороссы, литовцы, поляки и пр.) – все же оказывается значительно опередившим в процессе физического вырождения великорусское население земледельческого центра (в этом последнем районе физическое повреждение населения начало принимать угрожающие размеры лишь *к концу 80-х годов,* между тем как в Юго- и Северо-Западном краях процесс этот достиг своего *полного развития* уже *к началу* всеобщей воинской повинности). В особенности это относится к белорусам, литовцам (жмуди) и полякам. При сравнительно высоких требованиях, какие предъявлялись к призываемым *при начале* всеобщей воинской повинности, белорусы-пинчуки и вообще жители Полесья были признаны *вовсе* негодными для несения военной службы (см. исследования А.Ф.Риттиха: «Племенной состав контингента русской армии», 1875 г.). Даже и прошедшие сквозь двойной фильтр браковки в воинских присутствиях и браковки «в частях», солдаты из этих районов оказываются *наименее* выносливым элементом армии (см., например, недавний приказ командующего войсками Казанского округа ген<ерала> Косича, опубликованный в «Русском Инвалиде» в январе 1904 г.). То же говорят и данные о производительности труда великорусов и белорусов Северо-Западного края (при железнодорожных работах). Косвенным указанием на слабость крестьянского населения этих районов являются также сравнительные данные о продовольствии сельскохозяйственных рабочих Западного (особенно Юго-Западного) края и прочих губерний Европейской России (за исключением Царства Польского), см. «Вольнонаемный труд» С.А.Короленко, также вып. IX «Трудов Варшавского Статист<ического> Ком<итета>». Ввиду

половине 90-х годов несомненно наряду с первично-выродившимися субъектами среди потребителей спиртных напитков фигурировало и большее число *наследственных* дегенератов, – рожденных выродившимися родителями. Во всяком случае, *число* таких *наследственных дегенератов в Северо-Западном и Юго-Западном районах должно было к этому времени составлять среди взрослого населения гораздо более высокий %, чем в губерниях Средне-Черноземных,* где цифры, относящиеся к 1874–1883 годам, дают % забракованных значительно ниже средней по России величины*.

Каким же образом должно отражаться вырождение населения на отношении этого населения к спиртным напиткам? Мы знаем, что вырождающиеся семьи дают обычно значительный *% алкоголиков,* т. е. лиц, имеющих *болезненное* влечение к алкоголю. Такие лица, раз дорвавшись до алкоголя, не могут (по собственной воле) оторваться от него, пока не напьются до полной потери сознания. Поэтому *на первых порах* повреждение нервно-психического здоровья населения (под влиянием вырождения) *при том (спорадическом) способе потребления* алкоголя, который господствует среди масс рядового крестьянства *(изредка, но много),* должно выразиться некоторым *повышением* общего потребления, но уже *в следующем поколении,* по мере того, как вырождение принимает характер *наследственного* зла, на первый план выступает другой момент: *понижение сопротивляемости* организма под влиянием *наследственного* алкоголизма (см. по этому вопросу тщательную работу д-ра Legrain[7], русский перевод, стр. 63–64)**; с

вышесказанного, а также принимая во внимание, что вырождение евреев Западного края было вызвано не какими-нибудь *расовыми* особенностями их племени, а *общими экономическими* условиями района в дореформенное время (действовавшими на евреев лишь более сильно, да и то только по сравнению с городским нееврейским населением, а не с обездоленной – не менее евреев – сельской массой, см., например, собрание сочинений Самарина, т. II, стр. 77–78 и раньше), мы не сочли нужным исключить еврейский элемент при рассмотрении экономического и санитарного положения районов.

* За первое десятилетие существования всеобщей воинской повинности процентное отношение числа забракованных к числу принятых было:

В губерниях	Средне-Черноземных	40%
	Средне-Промышленных	46%
	Северо-Западных	55%
	Юго-Западных	55%
	Малороссийских	57%
В среднем по Европейской России		50%

** «Тогда как, – говорит Легран, – отец мог поглощать громадное количество напитка, не будучи пьян ни в одном глазу, сын пьянеет крайне легко»

дальнейшим ходом вырождения этот второй момент совершенно заслоняет действие первого момента (т. е. увеличение числа «пьяниц»-алкоголиков)*. При одинаковой невоздержанности каждое следующее поколение довольствуется для своего возбуждения все меньшим и меньшим количеством алкоголя. Если для отца нужно было 1/20 ведра, чтобы удовлетворить свою потребность в алкогольном возбуждении (предполагая, что это *не пьяница*), то сын достигает того же результата с помощью всего 1/40 ведра; если отец-*пьяница* терял сознание («естественный» предел потребления) от 1/10 ведра, то сын, наследственный неврастеник-дегенерат (тоже *пьяница*) сваливается с ног (а следовательно и перестает пить) уже от 1/20 ведра. В губерниях Северо-Западных и Юго-Западных, где вырождение достигло высокой степени, явление это резко бросается в глаза всякому, кто имел случай наблюдать народное *(деревенское)* пьянство в дни разгула. Подрастающее поколение уступает в выносливости (по отношению к алкоголю) отцам, а эти последние оказываются более слабыми, чем старики - остатки более отдаленных поколений.

Но так действует вырождение лишь под условием, что способ потребления остается без изменения. Иное будет, если изменится способ потребления, обратившись из спорадического (приуроченного лишь к определенным моментам и случаям жизни) в привычно-регулярное. При этом последнем способе «граница опьянения» не играет уже существенной роли. Тут цель потребления - не забыться, а дать нервам *привычное* возбуждение, без которого организм чувствует себя ненормально (при вышерассмотренном способе потребления *о привычном* возбуждении не может быть речи уже вследствие больших промежутков, обычно разделяющих моменты потребления, или, точнее, злоупотребления спиртными напитками). Между тем никто не испытывает такой потребности в постоянном искусственном возбуждении нервной системы, как именно дегенераты, неврастеники (с неустойчивым настроением) и поэтому никто легче их не втягивается в привычное потребление спиртных напитков. Ввиду *сравнительно* незначительных доз, вводимых при таком способе потребления в организм *единовременно*, «граница опьянения» - малая выносливость дегенератов к алкоголю - не играет здесь существенной роли. Таким образом, при

(стр. 63-64). «Таким образом, два главных признака *детей* алкоголиков-дегенератов: врожденная охота к напиткам и *специальная чувствительность* к возбуждающим». Сюда следует присоединить еще «*раннее появление излишеств*» (64 стр.).

* Так как этот процент, достигнув известной высоты, остается в почти стационарном положении.

господстве обычно-регулярного потребления алкоголя, вырождение не только не является моментом, сокращающим общее потребление, а наоборот, должно быть отнесено к числу моментов, наиболее способствующих развитию потребления (как душевого, так и общего). Примером такого параллельного развития алкоголизма и вырождения является, например, Франция, где «русский» способ потребления является лишь исключением и, наоборот, общераспространенным является способ обычно-регулярный*. У нас представителями последнего способа потребления являются по преимуществу городские центры. В виду этого уже a priori можно ожидать, что в районах с высоким % городского населения или с быстро возрастающими городскими центрами, указанное нами выше депрессивное влияние вырождения на общее потребление алкоголя должно быть либо вовсе парализовано, либо в большей или меньшей степени ослаблено. Цифры вполне подтверждают это. Так, в губерниях Прибалтийских, в которых % забракованных был выше, чем где-либо в Европейской России (процентное отношение числа забракованных к числу принятых достигало здесь 62%), потребление сократилось на сравнительно ничтожный % (всего на 15%). Факт вполне понятный, если принять во внимание необычайно быстрый рост городского населения (с 1885 по 1896 год городское население возросло здесь почти на 50%; по процентному же отношению городского населения к общей цифре населения этот район занимал второе место после Столичных губерний). То же самое наблюдается и в Столичных губерниях. Благодаря преобладающему значению городского, resp. регулярного потребления, потребление алкоголя (по расчету на душу) сократилось здесь за время с 1880-1882 гг. по 1893-1895 гг. всего на 20% (меньший % наблюдается лишь в Прибалтийском районе), несмотря на то, что столичное население по интенсивности физического вырождения занимает одно из первых мест в России.

Наоборот, в районах, где городское население возрастало медленнее возрастания общего населения (так что % городского населения падал), как то в районах Северо-Западном, Юго-Западном, Малороссийском, Восточном и пр., влияние вырождения сказывается с полной силой, особенно в тех районах, где (как, например, в Восточных губерниях) слабое развитие городских центров не компенсировалось развитием внегородских индустриальных центров. Такие фабрично-заводские центры по характеру населения, а следовательно, и по господствующей форме потребления алкоголя ничем не отличающиеся

* Еще раз напоминаем, что *привычно-регулярный* способ потребления отнюдь не совпадает *с умеренно-регулярным*.

от городов, особенно развились с половины 80-х годов в Южном районе; этому обстоятельству следует, вероятно, приписать незначительное сокращение душевого потребления по большинству из губерний Южного района (по некоторым губерниям этого района наблюдается даже прирост душевого потребления, см., например, движение душевого потребления по Екатерининской губернии).

Вопрос о причинах усиленного физического вырождения населения некоторых районов уже выходит из рамок настоящей работы. Считаем, однако, необходимым сделать одно замечание: то обстоятельство, что с наибольшей силой процесс вырождения выразился (в период 1874–1883 гг.) именно в тех районах, которые до введения акцизной системы принадлежали к числу привилегированных, т.е. таких, где спиртные напитки отличались большой дешевизной и доступностью населению, может навести на мысль о существовании *причинной связи* между указанными фактами. Однако такое заключение было бы слишком поспешным. Между коренными русскими губерниями и губерниями западной окраины в первую половину XIX столетия существовало немало различий, более существенных, чем разница в системе обложения спиртных напитков. В это время западная окраина занимала среди прочих районов Европейской России по своему экономическому состоянию то же место, какое, начиная с 80-х годов того же столетия, занял черноземный центр: такие же беспрестанные неурожаи, принимающие почти хронический характер; такие же вызванные беспрерывными неурожаями голодовки, требующие правительственных субсидий для прокормления населения, такое же полное расстройство хозяйственных и платежных сил населения. Одним словом, тут наблюдалась наличность всех тех признаков, которые создали в настоящее время так называемый вопрос «об оскудении черноземного центра».

Все эти обстоятельства являются, полагаем, *вполне достаточными* для объяснения физического оскудения (вырождения) населения бывших привилегированных губерний, так что вряд ли есть какая-нибудь надобность привлекать сюда еще особенности питейной системы этого района.

Справедливость такого заключения вполне подтверждается дальнейшим ходом процесса вырождения. Если к началу 80-х годов наибольший % забракованных из числа призванных к отбыванию воинской повинности давали районы, принадлежащие к западной окраине, то в дальнейшем, вместе с улучшением (начиная с 70-х годов) хозяйственных условий Западных и Юго-Западных губерний и падением благосостояния центра изменяется и взаимное расположение районов по высоте % забракованных. Процент этот все больше и больше повы-

шается для губерний коренной России, в особенности для губерний центра, так что к концу XIX столетия эти губернии по % забракованных занимают уже первое место среди прочих районов Европейской России (без Царства Польского).

Такой быстрый ход вырождения, понятно, ни в каком случае не может быть объяснен злоупотреблением алкоголем, так как губернии центра в течение всего XIX столетия занимали по высоте душевого потребления одно из последних мест в России.

Глава 9.

Данные о душевом потреблении чая и сахара, как вспомогательный материал для уяснения некоторых вопросов алкогольной статистики

Цифры душевого потребления сахара и чая не могут претендовать даже на ту относительную – весьма приблизительную – точность, какой все же отличаются цифры душевого потребления алкоголя. Не говоря уже о том, что среднее душевое потребление сахара и чая приходится выводить для всей Империи в совокупности, объединяя, таким образом, в этой средней реальное потребление районов, настолько резко различающихся по своим потребительным нормам, что значение подобных средних в качестве показателей *абсолютной* высоты потребления сводится почти к нулю. Самые первообразные данные об абсолютном потреблении чая и сахара по отдельным годам являются крайне гадательными, особенно это следует сказать о потреблении чая. Прямых сведений о размере ежегодного потребления мы не имеем ни для того, ни для другого продукта. О потреблении сахара статистики заключают или по количеству сахара, оставшегося для внутреннего потребления из производства данного года (производство + привоз–вывоз), или на основании данных о выпуске сахара на внутренний рынок. Последние цифры, конечно, гораздо ближе к действительности, так как, с одной стороны, сахар, оставшийся из производства данного года для внутреннего потребления, может и не быть в действительности выпущен на рынок именно в этом самом году, а с другой стороны, действительный выпуск сахара на внутренний рынок может и превзойти количество, оставленное для внутреннего потребления из производства данного года, пополняясь из запасов от производства предшествовавших лет. Мы нашли нужным остановиться на этом пункте вследствие того, что в отчетах Департамента Таможенных Сборов[1], являющихся вообще в последние годы одним из наиболее ценных у нас источников статистических сведений (ввиду строго научной разработки материалов), постоянно помещаются сведения о потреблении сахара, полученные именно первым способом. Насколько расходятся те и другие данные, можно судить из следующего:

Потребление сахара (в млн. пуд.) по	данным Департамента Таможенных Сборов за 1897 г., стр. 18 (вычислено 1 способом)	данным Главного Управления неокладных сборов и Казенной продажи питей за 1896 г., стр. 287–8 (вычислено 2 способом)
1887–1888	18,2	21,3
1888–1889	24,2	22,1
1889–1890	21,3	22,8
1890–1891	21,9	23,3
1891–1892	25,5	24,8
1892–1893	23,4	24,9
1893–1894	30,1	28,9
1894–1895	29,0	27,1
1895–1896	26,0	27,8
1896–1897	30,6	30,9

Сравнение обоих столбцов цифр показывает, насколько мало пригодными для каких бы то ни было выводов являются данные, выведенные первым способом. Но конечно, и более близкие к действительности данные второго столбца также выражают действительное потребление лишь с очень грубым приближением (ввиду возможности образования запасов на руках у торговцев-посредников и главное у розничных торговцев), хотя и вполне пригодны для заключений *о направлении* погодных колебаний душевого потребления, раз эти колебания принимают значительную величину (а только такие колебания и представляют теоретический интерес).

За время до 1887–1888 годов данные о действительном выпуске сахара на внутренний рынок приводились в «Вестнике Финансов» и были потом сведены г. Радцигом[2] в «Экономическом Журнале»[3] за 1890 г. Согласно этим сведениям, потребление (вероятное) сахара было:

В 1881/82 годах	16,0 млн. пуд.
в 1882/83 годах	17,5 млн. пуд.
в 1883/84 годах	18,9 млн. пуд.
в 1884/85 годах	19,6 млн. пуд.
в 1885/86 годах	20,0 млн. пуд.
в 1886/87 годах	22,4 млн. пуд.

Что касается общего потребления чая, то о нем приходится судить по цифрам ежегодного привоза. Конечно, заключения, основанные н· подобном материале, весьма гадательны, даже если пользоваться вместо данных о количестве привезенного чая данными о количеств чая очищенного пошлиной и выпущенного на внутренний рынок

Какая именно доля ввезенного в данном году чая попадет в руки непосредственных потребителей, и какой запас чая имеется в начале каждого года на руках у торговцев для удовлетворения спроса, независимо от нового привоза, все это вопросы, которые могут быть решены лишь гадательно. Поэтому единственные заключения о движении потребления, какие мы вправе делать на основании имеющихся в нашем распоряжении статистических данных, сводятся к следующему: всякий раз, как наши фиктивные цифры душевого потребления (выведенные разделением количества чая, выпущенного в данном году на внутренний рынок, на цифру населения этого года) *систематически* возрастают в течение ряда лет, мы вправе сделать вывод *о действительном* повышении душевого потребления, причем быстрота, с какой растет фиктивная цифра душевого потребления, может служить указанием на интенсивность роста действительного душевого потребления (так как если бы привоз систематически превосходил существующий сбыт, то произошло бы загромождение рынка непроданными запасами, что неизбежно заставило бы торговцев ограничить свои заказы). *Систематическое* понижение фиктивного душевого потребления в течение ряда лет с несомненностью указывает на понижение *действительного* потребления лишь в том случае, если этому кажущемуся понижению *предшествовало в течение нескольких лет стационарное* состояние душевого потребления (в противном случае систематическое понижение фиктивного душевого потребления может оказаться результатом загромождения рынка излишними запасами, оставшимися от предыдущего времени). За исключением этих случаев, цифры фиктивного душевого потребления чая могут служить материалом для заключений о действительном потреблении *лишь в виде* средних за более или менее продолжительный промежуток времени. Так, если фиктивное потребление колеблется из года в год, но средняя, приуроченная к периодам, обнимающим *целую волну* колебания, т. е. периодам, начинающимся и кончающимся на *одной и той же фазе* колебания, остаются приблизительно равными, то это указывает на стационарное состояние действительного потребления. Напротив, если выведенные таким образом средние будут понижаться или повышаться, то это будет указывать на повышение или понижение действительного потребления. Важно только, чтобы периоды, за которые берутся средние, не были произвольны. Устанавливая подобные периоды, надо всегда помнить цель, которая преследуется выводом средних. В данном случае такой целью является исключение пертурбационного влияния спекулятивных (т. е. превосходящих спрос данного года) запасов. Указанным соображением определяется в каждом данном случае как сравнительное преимущество погодных или средне-слож-

ных данных о душевом потреблении чая, так и выбор момента, к которому приурочивается прежняя. Теми же соображениями определяется и предельная, т. е. наибольшая допустимая продолжительность периода, к которому приурочены средние, характеризующие движение потребления. Игнорирование этой предосторожности или неверное определение предела может повести к тому, что наши «средние» сгладят не только влияние случайных моментов, но и действие основных причин, составляющих сам предмет исследования.

Примером такого сглаживания действия основных причин (выяснение которых дает ключ к пониманию законов, управляющих потреблением) может служить таблица движения потребления чая за XIX век в среднем по десятилетиям, даваемая В.И.Покровским в его статье по вопросу о конкуренции чая с алкоголем в потреблении русского народа («Журнал Р<усского> Общ<ества> Охр<анения> нар<одного> здр<авия>», 1900 г. Декабрь, стр. 1042).

* * *

После этих предварительных замечаний обратимся к ближайшему рассмотрению динамики душевого потребления чая и сахара по данным нашей официальной статистики (цифры населения *по Империи,* положенные в основу этих официальных данных, вообще довольно близки к действительности, впрочем, где это важно, более точные цифры указаны нами параллельно с официальными данными).

Вот как изменялось душевое потребление чая и сахара за 1886-1894 годы.

ГОДЫ	Душевое потребление (в фунтах)	
	Сахара	Чая
1886	7,4	0,77
1887	8,1	0,73
1888	7,6	0,68 (067*)
1889	7,7	0,66
1890	7,8	0,65
1891	7,9	0,66
1892	8,3	0,71 (0,72*)
1893	8,3	0,72 (0,73*)
1894	9,4	0,80

Из этих данных видно, что привоз чая, по расчету на душу населения, начиная с 1886 года, систематически падает (причем это падение

* Если принять более точную цифру населения по Имперни.

сопровождается и падением *общей* цифры выпуска на внутренний рынок; так, в 1886 году было очищено пошлиной и выпущено во внутренне обращение 2 076 тыс. пудов, в 1887 году - 2 021 тыс. пудов, в 1888 г. - 1 921 тыс., в 1889 и 1890 гг. - около 1 916 тыс. пудов). Если падение фиктивного душевого потребления в 1887 г. может быть отнесено на счет накопления излишних запасов, скопившихся к концу 1886 года (вследствие исключительно высокой цифры привоза 1886 года)*, то цифра 1888 года, несомненно, выражает действительное (понизившееся) потребление, так как уровень, на котором установился общий привоз (выпуск) в 1888 году, удерживается (с ничтожными колебаниями) и в 1889, и 1890 годах, чего не могло бы быть, если бы требования торговых фирм были понижены в 1888 году благодаря существованию остатков от предыдущего года. Таким образом, не ручаясь за достоверность данных для каждого года в отдельности, мы можем утверждать, что за время с 1887 по 1890 г. абсолютное потребление чая находилось в состоянии застоя, душевое потребление постепенно падало (для Европ <ейской> России в отдельности падение это было, вероятно, еще интенсивнее ввиду очень высокой цифры естественного прироста населения в 1887-1888 гг. и слабого переселенческого и эмиграционного движения), достигнув своей низшей точки в 1890 году (0,65 фунтов).

Если бы мы вместо того, чтобы рассматривать потребление всякого чая, остановились на одних байховых чаях (главным образом потребляемых в Европейской России), то результаты оказались бы аналогичные:

	абсолютное потребление	душевое
1886 г.	1 308 тыс. пуд.	0,47 фунтов
1887 г.	1 076 тыс. пуд.	0,38 фунтов
1888 г.	1 183 тыс. пуд.	0,41 фунтов
1889 г.	1 142 тыс. пуд.	0,39 фунтов
1890 г.	1 217 тыс. пуд.	0,41 фунтов

Резкое падение привоза байховых чаев в 1887 году находит естественное объяснение в необычайно большом привозе 1886 года. Если взять среднюю за 1886-1887 гг., по получим:

$$(1\,308 + 1\,076) / 2 = 1\,192 \text{ тыс. пудов,}$$

т. е. цифру, все же несколько превосходящую цифры последующих годов. Принимая во внимание указанное выше значение падения при-

* От привоза 1885 года не могло остаться запасов, так как привоз 1885 года - ниже среднего, всего 1 656 тыс. пудов.

воза в 1887 году, следует предполагать, что реальное душевое потребление байхового чая было в 1887–1888 гг. несколько выше 0,40 фунтов, а в следующее 2-летие, 1889–1890 гг., – около 0,40 фунтов, в 1886 же году действительное душевое потребление одного байхового чая было не выше 0,45 фунтов.*

Начиная с 1891 и до 1894 года включительно, напротив, как общая цифра ввоза, так и цифра душевого (фиктивного) потребления *систематически* возрастает, что указывает (см. наши замечания выше) на несомненный рост *реального* душевого потребления. Рассматривая участие в этом возрастании отдельных сортов чая, мы видим, что процент чая низших сортов систематически возрастает (начиная с 1890 г.) в общей массе, хотя и душевое потребление одних байховых чаев также проявляет несомненный рост, хотя и не столь интенсивный, как рост душевого потребления чая вообще. Мы еще вернемся дальше к этим фактам, теперь же нам надо предварительно рассмотреть хотя в общих чертах движение потребления сахара за то же время.

Начиная с 1888 года, цифры душевого потребления сахара (весьма близко соответствующие действительности, так как выведены на основании данных о количестве сахара, выпущенного на внутренний рынок, т. е., другими словами, перешедшего в руки *розничных* торговцев, не накопляющих при обычных условиях** больших запасов сахара, – продукта, цена которого подвержена резким и частым колебаниям) обнаруживают непрерывный рост: до 1891 года этот рост происходит довольно медленно и с замечательной равномерностью (0,1 фунта в год); с 1891 года картина меняется: в 1892 году душевое потребление сахара вдруг повышается резким скачком с 7,9 до 8,3 фунтов и, удержавшись на этом уровне в течение 1893 года, в следующем, 1894 году новым, еще более резким, скачком поднимается до 9,4 фунтов.

---

* *Действительная разница* между *потреблением* байховых чаев в 1887/1888 гг. и в 1889/1890 гг. была больше той, какая получается при сравнении цифр *привоза* (или очистки пошлиной) этих чаев за те же моменты. Дело в том, что период 1889/1890 гг. благодаря введению обандероливания чаев (пока – только факультативного) должно было несколько снизиться потребление в России чаев «внутреннего производства» (из разных суррогатов чая) и, соответственно, повыситься сбыт привозного чая (нефальсифицированного). Таким образом, потребление чая, натурального и поддельного, *вместе* должно было понизиться (с 1887/1888 гг. по 1889/1890 гг.) в большей степени, чем потребление *одних привозных*, натуральных чаев (к которым относятся вышеприведенные цифры).

** Исключая случаи чрезвычайной дешевизны сахара.

Как цифры душевого потребления за 1888–1891 гг., так и цифры за 1892–1894 гг. не возбуждают сомнений в более или менее близком соответствии действительности. Нельзя сказать того же о цифрах душевого потребления за 1886–1887 гг. Необычайно высокая цифра душевого потребления 1887 года, не имеющая себе ничего подобного ни в предыдущие, ни в ближайшие последующие годы, невольно заставляет предполагать, что резкий подъем душевого потребления в 1887 году является если не совершенно, то в значительной степени фиктивным. Ближайшее рассмотрение дела показывает, что причиной необычайно большого выпуска сахара на внутреннее потребление в 1887 году (и частью в конце 1886) являлась невозможность сбыть обычную долю производства на иностранных рынках вследствие загромождения этих рынков огромными запасами сахара. Средством для усиления внутреннего сбыта было, конечно, понижение цен: к началу 1887 года цены на сахар упали на оптовом рынке до 2 руб. 90 коп. за пуд (цена неслыханная при существовавшем в то время акцизе). Однако было бы грубой ошибкой предполагать, что этой дешевизной воспользовались потребители. Все торговцы отлично понимали, что такая дешевизна – явление временное – преходящее (и даже скоро преходящее), так как, с одной стороны, a priori было ясно, что производство не может вестись в убыток сколько-нибудь долгое время, с другой стороны, ни для кого не были тайной переговоры между главными производителями сахара относительно образования синдиката, который должен был взять нормировку внутренних цен в свои руки. Таким образом, лишь совсем недальновидные или вовсе лишенные капитала и кредита, розничные торговцы спешили сбыть так дешево доставшийся им сахар непосредственным потребителям по столь же пониженным розничным ценам. Большинство же совершенно правильно рассудило, что другого такого случая падения оптовых цен ниже издержек производства не встретится (особенно ввиду образования синдиката), и что поэтому надо стараться сделать возможно больший запас на будущее время (с более высокими ценами).

Доказательством огромных запасов дешевого сахара, сделанных в это время (до образования синдиката, т. е. до 28-го апреля 1887 года) розничными торговцами, служит долгая безуспешность синдиката сахарозаводчиков (28-го апреля 1887 года в состав синдиката вошли все наиболее крупные сахарозаводчики Западного и Центрального районов) поднять цены (путем ограничения предложения на оптовом рынке). Наконец, против возможности для непосредственных потребителей воспользоваться падением цен на сахар, имевшим место в первые 4–5 месяцев 1887 года, говорит крайняя неустойчивость цен

(оптовых) в течение рассматриваемого периода. Если разницу в ценах оптовых в 1888 г. принять за 100, то разница цен в 1887 г. выразится цифрой 224 (а разница цен в 1886 г. - 131). Понятно, что при таких скачках цен (притом весьма быстрых), выгоду из падения цен могли извлечь, главным образом, спекулянты, стоявшие близко к главным центрам оптового сбыта сахара. В меньшей степени могли воспользоваться моментами падения цен рядовые розничные торговцы, получающие сахар из третьих рук. Меньше же всего, конечно, ощутили это понижение непосредственные потребители сахара (особенно в районах, отдаленных от главных сахарных рынков и от столиц).

Ввиду сказанного вряд ли можно сомневаться, что значительная часть сахара, выпущенного во внутренне обращение в 1887 году, была потреблена в следующем году (а может быть, и в следующих годах). Если взять среднее потребление за 1887-1888 гг., то на душу придется около 7,8 фунтов; если взять среднее (динамическое) потребление за 1887-1890 гг., то получим также около 7,8 фунтов (7,818 фунтов). Таким образом, движение потребления может быть представлеио в следующем виде:

1886 г.	7,4 фунтов
1887 г.	7,8 фунтов
1887-1890 гг.	7,8 фунтов
1890 г.	7,8 фунтов
1891 г.	7,9 фунтов и т.д.;

Ввиду повышательной тендеиции, ясно выразившейся с 1888 года (см. таблицу 1), естественно предположить, что если бы не было пертурбационного влияния сахарного кризиса 1886-1887 гг., то душевое потребление, прежде чем подняться с 7,4 фунтов в 1886 году до 7,8 фунтов в 1890 году, прошло бы, вероятно, за время с 1887 по 1890 год ряд последовательных градаций, так что, предоставленное естественному развитию, душевое потребление сахара дало бы, вероятно, для 2-й половины 80-х и начала 90-х годов ряд, близкий к следующему:

1885/1886 гг.	7,4 фунтов
1886/1887 гг.	7,5 фунтов
1887/1888 гг.	7,6 фунтов
1888/1889 гг.	7,7 фунтов
1889/1890 гг.	7,8 фунтов
1890/1891 гг.	7,9 фунтов

Т. е. другими словами, движение душевого потребления сахара дало бы, вероятно, картину равномерного прогрессивного развития

(нарушаемого теперь скачком в 1887 году, вызванным причинами, совершенно не зависевшими от условий *внутреннего потребления*).

Нет никакого сомнения, что цифра душевого потребления 1894 года (собственно периода 1893/1894 гг.) не соответствует действительности. Резкий скачок, делаемый цифрами душевого потребления в этом году, объясняется усиленным приобретением сахара *торговцами на запас* ввиду предстоявшего с начала следующего периода повышения акциза. Впрочем и количества сахара, проданного в следующем периоде 1894/1895 гг., по замечанию Отчета Департамента неокладных сборов (за 1896 г., стр. 288), также не может быть признано соответствующим действительному спросу со стороны потребителей (усиленный спрос на сахар являлся продуктом спекуляции на почве ненормального падения оптовой цены, вызвавшего в следующем году издание известного закона 20-го ноября 1895 года). Таким образом, движение действительного потребления и после 1891 года совершалось довольно равномерно, хотя и значительно более быстрым темпом, чем до этого года. Ко времени упорядочения сахарной промышленности законом 20-го ноября 1895 года действительное потребление было, вероятно, около 9 фунтов на душу, т. е. повысилось с 1891 года на 1,1 фунтов. Таким образом, средний годичный прирост душевого потребления сахара выразился в этом периоде цифрой около 0,3 фунтов, между тем как в предыдущий период (1886–1890 гг.) прирост этот равнялся 0,1 фунтов. Что касается влияния на потребление сахара, повышений акциза в 1889 г. (с 1-го августа с 85-ти коп. до 1 руб. с пуда) и 1892 гг. (с 1-го сентября дополнительный акциз с рафинада в размере 40 коп. с пуда), то никакого существенного понижающего или задерживающего влияния этого момента из приведенных выше погодных цифр усмотреть нельзя.

Единственное влияние повышения обложения (предстоящего) сказалось в период 1893/1894 гг. в виде искусственного повышения цифры душевого потребления этого периода, причем накопление огромных запасов сахара, оплаченного по старой норме, не помешало внутреннему сбыту следующего периода (когда уже действовал повышенный акциз в 1 руб. 75 коп. для всякого сахара вместо 1 руб. для сырого и 1 руб. 40 к. для рафинада) превзойти сбыт, существовавший до 1893/1894 гг., больше чем на 1 миллион пудов (т. е. почти на 10%).

Таким образом, изменялось общее и душевое потребление чая и сахара до 1894 года.

Что касается половины 1890-х годов, то те первообразные данные, по которым нам приходится заключать о потреблении сахара и чая, изменялись за эти годы следующим образом.

Сахара на внутренний рынок было выпущено:

в 1895 г. (94/95) – 26 990 тыс. пуд.;
в 1896 г. (95/96) – 27 475 тыс. пуд.;
в 1897 г. (96/97) – 30 384 тыс. пуд.;
в 1898 г. (97/98) – 32 479 тыс. пуд.;
в 1899 г. (98/99) – 35 105 тыс. пуд.;
в 1900 г. (99/900) – 37 411 тыс. пуд.

Что по расчету на душу составляет:

в 1895 г. .... 8,8 фунтов;
в 1896 г. .... 8,8 фунтов;
в 1897 г. .... 9,7 фунтов;
в 1898 г. .... 10,2 фунтов;
в 1899 г. .... 10,9 фунтов;
в 1900 г. .... 11,4 фунтов.

Что касается количества чая, привезенного и очищенного пошлиной, то оно за те же годы изменялось следующим образом:

в 1895 г. – 2 404 тыс. пуд.;
в 1896 г. – 2 614 тыс. пуд.;
в 1897 г. – 2 731 тыс. пуд.;
в 1898 г. – 2 995 тыс. пуд.
в 1899 г. – 2 901 тыс. пуд.
в 1900 г. – 3 487 тыс. пуд.

Что по расчету на душу составляет:

в 1895 г. .... 0,78 фунтов;
в 1896 г. .... 0,83 фунтов;
в 1897 г. .... 0,87 фунтов;
в 1898 г. .... 0,92 фунтов;
в 1899 г. .... 0,87 фунтов;
в 1900 г. .... 1,06 фунтов.

Из вышеприведенных цифр (за 1895–1900 гг.) выпуска на внутренний рынок сахара и привоза (очистки пошлиной) чая только первые (т. е. цифры выпуска сахара – абсолютные и по расчету на душу) могут служить надежным основанием для заключений о действительном *потреблении*. Что касается цифр ввоза чая и очистки его таможенной пошлиной, то они по соображениям, приведенным уже нами выше, совершенно непригодны для характеристики погодных колебаний *потребления* названного продукта*.

* Как мы уже указывали, цифры ввоза или очистки пошлиной того или иного продукта потребления лишь в таком случае могут служить основанием для заключений о направлении, в каком изменяется за данные годы дейст-

Единственное, что можно заключить на основании цифр привоза и очистки пошлиной чая за время с 1895 по 1900 год, сводится к тому, что в *общем* за указанный период *потребление* чая, так же как и потребление сахара, возрастало – как в общей сумме, так и по расчету на душу.

Что касается выпуска сахара – общего и по расчету на душу – то он и за 1895–1900 гг. продолжает *систематически* возрастать. При наличности указанного условия цифры выпуска сахара на внутренний рынок за 1895–1990 гг. позволяют нам не только определить с уверенностью *направление,* в каком изменялось за то же время потребление этого продукта, но в некоторых случаях даже заключать об изменениях *интенсивности роста потребления* (душевого) *по отдельным* годам. Действительно, если при *систематическом росте* выпуска какого-нибудь продукта потребления на рынок на известный год приходится особенно высокий процент прироста <этого> выпуска и *в следующем году* (годах) *не обнаруживается* реакция в виде соответственного *падения* процента *прироста,* то мы имеем полное право заключить, что в том году, в котором имел место особо интенсивный прирост цифры выпуска продукта на рынок, должен был иметь место и особо интенсивный прирост потребления этого продукта. На основании этих соображений мы, например, имеем полное право утверждать, что за время с 1895 по 1900 год наиболее интенсивный прирост потребления сахара приходится именно на неурожайный 1897 год.

Таким образом мы видим, что и после критической обработки и внесения необходимых поправок в цифры душевого потребления чая и сахара за 1880-е и 1890-е годы, цифры эти вполне подтверждают все наши теоретические соображения относительно динамики потребления таких предметов непервой необходимости, каковы сахар, чай, а равно и алкоголь. Вполне согласно с априорными соображениями каждый момент, усиливающий приток населения из деревень в городские и фабрично-заводские центры, отражается на цифрах средне-душевого потребления чая и сахара решительным подъемом. Так, неурожай 1891 года, заставивший массы крестьян земледельцев Центральных и Восточных губерний устремиться в поисках внеземледельческого заработка в города и различные внегородские индустриальные центры, вызвал интенсивное увеличение душевого потребления обоих рассматриваемых нами продуктов. Душевое потребление сахара, систематически, хотя и довольно медленно, возраставшее и в предыду-

---

вительное потребление продукта, если цифры ввоза или очистки пошлиной изменяются *систематически в одном направлении* (т. е. или систематически растут, или систематически падают).

щее время, вдруг в 1891 году делает резкий скачок вверх и продолжает развиваться тем же ускоренным темпом и в ближайшие следующие годы. С половины 1890-х годов на потребление сахара начинает оказывать стимулирующее влияние новая волна промышленного оживления (в частности, железнодорожного строительства), сопровождавшегося усиленным спросом на рабочие руки. Но наиболее интенсивный прирост душевого потребления сахара за вторую половину 1890-х годов приходится, как мы видели, именно на 1897 год, когда к положительному моменту (оживлению промышленности), отвлекавшему рабочие руки от земли, присоединилось еще действие отрицательного момента – выдающегося неурожая, вызвавшего, как о том подробно говорилось нами в своем месте, настоящее массовое бегство крестьян из деревни.

Что касается душевого потребления чая, то на его динамике особенно резко отразилось стимулирующее влияние неурожая 1891–92 годов: в течение 1880-х годов душевое потребление чая систематически падало, с 1891-го голодного года начинается его систематический рост (и рост весьма интенсивный). Оживление промышленности во вторую половину 1890-х годов в общем отразилось и на потреблении чая значительным подъемом. Что же касается, в частности, влияния неурожая 1897 года, то вследствие крайне неправильных колебаний, обнаруживаемых цифрами привоза чая и очистки его пошлиной за вторую половину 1890-х годов, учесть это влияние статистически не представляется возможным. Во всяком случае, насколько мы могли восстановить картину изменений душевого потребления чая и сахара за рассматриваемый период, картина эта вполне оправдывает те наши априорные соображения, из которых мы исходили выше при объяснении загадочного с первого взгляда стимулирующего влияния на потребление алкоголя и других предметов непервой необходимости, выдающихся (по своей интенсивности и экстенсивности) неурожаев, действовавших на уже расшатанную предыдущим сельскохозяйственным кризисом деревню.

* * *

Каким именно образом влияет на среднее в стране потребление чая-сахара и других предметов непервой необходимости изменение относительной численности земледельческого и индустриального населения, мы уже говорили достаточно выше, выясняя причины колебания уровня потребления алкоголя. На потребление чая и сахара увеличение численности привычно-регулярных потребителей (за счет группы потребителей случайных) должно оказывать даже еще более

сильное влияние, чем на средний уровень потребления спиртных напитков. Действительно, разница между количеством алкоголя, приходящегося в единицу времени (положим, в год) на одного случайного потребителя, и количеством, потребляемым в ту же единицу времени привычно-регулярным потребителем (индустриально-городского типа), в значительной степени понижается благодаря тому обстоятельству, что случайное, беспорядочное потребление алкоголя, типичное для иашей деревни, обычно является *злоупотреблением* этим продуктом. Малое число случаев потребления в известной мере компенсируется величиной разовой дозы*.

Напротив, при случайном (праздничном и т. п.) потреблении чая-сахара количество этих продуктов, потребляемое каждый раз, бывает скорее ниже и никак уже не выше разового количества тех же продуктов при привычно-регулярном (ежедневном) потреблении. Если для перехода от спорадического потребления алкоголя к привычно-регулярному, годовое количество потребляемого алкоголя должно повыситься в среднем не менее, как в 2½–3 раза, то годовое потребление чая и сахара при соответственном переходе (от спорадического потребления к привычно-регулярному) должно подняться никак не менее, как в 5–6 раз. Бюджетные исследования, насколько из них могут быть извлечены нужные данные, вполне подтверждают это заключение. Так, по данным для Воронежской губернии (см. данные Щербины, приведенные в первой части) безземельная группа, в значительной степени усвоившая типические черты городской (капиталистической) культуры, потребляет на душу в 6½ раз больше, чем потребляет на душу группа многоземельных (свыше 25 десятин на двор) и в 7 раз больше, чем потребляет (на душу) группа, наиболее сохранившая черты трудового земледельческого хозяйства. Таким образом, усвоение крестьянской семьей черт городской (капиталистической) культуры (благодаря более или менее частым случаям соприкосновения с этой культурой) оказывает, как мы видим, весьма интенсивное влияние на высоту ее расхода на чай (и сахар). Это подтверждают и те детальные данные бюджета подмосковного крестьянина, которые также были приведены в первой части. Из этих данных оказывается, что крестьянская семья, стоящая по высоте общего дохода не выше среднего уровня (по губернии), благодаря только близости столицы и

* Впрочем, значение указанного момента, в свою очередь, до известной степени ослабляется тем обстоятельством, что многие потребители, переходя от исключительно случайного потребления (злоупотребления) к привычно-регуляриому, сохраняют привычку к периодическим эксцессам (праздничному и предпраздничному пьянству).

частым сношениям с ней, поднимает свой расход на сахар и чай до 47 руб. 97 коп. (179 фунтов сахара и 15 фунтов чая, тогда как в Богородском уезде не более 6 фунтов чая и не более 100 фунтов сахара, и это несмотря на то, что значительный процент населения Богородского уезда составляют фабрично-заводские рабочие и жители посадов и города Богородска!).

Что касается расхода на чай и сахар фабрично-заводских рабочих, то о нем попутно мы говорили уже в своем месте выше.

Таковы выводы, к которым мы приходим, рассматривая данные о потреблении каждого из названных продуктов (т. е. чая и сахара) в отдельности.

Но те же данные, рассматриваемые *в их взаимном отношении*, позволяют выяснить механизм динамики потребления предметов непервой необходимости гораздо *глубже и полнее*, чем это может быть сделано на основании рассмотрения данных о потреблении отдельных продуктов. Дело в том, что пропорция, в которой входят сахар и чай в бюджет различных групп населения, весьма неодинакова: в то время как в среднем крестьянском бюджете и в бюджете фабрично-заводских рабочих и городского пролетариата, пропорция эта колеблется между 5:1 и 7:1 – в бюджете обеспеченных классов она стоит значительно выше, во всяком случае никак *не ниже* 10:1 (это явствует из того, что в *среднем* по Империи, т. е. включая и классы, в бюджете которых пропорция сахар/чай не выше 5:1, отношение между потребляемыми количествами чая и сахара колеблется за рассматриваемый период между 9:1 и 12:1).

К сожалению, в таких детальных бюджетных исследованиях, как, например, исследования по Воронежкой губернии, расход населения на чай и сахар показан только *суммарно*, так что не дает возможности установить на основании такого богатого материала пропорции сахар/чай в потреблении населения земледельческого района. Для Московской губернии мы имеем прекрасное исследование г. Распопова, охватывающее Богородский уезд. Согласно данным этого исследования при отпуске в трактирах на каждый фунт чая приходится 5 фунтов сахара (1 014 пудов чая – 5 070 пудов сахара), причем в земледельческих местностях это отношение повышается до 7 фунтов сахара на 1 фунт чая; в среднем же по всему Богородскому уезду отношение расходуемого сахара к чаю (10 452 пачек чаю на 105 240 пачек сахара) приблизительно равно отношению для всей России в целом (около 10 фунтов сахара на 1 фунт чая). Таким образом, Богородский уезд, несомненно, является достаточно типичной местностью в отношении потребления населением чая и сахара. Столь же тщательное детальное исследование потребительных норм имеется для некоторых чисто

земледельческих местностей, по благосостоянию населения занимающих одно из последних мест. Поэтому потребительные нормы, полученные на основании исследования подобных местностей («вымирающих деревень»), могут считаться более или менее типичными для нашего *оскудевшего* земледельческого района (центральные земледельческие губернии), в то время как данные г. Распопова являются типичными для населения промышленных и промышленно-земледельческих местностей. Согласно данным д-ра А.И.Шингарева, исследовавшего помянутые местности, среднее отношение потребляемого населением сахара и чая составляло около 7:1 (около $^{2}/_{10}$ фунтов сахара и около $^{1}/_{35}$ фунтов чая на душу в год). Таким образом, для земледельческого района, находящегося в состоянии крайнего упадка, и для процветающего фабрично-заводского района (притом для подстоличной местности) пропорция сахар/чай оказалась весьма близкой, – в частности для земледельческого населения она даже совершенно одинакова (по Богородскому уезду, по *земледельческим* волостям 7:1 и в «вымирающих деревнях» тоже 7:1). Это указывает на значительную устойчивость выведенного отношения. Конечно, по мере удаления к окраинам, вместе с изменением племенного состава и бытовых особенностей населения, эта цифра, типичная для губерний коренной России, может несколько изменяться в ту и другую сторону (судя по некоторым данным, надо думать, что это отношение несколько повышается в Западных и частью Южных губерниях и понижается в губерниях Восточной окраины).

Во всяком случае никак не можем мы согласиться со статистическим расчетом г. Покровского (см. статью его в «Журнале Общества Охранения Народного Здравия»[4]: «К вопросу о конкуренции чая с алкоголем», 1900 г., № 12), в результате которого для рядового крестьянства России им выведена норма потребления в 30 фунтов сахара на 1 фунт чая (около 0,2 фунтов чая и 6 фунтов сахара на душу в год). Если бы это было так, то пропорция сахар/чай в высшей группе должна бы была быть значительно ниже средней по России, что явно противоречило бы действительности.

Правда, если принимать во внимание *всякий* чай, то пропорция сахар/чай (для всей страны) получается не выше 12:1. Но, выведенная таким образом, пропорция эта имеет чисто фиктивное значение, так как большая часть кирпичного чая идет на потребление инородцев (заволжских губерний и Сибири), для которых чай является не напитком (требующим непременного дополнения в виде сахара или его суррогатов), а кушаньем (чай варится с молоком или салом). Если же принимать во внимание только *фактических* потребителей *обоих* продуктов, то средняя комбинация, в какой входят эти продукты в народное по-

требление, выразится пропорцией гораздо высшей, чем вышеуказанная. Так, для 1880-х годов эта пропорция может быть принята приблизительно равной отношению всего потребления в стране сахара к сумме *одних байховых* чаев, т.е. приблизительно равной 19–20:1. Для 1890 годов пропорция, выведенная, принимая во внимание одни байховые чаи, должна быть несколько понижена, так как в это время по мере обеднения крестьянства Восточных заволжских губерний, значительная часть потребителей байховых чаев вынуждена была заменять их более дешевыми – плиточным и кирпичным чаями (продолжая однако держаться прежнего «русского» способа потребления).

Мы отнюдь, впрочем, не стоим за безусловную точность и общеприменимость приведенных выше пропорций чая и сахара в потреблении отдельных групп населения. Для наших целей вполне достаточно установить лишь следующие два положения: 1) что переход известной группы населения от случайного (типичного для населения земледельческой деревни) потребления чая-сахара к привычно-регулярному (типичному для фабрично-заводского и городского пролетариата) всегда сопровождается резким повышением в этой группе расхода (по расчету на душу или семью) на чай и сахар, что при прочих равных условиях должно неизбежно повести к повышению общего, а следовательно и средне-душевого потребления (для всех групп населения) этих продуктов в стране.

2) Что пропорция сахар/чай при переходе от случайного потребления, типичного для земледельческой деревни, к привычно-регулярному, типичному для фабрично-заводского пролетариата, вообще говоря, не повышается сколько-нибудь заметным образом, другими словами, что переход этот не вызывает заметного изменения в привычных вкусовых нормах потребителей*.

---

* Из вышеперечисленных данных Распопова мы видели даже, что в Богородском уезде, в местностях, где потребители по преимуществу состояли из фабрично-заводских рабочих, пропорция сахар/чай стояла *ниже,* чем в местностях чисто земледельческих. Впрочем, мы не настаиваем особенно на указанном различии. Данные Распопова касаются лишь трактирного потребления, и можно думать, что, потребляя чай дома, где нет соблазна перейти скорее к потреблению более крепких напитков (пива и водки), фабрично-заводские рабочие так же, как и крестьяне-земледельцы, сидят за чаем дольше и соответственно тому, при той же засыпке *сухого* чая, выпивают значительно большее количество чая-*напитка,* а это в свою очередь ведет к увеличению количества сахара по расчету на то же количество сухого чая. Насколько вообще устойчивы усвоенные предыдущей долгой привычкой вкусовые нормы (которыми *при данном способе* потребления чая: – в прикуску или в накладку – главным образом и определяется интересующая нас

Оба выставленные выше положения, выраженные в такой общей форме, не претендующей на характеристику явлений точными цифрами, вряд ли могут встретить какие-нибудь основательные возражения. К только что изложенным двум положениям мы можем присоединить еще третье, уже установленное выше, положение:

3) Что количество сахара и вообще сахарных продуктов (в переводе на сахар), приходящееся на единицу чая в потреблении высших экономических групп - в среде зажиточных и вполне обеспеченных классов - в общем и среднем выше, чем соответственное количество в потреблении низших экономических групп - рядового крестьянства и рабочего пролетариата, а равно и выше количества сахара (сахарных продуктов), приходящегося на единицу чая в потреблении всех экономических групп вместе (т. е. в среднем выводе). Выраженное в такой общей форме это третье положение, как и два предыдущие, стоит вне всякого сомнения. Доказательством его справедливости может служить (как мы уже и упоминали выше) простое сопоставление пропорции сахар/чай в потреблении низших экономических групп с той же пропорцией, выведенной для всех экономических групп в среднем.

Однако несмотря на всю общность и кажущуюся неопределенность установленных нами положений, положения эти допускают вполне определенные и весьма важные с точки зрения интересующих нас вопросов выводы. Так, если мы видим в том или ином году (или в течение ряда лет) повышение в стране среднего душевого потребления чая и сахара, то мы можем уже a priori, даже не зная общих условий хозяйственного развития страны за эти годы, на основании одного изменения пропорции сахар/чай в народном потреблении, - с уверенностью заключать, зависел ли этот рост потребления от увеличения относительной численности обеспеченных групп населения или от перехода известной части населения, потреблявшей раньше чай-сахар изредка, случайно, к ежедневному, привычно-регулярному потреблению этих продуктов. Действительно, в первом случае одновременно с увеличением потребления в стране чая и сахара должна *расти* и средняя для страны *пропорция* сахар/чай; напротив, если рост этот происходит за

пропорция), видно хотя бы из того, что даже в среде зажиточного городского купечества (не исключая и столичного) значительный процент лиц продолжается держаться тех же способов потребления чая-сахара, какне они успели усвоить в среде (крестьянской), из которой вышли: то же питье в прикуску «до седьмого пота», причем с одним куском сахара выпивается несколько стаканов чая, вся разница лишь в том, что сообразно «своему капиталу» подобные потребители требуют не простого чая, а «лянсина» (который, к слову сказать, *никогда* в Россию не ввозился!) или даже цветочного.

счет перехода известной части земледельческого крестьянства в ряды промышленного пролетариата, то он должен неизбежно сопровождаться *падением пропорции* сахар/чай. Прилагая этот критерий к решению вопроса, за счет каких именно потребителей имел место рост потребления чая и сахара в голодные 1891 и 1892 неурожайные года, мы получаем возможность ответить на этот вопрос уже не гадательно, а основываясь на точных статистических данных. А решив вопрос относительно причин роста потребления двух упомянутых продуктов иепервой необходимости в голодные 1891 и 1892 годы, мы тем самым получаем, хотя и косвенное, но весьма важное подтверждение правильности тех соображений, которые мы приводили выше для объяснения стимулирующего влияния на потребление *алкоголя* крупных неурожаев, поражающих уже ослабленное народное хозяйство (земледельческое).

Как же изменялась за интересующие нас годы пропорция сахар/чай? Если брать отношения потребления сахара к потреблению *всякого* чая*, то мы получим следующий ряд величин:

Годы:	сахар/чай	Годы:	сахар/чай
В 1886 г.	- 9,61	в 1891 г.	- 11,97
в 1887 г.	- 11,11	в 1892 г.	- 11,53
в 1888 г.	- 11,34	в 1893 г.	- 11,37
в 1889 г.	- 11,66	в 1894 г.	- 11,75 (11,37)
в 1890 г.	- 12,00		

* Мы предпочитаем брать отношение потребления сахара ко всякому чаю ввиду упоминавшегося нами факта замены некоторой частью населения байховых чаев более дешевыми их суррогатами - кирпичным и плиточным. Таким образом, представляя движение пропорции сахар/чай на основании одних данных о потреблении байховых чаев, мы тем самым рисковали бы значительно исказить действительный ход дела. Во всяком случае предположение, что потребление инородцев в первой половине 90-х годов возрастало быстрее общего роста потребления чая в Империи, совершенно противоречило бы всем известным фактам. Ни об усиленном естественном приросте, ни о прогрессе экономического состояния инородцев, уже вошедших к этому времени в состав населения Империи, говорить не приходится. Новых же расширений наших Азиатских владеиий за эти годы также не было. Если бы потребление инородцев росло постоянно *пропорционально* общему потреблению чая в стране, то относительные величины приведенных ниже пропорций сахар/чай могли бы служить показателем *действительного* изменения среднего реального отношения этих продуктов в народном потреблении. Если же, как можно предположить, рост потребления всякого чая в стране, начавшийся с 1891 года, происходил главным образом за счет русских потребителей (и вообще потребителей чая по «русскому» способу), то мы должны будем прийти к выводу, что пропорция сахар/чай за первую половину 1890-х годов (1891-1894 гг.) падала еще быстрее, чем это показывает приведенная ниже таблица.

Цифры эти не отличаются полной точностью, так как цифры потребления сахара взяты за производственные года, а цифры потребления чая - за календарные. Но для нас и не важна абсолютная точность цифр: для нас, главным образом, имеет значение только *направление*, в котором они изменяются, *а отчасти и быстрота*, с какой они растут или падают, и то, и другое не может измениться от неполного совпадения периодов, к которым отнесены цифры потребления. Указанное несовпадение приобретает значение только при решении вопроса о том, с какого именно момента начинается *перемена направления*, в каком изменяется пропорция сахар/чай.

Впрочем, что касается вопроса о том, с какого момента началось *в действительности* падение пропорции сахар/чай, приходящееся нашей таблице на 1891 год, то можно с полной уверенностью утверждать, что и при сопоставлении вполне точных цифр (т. е. и при замене цифр потребления сахара, относящихся к производственным периодам, цифрами, приуроченными, подобно цифрам потребления чая, к календарным годам) - момент перелома все равно пришелся бы на 1891 год. Это особенно наглядно обнаруживается при сопоставлении цифр не абсолютного потребления сахара и чая, а *душевого* (см. выше соответственную таблицу). Душевое потребление сахара за 1889–1891 годы растет с замечательной равномерностью; душевое же потребление чая до 1890 года включительно падает, а с 1891 г. начинает расти*. Если бы мы приурочили наши цифры душевого потребления сахара к календарным 1889–1891 годам, то все равно получили бы равномерно-возрастающий ряд, а так как цифры душевого потребления чая за то же время сперва - до 1890 года включительно - падают, а с 1891 года начииают расти, то момент, с которого пропорция сахар/чай начинает падать, все равно пришелся бы на 1891 год. Утверждать это можно с тем большей уверенностью, что и процент возрастания потребления чая сразу же - с 1891 года - превзошел % ежегодного прироста потребления сахара. Действительно, в то время как душевое *потребление сахара* за 1889–1891 годы *в среднем возрастало в год* на $^1/_{78}$, душевое *потребление чая* (до 1890 года включительно *падавшее*, - в среднем за 1888–1890 годы на $^1/_{66}$ в год), начавши с 1891 года расти, сразу же (в 1891 года по сравнению с 1890 г.) *поднялось* на $^1/_{65}$ своей величины.

Таким образом, можно считать вне сомнения тот факт, что *пропорция* сахар/чай, *начиная с 1887 до 1890 года включительно, непре-*

---

* Это значит, что % прироста общей цифры потребления сахара находился за 1889–1891 годы приблизительно в одинаковом отношении к % прироста населения; % же прироста общей цифры потребления чая до 1890 г. включительно был ниже процента прироста населения, а с 1891 года - выше.

рывно росла, начиная же с 1891 года, пропорция эта стала решительно падать* (достигнув минимума к 1896 году). Что касается внезапного скачка вверх, какой согласно цифрам нашей таблицы (вне скобок) делает пропорция сахар/чай в 1894 году, то вряд ли может быть какое-нибудь сомнение в его фиктивности. На это указывает уже сама внезапность и интенсивность прироста пропорции и, в еще большей степени, последующая реакция, выразившаяся усиленным падением пропорции в следующие 1895 и 96 годы, падением, по интенсивности своей превзошедшим даже падение той же пропорции с 1890-го по 1893 год (с 1890-го по 1893 год пропорция понизилась на 0,63, а с 1893-го по 1896 год на 0,85). Преувеличенно высокая цифра (11,75) для 1894 года получилась благодаря сравнению не вполне однородных данных: потребление сахара собственно относится к периоду 1893/1894 года, потребление *чая* – к 1894 *календарному* году. Если предположить, что потребление сахара в течение 1893/1894 по 1894/1895 гг. не делало резких скачков, а изменялось более или менее постепенно, так что потребление 1894 календарного года занимает приблизительно середину между потреблением производственных периодов 1893/1894 и 1894/1895 годов (так что среднее арифметическое из общего потребления периода 1893/1894 гг. и периода 1894/1895 гг. может быть принято приблизительно равным общему потреблению 1894 года), то действительная пропорция сахар/чай для 1894 календарного года, выразится приблизительно цифрой 11,37, т. е. окажется, во всяком случае, не выше пропорции для 1893 года.

Таким образом, изменение пропорции сахар/чай за 1880-е и первую половину 1890-х годов вполне подтверждает, что рост потребления сахара и чая (равно как и приостановка падения душевого потребления алкоголя) в 1891–1892 годах, который никак не может быть объяснен повышением в эти годы народного благосостояния (или хотя бы приостановкой падения этого благосостояния), был следствием именно массового перехода крестьян-земледельцев в ряды индустриально-городского пролетариата.

Собственно говоря, этим выводом и ограничивается задача настоящей главы. Не лишним считаем, однако, сказать несколько слов относительно изменения пропорции сахар/чай за время до 1891–1892 гг. Из приведенных выше статистических данных мы видели, что пропорция эта в течение 1880-х годов систематически возрастала, в то

---

* Принимая во внимание замечания, сделанные нами выше о действительном изменении потребления сахара за 2-ю половину 1880-х годов, надо думать, что на *самом деле* пропорция сахар/чай за 1886–1890 гг. изменялась *равномернее*, чем показано на вышеприведенной таблице.

время как душевое потребление байховых чаев находилось почти в стационарном состоянии (проявляя однако также заметную тенденцию к понижению), а потребление всякого чая решительно падало. За чей счет происходил в эти годы рост потребления сахара? Если бы причиной этого роста было увеличение относительной численности вполне обеспеченных классов, могущих потреблять сахарные продукты до полного насыщения потребности в них, то одновременно с ростом потребления сахара должно бы ожидать и роста потребления чая высших сортов (т. е. из числа байховых). Да нет, наконец, никакого основания ожидать роста *относительной* численности обеспеченных классов в такие тяжелые для народного хозяйства годы, какими были 80-е годы прошлого столетия: годы сельскохозяйственного кризиса, торгового и промышленного застоя. Единственным, по нашему мнению, верным объяснением указанного факта является предположение, что рост потребления сахара в 1880-х годах происходил за счет прогрессирующей группы крестьянства, тех самых «хозяйственных мужиков», которые именно в бедственные для *массы* крестьянства моменты успели на развалинах чужого хозяйства основать свое благосостояние. Это именно те экономические крепкие хозяйства, которые, пользуясь безвыходным положением своих сообщественников, приобретали в неурожайные годы за бесценок не только лошадей и другой хозяйственный инвентарь, но даже и юридически неотчуждаемые земельные наделы. Вот эта-то «сельская буржуазия», начавшая нарождаться уже в 1880-е годы и являвшаяся эквивалентом нарождавшегося на другом полюсе деревни сельского пролетариата, и могла развивать свое потребление, несмотря, и даже вследствие хозяйственного разорения остальной массы крестьянства.

Может, однако, возникнуть вопрос, почему же рост потребления указанной группы населения, отразившись ощутительным образом на среднем в стране уровне потребления сахара, не оказал аналогичного действия и на потребление чая. Нам кажется, что факт этот находит себе достаточное объяснение в тех своеобразных чертах, которыми отличается, или по крайней мере отличалось, в рассматриваемый период, отношение крестьян-земледельцев (а также и кустарей, фактически не порвавших еще с земледелием), во всяком случае крестьян-великорусов Центральных и частью Восточных губерний*, к обоим интересующим нас продуктам (т. е. к чаю и сахару).

---

* Т. е. именно тех районов, хозяйственные условия которых могли дать уже в 80 годах прошлого столетия почву для возникновения группы крестьян «собирателей земли», выродившихся позднее уже в настоящую деревенскую буржуазию.

Дело в том, что, как это ни парадоксально звучит, чай - *сухой препарат* листьев чайного дерева - в потреблении помянутой частью населения чая-*напитка* играл сравнительно второстепенную роль (в крайнем случае его можно было даже заменить каким-нибудь суррогатом). По крайней мере (и это для нас в данном случае особенно важно) *решающим моментом,* определявшим то *количество* чая-напитка, которое мог себе позволить потребить субъект (или семья) интересующей нас категории, руководствуясь *хозяйственными* соображениями (наличностью покупательных средств), определялось не количеством сухого чая, которым он располагал, а количеством *сахара.* С одной и той же засыпкой чая (сухого) он мог выпить и полсамовара и целый самовар (а пожалуй и 2 самовара, лишь бы была охота пить), все в зависимости от имеющегося в распоряжении *сахара.* И это вполне понятно, если принять во внимание, что потребители, о которых идет сейчас речь, очень мало ценили (а пожалуй, и вовсе не ценили) в чае его специфический вкус и аромат. Чай был почти что одним предлогом, чтобы ввести в себя большее или меньшее количество *горячей жидкости.* Чай пили не для получения гастрономических ощущений, не для того, чтобы наслаждаться его вкусом и ароматом (да это было и неосуществимо, так как до введения обязательного обандероливания чая в деревнях под именем чая чаще всего продавался продукт, похожий на настоящий чай лишь по внешнему виду). Чаем «парились» - зимой для согревания, летом - для прохлаждения; чай был известным дополнением и частью суррогатом русской бани*. Но для того, чтобы без усилий, охотно ввести в себя нужное для указанной цели количество горячего напитка, нужно, чтобы этот напиток обладал хотя бы минимальными *положительными* вкусовыми качествами, другими словами, не был вовсе безвкусен. Но при том низком качестве чая (правильнее: суррогатов чая), каким обыкновенно приходилось довольствоваться потребителю-крестьянину, известный «собственный» вкус могло иметь, да и то только иногда, лишь самое небольшое количество настоя, извлеченное из данной засыпки чая при *первой* заварке, но уже следующие порции чая (напитка), извлекаемые из той же засыпки при дальнейших добавлениях кипятка представляли собой обыкновенно почти вовсе или даже вовсе лишенную всякого вкуса едва окрашенную жидкость**. Естественно, поэтому, что границу

* Очень характерно для отношения крестьян к чаю существующее во многих местностях выражение: «пить самовар» (вместо чай); говорят: «будем сейчас самовар пить» и т. д.

** Цейлонские чаи, могущие давать очень большое количество темноокрашенного настоя и сообщающие этому настою сильно вяжущий вкус, в

дальнейшим «доливаниям» и дальнейшему потреблению напитка, – по вкусу и цвету почти не отличающегося от простой воды, давало израсходование сахара, который только и сообщал «чаю» (указанных свойств) какой-нибудь вкус.

Из всего сказанного следует, что по мере роста покупательных средств данного крестьянина (семьи) и соответственного роста потребления *чая-напитка,* рост этот весьма значительное время мог сопровождаться исключительно увеличением расхода на *сахар* без соответственного увеличения расхода *на чай*. Указанный факт вполне верно был в свое время отмечен в «Трудах комиссии по исследованию кустарной промышленности» (т. VI, стр. 739–740; цитируем по книге: «Влияние урожаев и хлебных цен...» под редакцией А.И.Чупрова и А.Постникова, т. II, стр. 98–100). Согласно данным, собранным Комиссией, при изменении общей суммы дохода кустаря, расход на *сахар* может *измениться в два раза,* в то время как расход на *чай* останется *вовсе без перемены*. На то же указывают (хотя, впрочем, лишь косвенно) и бюджетные данные по Воронежской губернии. Из этих данных видно, что в самой многоземельной и богатой группе крестьян (земледельцев) расход на *чай* стоит значительно ниже, чем в группах средне-зажиточных и вовсе бедных крестьян (за исключением лишь группы безземельных) в среднем выводе.

В заключение, считаем нужным еще раз отметить, что для *основных* целей нашей работы то или иное объяснение роста потребления сахара *в течение 80 годов XIX века* не представляется существенным. Все наши главные выводы останутся в своей силе и в том случае, если бы нам, например, доказали фактами, что потребление сахара в 1880 годах росло за счет усилившегося со стороны обеспеченных классов спроса на сахарные продукты, не предназначенные для потребления с чаем (хотя ни цифры роста потребления различных эквивалентов чая – кофе, какао и пр., ни цифры, показывающие, какую долю в общем выпуске сахара на внутренний рынок составлял за рассматриваемый период «белый *песок*», не говорят в пользу такого предположения).

80-х годах прошлого столетия еще не получили у нас распространения, равно как и плиточный чай (прессованный мелкий байховый чай).

Сохраняют ли полученные в предыдущих главах выводы силу и при господстве казенной продажи вина?

Касаясь динамики душевого потребления за время с 1895 по 1907 годы, мы должны прежде всего заметить, что для выводов, относящихся *ко всей Европейской России* в целом, могут служить лишь данные за 1903–1907 годы*, так как цифры потребления, относящиеся к более ранним годам, носят еще следы пертурбационного влияния постепенного распространения монополии на новые губернии Европейской России (так, еще в 1901 году – с июля – новая система распространена на 19 губерний и две области). Об основном моменте, к которому сводится это пертурбационное влияние, мы уже говорили в своем месте выше, но к этому главному моменту – изменению способов учета «переходящего запаса» на розничном рынке – присоединяется еще ряд других моментов, *в отдельных случаях* влияющих на цифру потребления (уже не фиктивную, а действительную) даже интенсивнее первого. Из числа таких – в общем все же второстепенных – моментов на первом плане следует, конечно, поставить те резкие изменения, которые были внесены «казенной продажей» в условия торговли (розничной) спиртными напитками. Особенно сильное влияние должно было оказать, сопровождавшее введение новой системы, интенсивное сокращение мест *распивочной* продажи; некоторое, хотя вряд ли значительное, – влияние на потребление могло оказать и *общее* сокращение числа питейных заведений**. В настоя-

---

* «Статистика по казенной продаже» за 1908 г. вышла уже после набора настоящей главы (в самом конце 1910 года).

** Доказательством того, что сокращение *числа* питейных заведений *само по себе* не оказывало заметного влияния (депрессивного) на потребление, – может служить пример губерний первой очереди (Восточных), где казенная продажа внесла сравнительно (с другими районами) мало перемен в распределение питейных заведений между отдельными типами, и где – соответственно этому – душевое потребление в следующий же год за введением монополий успело опередить потребление домонопольного времени.

19 Зак 13

щий момент нам особенно важно отметить, что пертурбационное влияние (на потребление) перемены в организации торговли питьями проявлялось - и во всяком случае *могло* проявляться - и *далее первого года*, следующего за введением в данном районе казенной продажи. Принимая во внимание сказанное, мы должны признать, что для каких бы то ни было *общих* выводов, касающихся *Европейской России в целом*, могут служить, как сказано выше, лишь данные, начиная с 1903 года.

Однако поскольку вопрос идет о поверке данными за монопольное время тех выводов, которые были получены нами выше на основании данных за 30-летний период господства акцизной системы, пригодными являются даже не все цифры за время с 1903 по 1907 год. Действительно, уже на основании априорных соображений следует предположить, что потребление алкоголя в 1904, 1905 и даже 1906 гг. резко уклонялось от «обычного» (так что несоответствие данных о потреблении за эти *исключительные* годы с нашими, установленными выше*, выводами отнюдь еще не может служить указанием на неверность или хотя бы неточность последних).

1904 и 1905 гг. были, как известно, годами войны и, притом, войны, резко отличной от прошлых наших войн (Севастопольской и Русско-Турецкой 1877-1878 гг.), как по условиям своего ведения, так и по результатам. 1905-1906 гг. были годами интенсивного проявления «освободительного движения», отразившегося на условиях жизни как городского пролетариата, так и земледельческого крестьянства (фабрично-заводские забастовки, аграрные движения...). Данные о потреблении алкоголя за указанные годы несомненно могли бы представить весьма ценный и интересный материал при всестороннем изучении влияния на народную жизнь войны 1904-1905 гг. и освободительного движения 1905 и 1906 года, но само это изучение могло бы быть осуществлено *лишь под* тем непременным *условием*, чтобы исследователь имел возможность выделить влияние упомянутых пертурбационных факторов из комплекса прочих влияний, действовавших на потребление алкоголя в период 1904-05-06 гг. Нетрудно однако понять, что для возможности такого выделения необходимо *уже заранее* знать точные законы (хотя бы эмпирические), которым подчинено действие этих «прочих» моментов на потребление, иначе исследователь совершенно не имел бы возможности в каждом отдельном случае решить, на счет какого именно момента следует отнести то или иное явление в области народного потребления (спиртных напитков): за счет ли общеэкономических факторов, или за счет влияния новой

* Для *нормального* времени.

питейной системы, или, наконец, за счет вышеупомянутых исключительных событий, имевших место в 1904–1906 гг.

Пытаться на основании *одних и тех же* статистических данных выяснить законы (эмпирические) воздействия на потребление спиртных напитков *всех* этих моментов - все равно, что пытаться определить *несколько* «неизвестных», имея в распоряжении всего *одно*, связывающее их, уравнение. Поэтому исследователи (например, С.А.Первушин), пытавшиеся строить свои общие теоретические выводы относительно влияния различных экономических факторов на народное потребление (спиртных напитков) на основании статистики потребления за 1904–1906 гг., поступают несомненно ненаучно. В силу указанных исключительных влияний годы эти непригодны даже для *поверки* уже ранее полученных выводов.

Что касается г. Норова, то он в своем, не раз уже упоминавшемся выше, интересном исследовании поступает вполне правильно, пользуясь для своих общих выводов относительно законов динамики потребления алкоголя лишь теми статистическими данными, которые более или менее свободны от влияния перечисленных пертурбационных моментов (в том числе и от пертурбационного влияния смены питейных систем). Конечно, благодаря этому ему пришлось отказаться от пользования данными по Европейской России *в целом*, так как из этих данных для целей исследования годились данные за один только 1903 год; да и при исследовании потребления по отдельным районам пришлось исключить годы, непосредственно следовавшие за введением казенной продажи. Но такое количественное ограничение материалов, на которые опираются выводы г. Норова, с избытком покрывается более высокой статистической ценностью этих материалов (по возможности свободных от влияния пертурбационных и при том еще неизученных факторов*).

Норов исследует динамику потребления по монопольным районам за период от введения в них монополий и до 1902 года, причем для удобства рассмотрения делит этот период на две части: 1) до 1899 года - включительно**, и 2) после этого момента. Но прежде чем излагать выводы Норова относительно монопольных районов, проследим, как изменялось за те же годы потребление алкоголя по

---

* Так как такое изучение было невозможно на основании данных за предыдущее время, когда этих пертурбационных влияний еще и не наблюдалось.

** Так как Норов исследует потребление не по календарным, а по сельскохозяйственным годам, то последним годом первого из двух частных периодов, на которые он разбивает весь изучаемый им промежуток времени, будет - собственно говоря - не 1899 г., а 1899–1900 сельскохозяйственный год.

19*

губерниям, в которых казенная продажа была введена *позже 1899 года*. Губернии эти – числом 25 – мы в дальнейшем для краткости будем называть просто «немонопольными».

По другому поводу мы уже приводили цифры душевого потребления (г-на Осипова) по этим 25-и «немонопольным» губерниям (Европейской России) за время по 1898 год включительно. Вот эти цифры:

Годы:	Душевое потребление:
1893	0,54
1894	0,58
1895	0,59
1896	0,61
1897	0,63
1898	0,63

В следующем 1899 году потребление в рассматриваемом нами районе (т. е. в губерниях «немонопольных») продолжает возрастать: по губерниям очереди 1901 года («великорусским»*) с 22 851,3 тыс. вед. в 1898 году до 24 139,8 тыс. вед. в 1899-м, а по «Прибалтийским» (очереди 1900 года) – с 1 629,2 до 1 714,0 тыс. ведер.

Таким образом, по «немонопольным» губерниям за время с 1893 по 1899 год включительно наблюдался *систематический рост потребления*, – не исключая и неурожайного 1897 года (о чем подробно говорено уже выше).

Как же изменялось за тот же период потребление по районам, в которых уже действовала казенная продажа вина? Обратимся к прекрасному исследованию г. Норова (в. I, стр. 56 и след.). Общие выводы, к которым пришел г. Норов после тщательного анализа данных по всем тем монопольным районам, в которых казенная продажа действовала к началу 1900 года достаточное время, чтобы можно было проследить направление, в каком изменялось потребление района *при действии новой питейной системы***, – сводятся к следующему: как в Восточном, так и в Юго-Западном и в Северо-Западных районах, а

* И Астраханской.

** Норовым исследованы за время по 1899 г. включительно данные по районам: Восточному (без Вятской и Казанской губерний), Южному (без Астраханской губернии и Донской области), Юго-Западному, Северо-Западному и Малороссийскому (без Харьковской губернии); кроме того при окончательных *выводах* по соображениям методологическим из числа Южных губ. им исключены: Бессарабская, Таврическая и Херсонская, как такие губернии, для которых цифры местного расхода *казенного вина* не могут служить верными показателями действительного изменения высоты *душевого* потребления *алкоголя* в том или ином году (резкие колебания урожая винограда и

равно и по отдельным губерниям этих районов (исключая одну Ковенскую), вплоть до 1900 года наблюдается *«систематический рост потребления»*, причем сильный *неурожай*, постигший в 1897 г. три губернии Восточного района (в Самарской губернии душевой сбор хлебов упал в 1897 году с 34,4 до 16,4 пуд.; в Пермской - с 26,6 до 22,9 и в Оренбургской с 24,0 до 11,2 пудов), *не мог задержать этого роста* (в 1897–1898 сельскохозяйственном году по сравнению с 1896–1897 сельскохозяйственном годом душевое потребление поднялось: в Сам<арской> губернии с 0,37 до 0,38 вед.; в Перм<ской> - с 0,43 до 0,44; в Оренб. - с 0,34–0,36 ведер)*.

Переходя от Восточного района к Юго-Западным губерниям с ясно выраженным земледельческим характером (см. стр. 56), Норов заключает: «В них мы заметим совершенно ту же картину, что и в губерниях Восточного района - *неуклонный рост потребления, независимо от колебаний урожая в ту или другую сторону»*** (стр. 57; подчеркнуто нами).

Мы видели выше, что «совершенно ту же картину» дают за тот же период и губернии, где *еще не было казенной продажи:* тот же «неуклонный рост потребления, независимо от колебаний урожая в ту или другую сторону».

Уже одно это обстоятельство должно бы показать исследователю, что причины указанных явлений (динамики потребления) следует искать не в *специальных* влияниях, связанных с казенной монополией, а в *общих* условиях народно-хозяйственной*** жизни за рассматриваемые годы[1].

С точки зрения наших вышеизложенных теоретических воззрений (на зависимость, существующую между массовым потреблением алкоголя и другими явлениями народной жизни) не представляет ника-

---

параллельно с этим потребления виноградного вина; значительные колебания - по годам - численности пришлого и приезжего населения как рабочего, так и курортного). Норов признает нужным исключить также и Екатеринославскую губернию, но никаких уважительных оснований для этого исключения не указывает, да включение ее в число исследуемых губерний нимало не нарушило бы «общности» выводов Норова (относительно динамики душевого потребления).

* Если сравнивать не сельскохозяйственный, а календарные 1896 и 1897 годы, то душевое потребление по тем же губерниям выразится так: в 1896 г. - 0,36–0,44–0,34; в 1897 г.: - 0,39–0,45–0,39 ведер в 40°.

** По Киевской губернии мы имеем даже случаи «обратной» зависимости: падения урожая (в 1899–1900 сельскохозяйственном году), сопровождаемого подъемом душевого потребления алкоголя (см. стр. 52).

*** Говорим - *народно-хозяйственной*, так как за рассматриваемые годы народная масса стояла еще вне влияния политического движения.

кой трудности выяснить причины, определявшие динамику потребления за вторую половину 90-х годов, как она только что была охарактеризована (причем, как мы видели, характеристика эта относится одинаково как к монопольным, так и к немонопольным районам).

Если бы даже вовсе ничего не знали о *действительной* динамике потребления за рассматриваемый период (как она представляется на основании данных алкогольной статистики), то мы все же без труда могли бы восстановить картину этой динамики во всех ее существенных чертах чисто гипотетически, исходя исключительно из наших теоретических воззрений (на законы массового потребления) и из данных об общеэкокномическом положении страны за этот период (а также о тех случайных пертурбационных моментах, которые могли так или иначе изменять действие чисто экономических причин).

Действительно, время с 1894-го по 1899 год было, как известно, временем пышного расцвета нашей капиталистической промышленности, превзошедшего, если не по своей интенсивности, то по своей экстенсивности, оба предыдущие периода промышленного оживления (начала и конца 70-х годов). Исходя из этого общеизвестного факта и принимая во внимание выясненную нами выше тесную зависимость (столь тесную, что никакие противоположные влияния не способны парализовать ее) между колебаниями темпа промышленного развития и динамикой потребления спиртных напитков, мы могли бы наперед, т. е. не зная еще действительных результатов фактического учета потребления алкоголя, утверждать, что период 1894-1899 гг. должен был быть временем систематического подъема потребления спиртных напитков.

Что касается, далее, повышения душевого потребления в 1897 году, несмотря на огромный неурожай, постигший в этом году большую часть губерний «немонопольных» и три из монопольных первой очереди (т. е. из числа таких губерний, где пертурбационное влияние введения новой питейной системы успело уже к 1896-1897 году более или менее сгладиться), то согласно нашим общим теоретическим взглядам на влияние неурожая на потребление спиртных напитков, факт этот не представляет собой ничего необыкновенного, что требовало бы построения специальной, изобретенной ad hoc, теории, но, напротив, является лишним подтверждением широкой фактической приложимости нашей «обратной» теории влияния неурожаев*.

* Другими словами подтверждением того, что те обстоятельства, которые, как нами было выяснено в своем месте, необходимы для возможности проявления этого «обратного» влияния, отнюдь не являются, по крайней мере начиная с 90-х годов прошлого столетия, чем-нибудь редким, исключительным.

Однако Норов пошел по совершенно иному пути: объяснения установленных им явлений в области динамики потребления он ищет не в общеэкономических явлениях народной жизни (да для выяснения этих явлений на потребление в стране алкоголя он и не располагал достаточным материалом*, а частью в специальных влияниях, связанных с новой питейной системой, частью в изобретенной им ad hoc[2], своеобразной чисто априорной теории «инерции потребления».

Прежде всего, Норов останавливается на выяснении обстоятельств, благодаря которым ограничительные меры, принимавшиеся при введении казенной продажи, не имели тех последствий, каких от них ожидало Министерство Финансов. Главные меры, имевшие целью ограничить при казенной продаже потребление населением вина, заключались, как известно, (1) в сокращении числа питейных заведений вообще и (2) в сведении к возможному минимуму участия в торговле вином мест *распивочной* продажи, признанных особо вредным типом питейного заведения, наиболее способствовавшим распространению в народе пьянства.

Обе эти меры, как показывают цифры, были осуществлены весьма решительно: к 1898 году число питейных заведений вообще (с продажей водки) сократилось по сравнению с домонопольным временем (1894 годом) более чем *в два раза* (с 65-ти тыс. до 27-ми); число распивочных заведений - с 48-ми до 7½ тысяч, а в сельских местностях - с 30-ти до 3-х тыс., *т. е. в 10 раз!***.

Однако на деле обе указанные «ограничительные» меры не оправдали возлагавшихся на них надежд. Чем объясняется такой неуспех? Норов вполне правильно указывает, что влияние принятых Министерством финансов мер на практике парализовалось, с одной стороны,

---

Сказанное, конечно, применимо и к другим, указываемым Норовым, случаям повышения потребления спиртных напитков параллельно падению урожая (см. стр. 52 и 53, а также и таблицы, прил. I).

* Указанная задача не могла быть удовлетворительно осуществлена Норовым уже в виду его крайне поверхностного знакомства с данными о потреблении алкоголя в России в *домонопольное* время: см., например, те цифры, которыми характеризует Норов это потребление на стр. 22-й, и комментарии к этим цифрам в примечании 5-м (стр. 22–23). Трудно сделать больше ошибок на таком малом пространстве!

** При этом почти ¾ распивочных заведений, сохранившихся при казенной продаже, были лишены права чарочной продажи - в тесном смысле слова, т. е. «в налив» (стаканчиками, рюмками и др. мелкими мерами); в сельских же местностях чарочная продажа - в указанном смысле (имевшая в домоиопольное время самое широкое распространение в деревнях, как и в городах) при новой питейной системе была почти вовсе упразднена.

развитием тайной («беспатентной») продажи вина, с другой – развитием уличного потребления вина (в особенности в посуде малого объема – в 1/100 и 1/200 ведра). Действительно, появление при казенной продаже большого числа тайных мест продажи в значительной степени уничтожало значение сокращения числа легальных питейных заведений (всех типов); с другой стороны развившееся при новых условиях питейной торговли «уличное» потребление являлось для населения известной заменой – хотя далеко неполной и несовершенной – традиционного «распивочного» потребления, изгнанного при казенной продаже из большинства оставшихся заведений; еще более полной заменой прежних явных распивочных заведений служили возникшие при монополии (правда в сравнительно небольшом числе) тайные притоны, в которых вино потреблялось на месте в обстановке, вполне воскресавшей картину дореформенного кабака*.

Итак, моменты, парализовавшие влияние (на потребление спиртных напитков) огромного сокращения числа питейных заведений (как общего, так и специального) в районах с казенной продажей, указаны Норовым вполне правильно. Однако эти моменты в лучшем случае могли *воспрепятствовать падению* потребления алкоголя при введении казенной продажи, но никак не могли являться *самостоятельными причинами роста* потребления (и роста *систематического*) при новой системе. Так именно смотрит на дело и сам Норов: «указанные причины, — заключает он, — *препятствовали понизиться* (подчеркнуто нами. – *В.Д.*) душевому потреблению вина при казенной продаже питей, хотя к этому понижению должны были бы привести ограничительные меры, введенные питейной реформой для виноторговли» (указ. соч., в. I, стр. 35).

Не останавливаясь поэтому дóльше на указанных второстепенных моментах, перейдем к основной теории, при помощи которой Норов пытается дать ключ к пониманию как прогрессивного роста потребления (за рассматриваемый период) вообще, так и возможности этого роста в годы неурожаев (см. стр. 51–56).

Норов начинает с констатирования более интенсивного влияния на потребление урожаев сравнительно с неурожаями, в то время как за рассматриваемое им 5-летие высокие урожаи всегда вызывали зна-

---

* Вообще, не существует никаких указаний (если не считать голословных утверждений отдельных лиц, опиравшихся на свои случайные наблюдения) на то, чтобы закрытие большинства распивочных заведенний способствовало увеличению *домашнего* потребления. По-видимому, единственным результатом этой меры явилась замена одних форм *внедомашнего* потребления (в стенах трактира), другими (уличным распитием и распитием в тайных притонах).

чительное повышение душевого потребления, – годы плохих урожаев и даже полных недородов в большинстве случаев не только не вызывали соответственного падения потребления, но – за немногими исключениями – даже некоторый (и иногда весьма значительный) *рост* потребления. Это указание Норова вполне согласуется с фактами, но не дает еще никакого ключа к пониманию констатируемых явлений. Задача ведь именно в том и заключалась, чтобы выяснить, *почему* потребление могло расти в годы плохих урожаев.

Предлагаемое самим Норовым объяснение сводится в немногих словах к следующему: «Обильный урожай так сильно подталкивает потребление, что последнее по инерции продолжает свое поступательное движение даже тогда, когда начинают уже действовать силы в обратном направлении» (стр. 52).

Какие же доказательства приводит Норов в пользу этой своеобразной теории «инерции потребления»? Никаких, – если не считать доказательством ссылку на сам факт, подлежащий объяснению*. Но помимо своей полной голословности, «теория» Норова страдает еще другим крупным недостатком: нереальностью, совершенной оторванностью от условий действительной жизни.

В этом мы убедимся, лишь только попытаемся облечь отвлеченную «теорию инерции» Норова в конкретные формы**. В самом деле, какая цепь причинных зависимостей соединяет повышение урожая данного года (и сопровождающее его повышение покупательных сил населения) – с одной стороны и повышение расхода на спиртные напитки в следующие неурожайные годы – с другой? Сам Норов не дает нам на это никакого ответа. Мы, со своей стороны, также отка-

---

* Т. е. факт продолжающегося повышения потребления в годы неурожаев (или плохих урожаев), факт, который может быть *с равным правом* рассматриваем и как доказательство «положительного» влияния *самих неурожаев*, и как указание на существование во вторую половину 90-х годов некоторой (независимой от колебания урожаев) *постоянной причины*, действовавшей на народное потребление в сторону повышения как в годы урожаев, так и в годы неурожаев.

** Если бы под инерцией потребления Норов разумел тенденцию потребления *сохранять* раз *достигнутую* им *высоту* (над средней), то в качестве реальной причины указанного явления он мог бы сослаться на силу привычки и обычая; но *при таком* понимании учения об инерции потребления оно оказалось бы неспособным объяснить возможность *подъема* потребления в годы неурожаев, а следовательно и возможность *систематического* роста потребления за рассматриваемый период, независимо от смен урожаев и неурожайных годов. При понимании же инерции потребления, какого держится в действительности Норов, ссылка на привычку и обычай ровно ничего не объяснять.

зываемся указать те конкретные явления народной жизни, через посредство которых могла бы быть установлена указанная причинная связь двух столь отдаленных и, по нашему мнению, независимых друг от друга явлений.

Вообще, взгляды Норова на причины систематического роста потребления во вторую половину 90-х годов изложены крайне сбивчиво и туманно и не подкреплены никакими серьезными доказательствами.

Перейдем теперь, следуя плану исследования Норова, к рассмотрению движения потребления в 1900 и следующих годах. Начнем с губерний, которые мы выше рассматривали под именем «немонопольных». В состав этого района входили, как известно, губернии Прибалтийские, Средне-Черноземные, Средне-Промышленные*, губернии крайнего севера и те из Восточных** и Южных***, которые не вошли в первую и во вторую очереди.

Для наших целей нет надобности рассматривать район по мелким группам губерний. Для нас достаточно разделить губернии на две группы: «Великороссийские» губернии, вошедшие в очередь 1901 года и Прибалтийские, в которых монополия введена в половине 1900 года****.

Выше мы привели цифры, рисующие динамику потребления, как по Прибалтийским, так и по Великороссийским губерниям (как мы будем для краткости называть губернии очереди 1901 года) за время по 1899 год включительно. Мы видели, что по обеим группам губерний за указанное время потребление систематически возрастало, независимо от колебаний урожая. Отметили мы также и то, что эта фактическая динамика потребления вполне соответствовала установленным нами теоретическим положениям и даже могла быть на основании их a priori предвидена (если, конечно, нам были бы известны общие условия народно-хозяйственной жизни за соответственные годы).

Нетрудно убедиться, что сказанное о периоде по 1899 год включительно вполне применимо и к последующему периоду.

---

* Кроме Смоленской.

** Вятская и Казанская.

*** Астраханская и Донская область.

**** Кроме алтайских губерний в очередь 1900 года вошли еще две Средне-Черноземные и одна крайнего юга (Доиская область), ио рассматривать столь разнородные губернии *суммарно* не представляется возможным (тем более, что динамика потребления по этим двум Средне-Черноземным губерииям, если оставить в стороне сам год введения монополии, ничем, в сущности, не отличается от динамики потребления по остальным губерниям Средне-Черноземного района).

По Прибалтийским губерниям потребление изменялось за последние годы XIX-го и первые XX-го века так:

В 1897 г. было потреблено	1 423,1 тыс. ведер
в 1898 г.	1 629,2
в 1899 г.	1 714,0
в 1900 г.	1 590,2
в 1901 г.	1 400,6
в 1902 г.	1 378,0

По 19-ти Великорусским:

В 1898 г. было потреблено	22 851,8 тыс. ведер
в 1899 г.	24 139,8
в 1900 г.	24 217,2
в 1901 г.	20 287,8
в 1902 г.	20 594,3

Если бы мы даже не имели в своем распоряжении выше приведенных цифр, то и тогда, зная, что в первом районе с половины 1900 года, а во втором с половины 1901-го была введена казенная продажа, мы могли бы с уверенностью утверждать, что систематический подъем потребления конца 90-х годов должен был смениться падением - для первого района в 1900 году, для второго - в 1901-м (причем, как было выяснено подробно в своем месте, падение это должно было носить в значительной степени *фиктивный* характер). Однако, если падение потребления по Прибалтийскому району еще может быть *всецело* или почти всецело, отнесено на счет смены питейных систем, то падение потребления по Великороссийским губерниям в 1901 году (почти на 17%) никак уж не может рассматриваться как *исключительное* следствие введения здесь казенной продажи. На наличность в 1901 году еще других факторов понижения, кроме введения казенной монополии, указывает и то обстоятельство, что душевое потребление продолжает падать по Великороссийским губерниям и в следующем за введением монополии - 1902 году, а по Прибалтийским, как в 1901 году, первом по введении здесь монополии, так и в следующем 1902 году.

Обращаясь, однако, к явлениям народно-хозяйственной жизни за время 1900–1902 гг., не трудно убедиться, что как неожиданно большое падение потребления в 1901 году, так и продолжающаяся депрессия в следующем - 1902 году стоят в полном соответствии с этими явлениями (хозяйственной жизни).

Действительно, как известно, уже в конце 1899 года в России развился биржевой (денежный) кризис. В течение 1900 года кризис принял уже характер чисто промышленный. Начавшись с крушения наи-

более зарвавшихся предприятий, кризис этот постепенно принял огромные размеры, захватив Южный, Западный (Северо-Западный) и Центральный промышленные районы*. Зная из предыдущего анализа, как чувствительно реагирует потребление (спиртных напитков) на периодические колебания капиталистической промышленности, мы, естественно, наперед должны были предвидеть, что в 1901 году – ceteris paribus – будет иметь место значительное понижение как абсолютного, так и душевого потребления. Вполне естественно поэтому, что в губерниях Великороссийских, испытывавших в 1901 году одновременное действие острого промышленного кризиса 1900–1901 годов** и пертурбационное влияние введения с 1-го июля 1901 года казенной монополии, наблюдалось в 1901 году падение душевого потребления, превосходившее по своей интенсивности то падение потребления, какое мог вызвать каждый из указанных факторов *в отдельности*.

Тем же промышленным кризисом вполне объясняется падение потребления в 1901 году в губерниях Прибалтийских. В этих губерниях промышленный кризис вызвал даже массовый отток фабрично-заводских рабочих из края (и во всяком случае из промышленных центров), что, даже независимо от падения заработков, должно было, разумеется, вызвать понижение абсолютного потребления.

Перейдем теперь к тем монопольным районам, которые анализирует в своем исследовании Норов. Все эти районы, как мы знаем, свободны, за рассматриваемый Норовым период, от пертурбационного влияния *смены* питейных *систем*. Поэтому, кроме промышленной депрессии начала 1900-х годов и неурожая 1901 года (постигшего с особенной силой губернии первой очереди), на динамику потребления по рассматриваемым Норовым районам в период 1900–1901 гг. могли влиять лишь моменты, связанные с дальнейшими преобразованиями в сфере обложения и условий продажи казенных питей.

Как и при выяснении моментов, определявших динамику потребления (по монопольным районам) за время до 1900 г., Норов и здесь (т. е. при анализе периода 1900–1901 гг.) совершенно игнорирует *основные* (с точки зрения влияния на потребление) моменты народнохозяйственной жизни***, пытаясь найти удовлетворительное объяс-

---

* До Восточного (Уральского) промышленного района волна кризиса докатилась несколько позднее.

** Выше мы видели, что падение душевого потребления следует за наступлением кризиса не немедленно, но обыкновено несколько спустя – через $^{1}/_{2}$ – 1 год.

*** Норов останавливается лишь на рассмотрении вопроса, иа сколько пониження потребления с последней четверти 1900 года может быть отнесено

нение наблюдаемых фактов в таких, с нашей точки зрения второстепенных, моментах, как повышение продажной цены казенного вина с ноября 1900 года и ограничение времени торговли (в праздничные и предпраздничные дни) в казенных лавках и трактирных заведениях, начавшее фактически применяться с того же времени (т. е. с осени 1900 года).

Однако прежде чем перейти к критическому рассмотрению объяснений, предлагаемых Норовым, приведем тщательно разработанные ими статистические данные, наглядно рисующие детальную картину фактического движения потребления (по монопольным районам) за 2-ю половину 1900-го, 1-ую половину 1901 года и далее.

Норов начинает рассмотрение с июля 1900 года. Чтобы сделать свое сравнение более свободным от влияния случая, он берет для сопоставления с цифрами 1900 года (за вторую половину) *средние* цифры потребления *за все предыдущие годы*, начиная со второго года от года введения в данном районе монополии.

Сравнение это представлено им в виде следующей таблицы:

в тыс. ведер в 40°	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	
Средн.расход вина до 1900 г.	819	933	1 139	1 343	1 165	1 187	Юго-Западный
Расход вина в 1900 г.	920	1 053	1 218	1 431	924	1 027	район
Средн.расход вина до 1900 г.	297	323	371	416	365	429	Северо-Западный
Расход вина в 1900 г.	363	376	440	526	336	414	район
Средн.расход вина до 1900 г.	333	350	366	386	350	418	Привислянский
Расход вина в 1900 г.	338	360	371	403	320	364	район

Однако, так как задачей Норова было выяснить падение потребления в конце 1900 года, *поскольку оно не зависело от колебаний урожая*, то он в дополнение к приведенной таблице дает на стр. 59 еще другой расчет, сравнивающий *действительную* цифру потребления по перечисленных районам за последнюю четверть 1900 года с цифрой, какую можно было теоретически ожидать, принимая во внимание урожай этого года (1900–1901 сельскохозяйственного).

В основу этого расчета Норов кладет следующие соображения: как показывают произведенные им (за годы, предшествующие 1900–1901-му сельскохозяйственному году) вычисления (см. приложение 3, стр. 112), между потреблением отдельных частей *одного и того же*

на счет состояния урожаев 1900–1901 годов, причем он приходит (см. стр. 59–61) к категорическому заключению, что понижение это отнюдь не может быть объяснено влиянием сбора хлебов (за соответствующие годы).

сельскохозяйственного года, существует весьма устойчивое отношение, так что, если нам известно, например, потребление первой половины сельскохозяйственного года, то мы можем наперед, не рискуя сделать сколько-нибудь значительную ошибку, определить потребление второй половины (поскольку, конечно, влияние урожая не будет затемнено или видоизменено благодаря действию других пертурбационных моментов). Такое же постоянное отношение существует, как показывают исследования Норова (стр. 59), и между отдельными четвертями сельскохозяйственного года.

Пользуясь подобными постоянными коэффициентами, показывающими для каждого района среднее отношение потребления 2-й половины года к потреблению 1-й половины и среднее отношение потребления 4-й четверти к потреблению 3-й четверти, Норов вычислил по каждому району *теоретические* цифры потребления за последнюю четверть 1900 года, каких следовало ждать на основании *действительных* цифр потребления за предыдущую (3-ю) четверть того же года (находившегося под влиянием *того же самого урожая,* как и потребление 4-й четверти).

Вот выводы, к которым указанным путем пришел Норов:

Расход вина за последнюю четверть 1900 года:

Районы	(в ведрах 40° вина) ожидаемый	действительный	действительный менее ожидаемого:
Юго-Западный	4 084	3 382	на 17%
Северо-Западный	1 438	1 276	на 11%
Привислянский	1 176	1 087	на 7%

Оставляя пока без рассмотрения те выводы, к которым приходит Норов на основании вышеизложенных данных, относящихся к 1900 году, приведем аналогичный расчет, сделанный им для 1901 года:

Расход вина в 1-ю половину 1901 года:

Районы	ожидаемый	действительный	менее на
Юго-Западный	5 612	5 146	8,3%
Северо-Западный	2 617	2 330	11,0%
Привислянский	2 036	1 915	6,0%

Приведенная здесь разница между ожидаемым и действительным потреблением, по мнению Норова, значительно ниже истинной, так как ожидаемое потребление первой половины 1901 года здесь теоретически вычислено, исходя из данных о *фактическом* потреблении 2-й половины 1900 года, которое было ниже нормального (см. приведен-

ную выше таблицу, сравнивающую действительное потребление последней четверти 1900 года с ожидаемым «нормальным»*).

Внося соответствующую поправку в ненормально-низкие цифры потребления последней четверти 1900 года и тогда уже вычисляя при помощи вышеизложенного метода ожидаемые (т. е. «нормальные» *при данной высоте урожая*) цифры потребления, Норов приходит к следующим выводам: в 1-й половине 1901 года действительный расход вина был менее ожидаемого**.

В Юго-Западном районе .... на 16,6%;
в Северо-Западном районе ... на 16,4%;
в Привислянском .... на 9,8 %.

По поводу процентов понижения потребления (против нормы), выведенных Норовым *в последней* таблице, необходимо заметить, что, даже с точки зрения самого автора, эти проценты соответствуют действительности лишь постольку, поскольку соответствует действительности предположение Норова, что потребление *всей* второй половины (т. е. 3-й и 4-й четверти *вместе*) 1900 года было ниже нормального.

Каким образом пришел Норов к этому последнему выводу? Ход рассуждений его следующий: потребление последних трех месяцев 1900 года было ниже нормы, т. е. ниже того уровня, на котором оно должно было бы установиться сообразно с потреблением 3-й четверти того же года; следовательно, – заключает отсюда Норов, – и потребление 3-й и 4-й четверти *вместе* должно было также оказаться ниже нормы. Не трудно, однако, заметить логическую несостоятельность такого заключения. Действительно, чтобы определить нормальное потребление последней четверти 1900 года при посредстве того метода, каким пользуется для этого Норов, мы заранее должны знать цифру *нормального* потребления 3-й четверти***. Сам же Норов кладет в основу своего расчета *не нормальное, а действительное* потребление 3-й четверти 1900 года, не приводя решительно никаких данных для доказательства того, что фактическое потребление первых трех месяцев (июль–сентябрь) *сельскохозяйственного* 1900–1901 года

* Т. е. с соответствующим *среднему отношению* (выведенному из данных за ряд предыдущих лет) между потреблением 1-й и 2-й четверти сельскохозяйственного года (иначе - между 3 и 4-й четвертью календарного года).

** Т. е. соответствующего «нормальному» потреблению второй половины 1900 года и среднему (тоже «нормальному») отношению между потреблением первой и второй половнны сельскохозяйственного года (по каждому району).

*** Так как то «среднее» отношение между потреблением 1-й и 2-й четверти сельскохозяйственного года (3-й и 4-й календарного), из которых исходит Норов, приложимо лишь к вопросам *о нормальном* же потреблении той и другой четверти.

не превышало нормального (для данного года, т. е. для данного состояния урожая).

Между тем, раз мы допустим, что потребление 3-й четверти 1900 года было выше нормального, то все наши дальнейшие заключения окажутся совершенно отличными от выводов Норова. Прежде всего, при сделанном нами предположении, – падение потребления последней четверти 1900 года ниже нормы (если даже допустить, что падение это доказано), отнюдь еще не дает основания утверждать, что и потребление *всей* второй половины 1900 года было ниже нормы*.

А затем и сам тот факт, что потребление последней четверти 1900 года было ниже потребления, соответствующего «нормальному» отношению между потреблением третьей и четвертой четверти, может при сделанном нами допущении одинаково доказывать, как то, что потребление 4-й четверти было *ниже* нормы, так и то, что потребление 3-й четверти было *выше* нормы.

Оставив, поэтому, пока в стороне методы Норова, попробуем сами разобраться в вопросе о причинах падения потребления за последние три месяца 1900 года (не касаясь пока более общего вопроса о причинах депрессии потребления в 1901 и следующем году). Мы уже отмечали выше, что Норов усматривает причины падения потребления, с последней четверти 1900 года и далее, в увеличении продажной цены казенного вина и – частью – в ограничении времени торговли (в праздничные и предпраздничные дни). Мы пока остановимся на влиянии указанных факторов лишь поскольку они могли проявить свое влияние *уже в 1900 году.*

Исследуя в предыдущих главах влияние на потребление неоднократных повышений налога на алкоголь (сопровождавшихся соответствующим повышением продажной цены вина) за время акцизной системы, мы ни разу не могли установить факта *действительного* (а не фиктивного) падения душевого потребления, которое мы могли бы с уверенностью отнести на счет повышения цены продукта. Единственное явление, которое мы с несомненностью констатировали во всех случаях действительного или даже ожидаемого повышения налога, заключалось в более или менее значительном *фиктивном* повышении цифры душевого потребления – за время, предшествующее повышению налога, и, в таком же фиктивном повышении душевого потребления – за время, следующее за повышением акцизной ставки. Причиной этого явления, как мы указывали там же, было образование

* Так как падение потребления – ниже нормы – последней четверти могло компенсироваться, или даже перевешиваться подъемом потребления – выше нормы – за предпоследнюю четверть.

на руках у розничных торговцев и непосредственных потребителей запасов дешевого алкоголя. С введением казенной продажи роль частной питейной торговли – по крайней мере легальной – была сведена, правда, до минимума, но оставались еще непосредственные потребители и многочисленные беспатентные торговцы.

И те, и другие, естественно, должны были озаботиться приобретением в запас казенных питей ранее момента фактического выпуска в продажу питей с повышенной расценкой. Как по расчету самого Норова, так и по данным «Статистики по казенной продаже питей» казенное вино с повышенной ценой стало поступать в обращение лишь с ноября 1900 года. Между тем указ о повышении акциза с 10-ти до 11-ти коп. с градуса и цены ведра казенного вина в 40° с 7 руб. до 7 руб. 60 коп. был издан 6-го августа 1900 года (причем повышенный акциз велено было взимать с 16-го августа), а постановление Министра Финансов (за № 487) о соответствующем повышении цен на казенное вино – 12-го августа 1900 года. Вряд ли можно сомневаться, что слухи о предстоящем повышении акциза и цены казенных питей должны были распространиться среди заинтересованных лиц еще раньше (возможно – с половины июля, а то и раньше)*.

Таким образом, опираясь на опыт предыдущего более чем 30-летнего периода, мы могли бы уже заранее с уверенностью утверждать, что в течение месяцев, предшествовавших ноябрю (в течение августа, сентября, октября и *вероятно* второй половины июля) должен был наблюдаться *усиленный спрос* на вино не только для непосредственного

---

* Могут, пожалуй, возразить, что в домонопольное время скорое распространение слухов о предположенном повышениин обложения (еще до его утверждения) происходило прн посредстве винокуренных заводчиков, которые *при акцизной системе* были в высшей степени заинтересованы в том, чтобы возможно раньше узнать о всех предположениях в области питейной политики, в особенности касающихся повышения налога. Однако с таким взглядом вряд ли можно согласиться. Даже те заводчики, которые при монополии поставляли все выкуриваемое ими вино в казну (по цене, в которую *не включался акциз*), были все же весьма заинтересованы в 1900 году ожидаемым повышением акциза. Действительно, как известно, безакцизные отчисления, уплачиваемые заводчикам при казенной продаже деньгами, составляли обыкновенно один из главных элементов получаемого заводчиками *чистого* дохода (а иногда и весь этот доход). Поэтому заводчики монопольных губерний должны были с большнм вниманием следить за судьбой проекта повышения акциза и за тем, как он отразится на порядке исчисления безакцизных отчислений.

NB: Как известно, на самом деле согласно Указу от 6 августа 1900 года повышенне акцнза не распространялось на безакцизные отчисления.

потребления, *но и на образование запасов* дешевого спирта); начиная же с ноября месяца спрос должен был на соответственную (приблизительно) величину упасть, причем падение это (фиктивное, вызванное потреблением образованных раньше «спекулятивных» запасов), наверное, захватило и первые недели 1901 года, так как время с первого ноября по 31-е декабря 1900 года было слишком коротко, чтобы можно было допустить к началу 1901 года полную реализацию вышеупомянутых запасов (тем более, что запасы дешевого спирта делались по возможности с таким расчетом, чтобы их хватило до конца «Святок»).

Обращаясь к фактическому распределению потребления 1900 года по месяцам и пользуясь для этого первой из приведенных нами выше таблиц Норова (см. выше стр. 262), мы увидим, что действительная динамика потребления за вторую половину 1900 года в точности соответствует тому, чего мы должны были ожидать на основании априорных соображений, принимая во внимание наступившее с ноября повышение цены на вино. Сравнивая потребление последних двух месяцев за 1900 год со средним потреблением за предыдущее годы по тем же районам, мы найдем, что за ноябрь-декабрь 1900 года потребление было по всем рассматриваемым районам на 529 тыс. вед. ниже среднего.

Но это понижение вполне компенсируется повышением потребления против среднего (на 541 тыс. ведер) за сентябрь-октябрь и три последние недели августа (т.е. с момента утверждения Указа о повышении акциза – 6-го августа 1900 года)*.

Искать, таким образом, каких-нибудь новых объяснений факта падения потребления за два последние месяца 1900 года, равно как и факта повышения потребления на ту же приблизительную величину за три предыдущие месяца, представляется совершенно излишним, так как ни в том, ни в другом факте нет ничего, чего нельзя было бы вполне удовлетворительно объяснить, исходя из «общих законов массового потребления алкоголя»** (достаточно, полагаем, выясненных в предыдущих главах).

---

* Цифра 541 тыс. ведер получится, если предположить, что *все* повышение потребления (против среднего) за август пришлось на время *после* издания «указа»; в действительности повышение потребления, наверное, имело место и в первые 6 дней августа (хотя и не было так интенсивно, как в последующее время), так что все повышение спроса (против среднего) за время с 6-го августа и до конца октября было, вероятно, не свыше 530 тыс. ведер, т. е. приблизительно равнялось сумме понижения спроса за ноябрь–декабрь (529 тыс. ведер).

** Что касается повышения потребления в июле 1900 года, то оно, без сомнения, компенсировалось некоторым понижением потребления в начале

Но раз оказывается, что пониженный спрос последних двух месяцев 1900 года был лишь следствием ненормально повышенного спроса предыдущих месяцев, то, понятно, ни о каком ненормальном падении потребления *всей* второй половины 1900 года не может быть и речи. По крайней мере мы не располагаем никакими фактическими данными для подобного утверждения*.

Если же предположение Норова, что потребление всей второй половины 1900 года было ниже нормы, оказывается голословным, несоответствующим фактам, то такими же произвольными и необоснованными должны быть признаны и те процентные величины, которыми он характеризует в *последней* из приведенных нами его таблиц интенсивность падения потребления по монопольным районам в первой половине 1901 года. Таким образом, отказавшись от пользования голословными и явно преувеличенными процентами последней таблицы, мы, следуя методу Норова, получим (см. таблицу 3 Норова) следующие проценты падения потребления в первой половине 1901 года: для Юго-Западного района - 8,3%; для Северо-Западного - 11,0% и для Привислянского - 6,0%. Таким образом, размер сокращения потребления по названным монопольным районам отнюдь не превышал величины, какой можно было ожидать, принимая во внимание влияние *одного* только *промышленного кризиса,* другими словами - не превышал того сокращения потребления, какое мы наблюдали бы, вероятно, и по губерниям немонопольным - Великороссийским, если бы там к влиянию промышленного кризиса не присоединялось влияние введения казенной монополии**.

Подводя итог сказанному, мы приходим к заключению, что все те явления депрессии потребления за 1900–1901 годы, которые подвер-

---

1901 года (так как оба эти явления были следствием одной и той же причины - сперва накопления, а потом реализации спекулятивных запасов), однако мы не имеем возможности выразить точными цифрами, какая именно часть падения потребления 1901 года являлась следствием промышленного кризиса и какая следствием спекулятивного повышения спроса в предыдущем году.

* Скорее уж можно предполагать, что потребление второй половины 1900 года было несколько выше нормального, т. е. повышенный спрос первых четырех месяцев этого полугодия обусловливался не только образованием *запасов на будущее* время (после повышения цены вина), но и повышенным *текущим* потреблением.

** Мы, правда, сравниваем падение потребления по немонопольному району за *целый* 1901 год, но в данном случае это не имеет значения, так как, поскольку депрессия потребления в этом году была вызвана промышленным кризисом, - интенсивность этой депрессии должна была быть приблизительно одинаковый как в первую, так и во вторую половину года.

гает анализу Норов*, находятся в полном соответствии с тем, что мы заранее еще могли предвидеть, исходя из (игнорируемых Норовым) данных предшествующего опыта (за домонопольное время). Что касается разницы в динамике потребления в 1900–1901 годах по монопольным и «немонопольным» районам, то опять-таки эта разница не выходит за пределы того, что мы наперед могли – и даже должны были – предвидеть, зная, что в течение рассматриваемых лет в наших «немонопольных» губерниях произошло введение казенной продажи

---

* Сам Норов затрагивает вопрос о значении промышленного кризиса 1900–1902 года для объяснения падения потребления наблюдавшегося в 1901 году, лишь вскользь на 64 стр. «Понижение потребления в 1901 г., – говорит он здесь. – Главное Управление ставит связь с... промышленным кризисом 1900–1901 гг., который с особенной силой разразился в Привислянском районе». Но с таким объяснением Норов не считает возможным согласиться: если бы причиной понижения был действительно промышленный кризис, «то влияние его должно быть особенно заметно в наиболее промышленных губерниях Привислянского края – Варшавской и Петроковской»... Между тем по интенсивности падения эти губернии в действительности стоят далеко не на первом месте. По расчету Норова, – который исходит почему-то из данных о потреблении одной первой половины 1901 года, – Варшавская губерния занимает по интенсивности падения самое последнее место (Петроковская – 3-е с конца); но если даже будем основываться на цифрах годичного потребления, то все же найдем, что процент падения в Варшавской губ. не выше среднего по району, а в Петроковской даже значительно ниже среднего... Все это совершенно верно, но, не говоря уже о том, что ссылка на несколько губерний недостаточна для решения общего вопроса об основной причине падения народного потребления в 1901 г., – сам факт сравнительно слабого понижения спроса на *казенное вино* в промышленных центрах Царства Польского еще не служит бесспорным доказательством сравнительно слабого сокращения расхода населения на спиртные напитки *вообще*. Как известно, в потреблении населения *этого района пиво* играет не меньшую роль, чем водка (этим, между прочим, объясняется здесь низкий уровень среднего душевого потребления казенного вина); с другой стороны, одно и то же количество алкоголя (например, градус) обходится при потреблении в форме пива гораздо дороже, чем при потреблении в виде водки или спирта (одна бутылка пива средней крепости содержит столько же абсолютного алкоголя, сколько 1/200 ведра казенного вина в 40°, но 1/200 казенного вина стоила в то время всего 4 коп., за такую сумму нельзя было, конечно, и думать приобрести 1 бутылку даже самого низкосортного, слабого пива). Отсюда естественно, что фабричные рабочие, обычно потреблявшие большие количества пива, при резком падении заработков, вызванным кризисом, начинали переходить от потребления более дорогого пива к более дешевому при равном содержании алкоголя – напитку – казенному вину: отсюда и слабое падение спроса на него.

(в Прибалтийских губерниях с половины 1900 года, а в Великороссийских с половины 1901-го), характер и интенсивность влияния которого на потребление было достаточно выяснено нами на примере губерний других (более ранних) очередей.

Пока мы оставляли в стороне Восточные губернии первой очереди, следуя в этом отношении Норову.

До 1899 года включительно потребление Восточного монопольного района (т. е. губерний 1-й очереди) изменялось в том же направлении, как и потребление прочих монопольных районов, т. е. систематически повышалось. Повышение это продолжалось не только в следующем 1900 году (когда, по нашему мнению, и по другим монопольным районам не было *реального* падения душевого потребления*, но и в 1901 году, когда под влиянием промышленного кризиса как прочие монопольные районы, так и губернии «немонопольные», в которых казенная продажа была введена только с половины этого года, обнаружили решительное сокращение *реального* потребления (сопровождавшееся, как мы видели, по губерниям «очереди 1901 года» одновременным *фиктивным* сокращением)...

Объяснением такой особенности динамики потребления по Восточному району служит, во-первых, то обстоятельство, что промышленный кризис охватил Уральский район значительно позднее, чем прочие районы России; во-вторых, влиянием выдающегося неурожая, постигшего в 1901 году <губернии> (монопольные) Восточного района**.

Как и всякий интенсивный неурожай, постигающий район с уже расшатанным предыдущими неурожаями крестьянским хозяйством (а крестьянское хозяйство рассматриваемого района находилось имен-

---

* Собственно говоря, даже с точки зрения того объяснения падения потребления с последней четверти 1900 года, которое предлагает Норов, вряд ли были основания ожидать падения потребления по *Восточному* району. Действительно, повышение продажной цены казенного вина (с ноября 1900 года) до 7 руб. 60 коп. за ведро обыкновенного вина в 40° весьма мало затронуло интересы потребителей по *этому* району, в чем нетрудно убедиться из следующих цифр. В 1899 году, т. е. *до повышения* цены, – *средняя* продажная цена ведра вина по Восточному району равнялась 7,11 руб., а в 1901-м – *после повышения* – 7,68 руб. При этом количество вина (обыкновенной очистки), продававшегося по 8 руб. за ведро, в 1899 году составляло 65,5% общего количества, а в 1901-м всего 6,7% (в 1900-м обыкновенное вино по 8 руб. за ведро составляло 64% всего проданного вина).

** Урожай 1901 года по сравнению с урожаем предыдущего года упал: по Самарской губернии – с 32,8 пуда (на душу сельского населения с надельных земель) до 8,6; по Уфимской – с 21,3 до 8,3; по Оренбургской – с 29,4 до 9,2; по Пермской – с 27,9 до 10,6 пудов.

но в подобных условиях), неурожай, о котором идет у нас речь, должен был вызвать усиленный отток крайних групп (типов) крестьянского населения (связь которых с деревней была уже ослаблена предыдущими экономическими потрясениями) в поисках неземледельческого заработка. В виду крайней депрессии промышленности в Южном, Западном и Центральном районах, а также вследствие вызванной политическими осложнениями на Дальнем Востоке (война с Китаем) задержки в развитии молодой сибирской промышленности, отток этот естественно должен был направляться по преимуществу в *местные* центры промышленной жизни, сравнительно еще слабо захваченные общим промышленным застоем страны. Как именно должны были отразиться указанные следствия неурожая на среднем уровне потребления алкоголя по рассматриваемому *району,* полагаем достаточно уже было выяснено нами в предыдущем изложении. Таким образом, особенности динамики потребления по Восточному монопольному району за рассматриваемые годы отнюдь не представляет какого-нибудь исключения из установленных нами выше «общих законов массового потребления алкоголя».

У Норова мы не находим анализа *динамики* потребления за следующие - 1902–1903 годы: в своих статьях, дополняющих основную работу, он делает некоторые попытки выяснить влияние - на душевое потребление алкоголя - тех исключительных событий, которые переживала страна в 1904 и 1905 годах; промежуточный же период (1902–03 гг.) и здесь оставляется им в тени. Впрочем, для дальнейшего - более полного - теоретического освещения явлений (динамики) массового потребления спиртных напитков анализ статистических данных за 1902–03 гг. может дать мало нового.

Во всяком случае, движение потребления в 1902–1903 годах, когда новая питейная система охватывала уже всю Европейскую Россию, не дает нам никаких оснований утверждать, что с введением казенной продажи хотя сколько-нибудь изменилась та закономерная зависимость между потреблением алкоголя и другими явлениями народной жизни, такая систематически проявлялась за весь домонопольный период, начиная с момента установления общей для всей России питейной системы (акцизной).

Среднее душевое потребление по Империи оставалось, согласно данным официальной статистики, в 1902 году в стационарном положении (0,49 ведра в 1901 г. и 0,49 ведра - 1902 году). На самом деле душевое потребление 1902 года было несколько ниже потребления предыдущего года.

Действительно, для теоретических выводов мы должны пользоваться данными, характеризующими *реальное* потребление. В годы же

введения в том или другом районе казенной продажи – официальная цифра потребления (данного района) неизбежно оказывается – как это, полагаем, нами уже достаточно выяснено, ниже реального*. На сколько именно ниже, мы не беремся определить какой-нибудь точной цифрой. С уверенностью можно сказать лишь одно, сообразно условиям места и времени, официальная цифра потребления уклоняется от реального потребления в годы, с середины которых вводится в данном районе казенная продажа, на величину не менее 6% и вряд ли, более 10%. Если мы примем процент уклонения (официального потребления от реального) для губерний очереди 1901 года равным *средней* величине, т. е. 8%, то действительное падение потребления по этому району в 1902 году сравнительно с 1901 определится приблизительно в 2 миллиона градусов.

Внося эту поправку в цифру абсолютного потребления *по всей Европейской России* за 1901 год, мы получим приблизительно на 1/2 млн. ведер бóльшую цифру абсолютного же потребления следующего 1902 года. Исходя из этих цифр абсолютного потребления и принимая во внимание естественный прирост населения, (18,1 pro mille[3] – в 1901 году и 18,3 – в 1902 году), мы получим для 1902 года цифру *душевого* потребления (для Европейской России) почти на 2 1/2% ниже предыдущего года.

Такое понижение среднего по России душевого потребления в 1902 году вполне соответствует тому, чего мы и должны были ожидать, зная, что этот год был годом промышленного застоя.

Мы не станем подробно исследовать динамику потребления в 1902 г. по отдельным районам и губерниям. Такое исследование все равно не дало бы нам ничего такого, что могло бы заставить нас изменить (или хотя дополнить) наши теоретические взгляды на «законы массового потребления спиртных напитков в России». Ограничимся, поэтому, немногими замечаниями. Цифры потребления за 1902 и предшествующий год для Прибалтийского района и губерний «очереди 1901 года» даны были нами выше. Для правильного заключения о *сравнительной* высоте потребления в 1902 и 1901 годах по последней группе губерний необходимо предварительно внести в цифру потребления 1901 года поправку, приблизительный размер которой мы пытались выше определить**.

---

* Благодаря неточности приемов учета.

** После внесения этой поправки среднее душевое потребление как по всем губерниям очереди 1901 года вместе, так и *по отдельным* географическим *группам*, в нее входящим (Средне-Черноземных, Средне-Промышленных), окажется в 1902 году *ниже* душевого потребления предыдущего года.

Из прочих районов с монополией, введенной до 1900 года, *понижение* душевого потребления наблюдалось в 1902 году (сравнительно с предыдущим) в губерниях: Северных (Новгородской, Олонецкой, Псковской), Северо-Западных, Смоленской, Екатеринославской. Стационарное состояние (*душевого* потребления) - в губерниях: Привислянских, Волынской и, вероятно, в Донской области (официальная цифра показывает здесь понижение душевого потребления, не выходящее за пределы вероятной - при данных местных условиях - ошибки учета).

Если теперь из остающихся губерний мы исключим те, которые были исключены в анализе Норова, т. е. губернии, о *действительном* потреблении которых невозможно судить (не рискуя впасть в *грубую* ошибку) на основании данных официальной статистики*, то в группу губерний с *повысившимся* в 1902 году потреблением спиртных напитков войдут лишь: три Малороссийских (Полтавская, Харьковская, Черниговская) и две Юго-Западных (Киевская и Подольская).

Подъем потребления по названным Юго-Западным губерниям достаточно объясняется двойным влиянием: 1) прекрасного урожая хлебов и 2) хороших результатов свекло-сахарной промышленности. Что же касается потребления чисто земледельческих Малороссийских губерний, то здесь, как и вообще в губерниях чисто земледельческого типа, всякий значительный подъем урожая, *при прочих равных условиях,* является фактором, влияющим на потребление (душевое) спиртных напитков в сторону *повышения.* В 1902 году в губерниях Малороссийских был очень хороший урожай, почему наблюдаемое здесь повышение душевого потребления не представляет собой ничего неожиданного или необъяснимого. Но с другой стороны, не зная всех *«прочих условий»* , мы ни в каком случае не могли бы, исходя из *одного факта повышения* здесь в 1902 году *урожая*, утверждать *заранее*, что параллельно этому повышению урожая здесь повысится и душевое

---

* По всем этим губерниям в 1902 году официальная статистика показывает *повышение* душевого потребления. Но и те пертурбационные причины, которые обусловливают по этим губерниям уклонение цифр официальной статистики от действительности, - действовали в 1902 году именно в сторону *искусственного повышения* официальных цифр душевого потребления. В этом направлении влиял как усиленный приток сельскохозяйственных рабочих, вызванный прекрасным урожаем трав и хлебов в степной - черноземной полосе, так и плохие результаты *винодельческого* хозяйства, заставлявшие население восполнять недостаток в привычном напитке - виноградном вине - усиленным потреблением «казенного вина», таковой факт *сам по себе* не дает еще никаких оснований для заключения о повышении *общей суммы алкоголя* (*во всех* напитках), потребляемой населением.

потребление спиртных напитков, – по крайней мере не могли бы утверждать этого, не вступая на путь произвольных *гаданий*...

Таким образом, и динамика душевого потребления по отдельным, более или менее мелким административным единицам, на сколько вообще эта динамика допускает подведение под какие-нибудь общие устойчивые (свободные от влияния случая) нормы, оказывается в 1902 году (*первом* – по распространении казенной монополии на *всю* Европейскую Россию) вполне согласной с «общими законами», выведенными из данных домонопольного времени.

Динамика потребления в следующем 1903 году опять-таки не представляет никаких особенностей, которые бы не укладывались в рамки наших общих теоретических построений и могли бы быть, хотя с некоторым правом, поставлены в связь с тем новым, что было привнесено в область народного потребления введением казенной продажи вина.

Как и следовало ожидать, принимая во внимание постепенную «ликвидацию» кризиса 1900–1902 годов, в 1903 году потребление алкоголя в стране также начинает мало-помалу оправляться, хотя все еще не может достигнуть той высоты, на какой оно стояло до кризиса.

Так как «успокоение промышленности» совпало в 1903 году с высоким урожаем, следовавшим при том в большей части земледельческих губерний за высоким же урожаем предыдущего года, то оживление потребления (спиртных напитков) коснулось в этом году в большей или меньшей степени всех районов, как земледельческих, так и промышленных. Единственным существенным исключением является город СПб и Петербургская губерния, где душевое потребление и в этом и в следующих годах продолжало систематически (и весьма быстро) падать.

Собственно говоря, вышеизложенным исчерпывается основная задача настоящей главы: проверить на данных монопольного периода основные теоретические выводы, полученные нами на основании цифр и фактов, относящихся к предыдущему времени. Подводить здесь еще раз итоги этой проверки мы считаем излишним – сами факты достаточно ясно говорят за себя...

* * *

В заключение нам остается коснуться некоторых явлений динамики потребления (из числа затронутых нами в предыдущих главах), которые, хотя и не связаны непосредственно с нашими основными теоретическими выводами, но и помимо этого, сами по себе представляют существенный интерес с точки зрения исследования массового алкоголизма.

22 Зак. 13

Так, в предыдущем нами была сделана попытка наметить некоторые различия динамики потребления за акцизный период – по губерниям Западным (Юго- и Северо-Западным) – с одной стороны и губерниям «земледельческого центра» – с другой. Результаты этого сравнения представлены нами на стр. 103-й. Если мы дополним эту таблицу данными о душевом потреблении за монопольное время, исходя из данных за 1903 год, как наиболее свободный от влияния пертурбационных моментов*, сопоставляя данные за все три момента, то получим следующую таблицу:

	душевое потребление (в градусах):			
Районы	в 1880–1882 гг.	в 1893–1895 гг.	в 1903 г.	(в 1901–1903 гг.)
Юго-Западный	42	24,5	22,4	(21,2)
Северо-Западный	27	17,5	13,2	(13,6)
Малороссийский	33	21,1	20,0	(18,8)
Средне-Черноземный	30	22,1	22,4	(22,4)
Средне-Промышленный	31	24,6	24,0	(24,4)

Из приведенных цифр видно, что основные черты различия, представляемые движением душевого потребления по губерниям западной полосы России – с одной стороны и земледельческого центра – с другой, остались и в период после 1895 года без изменения.

Быстрота падения (*выражаемая средним годовым* падением *в процентах*) по губерниям западной полосы (т. е. Юго- и Северо-Западных губерниях вместе) со второй половины 1890-х годов несколько, правда незначительно, уменьшается по сравнению с предыдущим периодом; но *разница* в интенсивности понижения душевого потребления по этим (Западным) губерниям и губерниям земледельческого центра остается приблизительно такой же, как и раньше**.

* Из числа годов, когда в обоих сравниваемых районах господствовала одна и та же питейная система.

** Особенностью последнего периода является то обстоятельство, что потребление губерний земледельческого центра не только отстает в быстроте своего падения от губерний западной полосы, но и начинает – в противоположность тому, что наблюдается в этих последних, – изменяться (по крайней мере к концу 2-го периода) в противоположном направлении, т.е. в сторону повышения. Правда, на этот путь повышения душевого потребления вступают далее и губернии западной полосы, но не говоря уже о «нетипичности» данных за годы, непосредственно следовавшие за 1903 годом, интенсивность повышательного движения по этим губерниям оказывается значительно ниже, чем по губерниям земледельческого центра. Другими словами, и в период *общего роста* потребления – потребление Западных губерний продолжает обнаруживать следы влияния некоторой *постоянной* причины, систематически действовавшей на их потребление *в сторону понижения*.

Напрасно стали бы мы искать объяснения этого различия в особенностях хозяйственного развития того и другого района, как в период 1880/1882 гг. - 1893/1895 гг., так и в период 1893/1895 гг. - 1903 г. все хозяйственные условия складывались, наоборот, так, что a priori (принимая во внимание влияние *одних хозяйственных* моментов) надо бы было ждать, что процесс постепенного понижения уровня народного потребления (алкоголя) затронет губернии Западной - особенно Юго-Западной полосы - России в гораздо более слабой степени, чем губернии «оскудевшего» центра*. Таким образом, и в период 1893/1895 гг. - 1903 г., в течение которого Европейская Россия постепенно была вся охвачена новой питейной системой, перед нами по-прежнему стоит задача: указать фактор, в качественном и количественном отношении достаточный для объяснения занимающего нас различия в динамике потребления по губерниям Западной полосы и земледельческого центра.

Наши соображения по этому вопросу, основанные на данных за акцизный период, были уже развиты нами выше, в соответствующей главе. Что касается того - установленного в настоящей главе - факта, что основные черты различия в динамике потребления по сравниваемым районам сохраняют свою силу и в последующем, монопольном периоде, факт этот интересен в том отношении, что исключает всякую возможность объяснять это различие распространением в Западных - особенно Юго-Западных - губерниях в доакцизное время и в первое время существования акцизной системы *привычно-регулярного потребления* (наряду с широким развитием спорадических эксцессов). Что в губерниях Западного - по крайней мере Юго-Западного - района привычно-регулярное потребление было распространено во время «привилегированного» положения этих губерний, а также некоторое время и после введения акцизной системы, в этом вряд ли можно сомневаться. Справедливо и то, что постепенная отвычка от привычно-регулярного (хотя бы даже умеренного) потребления** и переход к исключительно спорадическому типу потребления (хотя бы и принимавшему в каждом случае размеры «пьянства») должны были вызвать здесь - ceteris paribus - заметное понижение среднего уровня (душевого) потребления. Однако весь этот процесс «ликвидации» пережитков счастливого «привилегированного» состояния вряд ли мог затянуться дальше 80-х годов прошлого века и уж *ни в коем случае* не

---

* Основные факты, характеризующие хозяйственное положение того и другого района слишком общеизвестны, чтобы была надобность воспроизводить их снова.

** Вызываемая главным образом вздорожанием алкоголя.

мог отразиться на динамике потребления за время со второй половины 1890-х годов (и дальше).

Таким образом, какое бы преувеличенное значение мы не приписывали переходу населения Западного (Юго-Западного) края от привычно-регулярного к исключительно спорадическому потреблению, основной вопрос о причине *различия* в динамике потребления по губерниям этого края и земледельческого центра остается по-прежнему нерешенным.

Чтобы покончить с вопросами динамики потребления, скажем несколько слов о колебаниях потребления по месяцам года. О некоторых *исключительных* явлениях в этой области мы уже имели случай говорить выше, теперь же остановимся главным образом на «типичном», нормальном распределении годичного потребления «во времени». В «Статистике по казенной продаже» за 1904 год мы находим категорическое заявление редакторов издания, что вопрос о распределении потребления по месяцам, как по России в целом, так и по отдельным районам «в достаточной степени изучен всей предшествующей отчетностью по казенной продаже питей, и полученные выводы можно считать совершенно закономерными» (см. стр. 59).

Насколько такое заключение поспешно и не основательно, видно уже из того, что для воспроизведения *действительно типичной* картины распределения потребления по месяцам по *России* (60 губерниям) *в целом* статистики Главного Управления располагали к этому времени (к 1904 году) данными всего за один год – 1903. Не говоря о 1901 годе, который *весь* находился под пертурбационным влиянием введения казенной продажи в 19-ти новых губерниях, даже и 1902 год – по крайней мере первая его половина – не мог быть вполне свободным от этого пертурбационного влияния. Только для 3-х Восточных губерний и губерний Западного края (Юго-, Северо-Западных и Привисл<янской> губерний) накопившиеся к этому времени данные были достаточно для вывода *типичных* средних*.

---

* Выводы за 1–2 года, хотя бы годы эти и были «средние» с точки зрения *хозяйственных* условий, не могут дать *типичной* картины распределения потребления по месяцам уже в силу одного влияния *подвижных* праздников и постов. Только взявши период достаточно большой, чтобы в среднем выводе для всего периода влияние этого переменного фактора вполне – или почти вполне – сглаживалось, мы можем быть уверены, что полученные нами таким образом средние выводы будут, при прочих равных условиях, справедливы и для всякого другого столь же продолжительного периода (т. е. для *средних* же выводов полученных для этого нового периода). Следует заметить, что по расположению подвижных праздников и постов 1903 год занимает как раз *среднее* положение относительно годов начавшегося 15-летия – 1910–1925 гг.,

Однако, если мы не можем констатировать никаких определенных тенденций в изменении распределения потребления по месяцам года за сравнительно короткое время господства казенной продажи, то не обнаружится ли известная эволюция, если мы для сравнения с данными монопольного времени, например, за 1903 год, возьмем данные, относящиеся к моменту, отделенному от первого (1903 года) достаточно значительным промежутком времени?

К сожалению, мы не обладаем за акцизный период прямыми данными о *потреблении* за каждый месяц года. Однако мы все же можем составить себе на основании косвенных указаний довольно точное представление о том, как распределялось потребление в течение года в домонопольное время. Такими косвенными указаниями могут служить *средние* цифры (выведенные за несколько лет) ежемесячного поступления *акциза*. Такого именно рода попытка была предпринята Департаментом неокладных сборов в половине 80-х годов (прошлого столетия)*. Для вывода приблизительной цифры среднего потребления за каждый месяц года Департамент неокладных сборов воспользовался данными о ежемесячном поступлении акциза за четыре года - 1881, 1882, 1883 и 1884 - по Европейской России с Ц<арством> Польским. Для каждого месяца была выведена средняя за эти 4 года сумма акциза, таким же образом была выведена средняя (для тех же четырех лет) сумма годичного поступления акциза и определено отношение месячных средних к средне-годичной сумме акциза, а также к средне-месячной (средне-годичной - деленной на 12), принятой за 100.

Полученные таким образом относительные величины и принимались за приблизительные показатели относительной высоты *потребления* каждого месяца. Конечно, полученные таким образом цифры не могли претендовать на полную точность, но все же они давали вполне верную картину обычных колебаний потребления в течение года**.

так что, принимая для *каждого* из годов этого периода относительные величины потребления каждого месяца, *выведенные* на основании данных *за 1903 год,* мы *в среднем* получим (a priori) цифры, *наиболее свободные от ошибок* (поскольку, конечно, дело идет о пертурбационном влиянии одних подвижных праздников и постов).

* См. «Ежегодник Министерства Финансов», вып. XVI, стр. 187-194.

** Собственный хозяйственный интерес винокуренных заводчиков побуждал их, по крайней мере при отсутствии таких исключительных моментов, как ожидание предстоящего повышения акциза, - ограничивать сумму ежемесячно уплачиваемого акциза размерами фактического выпуска спирта в обращение. Границы же фактического выпуска (месячного) спирта определялись размером спроса со стороны розничных торговцев, которым в свою

Лучшим (фактическим) доказательством этого служит то обстоятельство, что характеристика динамики потребления по месяцам года, полученная на основании средних данных за *все* четыре года, в полной мере применима и к динамике потребления *каждого отдельного* года (см. цитированный выпуск «Ежегодника М<инистерства> Ф<инансов>», стр. 193).

Вот относительные величины (для Европейской России, включая Царство Польское), полученные вышеуказанным путем:

Месяцы года	Процентное отношение к к годичному потреблению	Если принять средне-месячное потребление за 100
Январь	9,15	109,0
Февраль	8,07	97,2
Март	6,30	75,6
Апрель	6,87	82,8
Май	8,25	99,6
Июнь	8,23	98,4
Июль	7,42	90,0
Август	7,73	93,6
Сентябрь	9,26	111,6
Октябрь	10,75	129,5
Ноябрь	9,14	110,4
Декабрь	8,83	105,6
Среднее	8,33	100,0

Если мы представим в форме таких же относительных величин цифры месячного потребления (абсолютного) за 1903 год, то получим следующий ряд:

Январь	Февр.	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сент.	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Ср.-мес.
109	93	58	105	103	86	84	96	117	126	107	114	100
(109)	(97)	(76)	(83)	(100)	(98)	(90)	(94)	(112)	(129)	(110)	(106)	(100)

Цифры, поставленные внизу в скобках, относятся в 1881–1884 гг. (это – те же цифры, какие приведены в столбце 2-м предыдущей таблицы, только с округлением до целых единиц). Сравнивая эти цифры с цифрами верхнего ряда, мы обнаруживаем следующие различия: во-

---

очередь в обычных условиях (т. е. при отсутствии поводов для образования спекулятивных запасов) не было расчета пополнять в течение месяца свой «нормальный» запас бо́льшим количеством спирта, чем какое они могли сбыть за то же время своим покупателям (непосредственным потребителям).

первых, весенний максимум в 1903 году упал на апрель, а в 1881-1884 годах - на май; во-вторых, в 1903 году потребление декабря значительно превосходит потребление смежных месяцев (ноября и января), тогда как в 1881-1884 годах потребление всех трех зимних месяцев разнилось сравнительно мало, причем потребление декабря даже несколько уступало потреблению ноября и января.

Первая из указанных особенностей 1903 года обусловлена чисто случайной причиной - сравнительно ранним наступлением Пасхи. Если бы не это случайное обстоятельство, то потребление апреля без сомнения оказалось бы не выше майского* (само майское потребление в 1903 г. близко к нормальному). Если мы, чтобы исключить влияние Великого Поста и Пасхи, возьмем - для сравнения 1903 года с первой половиной 1880-х годов - относительное потребление за тот и другой период - *за все три месяца* (февраль, март, апрель) в общем или среднем выводе, то получим совершенно тождественные цифры. Если примем средне-месячное потребление за 100, то потребление за февраль+март+апрель окажется равным как в 1903 году, так и в период 1881-1884 годов - 256-ти. Таким образом, вряд ли есть основание рассматривать отмеченную выше разницу в потреблении двух весенних месяцев как признак *эволюции* основных условий, определяющих у нас распределение потребления в течение года.

Что касается более низкой относительной цифры потребления, полученной для декабря месяца на основании данных за 1881-1884 гг., сравнительно с относительной же цифрой декабрьского потребления за 1903 год, то это обстоятельство также, по-видимому, является результатом случайной причины: именно взноса в ноябре части акциза (по сумме которого нам приходится в 1880-х годах заключать о потреблении каждого месяца) за спирт, предназначенный к выпуску в декабре (на «Святках» и в дни, непосредственно им предшествующие**).

Упомянутое выше исследование, относящееся к первой половине 80-х годов, дает относительные цифры месячного потребления (теоретически выведенного) не только для России в целом, но и для отдельных районов. Однако вследствие сомнительной их точности мы воздерживаемся основывать на них какие-нибудь решительные выво-

---

* В 1907 и 1908 гг. апрельское потребление было равно майскому.

** Возможно впрочем, что и реальное декабрьское потребление несколько повысилось (относительно средне-месячного) к началу XX-го столетия, благодаря усилившейся роли, какую играет в общем потреблении страны потребление индустриально-городских центров (особенно вероятно это предположение относительно губерний крайнего севера, промышленное оживление которых началось значительно позже 1881-1884 гг.).

ды, но все же ввиду малой известности этого исследования мы считаем не лишним привести, хотя бы в примечании, полученные им порайонные данные*.

Какие же выводы допускают приведенные выше цифры распределения потребления по месяцам года? Отчет Главного Управления за 1904 г. (вып. III) формулирует эти выводы (*окончательные* – по мнению его составителей) так: «Как общее правило, потребление понижается во время постов и летних земледельческих работ и повышается в декабре (Рождественские праздники), в апреле (Пасха) и в октябре (реализация урожаев и крестьянские свадьбы). В неземледельческих районах наблюдается более равномериое потребление» (стр. 59). Если дополнить эту характеристику некоторыми общими (т. е. относящимися не к одному только данному году) замечаниями, которые попадаются в «Статистике по каз<енной> прод<аже>» за другие годы, мы можем еще прибавить, что «распределение продажи питей по месяцам года по Привислянским губерниям отличается редкой равномерностью»..., чем «Привислянские губернии рельефно выделяются по сравнению с губерниями с чисто русским населением» (указ. соч., 1900 г., стр. 208).

Сравнивая эти выводы (относящиеся к 1900-м годам) с выводами упомянутого исследования 80-х годов (прошлого столетия), мы найдем, что первые не заключают в себе ничего такого, что не было бы констатировано исследователями начала 80-х годов. С полной определенностью отмечено было этими исследователями и то крупное влияние, какое имеют подвижные праздники и посты на распределение годичных минимумов и максимумов, особенно в районах с православным населением. Равным образом и все другие соображе-

---

*

мес. / губ.	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	За мес. в средн.
Столичн.	91	83	82	88	101	107	93	97	116	116	104	119	100
Северные	129	113	96	67	94	98	84	92	111	100	105	109	100
Восточные	128	112	97	57	85	94	81	84	107	126	110	109	100
Ср.-Пром.	105	101	84	69	100	107	98	93	110	120	110	103	100
Ср.-Черн.	109	102	68	74	92	90	83	88	122	153	122	95	100
Малоросс.	122	96	60	104	108	95	85	85	96	125	113	109	100
Прибалт.	103	91	95	90	95	119	76	83	95	114	107	134	100
Южиые	106	76	74	91	107	98	90	94	110	139	114	97	100
Юго-Зап.	107	91	57	98	104	95	96	99	118	125	98	108	100
Сев.-Зап.	111	96	76	84	104	111	85	94	103	124	99	109	100
Привисл.	116	94	91	94	90	91	93	102	99	112	101	113	100

ния, какие приводятся ими для объяснения колебаний потребления в течение года, ничем не уступают по своей определенности и фактической обоснованности тем попыткам объяснения, которые находятся в различных выпусках «Статистики по казенной продаже»*.

Крупным преимуществом статистики при казенной продаже, рассуждая a priori, должна бы являться возможность изучить динамику потребления по месяцам года *отдельно – для сельских и городских поселений*. На деле, однако, материалы для такого раздельного изучения публиковались Главным Управлением лишь до 1899 года (так что соответствующие выводы могут быть сделаны лишь относительно Восточной и Западной окраины России). В последующих выпусках «Статистики по казенной продаже» либо вовсе не дается цифра ежемесячного потребления по *городским и сельским* местностям в отдельности, либо в виде суррогата этих цифр приводятся для каждого уезда: 1) цифры ежемесячного потребления по *уездному городу* и 2) по остальной территории уезда, т. е. *включая сюда и все поселения городского типа* за исключением одного уездного города. Вряд ли нужно распространяться о том, какое превратное представление получим мы, заключая на основании подобных данных о действительной динамике потребления в течение года в поселениях городского и *сельского типа***.

Чтобы дать читателю хотя бы приблизительное представление о величине погрешности, какую мы рискуем допустить, подменяя *потребление «поселений городского типа»* потреблением *«уездного города»*, а потребление *«сельских местностей»* потреблением *«уезда» за исключением одного уездного города*, приведем соответствующие цифры по первой попавшейся губернии со сравнительно развитой городской жизнью, например, Подольской: в «Статистике <по казенной продаже>» за 1899 год на стр. 157 мы находим для *городских* поселений цифру годичного потребления в 593,4 тыс. вед.; для *внегородских* –

* Собственно говоря, и порайонные данные за 1900-е годы весьма близко воспроизводят картину динамики потребления в течение года, как она впервые намечена исследователями 80-х годов, несмотря на грубую приближенность приемов, какими они пользовались. (Сравнив данные вышеприведенной в примечании таблицы с цифрами ежемесячного потребления по районам за 1903 год, читатель сам без труда обнаружит немногие случаи расхождения тех и других данных).

** Единственное, пожалуй, что можем мы утверждать на основании этих данных, – это общеизвестная истина, что в городах – при значительном проценте привычно-регулярных потребителей – потребление распределяется по месяцам года более равномерно, чем по внегородским поселениям. Этот вывод подтверждается и теми *точными* (порайонными) данными, какие имеются за время до 1899 года (см. Норов, стр. 44–45).

21 Зак. 13

1199,0 тыс. вед.; всего по губернии - 1792,4 тыс. вед.; на стр. 74-й «Ведомостей», приложенных к этому выпуску «Статистики», *где под городским потреблением разумеется потребление одних уездных (и губернского) городов, а к «уезду» отнесены все прочие поселения* – при той же сумме общегубернского потребления (1792,4 тыс. вед.), потребление городов определено в 155,4 тыс. вед., а уездов без городов – в 1637,0 тыс. вед. Полагаем, к этим цифрам нет надобности прибавлять каких-нибудь комментарий: если распределение потребления по месяцам в поселениях городского типа существенно отличается от распределения в сельских местностях, то понятно, на сколько искажаем мы действительную картину динамики потребления в течение года по этим последним (т. е. сельским местностям), относя к их потреблению и бóльшую часть потребления поселений городского типа (438,0 тыс. вед. из 593,4 тыс. вед. *действительного* потребления городских поселений).

Сравнением распределения потребления в течение года за монопольное и домонопольное время в сущности и ограничиваются сравнительные выводы, входившие в программу настоящей главы.

Исследование различных вопросов, относящихся к области алкогольной статистики, сделавшееся возможным (в весьма, впрочем, ограниченной степени) благодаря большей точности и детальности статистических данных, собираемых при казенной продаже, уже не входит в задачи настоящей работы. Читателей, интересующихся вопросами алкогольной статистики, мы отсылаем к прекрасной работе Норова (вып. I цитированного сочинения).

В заключение нам остается пополнить те беглые замечания относительно иностранной статистики, какие были сделаны нами в первой главе и доведены там лишь до момента введения у нас казенной монополии.

Казалось бы, что при той тщательности, с какой собираются и публикуются у нас со времени введения «монополии» основные данные алкогольной статистики (причем были пересмотрены и согласованы с новейшими данными и цифры за предыдущие годы, начиная с 1888 г.), иностранные ученые, исследовавшие явления массового алкоголизма в различных странах, имели полную возможность дать вполне верную картину динамики потребления России за монопольное время и исправить данные за предыдущее семилетие (1888–1894 гг.)*.

---

* Из числа изданий, откуда иностранные авторы могли легко почерпнуть точные проведенные данные о душевом потреблении России, достаточно указать: «Казенная продажа вина», изданной Главным Управлением неокладных сборов и казенной продажи питей. СПб., 1900 г. и «Альбом картограмм и

Между тем, обращаясь к новейшим трудам даже наиболее добросовестных иностранных ученых, мы по-прежнему находим – по отношению к потреблению России – целый ряд неточностей и ошибок; особенно это следует сказать о попытках воспроизвести *динамику* потребления алкоголя в России.

Возьмем хотя бы уже упоминавшееся нами в первой главе исследование Е.Струве. На таблице III (стр. 15) Струве дает следующие цифры потребления *одной водки* в России в литрах 50-градусного спирта:

Годы:	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895
Литры (в 50°):	6,6	„	„	6,1	6,1	5,6	4,6	„	„	4,9	4,8

Годы:	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905
Литры (в 50°):	4,6	4,8	„	5,2	5,0	4,8	4,8	5,2	4,9	„

В то время, как действительное потребление водки было в те же годы*:

Литры (в 50°):	6,5	6,2	6,3	6,2	6,1	5,7	5,0	5,0	4,9	5,2	5,3
Литры (в 50°):	5,1	5,0	5,0	5,3	5,2	4,9	4,9	5,2	5,1	5,3	

Из вышеприведенных параллельных данных видно, что немецкий источник дает правильные цифры душевого потребления водки лишь для двух годов – 1889-го и 1903-го; для остальных годов цифры Е.Струве уклоняются от действительных в пределах от (+4%) и (до –10%); при этом надо заметить, что такие крупные уклонения, как в 10%, имеют место – даже дважды – в период *после* 1894 года, т. е. относятся ко времени, когда на собирание статистики потребления Главным Управлением было обращено особенное внимание.

Конечно, указанные погрешности *ежегодных* данных более или менее сглаживаются при выводе «средних» за сравнительно большие промежутки времени.

Так как такие «средние» выводятся иностранными исследователями не только для одной водки, но и для всех алкогольных напитков вместе, и притом параллельно с Россией и по прочим государствам,

---

диаграмм по производству, продаже и потреблению спиртных напитков», 1903 г., изданной Главным Управлением неокладных сборов (не говоря уже *о текущей* «Статистике по казенной продаже»).

* По данным Главного Управления, обработанным за время до 1894-го года г. Осиповым.

21*

то эти цифры могут служить хорошим дополнением к нашей официальной алкогольной статистике. Ниже мы приводим некоторые данные, заимствованные из таблицы V работы Е.Струве.

Первая цифра вне скобок показывает общую сумму потребляемого алкоголя (в литрах безводного спирта); цифры в скобках: первая – количество алкоголя (абсолютного), потребляемого в пиве; вторая – количество алкоголя (абсолютного) в вине (виноградном); третья – количество алкоголя (абсолютного) в водке:

Страны	За период 1885–1905 гг.			
Франция	19,04	(1,05	13,95	4,04)
Бельгия	12,58	(7,80	0,48.	4,90)
Италия	12,31	(0,03	11,83	0,65)
Швейцария	11,73	(2,16	6,77	2,80)
Дания	10,92	(3,67	–	7,25)
Великобритания и Ирландия	10,63	(8,11	0,25	2,27)
Германия	9,13	(4,26	0,61	4,26)
Австро-Венгрия	8,59	(1,57	2,02	5,00)
Швеция	5,28	(1,58	–	3,70)
Северо-Американские Соединенные Штаты	5,61	(2,88	0,25	2,48)
Россия	2,80	(0,15	–	2,65)
Норвегия	2,27 (2,82)*	(0,71	–	1,56)

* Цифра в скобках получится, если крепость норвежского пива принять более близкую к действительности – в среднем в $5^{1}/_{2}$–$5^{3}/_{4}$°.Таким образом, Россия по-прежнему по высоте душевого потребления алкоголя (во всех напитках) стоит *ниже всех* прочих *стран*, не исключая и «трезвой» Норвегии…

Система мер старой России
(XVII – 1-я четверть XX вв.)[1]

Меры длины

Верста = 500 саженей или 1067 м

Сажень = 3 аршина или 2,13 м

Аршин = 16 вершков или 3 локтя, или 71,1 см

Меры площади

Десятина = 2400 квадратных саженей или 1,0925 га

Меры объема[2]

Кадь или бочка (мерная) = 2 половника или 4 четверти, или 8 осьмин, или 40 ведер (казенных), или 492 литра

Коробья (новгородская) = 1/2 кади или 2 четверти

Рижская бочка (винная) = 12 5/8 ведер

Пивная бочка = 1 четверть или 10 ведер

Польская бочка = 8 ведер или (почти) 14 чарок

Анкерок[3] = 3 ведра, или 36,9 л

Ведро (казенное) = 10 кружек или 8 штофов, или 16 мерных бутылок, или 12,3 л

Ведро (торговое) = 8 кружек или 9,8 л

Штоф[4] (осьмериковый) = 1/8 казенного ведра или 1 кружка, или 2 бутылки, или 16 чарок, или 1,54 л

Десятириковый штоф = 12 чарок

Бутылка (мерная) = 1/16 ведра или 1/2 штофа, или 0,77 л

Бутылка (торговая) = 1/20 казенного (мерного) или 1/16 торгового ведра, или 0,615 л

Чарка[5] (мерная) = 1/16 кружки или 1/8 бутылки, или 96 г

Меры веса[6]

Барковец = 10 пудов

Пуд = 40 фунтов или 16,38 кг

Фунт = 96 золотников или 32 лота, или 409,51 г

Золотник = 96 долей или 4,27 г

Доля = 0,044 г

КОММЕНТАРИИ *к книге В.К.Дмитриева «Критические исследования о потреблении алкоголя в России»*

К Предисловию

1 *ШАПОШНИКОВ Николай Николаевич* (1878–?) – российский экономист, сторонник психологического и математического направления в политической экономии. Основные труды: «Учение Тюнена о естественной заработной плате», 1909; «Теория ценности и распределения», 1912; «Первый русский экономист-математик Владимир Карпович Дмитриев», 1912; «Таможенная политика России до и после революции», 1924; «Протекционизм и свобода торговли», 2-е изд., 1924.

2 *КЕЙНС Джон Мейнард* (1883–1946) – выдающийся английский экономист, государственный деятель и публицист, основоположник одного из ведущих направлений современной экономической науки – кейнсианства. Главный научный труд – «Общая теория занятости, процента и денег», 1936.

3 *ЛЕОНТЬЕВ Василий Васильевич* (1906–1998) – всемирно известный американский экономист. Окончил Ленинградский университет. Лауреат Нобелевской премии 1973 г. Автор многих исследований, базирующихся на модели «затраты-выпуск».

4 *БОРТКЕВИЧ Владислав Иосифович* (1868–1931) – экономист и статистик-теоретик. Окончил Петербургский университет в 1905 г. Наиболее известные работы в области теоретической, в особенности математической, статистики и теории вероятности. Профессор Берлинского университета.

5 *НОУВ Алек (Новицкий Александр)* (род. в 1915 г. в Петрограде). Английский экономист, автор многочисленных работ по вопросам экономики и истории народного хозяйства СССР.

6 *НУТИ Доменико Марио* (род. в 1937 г. в Италии) – профессор ряда европейских и международных университетов. Известен трудами в области общей экономической теории, сравнительных экономических систем, экономики СССР.

К Введению

1 *Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством* проведен Комиссией по борьбе с алкоголизмом при Русском обществе охранения народного здравия в Петербурге на рождественские каникулы с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Своих представителей на съезд командировали около 90 учреждений и организаций. См. Предисловие Г.Н.Сорвиной стр. 6–7.

2 *КАСПАРЬЯНЦ Освальд Асвадурович* – учитель из Петербурга, автор доклада «Алкоголизм и бакинские рабочие».

3 *КОРОВИН Александр Михайлович* – доктор медицины. Кроме упомянутого Дмитриевым доклада «Сельская школа и алкоголизм в Московской губернии» выступал с сообщениями «Дипсомания как ритм и истощение» и «Русские врачи и вопрос о борьбе с алкоголизмом». Председатель I Московского общества трезвости.

4 *ПРОКОПОВИЧ С.Н.* (1871–1955) – экономист и публицист, редактор-издатель журнала «Без заглавия». Автор книг по рабочему вопросу. Опубликованы работы: «Бюджет Петербургских рабочих» (СПб., 1909); «Аграрный вопрос в цифрах» (СПб., 1907).

5 *МАГИДОВ Борис Федорович* – автор доклада «Анкета об алкоголизме среди санкт-петербургских рабочих». Анкета содержала 28 вопросов.

К ЧАСТИ ПЕРВОЙ

К главе I

1 *Ведро* – русская дометрическая мера объема жидкостей, равная 12,3 литра.

2 Продажа вина государством, основанная на государственной винной монополии на производство и продажу вина. В России винная монополия существовала еще в XVII веке – первой половине XVIII в. Одновременно были введены откупа – особый вид винной монополии, когда частные предприниматели откупают у государства на определенный срок монопольное право торговать вином. Государственная винная монополия с 1767 г. по 1861 г. охватывала всю Россию, кроме Царства Польского, Прибалтийских, Белорусских, Литовских и Юго-Западных губерний. В 1861 г. откупа были заменены акцизом. В 1894–1901 гг. винная акцизная система была заменена казенной продажей спиртных напитков (государственной монополией).

3 *ЩЕРБИНА Ф.А.* (1849–1936) – земский статистик. В 1884–1903 гг. заведовал Воронежским статистическим отделением. В 1907 г. был членом Второй Государственной думы. Составил и издал под своей редакцией ряд статистических работ: «Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду» (1887 г.); «Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии» (1897 г.); «Крестьянские бюджеты и зависимость их от урожаев и цен на хлеб» (1897 г.); «Крестьянские бюджеты» (1900 г.)

[4] *РАСПОПОВ П.А.* – «непременный член Богородского по питейным делам присутствия», исследовал причины алкоголизма в Московской губернии, издал ряд работ: «Данные о положении питейного дела в Богородском уезде Московской губернии» (Издание Московского губернского земства, 1898 г.); «О некоторых причинах алкоголизма в населении Богородского уезда Московской губернии» (См.: «Труды Комиссии, созданной в 1861 г. для «составления положения об акцизах и питей», выпуск 3, XVI).

[5] *ШИНГАРЕВ Андрей Иванович* (1869–1918)- врач, политический деятель. После Февральской революции 1917 г. входил в состав Временного правительства. В Приложении к «Саратовской неделе» за 1901 г. опубликована его статья «Опыт санитарно-экономического исследования вымирающих деревень». Автор работы «Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда», 1907 г.

[6] *Русское Техническое Общество* – ведущее научно-техническое общество России в 1866–1917 гг. К началу 1917 г. в нем состояло более 10 тысяч человек, в его составе было 40 территориальных отделений, несколько отраслевых отделов. В Обществе работали Д.И.Менделеев, Н.Е.Жуковский, П.Н.Яблочков, Д.К.Чернов, В.В.Марковников, С.О.Макаров, А.И.Крылов, А.С.Попов и др.

[7] *Капиталистический рынок труда* – система отношений между нанимателями и юридически свободными работниками, основанная на принципах спроса и предложения рабочей силы, рыночной конкуренции.

[8] *КРЫЖАНОВСКИЙ Онисифор Васильевич* – автор работы «Винная операция в Тверской губерни в 1901 г.», Тверь, 1903.

[9] *НИКОЛЬСКИЙ Дмитрий Петрович* (1855–1919) – доктор медицины, санитарный врач. Работал на Урале, а с 1888 г. – в Невской больнице Петербурга. Известен трудами в области гигиены, особенно профессиональной. Изучал условия труда рабочих. В 1900 г. опубликована его работа «О спиртных напитках среди наших инородцев». Он автор труда «Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование», (1899). Работа была защищена как докторская диссертация в Военно-Медицинской академии (1899 г.). В феврале 1912 г. сделал доклад в IV отделении Русского общества охранения народного здравия «Указатель общедоступной литературы по алкоголизму».

[10] *Инородцы* – обозначение в России в XIX – начале XX вв. представителей национальных меньшинств, по преимуществу, восточной окраины Росии, (киргизы, калмыки, буряты, ...). В Восточной Сибири управлялись Инородными Управами на основании Устава об управлении инородцами 1822 г.

[11] *ГРИГОРЬЕВ Николай Илларионович* – доктор медицины, редактор журнала «Вестник трезвости». Известен работами: «Алкоголизм и преступления в г. Санкт-Петербурге по материалам городских больниц и архива окружного суда» (СПб., 1900); «О пьянстве среди мастеровых в г. Санкт-Петербурге» (СПб., б/г).

[12] *Питейные сборы* – сборы в государственную казну (откупа, акцизы) за право производства и продажи спиртных напитков.

[13] *ОСИПОВ Николай Осипович* (1858–1901) – русский статистик. Известен

исследованиями в области государственной винной монополии, акцизных сборов. Им опубликован ряд работ: «Исторический очерк взимания питейных сборов в России» // В сб. «Казенная продажа вина. Основные начала винной монополии и способы ее осуществления». – СПб.: издание Министерства финансов, 1900 г.; «Некоторые данные о влиянии урожаев и хлебных цен на поступление сборов». – СПб., 1899; «Некоторые результаты учреждения винной монополии». – СПб., 1900 г. и др.

[14] *ТЕРСКИЙ Н.С.* – автор работы «Питейные сборы и акцизная система в России». СПб., 1890.

[15] *Акциз* – вид косвенного налога, преимущественно иа предметы массового потребления, услуг. Включается в цену товаров или услуг. Винный акциз служит важной статьей доходов государства. Акциз взимался исходя из патентной мощности предприятий, производящих вино. В России акцизная система существовала с 1861 г. по 1895 г. Затем она почти повсюду была вытеснена государственной винной монополией.

[16] *КОРСАКОВ С.П.* – автор работы «Потребление вина в России в Великорусских губерниях (1833–1836 гг.)». Опубликована в «Материалах для статистики Российской Империи» (СПб., 1841. Т. I, отд. IV).

[17] *Великорусские губернии – Великороссия* – официальное название в XIX – начале XX вв. территории 30 губерний европейской части Российской Империи, вошедшей в состав Русского государства до середины XVII в. с преобладающим русским населением.

[18] *Материалы для статистики Российской Империи*, издаваемые с Величайшего соизволения при статистическом отделении Совета министерства внутренних дел, публиковались с 1839 г. по 1841 г.

[19] *ЦСК* – Центральный Статистический Комитет – утвержден 4 марта 1857 г. в составе двух отделений: статистического и уездного. В 1861 г. уездное отделение было выделено в самостоятельный Земский отдел Министерства внутренних дел, обязанностями которого были: сбор, практическая проверка и обработка всех статистических сведений, необходимых для правительства.

[20] *ПЕРВУШИН Сергей Алексеевич* (1888–1966) – экономист, статистик, доктор экоиомических наук (1948 г.). В 1910 г. окончил экономическое отделение юридического факультета Московского университета. С 1915 г. заиимался научной работой. Основная тематика его работ: ценообразование, анализ состояния конъюнктуры народного хозяйства, экономика минеральных ресурсов. В 1909 г. опубликовал результаты своего исследования «Влияние урожаев в связи с другими экономическими факторами на потреблеиие спиртиых напитков в России». (Издано Московским Университетом).

[21] Точное название: «Dictionnaire du Commerce, de l'Industrie et de la Banque» – «Справочник по торговле, промышленности и банковскому делу». Т. I–II. – Париж, 1900–1901. Издан под руководством бывшего министра общественных работ и члена-корреспондента академии наук Франции с привлечением в качестве авторов около 400 ученых и специалистов.

[22] Душевое потребление алкоголя в градусах (например, 28°) рассчитывается

следующим образом: одно ведро водки принято за 40°. Следовательно, 28° означает потребление 0,7 ведра водки (28:40=0,7).

23 *Царство Польское* (Королевство Польское) – название части Польши, отошедшее к России по решению Венского Конгресса 1814–1815 гг. Статус Польского Королевства определялся Конституцией 1815 г. Столица – Варшава.

24 См. п. 20.

25 *«The Temperance problem, and Social Reform»* – «Проблема борьбы с пьянством в конце XIX – начале XX вв. и социальные реформы».

26 *«Bulletin russe de Statistique financiere et de le'gislation»* – «Русский бюллетень финансовой статистики и законодательства» – ежемесячник, издавался в Петербурге с 1894 г. по 1904 г.

27 *«Русская мысль»* – ежемесячный научный, литературный и политический журнал, основанный В.М.Лавровым. Издавался в Москве с 1880 по 1918 гг.

28 *Английские меры* – система мер емкости. Галлон – единица объема емкости, вместимости. В Великобритании 1 галлон равен 4,54609 куб. дециметра, в США – для жидкостей – 3,78543 куб. дециметра, для сыпучих тел – 4,405 куб. дециметра. Долевые единицы: пинта и унция.

29 *МИНЦЛОВ Иван Рудольфович* – статистик. Известны его работы, опубликованные в Трудах комиссии, созданной Высочайшим Указом в 1861 г. для составления положения об акцизах на винную продукцию:
«Душевое потребление спирта в некоторых иностранных государствах и в России», «Монополия торговли спиртными напитками в некоторых иностранных государствах и в России» (См.: Вып. I, отдел II), а также «Налог на напитки, содержащие алкоголь», СПб, 1894. Т. I.

30 *РЕЙНБОТ А.Е.* – известна его работа, опубликованная в журнале «Русское Богатство»: «Алкоголизм за границей и у нас». (См.: 1884, кн. 2; 1885, кн. 3–6).

31 *«Русское богатство»* – ежемесячный литературный, научный и политический журнал, основан в Москве. Издавался в Петербурге с 1876 г. по 1918 г. Среди редакторов были В.М.Гаршин, В.Г.Короленко, Н.К.Михайловский.

32 *«Statistique de la France»* – «Статистика Франции».

33 *Osterreichische Statistische Handbuch von der Statistische Centralcommission* – австрийский статистический справочник Центральной статистической комиссии.

34 *НОЛЬДЕ Эдуард Федорович* – автор работы «Питейное дело и акцизная система». Т. I–II. 1882–1883.

35 *Г.Шойнберг.* «Справочник по новой политической экономии».

36 *Bouilleurs du cru* – на самогонных аппаратах.

37 *ТОЛСТОЙ Константин Константинович* (1842–1913) – известен своими работами: «Потребление алкоголя как предмет научных исследований» (Сб. «Казенная продажа вина», СПб., 1900); «Алкоголизм в России. Санитарно-демографический очерк» (СПб., 1896).

38 *Гектолитр* – сто литров. Литр – единица объема и емкости в метрической системе мер, равная 1 куб. дециметру или 0,001 куб. метру.

39 *«Traite de la science des finances»* – «Исследование о науке финансов».

40 *«Вестник финансов»* – точное название «Вестник финансов, промышленности и торговли» – еженедельный журнал Министерства финансов России, издавался в С.-Петербурге с 1885 г. по 1917 г. Приложением к журналу была ежедневная «Торгово-промышленная газета» (1893–1918).

41 *«Alcoholic Beverages. Production and Consumption in the various Countries of Europe and in the United States»* – «Алкогольные напитки. Производство и потребление в различных странах Европы и США».

42 *«Der Verbrauch alkoholischer Getränke in den Haupt-Kulturländern»* – «Структура потребления алкоголя в странах высокой культуры».

К главе II

1 *ХАРИЗОМЕНОВ Сергей Андреевич* (1854–1907) – видный русский земский статистик и экономист. Исследовал кустарные промыслы Владимирской губернии, руководил земскими статистическими исследованиями в Саратовской, Тульской, Тверской и Таврической губерниях. Публиковал статьи в журналах «Русская мысль», «Юридический вестник».

2 *ВЕЛЕЦКИЙ Сергей Николаевич* – автор работ: «Земельная статистика», «О приемах и способах исследования в 1898 г. в Уфимской губернии продовольственных, семенных и кормовых нужд населения в связи с некоторыми результатами этих исследований» (1899); «О программах и приемах статистико-экономического обследования Уфимской губернии» (1896–1897).

3 *Капиталистический характер земледелия* – крупное товарное хозяйство с использованием наемного труда.

4 *«Саратовская земская неделя»* – точное название «Саратовская земская сельскохозяйственная и торгово-промышленная неделя», издавалась с 1894 г. как приложение к ежемесячному журналу «Сборник Саратовского земства», издававшегося с 1891 г.

5 *ВЕСИН Л.П.* (1850–1895) – публицист, служил в Министерстве Финансов. Автор ряда статей о русской фабрично-заводской промышленности и отхожих промыслах. Опубликованы работы: «Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства» (СПб.; Дело, 1886, № 7; «Маслобойное производство» (СПб., 1886); «Табачное производство» (СПб., 1886). В журнале «Русская Мысль» (1891 г., выпуски IX–X) опубликована его работа «Современный великорусс в его свадебных обычаях и семейной жизни».

6 *«Вестник Европы»* – двухнедельный журнал был основан Н.М.Карамзиным, издавался в Москве с 1802 г. по 1830 г. Освещал вопросы литературы, внутренней и внешней политики, общественную жизнь зарубежных стран. Под этим же названием в 1866–1918 гг. в Петербурге издавался ежемесячный литературно-политический журнал.

7 *МАЙР Георг* (Georg fon Mayr, 1841-н/и) – немецкий статистик и государственный деятель, был профессором в Мюнхене, потом служил в качестве помощника статс-секретаря по делам Эльзас-Лотарингии, заведовал финансами и государственным имуществом этой области. В 1887 г. вышел в

отставку. С 1891 г. приват-доцент политической экономии в Страсбургском университете. Главные его труды: «Statistik der Bettler und Vaganten im Konigreich Bayern» (Munchen, 1865); «Wirtschaft und Krieg» (Munchen, 1871); «Ueber die Grenzen d. Vergleichbarkeit statistischer Erheibungen» (Munchen, 1866); «Die Gesetzmassigkeit im Gesellschaftsleben» (Munchen, 1887; русский перевод, Тамбов, 1887); «Das Deutsche Reich und das Tabaksmonopol» (Schtutgard, 1878); «Der Staat als Schuldner und als Glaubiger» (Munchen, 1890); «Zur Reichssfinanzrefonn» (Schtutgard, 1893); «Statistik und Gesellschaftslehre» (Schtutgard, 1895).

8 *КОРОЛЕНКО Владимир Галактионович* (1853–1921) – русский писатель и публицист. Редактировал журнал «Русское богатство». Литературные произведения: «Сон Макара» (1883); «Слепой музыкант» (1886); «Без языка» (1895). Произведение «Голодный год» написано в 1893 г. по результатам деятельности Короленко В.Г. по устройству бесплатных столовых для голодающих в Нижегородской губернии.

9 *Кладка* – калым, плата за невесту; выкуп, уплачиваемый женихом. Употребляется: «запрос», «настол», «столовые деньги», «поневестины».

10 *Ревизские души* – мужское население, крепостные, подлежащие обложению подушной податью вне зависимости от возраста и трудоспособности. Число ревизских душ учитывалось особыми переписями («ревизиями»), которые проводились с 1718 г. В 1857–1859 гг. была проведена последняя (десятая) перепись.

11 *Винокурение* – производство винного (этилового) спирта посредством брожения растительного сырья, содержащего крахмал или сахар, и выделение спирта из перебродившей жидкости перегонкой.

12 *«Неявки» спирта* – обычно обозначают его потери, утечку, усушку.

12а Quæstio facti (лат.) – вопрос факта.

13 *Выкурка (выкуривание)* – «перегон» или «погон» – выделение паров воды из перебродившей содержащей алкоголь жидкости (бражки, сусла).

14 *Неокладные сборы* – так назывались в России сборы, поступления которых находилось в ведении главного управления (бывшего Департамента) неокладных сборов, входившего в состав министерства финансов. К ним относились налоги: питейный, табачный, сахарный, нефтяной и спичечный; сборы: гербовый и паспортный; пошлины: судебные, канцелярские, с застрахованных имуществ и др.

Департамент неокладных сборов входил с 1886 г. в состав Министерства финансов. В 1894 г. был преобразован в Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей. Издавал ежегодно отчеты. Отчет Департамента за 1894 г. дал следующие цифры поступления неокладных сборов за год: питейный доход – 297281333 р. (среднее за десятилетие – 255439939 р.), табачный – 31320867 р. (среднее за десятилетие 25001818 р.), сахарный – 41230264 р. (среднее – 20467342 р.), нефтяной – 18927981 р. (среднее с 1888 г. – 10991119 р.), спичечный – 7466582 р. (среднее с 1888 г. – 4752062 р.), гербовый сбор и другие пошлины – 39008466 р. (среднее за десятилетие – 31319808 р.). Всего неокладные сборы дали государственному казначейству в 1894 г. 435235483 р.

[15] Правила 14 мая 1885 г. – правила, ограничивающие продажу алкогольных напитков.

[16] *АННЕНСКИЙ Николай Федорович* (1843–1912) – русский экономист, публицист. Руководил земской статистикой в ряде губерний. Сотрудничал в журналах «Дело», «Отечественные Записки». Опубликовал работы: «Материалы для сравнительной оценки городов и посадов Казанской губернии» – Казань, 1884; «Государственное тягло и его роль в крестьянской жизни» (см.: «Русское богатство», 1903, № 7). Участвовал в сб. «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», – СПб., 1897.

[17] *БИРЮКОВИЧ Владимир Федорович* (1857–н/и) – журналист, окончил курс в военно-топографическом училище. Служил в Министерстве государственных имуществ. В 80-х годах XIX в. публиковал статьи по вопросам финансов в журналах «Голос», «Страна», «Новости», «Неделя», «Дно», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Северный вестник», «Наблюдатель», «Русская школа». В 1888 г. в Петербурге им издана работа «Бумажные деньги».

[18] *Вольное экономическое общество (Императорское Вольное экономическое общество – ИВЭО)* – было учреждено в 1765 г. Общество имело своей целью распространение среди народа «полезных и нужных для земледелия и домостроительства знаний», а также изучение российского земледелия и условий хозяйственной жизни страны, положения сельскохозяйственной техники в Западно-Европейских государствах. С 1872 г. в Обществе были созданы три отделения: сельскохозяйственное, технических сельскохозяйственных производств, политической экономии и сельскохозяйственной статистики.

С 1765 г. в Петербурге издавались Труды Вольного Экономического Общества. Первыми редакторами Трудов были Нартов А.А. и Тауберт. Среди деятелей этого Общества были: Державин Г.Р., Менделеев Д.И., Докучаев В.В., Бутлеров А.М. и др. В Трудах было опубликовано первое статистико-географическое исследование России.

[19] *Свод товарных цен* – точное название – «Свод товарных цен на русских и иностранных рынках», издавался с 1897 г. Министерством Финансов, а с 1905 г. по 1917 г. Департаментом Торговли и Мануфактур.

[20] *Пускать в перекур (безакцизный)* – получать больший выход спирта против нормы, по которой определялось акцизное обложение. Например, нормой считалось получение 50 частей продажного спирта из 100 частей крахмала, 25 частей спирта из 100 частей хлеба, 10 частей спирта из 100 частей картофеля.

[21] *Безводный спирт* – или спирт «абсолютный» – этиловый спирт, практически не содержащий воды. Температура кипения 78,39 градуса. Получен в конце XIX в. петербургским аптекарем Левицем. Производится из спирта-сертификата отгонкой воды с помощью веществ, отнимающих воду (негашеная известь, окись бария, натрий).

[22] *Ceteris paribus* (лат.) – при прочих равных условиях.

[23] *Тайные заводы* – заводы, производящие винные изделия подпольно, в

нарушение закона о государственной монополии на данный вид деятельности.

После отмены в 1992 г. в Российской Федерации государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков, алкогольная ситуация в России оценивается как чрезвычайная. Как отмечает Председатель Комитета Государственной Думы по охране здоровья Н.Ф.Герасименко в статье «Пьяные деньги» не спасут Россию», резкое ослабление контрольных функций государства в этой сфере привело к наплыву низкокачественных спиртных напитков из-за рубежа, росту их подпольного производства. В 1997 г. объем нелегального производства водки и ликеро-водочных изделий почти на треть превысил объем легального производства. В том же году Росторгинспекцией России забраковано 381,1 тыс. декалитров, что составляет около 30% проверенной продукции, Госсанэпиднадзором – 12185 партий алкогольной продукции объемом свыше 897,2 тыс. декалитров. Более 660 тыс. декалитров винно-водочных изделий было изъято из незаконного оборота органами МВД. По данным Минэкономики России прибыль криминальных структур в алкогольном бизнесе составляет 1 млрд. рублей в месяц. (См.: «Алкоголь и здоровье населения России. 1990–2000». / Ред. А.К.Демин. – М., 1998. С. 12.)

[24] *Корчемная стража* – созданный в Москве в 1730 г. специальный отряд солдат, выделяемых из полков и находящихся в распоряжении откупщиков, для преследования кормчества – тайной самостоятельной выделки, провоза и продажи вина, а также взимания штрафов. С 1739 г. отряд был подчинен Камер-Коллегии. Стража получала деньгами половину казенной цены обнаруженного ею корчемного вина. С 1767 г. откупщики получили право сами содержать такие команды из солдат, а позднее и из наемных лиц, за свой счет. В 1856–1862 гг. корчемная стража была отменена. В 1862 г. она снова была восстановлена.

[25] *ПОКРОВСКИЙ Василий Иванович* (1838–1915) – русский экономист и публицист, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1902 г.). Один из основателей земской статистики. С 1871 г. 1893 г. руководил земской статистикой в Тверской губернии. В 1893 г. руководил городской статистикой в Петербурге, а с 1894 г. – заведующий статистическим отделением Департамента Таможенных сборов Министерства финансов.

[26] *ЧУПРОВ Александр Иванович* (1842–1908) – русский экономист, статистик, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1887). Окончил юридический факультет Московского университета (1872). В 1872–1874 гг. учился в Германии. В Московском университете преподавал политическую экономию, а с 1876 г. – статистику. Докторская диссертация была посвящена проблемам сборов и доходов на железных дорогах. Он является автором многочисленных работ по политической экономии, аграрным проблемам, железнодорожного хозяйства, статистики. Известны его работы: «Курс политической экономии» (1887), «Курс статистики» (1899), «Социальные последствия разрушения общины» (1909), «Сельское хозяйство и его основные нужды» (1905), «Мелкий кредит и кооперация» (1909). Является автором одной из статей и редактором сбор-

ника «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» СПб., 1897.

27 *ПОСНИКОВ (ПОСТНИКОВ) Александр Сергеевич* (1846–1921) – экономист. Автор труда «Общинное землевладение» (1875–1878 гг.).

28 *Интерполяция* (лат. – interpolatio) – изменение, искажение. В математике и статистике – отыскание промежуточных значений величины по некоторым известным ее значениям.

29 *Туркестан* – название в XIX – начале XX вв. территории в Средней Центральной Азии, населенной тюркскими народностями. Особо выделялись в 1867–1917 гг. Туркестанское губернаторство (с 1886 г. – Туркестанский край), Хивинское и Бухарское ханства.

30 *Привислянский край* – общее название 10 губерний Царства Польского, входящих в Российскую Империю в 1867–1917 гг.. Центр – Варшава.

31 *ЛОХТИН Петр Михайлович* – экономист, автор ряда работ по аграрному вопросу в России. Работы «Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. Итоги к XX веку» (1901). «К вопросу о реформе сельского быта крестьян» (1902); «Земельная политика городов» (1909) и др.

32 *Привилегированные губернии* – 16 окраинных губерней (Юго-Западные, Белоруссия, Лифляндия, Остзейский край), в которых была разрешена свобода производства спиртиых напитков («питейного дела»). Государство взимало «питейный сбор» в разнообразных формах.

33 *«Вестник общества гигиены, судебной и практической медицины»* – периодическое издание Департамента Министерства внутренних дел России, издавался с 1865 г. по 1917 г. Журнал бесплатно рассылался уездным, городским врачам, учреждениям МВД.

Печатались специальные статьи, официальные материалы (законы, инструкции, отчеты и т. п.), библиографические указатели по проблемам судебной медицины и общественной гигиены.

34 *МИХАЙЛОВСКИЙ В.Г.* (1871–19??) – статистик. С 1897 г. по 1911 г. помощник заведующего, а затем по 1922 г. – заведующий отделением статистики Московской городской управы, с 1922 по 1927 г. – заведующий отделом и член коллегии Центрального статистического управления страиы. Руководил 34 различными переписями. Первые его работы: «Факты и цифры из русской действительности» (1897), «Развитие русской железнодорожной сети» (1898).

35 *ФОРТУНАТОВ Алексей Федорович* (1856–1925) – известный русский статистик, профессор, занимался и экономико-географическими, аграрными проблемами. Окончил Петровскую (ныне Тимирязевскую) Академию (1881 г.). В 1881–1887 гг. участвовал в переписях в Московской, Самарской, Тамбовской губерниях. Преподавал сельскохозяйственную статистику в Петровской академии (1884–1894 гг.; 1902–1925 гг.), Новоалександровском лесном институте, Киевском политехническом институте (1884–1902). Автор многих научных работ: «Сельскохозяйственная статистика» (Учебник, 6-е изд. в 1925 г.); «Сельскохозяйственная статистика в России» (М., 1886), «Сельскохозяйственная статистика Европейской России» (М., 1892),

«Поземельные отношения в Западной Европе» (М., 1905) и др.

36 *КАУФМАН Александр Аркадьевич* – (1864–1919) – экономист и статистик, исследовал русскую общину. Печатался в журналах «Юридический вестник» (1880, вып. X), «Русская мысль» (1890, вып. XI), «Вестник Европы» (1893, вып. VI), «Северный вестник» (1891, вып. IV), «Русское богатство» (1894, вып. X). Опубликованы труды: «Переселение и колонизация» (1905), «Аграрный вопрос» (1908), «Крестьянская община в Сибири» (1897), «К вопросу происхождения русской общины» (1907), «Русская община в процессе зарождения и роста» (1908).

За вклад в развитие статистики в 1892 г. награжден Золотой медалью Императорского географического общества.

37 *Сувальская губерния* – Сувальское воеводство на северо-востоке Польши. Административный центр – Сувалки.

38 *Меннониты* – одна из протестантских сект, получившая название по имени своего основателя Симона Меннона (1496–1561), голландца по происхождению. В Россию переселились из Пруссии в 1789 г. Сначала осели в Екатеринославской губернии, затем расселились в Таврической, Самарской губерниях, на Кавказе.

39 *ИСАЕВ Андрей Алексеевич* (1851–1924) – русский экономист, статистик, социолог, один из теоретиков кооперации. Окончил Санкт-Петербургский университет, в 1881 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Артели России». Основные труды: «Промышленные товарищества во Франции и Германии» (М., 1879), «Артели в России» (1881), «Промыслы Московской губернии», Т. I–II, М., 1876–1877 гг., «Начала политической экономии (7-е изд. СПб., 1908), «Настоящее и будущее русского общественного хозяйства» (СПб., 1896), «Вопросы социологии» (СПб., 1906), «Мировое хозяйство» (СПб., 1896), «Кризисы в народном хозяйстве» (СПб., 1913), «Артели и общественная борьба» (СПб., 1913).

40 *ЧЕХОВ Антон Павлович* (1860–1904) – русский писатель. В 1884 г. окончил Московский университет со званием лекаря, занимался медицинской практикой. В 1880 г. совершил поездку на о. Сахалин, осуществил сплошную перепись каторжных и ссыльных переселенцев, проживающих на острове. Итогом поездки стала его книга «Остров Сахалин» (1893–1894 гг., отдельное издание в 1895 г.).

41 Точное название работы «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства». – СПб., 1897.

42 *БЕРКЕНГЕЙМ Абрам Моисеевич* (1867–1938) – химик-органик, доктор химических наук, профессор Московского института тонкой химической технологии. Разработал способы производства ряда лекарственных веществ. Опубликованы работы: «Основы теоретической химии» (2-е изд. М.–Л., 1926), «Химия и технология синтетических лекарственных средств» (М., 1935). В журнале «Русская мысль» (1894, вып. IX, X) опубликована работа «Развитие колонизации и устройства земледельческих поселений в Аргентине».

43 *«Урожай... г.»* – ежегодный статистический сборник, издавался с 1883 г.

44 *ЭКК Николай Владимирович* (1849–1908) – доктор медицины, автор работы

«Опыт обработки статистических данных о смертности в России за 1867–1885 гг. (1888).

[45] *Русская Литва* – большая часть Литвы, присоединенная к России по 3-ему разделу Речи Посполитой (1795).

[46] *Общий свод по Империи* – основные статистические данные из таблиц «Сборника сведений по России», издавался на русском и французском языках.

[47] *Исключительные условия 1897 г.* – неурожай в России, угроза голода вызвала огромную миграцию населения.

[48] См. п. 41.

[49] *РИХТЕР Дмитрий Иванович* (1848–1919) – русский экономист, статистик и географ. Автор большого количества работ преимущественно по экономическим вопросам. Наибольшее значение, по мнению его современников, имеет работа «Опыт разделения Европейской России на районы по естественным и экономическим признакам» (1898), которая опубликована в Трудах Вольного экономического общества (вып. № 4). В 1909–1911 гг. составлял и издавал «Географический словарь России» (6 номеров).

[50] *КАШКАРОВ Михаил Павлович* – член Ученой комиссии министерства финансов, автор книг: «Главнейшие результаты государственного денежного хозяйства за последнее десятилетие (1885–1894)» (1895); «Денежное обращение в России. Историко-статистическое исследование». Т. 1–2. (1898); «О правах крестьян на их земельные наделы» (1904); «Материалы для истории законодательства о крестьянах. Обзор трудов комитетов по крестьянскому делу» (1907); «О некоторых мерах к облегчению выхода отдельных домохозяев из общины и перехода от общинного способа землепользования к наследственному».

[51] *Терская область* – территория Северного Кавказа по р. Терек, принадлежала Терскому казачьему войску. С 1806 г. – административно-территориальная единица России (центр – Владикавказ). В 1920 г. разделена на Горскую АССР и Терскую губернию. Ныне – территория Кабардино-Балкарской Республики, республики Ингушетии, Республики Северная Осетия, частично – в Ставропольском крае и Республике Дагестан.

[52] *Кубанская область* – Кубань, историческая область в XIX – начале XX в. на Северном Кавказе в долине р. Кубань и ее притоков. С 1860 г. – административно-территориальная единица Российской Империи – земля Кубанского казачьего войска. Ныне территория Краснодарского края.

[53] *Ежегодник Министерства финансов* – издавался с 1869 по 1916 гг.

[54] *Малороссийский район* – территория Украины.

[55] *Полугар* – вид самогона.

[56] *Откуп* – приобретение частным лицом за определенную плату права торговли спиртными напитками в условиях государственной винной монополии.

[57] *Крымская война* – война между Россией и коалицией четырех держав – Турции, Англии, Франции и Сардинии в 1853–1856 гг. Россия стремилась укрепить свое положение на Черном море, усилить свое влияние на Балканском полуострове и гарантировать себе свободный проход кораблей

через Черноморские проливы. Англия и Франция стремились укрепить свои позиции на Ближнем Востоке. Главные военные действия развернулись на Дунае, в Закавказье и в Крыму. Слабая подготовка к военным действиям России привела к невыгодному для нее Парижскому миру, заключенному в 1856 г.

58 *«Исторический вестник»* – ежемесячный журнал, издававшийся в С.-Петербурге в 1880–1917 гг. по материалам отечественной истории.

59 *Таврическая губерния* – Таврия, название Крымского полуострова, распространенное со средних веков. В XIX – начале XX века в состав Таврии были включены районы Южной Украины, так называемая Северная Таврия.

60 *Донская область* – административная единица Российской Империи -Донского войска область. С 1786 г. официальное название Земля войска Донского, в 1870–1920 гг. – область войска Донского. Административный центр с 1806 г. – Новочеркасск.

61 *ПРЫЖОВ Иван Гаврилович* (1827–1895) – автор работ: «История кабаков в России в связи с историей русского народа» (1868); «Наша общественная жизнь» (1864), «Кабацкие целовальники» (1864); «Горькие пьяницы (1864); «Корчма» (1866); «Нищенство» (1862) и др. «Исповедь» была опубликована только в 1908 г. В 1934 г. издан сборник «Очерки, статьи, письма».

62 *Сироп* – спирт-ректификат, содержащий 4,5% воды.

63 *СИКОРСКИЙ Иван Алексеевич* (1842–1919) – профессор Киевского университета, психиатр. Известен работами: «Влияние спиртных напитков на здоровье и нравственность населения России» (СПб., 1898); «О влиянии алкоголя на психическую сферу» (См.: Труды Комиссии по вопросу об алкоголизме. Вып. I, VIII. / Под ред. Нижегородцева М.Н. СПб., 1900.). В 1912 г. основал в Киеве первый в мире институт детской психологии.

64 *«Русское экономическое обозрение»* – экономический журнал. Издавался с мая 1897 по июнь 1905 гг. В обращении от редакции М.М.Федоров отмечал, что издание именно экономического периодического журнала является ответом на жгучую потребность общества и что получено согласие сотрудничать на его страницах от многих представителей как отечественной, так и западноевропейской науки. Журнал публиковал статьи по актуальным вопросам экономики. Так, в первом номере: «Предстоящая реформа акционерного законодательства», «Денежное обращение и монетная статистика больших государств», «Денежиая реформа в Австрии»; «Внутреннее обозрение»; «Иностранное обозрение»; большой раздел «Библиография» начинался с двух обзоров: «Обзор экономических статей русских периодических изданий» и «Обзор иностранных экономических изданий». Подраздел «Новые книги» содержал рецензии на несколько отечественных и зарубежных книг. Наконец, очень интересный подраздел «Библиографический листок» содержал перечень новых книг на русском и иностранных языках по следующим рубрикам: «Политическая экономия», «Теория статистики», «История народных хозяйств и экономической науки»; «Денежное обращение, кредит, банковое дело, биржа, финансы и страховое дело»; «Сельское хозяйство, промышленность, торговля, железнодорожное хозяйство и судоходство»; «Право и законодательство»; «Статистические изда-

ния и отчеты»; «Разные издания». Издателем журнала был Михаил Михайлович Федоров. Родился в 1858 г. Окончил курс в Санкт-Петербургском университете по физико-математическому факультету. Работал в Центральном статистическом комитете, с 1883 г. – в Министерстве финансов. В 1881 г. назначен редактором периодических изданий министерства финансов «Вестник финансов, промышленности и торговли» и «Ежегодника Министерства финансов». С 1893 г. начал издавать «Торгово-Промышленную газету», с 1897 г. – «Русское экономическое обозрение». В 1902 г. образовал Торгово-Телеграфное агентство, в 1904 г. преобразованное в Петербургское Телеграфное агентство. Среди его работ «Письма о русской промышленности и иностранных капиталах» (1898–1899).

65 *Норов В.* Кроме статьи в «Русском богатстве» («Несовместимые заботы») им опубликованы работы: «Казенная винная монополия при свете статистики». Ч. 1: «Потребление вина» (СПб., 1904); Ч. II. «Финансовые результаты винной монополии. Организация винного хозяйства» (СПб., 1905); «Винная монополия и необходимая ее реформа» («Русская мысль», 1908, №4); «Винная монополия и потребление водки» («Русская мысль, 1908, №5).

66 *Гофманские капли* – «Анодин» – смесь высококонцентрированного этилового спирта с серным эфиром, названы по имени их изобретателя Гофмана Августа Вильгельма (1818–1891) – немецкого органика, одного из основоположников немецкой анилокрасочной промышленности, иностранного корреспондента Петербургской Академии наук (1857), исследователя анилина и его производных.

67 *Лифляндская губерния* – официальное назваиие Лифляндия – территория Северной Латвии и Южной Эстонии в XVII–XX вв.

68 *Курляндская губерния* – образована в 1795 г. после присоединения к России Курляндского герцогства, образованного при распаде Ливонского ордена в 1561 г.

69 *Нижегородская ярмарка* – ярмарка в Нижнем Новгороде, действовала ежегодно в июле–августе с 1817 г. (бывшая Макарьевская ярмарка). Первая по товарообороту в России. Ярмарка функционировала и в 1922–1930 гг. Вновь открыта в 1990 г.

К главе III

1 Отчеты управляющих акцизными сборами губерний – губернских Управлений, подчиненных Департаменту неокладных сборов Министерства финансов.

2 «Статистика производств, облагаемых акцизами, и гербовых знаков». Материал издавался статистическим отделением Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей с 1897 по 1917 гг.

К ЧАСТИ ВТОРОЙ

К главе I

1 *Выкуренный спирт* – выгнанный (произведенный) спирт.

2 *Винокуренные припасы* – запасы сырья для производства спирта.

3 *Наркотизация* – опьянение, усыпление посредством наркотических веществ, в том числе алкоголя.

4 *Железнодорожная горячка* – речь идет о бурном развитии железных дорог в России в конце 60-х и начале 70-х гг. XIX века.

Железнодорожное строительство в России началось в 30-е годы XIX века. В 1838 г. была построена первая в стране железная дорога, соединившая С.-Петербург и Царское село, не имевшая большого экономического значения. В 1851 г. была построена дорога Москва–Петербург. В середине века протяженность железных дорог составила 1,5 тыс. км (для сравнения: в Англии в 10 раз больше, а территория Англии была меньше территории Российской империи почти в 100 раз).

В 1857 г. было учреждено Главное акционерное общество для строительства железных дорог и намечены принципы железнодорожной политики. Важнейшей стратегической задачей становилось строительство тех дорог, которые должны были соединить хлебородные губернии с внутренними рынками, а затем с портами, чтобы расширить возможности сбыта сельскохозяйственной продукции за границей.

В течение второй половины XIX века Россия стала строить железные дороги более быстрыми темпами, чем многие западноевропейские страны. Особый подъем железнодорожного строительства наблюдался в 1865–1875 гг. В это время в стране ежегодно строилось до полутора тысяч км железных дорог, т. е. ровно столько, сколько их было построено к середине XIX века. Были введены в действие такие железнодорожные магистрали, как Москва–Курск, Москва–Воронеж, Москва–Нижний Новгород. Новые магистрали прокладывались в морские порты на Балтийском и Черном морях – в Одессу, Ригу, Либаву (Лиепаю). С конца 70-х годов началась постройка железных дорог промышленного значения. Магистрали прокладывались в промышленные районы: в Донбасс, Криворожье, на Урал. За 1861–1891 гг. протяженность железных дорог в России возросла с 1,5 тыс. км до 28 тысяч км. В период экономического подъема 90-х годов особый размах приобрело железнодорожное строительство на окраинах империи – в Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке. За 10 лет было построено более 21 тыс. км железнодорожных путей. К концу 90-х годов железнодорожное полотно России составляло в общей сложности 58 тыс. км. По протяженности железных дорог Россия вышла на второе место после США. Однако по густоте сети она по-прежнему значительно отставала от передовых стран мира: в России на 1 тыс. кв. км приходилось 1,5 км железных дорог, в Англии – 106 км.

Первоначально железные дороги строились в основном на частные средства с широким привлечением иностранного капитала. Постепенно сюда вкладывалось все больше государственных средств, тем самым частные капиталы соединялись с государственными. Государственные заказы на сооружение железных дорог нередко превращались в безвозмездные субсидии. Бурное развитие железных дорог находилось под защитой государства, что влекло за собой сильное государственное вмешательство в экономику в целом. В середине 80-х годов государство стало вообще выкупать дороги у частных компаний, а новые строить за счет казны.

Железные дороги, предъявляя огромный спрос на металл, уголь, лес, нефть и др., послужили мощным стимулом для развития различных отраслей промышленности. Так, в 90-е годы железные дороги потребляли до 36% добываемого в стране угля, 40% нефти, 40% металла. Для железных дорог требовались квалифицированные инженерно-технические и рабочие кадры: инженеры путей сообщения, машинисты, работники депо и путевого хозяйства. К концу XIX века более 70% общего объема грузов перевозилось по железным дорогам.

К главе III

1 *Контрольный снаряд Сименса* - прибор для определения крепости водноспиртовых растворов по их плотности. «Контрольный снаряд» назван именем его создателя К.Г.Сименса (Karl Georg Siemens, 1809–1885 гг.), известного немецкого технолога виноделия, внедрившего много усовершенствований в винокуренное производство. Первоначально, по примеру своего отца, Сименс изучал сельское хозяйство, затем стал винокуром и в 1837 г. основал в Брауншвейге первый крупный сахарный завод с использованием приспособлений для конденсации паров. В 1838 г. Сименс стал руководителем мастерских технологического института в Гогенгейме, а в 1839 г. - профессором этого же института. Им опубликовано много работ по совершенствованию технологии переработки сельскохозяйственных продуктов. Наиболее значимыми из них являются: «Die Destillierapparate nebst Beschreibung des Hohenheimer Dephlegmators» (1853), «Anleitung zum Branntweinbrenen» (1853–1870), «Mitteilungen uber die Neuerungen in der Brennerei, Braurei u Starkefabrikation» (1870) и «Die Zukerfabrikation» (в сотрудничестве с Гроте, 2 изд., там же, 1870).

2 *Хроникер* - сотрудник газеты (журнала) доставляющий материалы для хроники.

3 *БЛИОХ Иван Станиславович* (1836–1901) - русский экономист, статистик и финансист. Основатель русской железнодорожной статистики. Автор трудов по экономической истории России, работ по статистике, экономике промышленности и сельского хозяйства. Наиболее ценными из них являются сочинения: «Экономико-статистические работы 1875–1900 гг.» (1900); «Фабричная промышленность Царства Польского 1871–1880» (1881); «Финансы России XIX столетия» (1882); «Мелиорационный кредит и состояние

сельского хозяйства в России и иностранных государствах» (1890).

[4] *Petitio prinzippi* (лат.) – аргумент, основанный на выводе из положения, которое само требует доказательства.

[5] *Труизм (от англ. truism)* – общеизвестная, избитая истина.

К Главе IV

[1] *Eo ipso* (лат.) – этим самым.

[2] *БЕЗОБРАЗОВ Владимир Павлович* (1828–1889) – русский экономист, статистик и географ. По окончании Царскосельского лицея (1847) работал в департаменте разных податей и сборов Министерства государственного имущества и в Комиссии по устройству земских банков в Министерстве финансов. Адъюнкт Академии наук (по политэкономии и статистике) с 1864 г., экстраординарный академик с 1867 г., преподавал политическую экономию и финансовое право в Александровском лицее Санкт-Петербурга (1868–1878). Был одним из организаторов политико-экономического комитета Русского географического общества. В 1885 г. назначен сенатором.

В 60–80-х годах по поручению различных правительственных учреждений (Министерства финансов, комиссии по устройству земских банков и др.), в результате поездок по различным губерниям, собрал обширные сведения о состоянии русской промышленности и торговли, впоследствии вошедшие в его многочисленные работы. Безобразову В.П. принадлежат также исследования по вопросам кредита и финансов. В 1873–1880 гг. издавал журнал «Сборник государственных знаний». Будучи сторонником реформ он выступал с критикой крепостничества и реформы земского управления, в результате которой, по его мнению, земские учреждения не введены в общую систему государственного управления, а представляют собой частно-общественные организации, не обладающие ни властью, ни ответственностью, но имеющие право облагать население налогами и повинностями. Среди наиболее известных работ автора следует выделить: «Поземельный кредит и его современная организация в Европе» (М., 1860); «О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом» (М., 1863); «Очерки Нижегородской ярмарки» (М., 1865); «Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов» (СПб., 1869); «Хлебная торговля в северовосточной России» (СПб., 1870); «Государственные доходы России, их классификация, нынешнее состояние и движение» (СПб., 1872); «Государство и общество» (СПб., 1888); «Народное хозяйство России: Московская (центральная) промышленная область» (ч. 1-5, СПб., 1882–1889).

К главе V

* «...Потребление будет регулярным (или иерегулярным) исключительно в зависимости от того, является ли алкоголь для потребителя привычным

возбудителем, без которого потребитель чувствует себя ненормально, и отсутствие которого вызывает в организме известную сумму отрицательных (тягостных, неприятных) ощущений, для устранения которых требуется введение в организм привычной доли алкоголя».

1 *Идиосинкразия* (гр. idios – своеобразный + sinkrasis – смещение) – индивидуальная повышенная чувствительность (непереносимость, аллергия) к определенным веществам или воздействиям, например, к лекарствам (хинину, йоду и др.), наркотикам и алкоголю, пищевым веществам (землянике, устрицам), цветочной пыльце и т. п. Идиосинкразия проявляется раздражением слизистых оболочек, покраснением и отеком кожи, кожными сыпями, общим недомоганием и т. п.

2 *«Русские ведомости»* – одна из крупнейших российских газет. Издавалась с 3 сентября 1863 г. в г. Москве для воспитанников учебных заведений, учителей городских и сельских школ. С 1870 г. – оргаи либеральной интеллигенции. Издатели: Д.Н.Анучин, А.С.Посников, В.М.Соболевский, А.П.Лукин, В.Ю.Скалон, А.И.Чупров, М.Е.Богданов и П.И.Бларамберг. Редакторы: В.М.Соболевский и Д.Н.Анучин. В 80–90-х годах в газете принимали участие писатели демократического лагеря: В.Г.Короленко, М.Е.Салтыков-Щедрин, Г.И.Успенский и др., печатались произведения либеральных народников. С 1905 г. «Русские ведомости» стали органом правого крыла партии кадетов. В 1918 г. газета была закрыта.

3 *УСПЕНСКИЙ Глеб Иванович* – (1843–1902) – русский писатель и публицист, революционный демократ. Впервые выступил в печати в 1862 г. с рассказом «Идилия», в 1865 г. стал сотрудником журнала «Отечественые записки». В своих произведениях – «Нравы Растеряевой улицы» (1866), «Разорение» (1869–1871), «Из деревенского дневника» (1877–1880), «Крестьяиин и крестьянский труд» (1880), «Власть земли» (1882) и др. писатель с большим реалистическим мастерством изобразил жизнь городской бедноты, социальные противоречия пореформенной деревии. Творчество писателя проникиуто демократическими, народными идеями.

4 *Отхожепромышленник* – крестьянин, временно ушедший с постоянного места жительства на заработки в город или в другую местность.

5 *СТРУВЕ Петр Бернгардович* – (1870–1944) – русский экономист, философ, политический и общественный деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1895). В 1894–1897 гг. редактировал журнал «Новое слово», в 1899 г. – «Начало», в 1987–1901 гг. – журнал «Жизнь». В 1896 г. участвовал в работе Четвертого конгресса II Интернационала. После Первого съезда РСДРП (1898) был привлечен к составлеиию «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии», от которого впоследствии отмежевался, став противником революционного марксизма. В 1902 г. в Штудгарте (Германия) под редакцией Струве вышел первый номер журнала «Освобождение», который ставил своей целью объединить сторонников конституционных преобразований в России. В 1902–1907 гг. работал над проектом программы партии кадетов, которая предусматривала проведение комплекса реформ: судебной, земельной, в сфере образования и т. д. В 1905 г. вошел в состав ЦК партии кадетов, от которой был избран

депутатом 2-й Государственной Думы. Участвовал в сборнике статей «Вехи» (1909). В 1906–1917 гг. преподавал политэкономию в Петербургском политехническом институте. Февральскую революцию 1917 г. встретил с надеждой, был назначен главой экономического департамента МИД, покинув этот пост в мае 1917 г. после отставки правительства П.Н.Милюкова (1859-1943). В 1917 г. был избран действительным членом АН (исключен из ее состава в 1928 г.). К Октябрьской революции 1917 г. отнесся крайне враждебно, объяснив победу большевиков крайней незрелостью масс, культурной отсталостью России и тем, что общество не было в должной степени привлечено к активному и ответственному управлению государством. До 1920 г. находился на нелегальном положении, затем эмигрировал за границу. С осени 1928 г. жил в Белграде, был членом Русского научного института, занимался научной работой в области философии, политэкономии и лингвистики.

Первые экономические работы Струве были посвящены критике народничества, которое по его мнению, идеализировало «натуральное хозяйство и примитивную экономическую самостоятельность». В 1902 г. в сборнике статей «На разные темы» Струве выступил против нетерпимости марксизма, который «мнит себя обладающим безошибочным знанием единственно действительных, а потому правильных средств для достижения данной практической цели - общественной справедливости». Экономические взгляды Струве в наиболее полном виде изложены в его книге «Хозяйство и цена: Критические исследования по теории хозяйственной жизни» (1913), написанной на основе текста его диссертации. Начав с марксизма и материализма, Струве в своих взглядах - через радикализм и идеализм - пришел к православию и монархизму. Хотя его взгляды и подходы ко многим вопросам с течением времени изменялись, он всегда оставался верен четырем идеалам: либерализма, государственности, национализма и западничества. Он был уверен в том, что возрождение России возможно лишь в обстановке христианского уважения к личности, этического отказа от террора и произвольного злоупотребления властью.

Сочинения: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (вып. 1, СПб., 1894); «На разные темы: Сборник статей (1893-1901 гг.)» (СПб., 1902);» Экономия промышленности» (СПб., 1909); «Современный кризис в политической экономии: Его философские мотивы и проблемы» (М., 1911); «Хозяйство и цена: Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни» (кн. 1-2. СПб., 1913-1916); «Историческое введение в политическую экономию», (2-е изд. Пг., 1916); «Проблема капитала в системе политической экономии, построенной на понятии цены» (Пг., 1917); «Социальная и экономическая история России с древнейших времен в связи с развитием культуры и ростом государственности» (Париж, 1952).

6 *«Мир божий»* - ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для юношества и самообразования, выходил в Петербурге в 1892-1906 гг. под редакцией Виктора Острогорского. Фактическим руководителем издания был А.И.Богданович.

На страницах журнала велась полемика с народничеством с позиций «легального марксизма». В публицистическом отделе сотрудничали: М.И.Туган-Барановский, П.Б.Струве, Н.А.Бердяев, П.Н.Милюков, Е.В.Тарле, М.К.Лемке, Г.А.Джаншиев; в литературно-художественном отделе М.Горький, Д.М.Мамин-Сибиряк, А.И.Куприн, И.А.Бунин, В.В.Вересаев, Н.Г.Гарин-Михайловский.

К главе VI

1 *ДРИЛЬ Дмитрий Андреевич* (1846–1910) – известный русский ученый, криминалист. Окончил юридический и медицинский факультеты Московского университета и готовился к занятию кафедры уголовного права. Однако отрицательное отношение к нему министра народного просвещения графа Д.А.Толстого (1823–1889), заставило его временно заняться земской статистикой, а затем отправиться на учебу в заграничную командировку. Результатом последней явилось написание магистерской диссертации: «Малолетние преступники». Новизна и широкая самостоятельность взглядов Дриля на условия и причины детской и подростковой преступности вызвали скептическое отношение к этой диссертации юридического факультета Московского университета, отклонившего рассмотрение ее под предлогом медицинского содержания. За эту же диссертацию, после блестящего диспута, Дриль получил в 1881 году степень магистра в Харьковском университете. Ему не пришлось, однако, занять кафедру уголовного права в Московском университете, и лишь в конце своей жизни он получил возможность стать преподавателем уголовного права в Петербургском политехникуме, на частных высших коммерческих курсах и на юридическом факультете психоневрологического института, деканом которого он был избран незадолго до смерти.

Дриль со второй половины 80-х годов занимал должность податного инспектора в Москве, а с 1892 г. – в Петербурге. Затем он перешел в министерство юстиции на должность чиновника особых поручений V класса. Был неоднократно командирован на различные международные конгрессы по вопросам уголовной политики и общественного презрения, а также совершил поездку в Новую Каледонию, на Сахалин и в Сибирь с целью ознакомления на местах с организацией ссылки и каторжных тюрем. За это время им были написаны интересный отчет по вопросам о трудовой помощи и защите детства, рассмотренный на Парижском конгрессе 1900 г., статьи «Попытки оздоровления общества и спасения погибающих», «Меры к оздоровлению общества», «Бродяжничество и нищенство и меры борьбы с ними». В 1899 г. вышла в свет его книга «Ссылка, во Франции и России». Дальнейшая деятельность Дриля была направлена, прежде всего, на учреждения для малолетних преступников. Он указывал на необходимость придать суду над малолетними преступниками характер опекунского учреждения и заменить уголовное воздействие педагогическим. Под его влиянием состоялись ходатайства съездов, следствием которых явились законы

23 Зак 13

1892 и 1893 гг., установившие исключительно воспитательное значение исправительного заключения малолетних. Его работам в значительной мере обязан своим появлением закон 1897 г. «О судимости и наказуемости несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет» и закон 1909 г. «О воспитательных и исправительных заведениях для несовершеннолетних».
Последние годы своей жизни Дриль посвятил изучению практического положения дела перевоспитания порочных детей, борьбе с алкоголизмом, жилищной нуждой. Никогда не теряя веры в человека и в возможность его исправления, Дриль находил, что целесообразные меры борьбы с преступностью должны быть мерами «общественной гигиены», имеющей дело с вопросами воспитания, с особенностями окружающей среды и с условиями общественного устройства в его отрицательных сторонах.

К главе VII

1 В настоящее время, как и 100 лет тому назад, увеличение потребления алкоголя приходится на конец весны, начало лета, середину осени. Это особенно отчетливо проявляется в сельской местности, где данный период связан с привлечением необходимого числа работников для проведения сельскохозяйственных работ. Спиртные напитки, особенно в частном секторе, по-прежнему являются средством расчета за любую работу на селе. И причина здесь не столько в недостаточности наличных денежных средств, сколько в том же тяжелом, непривлекательном труде, отсутствии необходимых средств малой механизации, неразвитости сферы услуг на селе для проведения каких бы то ни было сельскохозяйственных работ. Поэтому совершенно очевидно, что никакими запретительными или ограничительными мерами проблему алкоголизма нельзя решить.
Для прекращения «спаивания деревни» представляется необходимым осуществление в первоочередном порядке следующих мер:
1) с целью улучшения условий труда в аграрном секторе необходимо наращивать и развивать производство сельскохозяйственной техники, в т. ч. средств малой механизации;
2) создавать и развивать на селе сферу услуг (можно по типу МТС) по обработке сельскохозяйственных участков, что в свою очередь, с одной стороны будет решать проблему занятости сельского населения и отвлечения его от употребления спиртных напитков, с другой стороны, любители спиртного получат меньшую возможность употреблять спиртное по любому поводу.

К главе VIII

1 *ГРАСС Людвиг Иеронимович* (1841–н/и) – русский юрист и экономист. После окончания Санкт-Петербургского университета поступил на службу в Министерство юстиции, затем состоял председателём Казанского окружно-

го суда, написал много статей по юридическим вопросам, из которых наибольший интерес представляет брошюра «Психопатическая конституция, как самостоятельный повод невменения». Являясь убежденным сторонником страхования сельскохозяйственных посевов от неурожая, он написал капитальный труд: «Страхование сельскохозяйственных посевов от неурожая» (СПб., 1891), снабженный обильными статистическими данными.

2 *ТЕРНЕР Федор Густавович* (1833–1906) – русский экономист и государственный деятель. После окончания Санкт-Петербургского университета поступил на службу в департамент окладных сборов, был его директором, а затем товарищем (заместителем) министра финансов. Основные его труды: «О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния» (СПб., 1860); «Государство и землевладение» (СПб., 1896–1898; 2-е издание 1901). Отдельные части этого сочинения печатались предварительно в «Вестнике Европы», здесь же печатались и его очерки, составляющие продолжение его статьи «Крестьянское законодательство и его движение за последние 10 лет (См. «Вестник Европы», 1900. №1).

3 *РИТТИХ Александр Федорович* (1831–н/и) – русский картограф и писатель, генерал-лейтенант. Образование получил в Николаевской инженерной Академии и в Академии Генерального штаба. В 1862–1864 гг. наблюдал в Минской губернии за постройкой и ремонтом православных церквей, одновременно с этим открыл около 30 народных школ. Им был составлен атлас народонаселения Западно-русского края по исповеданиям, со статистическими таблицами и перечнем всех православных церквей этого края. Во время русско-турецкой войны заведовал перевязкою раненых и больных, позже командовал пехотной бригадой, затем дивизией. В 1894 г. вышел в отставку. Главные его труды, кроме указанного выше: «Этнографическая карта славянских народностей (СПб., 1874), «Этнографическая карта Европейской России» (СПб., 1875), «Этнографическая карта Кавказа» (СПб., 1875), «Славянский мир» (текст и 42 карты, Варшава, 1885), «Материалы для этнографии Царства Польского: Люблинская и Августовская губернии» (СПб., 1864), «Материалы для этнографии России: Казанская губерния» (Казань, 1870), «Материалы для этнографии России: Прибалтийский край» (СПб., 1875), «Австро-Венгрия, общая статистика» (СПб., 1874), «Apercu general des travaux ethunegraphiques en Russie pendant les treute demieres annes» (Харьков, 1878), «Числовое отношение полов в России» (Харьков, 1879), «Этнографический очерк Харьковской губернии (Харьков, 1879), «Переселения» (Харьков, 1882), «Еврейский вопрос в Харькове» (Харьков, 1882), «Ce que vaut la Russie pour la France» (Париж; 1887), «Русский военный быт» (СПб., 1893), «Русская торговля и мореходство на Балтийском море» (СПб., 1896), «Славяне на Варяжском море» (СПб., 1897), «Чехия и чехи» (СПб., 1897), «Современные дворянские вопросы» (СПб., 1897), «Четыре лекции по русской этнографии» (СПб., 1895). Риттих печатался в журналах «Новое Время», «Голос», «Свет», «Новости», «Русь» и др.

4 *КОЛЬБ (Kolb) Георг Фридрих* (1800–1884) – немецкий статистик, публицист и государственный деятель. В 1848 г. занимал должность бургомистра г. Шпейера, состоял членом германского парламента. В 1849 г. сложил с

себя полномочия бургомистра и начал издание «Neue Speierer Zeitung», которая в 1858 г. была запрещена. До 1860 г. Кольб жил в Швейцарии, позже принимал участие в издании «Frankfurter Zeitung». С 1863 г. член баварской палаты депутатов, где проводил демократические идеи и оказывал сопротивление объединительным стремлениям Германии. В 1872 г. он оставил политическое поприще.

Его основными произведениями являются: «Руководство по сравнительной статистике положения народа и изучения государства» (Лейпциг, 1875), «Handbuch der vergleichenden Statistik» (Leipzig, 1879), «Geschichte der Menschheit und der Kultur» (Leipzig, 1872–1873).

5 *ЯНСОН Юлий Эдуардович* (1835–1893) – русский экономист и статистик, профессор Петербургского университета. Состоял членом статистического совета министерства внутренних дел, товарищем (заместителем) председателя Петербургского губернского статистического комитета, членом Географического и Вольного экономического общества, членом-корреспондентом Российской Академии Наук (с 1892). Участвовал в работе комиссии по исследованию хлебной торговли и кустарной промышленности, был организатором переписи столичного населения и санитарной статистики. Автор работ: «О значении теории ренты Рикардо (1864), «Сравнительная статистика России и западноевропейских государств» (1878–1880), «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» (1877) и других.

6 *«Русский труд»* – еженедельная, политическая, экономическая и литературная газета. Издавалась в 1897–1899 гг. в Санкт-Петербурге. Редактор: С.Ф.Шарапов.

7 *ЛЕГРАН-ДЮ-СОЛЬ Анри (Henri Legrand du Saulle)* (1830–1886) – выдающийся французский психиатр, один из основателей Общества судебной медицины в Париже (1868). В течение многих лет состоял экспертом при гражданском трибунале в Париже, кроме того, выступал в качестве такового во множестве уголовных процессов и читал блестящие лекции по душевным болезням. Его перу принадлежит длинный ряд клинических и судебно-психиатрических статей, напечатанных в журнале «Annales medico-psychologiques» и несколько монографий, из которых особенной известностью пользуются «La folie devant les tribunaux» (1864), «Le delire des persecutions» (1871), очерки наследственного помешательства, описание отдельной формы последнего (так называемого folio du doute), этюды об эпилептическом, истерическом помещательстве и др.

К главе IX

1 *Департамент Таможенных Сборов* – одна из самостоятельных составных частей Министерства финансов России. Департамент Таможенных Сборов заведовал делами таможенного управления.

2 *РАДЦИГ Антон Антонович* (1843 - н/и) – русский статистик и публицист. С 1891 г. состоял коммерческим агентом казенных железных дорог. Напи-

сал много статей по различным экономическим вопросам, которые поместил в русских (преимущественно специальных экономических и технических) и зарубежных («Economist» и др.) периодических изданиях, а также произвел ряд статистических исследований, изданных отдельно. Наиболее значимым из них является: «Железнодорожная промышленность всего света» (СПб., 1897).

3 *«Экономический журнал»* – ежемесячный экономический журнал. Издавался в Санкт-Петербурге в 1807 году В.Г.Кукольником. Вышло всего 3 номера. Ранее журнал выходил под названием «Круг хозяйственных сведений».

4 *«Журнал Общества Охранения Народного Здравия»* - точное название «Журнал русского общества охранения народного здравия» - издавался в Санкт-Петербурге с 1891 года под редакцией А.А.Липского.

К главе X

1 Во многих работах как зарубежных, так и отечественных исследователей встречается утверждение об особой приверженности к пьянству некоторых народов, среди которых упоминаются и народы, населяющие Россию. Авторы при этом ссылаются на киевского князя Владимира Святославовича, введшего на Руси христианство, который якобы провозгласил: «Руси есть веселие пити, не может без того быти». Княжеские слова используются в подтверждение того, что пьянство на Руси существует испокон веков, что оно пустило глубокие корни. В.К.Дмитриев убедительно опровергает эту точку зрения, как и русский этнограф и писатель Н.И.Костомаров, который писал: «Простой народ пил на Руси крайне редко: ему разрешали сварить пива, браги и меда и погулять только в праздники». «Так было, — пишет он, – на протяжении многих веков, вплоть до того времени, когда Иван Грозный в середине XVI в. реализовал идею, возникшую у него во время похода на Казань: повелел построить в России кабак. Борис Годунов повсеместно начал открывать кабаки – сделал из водки важную статью дохода. И только после того, как вино стали продавать от казны, когда к слову «кабак» приложили эпитет «царев», увеличилось и количество пьяниц».

В действительности же, как одни, так и другие аргументы в защиту мнения о пьянстве как национальной черте и причин увеличения его в связи с введением государственной монополии на алкоголь являются довольно шаткими. Во-первых, несмотря на то, что из века в век потребление алкоголя в России, как и во всех западноевропейских странах, увеличивалось, все же его приходилось на душу населения гораздо меньше, чем в Западной Европе. Россия в конце XIX в. по душевому потреблению алкоголя занимала в Европе девятое, а в конце XX в. одиннадцатое место, по-прежнему уступая по этому важному показателю Франции, Италии, Германии, Швеции и т. д. Поэтому версия о национальном предрасположении к пьянству здесь явно не подходит. Нет пьяных наций, впрочем как нет и трезвых наций. Есть в каждой – большая трезвая часть и меньшая – пьяницы и алкоголики. Это весьма убедительно на конкретных статистических данных

доказывает в своем исследовании В.К.Дмитриев. Во-вторых, нельзя согласиться с теми, кто видит причину увеличения потребления алкоголя с установлением государственной монополии на него. На протяжении последнего столетия дважды предпринимались попытки установить «сухой закон»: в 1914 г. «на время мобилизации, а затем и на все время военных действий», запретили продажу водки и пива; в 1985 г. был взят курс на резкое сокращение производства и реализацию виноводочной продукции. Однако потребление алкоголя в стране не уменьшилось, а наоборот, в связи с попыткой введения «сухого закона», как в начале века, так и в конце, началась повальная эпидемия суррогатного пьянства. В городе в ход пошли денатурат, одеколон, лак и политура, в деревне опьяняли себя самогоном и брагой, повсеместно выросло потребление вин собственного приготовления. Резко увеличилось число алкогольных отравлений, причем зачастую с летальным исходом, а также всякого рода злоупотреблений и преступлений. Неграмотная антиалкогольная политика во второй половине 80-х гг. XX в. привела к развалу отрасли, производящей виноводочную продукцию, а также виноградарства, способствовала превращению легального пьянства в не менее разнузданное подпольное.

Большой нравственный и экономический ущерб обществу и государству нанесла ликвидация в начале 90-х годов государственной монополии на алкоголь. Как известно, именно с этого времени большим потоком в Россию потекли импортные алкогольные напитки всех видов, причем зачастую низкого качества, широкое развитие получило подпольное и кустарное изготовление виноводочной продукции. Алкогольный рынок стал работать круглые сутки, поскольку государство полностью устранилось от регулирования потребления алкоголя. В итоге мы получили новый всплеск потребления алкоголя и его суррогатов. Под угрозой оказались жизнь и здоровье нации. Государство, в свою очередь, лишилось важного источника наполнения государственного бюджета, ежегодно теряя от утраты монополии 20–25 млрд. рублей.

Поэтому, бесспорно, прав В.К.Дмитриев в том, что «причины увеличения потребления алкоголя следует искать не в специальных влияниях, связанных с казенной монополией, а в общих условиях народнохозяйственной жизни». Приходится отмечать, что несмотря на все усилия государства, научных и общественных организаций, проблема алкоголизации все еще остается одной из актуальнейших проблем человечества, которая несет угрозу его здоровью, благополучию и безопасности существования. И это при всем том, что общедоступные знания о последствиях алкоголизма значительно возросли на базе научных исследований и разработок. Следовательно, сохраняются определенные социально-экономические и морально-психологические условия жизни, способствующие пристрастию к алкоголю (а теперь – и к наркомании). Знание этих условий, выработка мер, направленных на их нейтрализацию, будет способствовать устранению главного, по мнению ученых, фактора риска жизни – алкоголизма.

Положительную роль в решении данной проблемы могли бы сыграть следующие решения:

– развитие активной пропаганды, просветительской работы в пользу здорового образа жизни, а не в пользу алкогольного бизнеса;
– организация не борьбы, а трезвых, реальных и бескомпромисных действий, направленных не столько против алкогольных напитков, сколько на создание социально-экономических условий, обеспечивающих здоровый образ жизни;
– введение щадящей психику потребителя системы объективного алкогольного мониторинга;
– разработка новых методологических подходов в проведении исследований в области противодействия влиянию алкоголя на организм человека, его психику, морально-этические основы духовности.

Переизданная после многих лет забвения книга В.К.Дмитриева поможет лучше определиться в своей общественной позиции каждому, кого заботит жизнь народа, общества и государства, поможет и в выработке конкретных мер, которые уменьшат наши потери во всех сферах жизни от алкоголизма. Ибо выводы В.К.Дмитриева по этой проблеме актуальны и сегодня.

2 *Ad hoc* (лат.) – буквально «к этому», для данного случая», для данной цели.

3 *Pro mille* (лат.) – на тысячу, тысячная доля какого-либо числа, обозначается знаком ‰.

К Приложению

1 Единую систему мер и весов для всей России начал создавать Петр I. В 1845 г. это процесс, в основном был завершен.

2 Меры объемов менялись во времени и по регионам. Например, вместе с *казенной* (основной при расчетах) употреблялись также *новгородская* и *устюжская* четверти.

3 *Анкерок* (от голланд. *анкер* – бочонок) – сплюснутый бочонок.

4 *Штоф* – Стекляннный или керамический сосуд, в профиле четырехугольный, с коротким горлом.

5 *Чарка* – стопка, рюмка. Доза разового потребления алкоголя в процессе пития («Выпил чарку, выпил две...»).

6 В торговой хлебной мере для сыпучих продуктов (зерна, муки) употреблялись как весовые, так и объемные меры. Так, например, в нижегородской четверти содержалось 24 пуда ржн, тогда как в казенной четверти (в зависимости от качества зерна) всего 9 пудов с фунтами ржи.

Источники: 1) *Белоусов Р.* Экономическая история России: XX век. Кн. 1. – М., 1999; 2) Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. I–IV. (2-е изд. – 1880–1882, ..., 1998).

БИБЛИОГРАФИЯ трудов В.К.Дмитриева и о В.К.Дмитриеве

Библиография научных трудов В.К.Дмитриева

[1] Экономические очерки. Выпуск первый. Теория ценности Д.Рикардо. (Опыт точного анализа). – М.: Университетская тип., 1898.

[2] Рецензия на книгу А.А.Мануйлова «Понятие ценности по учению экономистов классической школы» (М., 1901) // «Русское экономическое обозрение», 1901, №7. С. 141–157.

[3] Экономические очерки. Выпуски второй и третий. Очерк второй. Теория конкуренции Ог. Курно. Очерк третий. Теория предельной полезности. – М.: типо-лит. В.Рихтер, 1902.

[4] Экономические очерки (Серия 1-я: Опыт органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности). – М.: типо-лит. В.Рихтер, 1904.

[5] Рецензия на книгу А.С.Шора «Основные проблемы теории политической экономии» (СПб., 1907) // «Критическое обозрение», 1907. Вып. V. С. 55-57.

[6] Рецензия на книгу К.Родбертуса «Теория ренты и исследование о капитале» (М., 1908) // «Критическое обозрение», 1908. Вып. I. С. 52–54.

[7] Теория ценности. (Обзор литературы на русском языке) // «Критическое обозрение», 1908. Вып. II. С. 12–26.

[8] Рецензия на русское издание книги Д.Рикардо «Собрание сочинений. Т. I» (СПб., 1908) // «Критическое обозрение», 1908. Вып. IV. С. 54–57.

[9] Рецензия на книгу П.Соврук «Теория ренты Карла Маркса» (СПб., 1908) // «Критическое обозрение», 1908. Вып. IV. С 57–59.

[10] Рецензия на книгу М.Кулишер «Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. II. Девятнадцатый век» (СПб., 1908) // «Критическое обозрение», 1908. Вып. VI. С 45–48.

[11] Рецензия на книгу М.И.Фридмана «Современные косвенные налоги на предметы потребления. Т. I» (СПб., 1908) // «Критическое обозрение», 1908. Вып. VII. С. 57–60.
[12] Алкоголизм как массовое явление в России (Обзор литературно-статистических материалов) // «Критическое обозрение», 1908. Вып. VIII. С. 12–20.
[13] Рецензия на книгу Л.В.Будина «Теоретическая система Карла Маркса в свете новейшей критики» (СПб., 1908) // «Критическое обозрение», 1909. Вып. I. С. 61–64.
[14] Теоретическая статистика (Обзор научной и научно-популярной литературы на русском языке) // «Критическое обозрение», 1909. Вып. VI. С. 14–29.
[15] Рецензия на книгу С.А.Первушина «Влияние урожаев в связи с другими экономическими факторами на потребление спиртных напитков в России» (М., 1909) // «Критическое обозрение», 1909. Вып. VII. С. 52–57.
[16] Новый русский трактат по теории политической экономии (*Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. - СПб., 1909) // «Русская мысль», 1909, № 11. С. 102–125.
[17] Критические исследования о потреблении алкоголя в России. - М.: изд. Рябушинского, 1911.
[18] Новый опыт «решения» проблемы распределения (*Солнцев С.И.* Заработная плата как проблема распределения. - СПб., 1911) // «Русская мысль», 1912, № 3. С. 9–14.
[19] Essais Economiques - Esquisse de synthese organique de la theorie de la valeur - travail et de la theorie de l'utilite marginale. - Paris, 1968.
[20] Economic Essays on Value, Competition, and Utility. Ed. with an introduction by D.M.Nuti. - Cambridge, 1974.

Литература о трудах В.К.Дмитриева

[a1] *Белкин В.Д.* Национальный доход и межотраслевой баланс // Применение математики и электронной техники в планировании / Под ред. Аганбегяна А.Г. и Белкина В.Д. - М., 1961. С. 30.
[a2] *Блюмин И.Г.* Субъективная школа в политической экономии. Т. 2. - М., 1928. С. 113, 115, 118.
[a3] Всемирная история экономической мысли. - М., 1989. Т. 3. С. 183.
[a4] Дмитриев В.К. // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. - М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 443–444.

[a5] История русской экономической мысли / Под ред. А.И.Пашкова – М., 1966. Т. III. Ч. I. С. 164.
[a6] *Кожекин Ю.П., Сорвина Г.Н.* Опередивший время. К 125-летию со дня рождения и 80-летию со дня смерти русского экономиста В.К.Дмитриева // «Вестник Российской Академии наук», 1993, том 63, № 3. С. 230–239.
[a7] *Немчинов В.С.* Использование математических методов в экономической работе // Применение математики в экономических исследованиях / Под ред. Немчинова В.М. – М., 1959. С. 18.
[a8] *Немчинов В.С.* Основные контуры модели планового ценообразования // «Вопросы экономики», 1963, № 12. С. 109–110.
[a9] *Немчинов В.С.* Стоимость и цена при социализме // «Вопросы экономики», 1960, № 12.
[a10] *Сорвина Г.Н.* Владимир Карпович Дмитриев // *Сорвина Г.Н.* Российская школа политической экономии. (Серия «Экономика и история»). – М.: «Русская панорама», 2001 (гот. к изданию).
[a11] *Сорвина Г.Н.* В.К.Дмитриев, или опередивший время // *Сорвина Г.Н.* История экономической мысли XX столетия: страницы истории. – М.: «РОССПЭН», 2000.
[a12] *Струве П.* В.К.Дмитриев // «Русская мысль», 1913, № 10. С. 165.
[a13] *Струве П.Б.* Основная антиномия трудовой теории ценности // «Жизнь», 1900. Кн. 2. С. 297–306.
[a14] *Ч[упров] А.А.* Дмитриев В.К. Экономические очерки // «Известия Санкт-Петербургского Политехнического института». Т. 1. Вып. 3–4. – СПб., 1905. С. 284–287.
[a15] *Шапошников Н.Н.* Первый русский экономист-математик Владимир Карпович Дмитриев. – М., 1914.
[a16] *Шапошников Н.Н.* Свободная конкуренция и цена товаров // «Русское экономическое обозрение», 1905, № 2. С. 76–90.
[a17] *Юровский Л.Н.* Очерки по теории цены. – Саратов: Союз потребительских обществ, 1919.

[b1] *Bortkiewicz von L.* Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen Sistem // Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1907.
[b2] Dmitriev V.K. // The New Palgrave: a dictionary of Economics. – London, 1987. Vol. I. P. 907.
[b3] Dmitriev V.K. // Who's Who in Economics. A Biographical Dictionary of Major Economists. 1700–1986. 2-nd ed. – Brighton, 1986. P. 936.
[b4] *Larsen R.* Dmitriev's Smithian model // «Scottish Journal of Political Economy», 1977. № 24 (3).
[b5] *Leontiev V.V.* The Structure of the American Economy 1919–1939. – New York: Oxford University Press. 1951. P. 3.

[b6] *Nove A., Zauberman A.* Resurrected Russian Economist of 1900 // «Soviet Studies», 1961. Vol. XIII. № I. P. 101. Footnote.
[b7] *Nuti D.* Introduction // *Dmitriev V.K.* Economic Essays on Value, Competition, and Utility. – Cambridge, 1974.
[b8] *Sraffa P.* Production of Commodities by Means of Commdities. – Cambridge, 1960.
[b9] *Treml U.G.* Input – Output Analysis and Soviet Planning // Mathematics and Computers in Soviet Economic Planning. – New Haven, London, 1967.
[b10] *Zauberman A.* New Remarks on Discovery in Soviet Economics // «Bulletin of the Oxford Institute of Economics and Statistics», 1962, 24 Nov. P. 437–445.

Именной указатель

Возвращенное наследие

Начиная с 2001 года, издательство «Русская панорама» осуществляет долговременную программу по изданию литературных памятников, принадлежащих перу выдающихся мыслителей прошлого – историков, философов, экономистов, военачальников и т. д., работы которых, актуальные и в настоящее время, либо остались в рукописях (не были опубликованы), либо издавались при жизни авторов, но были преданы забвению в советский и, по инерции, в постсоветский период. С этой целью мы открываем проект – «Возвращенное наследие».

Текст каждого литературного памятника будет воспроизводится в соответствии с современной орфографией. Каждое издание будет снабжено научным аппаратом: предисловием (введением), биографической статьей об авторе, комментариями, примечаниями, именным указателем, библиографической справкой – т. е. максимально облегчено для восприятия современным читателем. Для этой работы будут привлекаться специалисты ведущих вузов и научно-исследовательских учреждений (МГУ, МГИМО, ГИМ, ИРИ РАН и др.).

Подготовленные к изданию публикации, будут группироваться по сериям: «Памятники литературы», «Памятники исторической мысли», «Памятники экономической мысли» и т. д.

Из публикаций в серии «Возвращенное наследие: Памятники экономической мысли» в ближайшее время ожидается выход сборника избранных работ известного экономиста, политического и общественного деятеля кн. А.Г.Щербатова, в который вошли его программные произведения – «Обновленная Россия» (1908), «Государственно-народное хозяйство России в ближайшем будущем» (1910), «Государственная оборона» (1912) и избранные статьи, памфлеты и обращения разных лет.

Редакционная коллегия проекта «Возвращенное наследие»

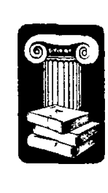
«РУССКАЯ ПАНОРАМА»

ДМИТРИЕВ Владимир Карпович

«Критические исследования о потреблении алкоголя в России»

Научное излание

Возвращенное наследие: памятники экономической мысли



ISBN 5-93165-042-3
9785931650425

Редакционная коллегия проекта «Возвращенное наследие»:
А.М.Воротников, И.А.Настенко, Ю.В.Яшнев

Художественное оформление: И.А.Настенко.
Набор: Л.Н.Полетаева, Г.В.Шестакова.
Редактирование и корректура: И.А.Рудакова.
Техническое редактирование: О.Е.Пугачева.

Изд. лаборатория **SPSL** – ОО **«Русская панорама»**. Лицензия ЛР №030734 от 29.04.1997. 143140, Московская облаять, Одинцовский районн, п/о сан. им. А.И.Герцена, а/я 01. Тел./факс: (095) 592 9740. Кор./п.: 917 2206.

Подписано в печать 29.12.2000.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Гарнитура SPSL-Dutch. Печать офсетная. Печ./л. 23. Переплет №7. Тираж 1200 экз. Заказ № 13

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Облиздат».
248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5.